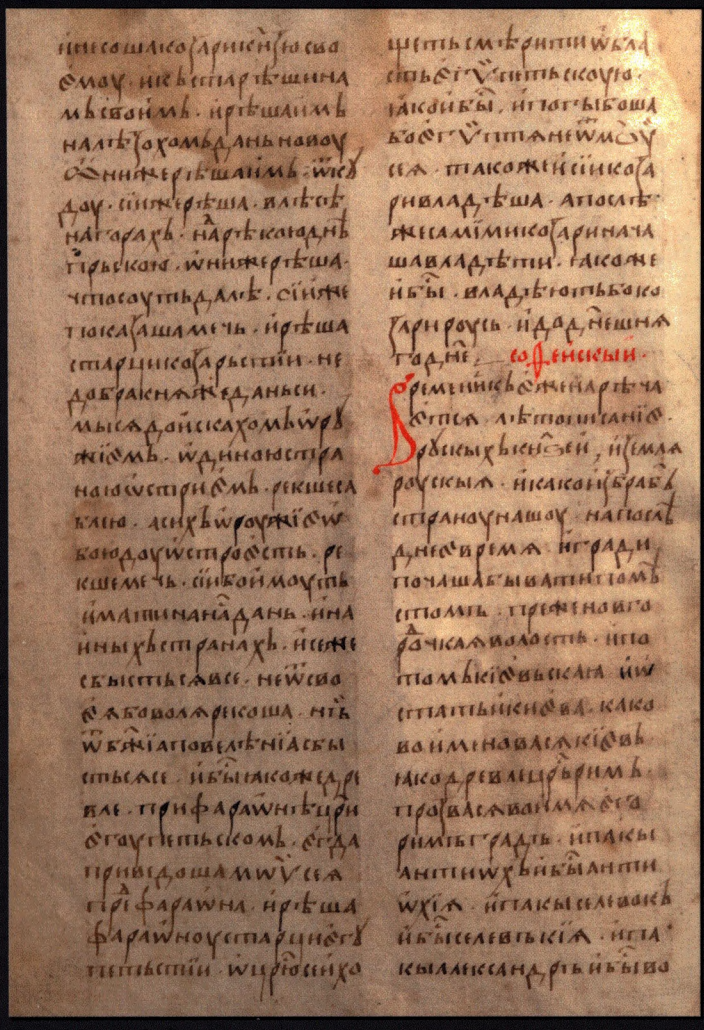

С. Н. Азбелев

ЛЕТОПИСАНИЕ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

Летописи XI–XVII веков как памятники культуры и как исторические источники

РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

С. Н. Азбелев

ЛЕТОПИСАНИЕ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

Летописи XI–XVII веков как памятники культуры и как исторические источники

Санкт-Петербург
• БЛИЦ •
2016

Москва
РУССКАЯ ПАНОРАМА
2016

ББК 63.3(2Рос)4
А35

Книга подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда согласно проекту № 03-01-00117а

Азбелев С.Н.

А35 ЛЕТОПИСАНИЕ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА: Летописи XI–XVII веков как памятники культуры и как исторические источники. – М.: НП ИД «Русская панорама»; СПб.: РБИЦ «Блиц», 2016. – 280 с. – ил.

ISBN 978-5-93165-367-9

Семивековое летописание Великого Новгорода впервые рассматривается как целое, начиная от первых фактов русской истории, отображенных в дошедших текстах ранних летописей, и кончая наиболее обширными компиляциями XVII столетия, вобравшими материалы предшествовавшей историографии. В работе охвачены все известные к настоящему времени летописные тексты, включая неизданные и недавно обнаруженные. Помимо трудов историков и литературоведов привлечены результаты исследований искусствоведов и археологов, позволившие прояснить существенные моменты новгородского летописания. Оно характеризуется как важнейшая составная часть летописания общерусского. Исследованы соотношения новгородских и московских летописей. В книге использованы принципы и приемы изучения, разработанные крупнейшим исследователем летописей академиком А. А. Шахматовым. Его классические работы и их дальнейшее развитие в трудах его последователей внесли наиболее существенный вклад в историю летописания не только Новгорода. Монография обобщает и существенно дополняет результаты трехвековых трудов многих десятков специалистов. В ней представлена цельная картина истории изучения новгородских летописей. Впервые охарактеризованы конкретно их особенности как исторического источника.

Книга адресована не только литературоведам и историкам, но и весьма широкому кругу читателей, специализирующихся в различных областях культуры допетровской России.

ББК 63.3(2Рос)4

На переплете: Фроловский список Младшей редакции Новгородской четвертой летописи. 1470-е гг. РНБ, ОСРК. F.IV.235. Л. 6об.

ISBN 978-5-93165-367-9 («РП»)
ISBN 978-5-86789-453-5 («Блиц»)

© Азбелев С.Н., 2016
© Оформление. ООО «SPSL», 2016
© Русско-Балтийский Информационный Центр «БЛИЦ», 2016
© НП ИД «Русская панорама», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение ... 4
Глава 1. Изучение новгородских летописей ... 6
Глава 2. Летописный памятник XI–XVII веков ... 14
Глава 3. Памятники летописания XIII–XV веков ... 43
Глава 4. Памятники летописания XVI века ... 59
Глава 5. Памятники летописания XVII века ... 87
Глава 6. Приемы работы составителей новгородских летописей ... 132
Глава 7. Летописи Новгорода как исторический источник ... 166
Заключение ... 188
Приложение. Повесть о Куликовской битве в Новгородском летописании ... 197
Примечания ... 224
Список условных сокращений ... 266
Указатель имен (составил И.А.Настенко) ... 268
Список использованных летописей ... 277
Список иллюстраций ... 279

ВВЕДЕНИЕ

В Великом Новгороде летописная работа продолжалась свыше семи веков: затухание ее произошло только в XVIII столетии, а в некоторые списки новгородских летописей известия заносились еще и в XIX в. Древнейшие памятники новгородского летописания в своем первоначальном виде не сохранились. Но, благодаря выдающимся трудам академика А. А. Шахматова и исследованиям продолжателей его дела, удается восстановить в главных чертах – на основе текстов, сохраненных реально дошедшими рукописями XIII–XIX столетий, – всю историю летописания Новгорода. Разумеется, начальные ее звенья в большей или меньшей степени гипотетичны. Но, впрочем, А. А. Шахматову удалось еще более ста лет назад обоснованно реконструировать текст Новгородского летописного свода середины XI века. Зарождение же русского летописания по предположениям некоторых недавних исследователей относилось даже к десятому столетию или еще более раннему времени. Но подобные гипотезы, основанные на спорных исходных данных, достаточной поддержки в науке не получили. Остались, однако, непоколебленными основные достижения А. А. Шахматова, опиравшегося на весь введенный тогда в науку фонд рукописных материалов, который позднее не получил сенсационных приращений в отношении того, что относится к новгородскому летописанию XI–XV веков.

Но немало новых важных летописных текстов было введено в науку на протяжении второй половины двадцатого столетия. В основном это прежде не исследовавшиеся летописные своды XVI и XVII веков, представленные многими десятками неизвестных ранее рукописей. Они заметно повлияли на общие представления и о размахе новгородского летописания, и о самой работе новгородских летописцев. Обнаружилось, что наиболее объемные и особенно богатые разнообразием источников летописные своды составлялись в Великом Новгороде в последней четверти XVII столетия и что они активно бытовали в многочисленных рукописях по меньшей мере до середины следующего века.

Источниковедческая работа специалистов по исследованию вводимых в науку новгородских летописных материалов дает немало нового для

Алексей Александрович Шахматов
5(17).VI.1864–16.VIII.1920

прояснения важных фактов не только истории самого Новгорода и Новгородской земли. Активизировавшийся интерес к новгородским летописям вообще приводит порой к неожиданным открытиям их значимости в прояснении общеисторических проблем. Достаточно сказать, что внимательное прочтение много раз уже привлекавшихся историками в прошлом новгородских летописных известий XIV в. позволило только теперь устранить вековые заблуждения ученых в трактовке такого важнейшего события русской и мировой истории, как победа 1380 года на Куликовом поле.

Тот досадный факт, что наиболее крупные по объему и богатые содержанием новгородские летописи XVII столетия пока остаются неопубликованными, будучи доступны только в рукописных отделах центральных библиотек и главных архивах Москвы и Петербурга, весьма существенно тормозит достаточно широкое использование этого материала в исторических исследованиях.

Глава 1.

ИЗУЧЕНИЕ НОВГОРОДСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

О летописях Великого Новгорода писали специально более полусотни авторов. В принципе, каждому из них можно уделить внимание, соответствующее значимости его вклада, но предпочтение отдается трудам, результаты которых в наибольшей степени сохраняют значение на сегодняшний день. Аналитическое их рассмотрение – с преимущественным вниманием к результатам исследований А. А. Шахматова, А. Н. Насонова и другим важнейшим работам – составляет композиционный стержень предлагаемой читателю книги. Это побудило свести до минимума открывающую ее собственно историографическую главу, обозначив в ней три раздела с неодинаковой степенью детализации. В первом обозреваются работы дошахматовского периода изучения русских летописей; во втором – труды А. А. Шахматова, его современников и ученых, непосредственно продолживших работу над летописями в русле его методики (или оппонируя ей); третий раздел посвящен исследованиям послевоенного времени, охватившим более широкий, чем прежде, круг летописных материалов (выявленных главным образом А. Н. Насоновым), развивавших далее методику анализа летописей, углубляя конкретные результаты, достигнутые предшественниками, и вводя не изучавшиеся прежде памятники.

1

Ранний период изучения новгородских летописей представлен трудами ученых XVIII столетия и почти всего XIX века. Вначале это были работы, сегодняшнее значение которых не столько в исследовательских результатах, сколько в стремлении опереться на возможно более полный охват доступного летописного материала. Привлекались рукописи, ранее не изучавшиеся и содержавшие, как обнаружилось, важнейшие памятники новгородского летописания. Н. М. Карамзин, работая над «Историей

государства Российского», использовал Новгородскую первую, вторую, четвертую и пятую летописи по рукописным текстам, которые он сличал с имевшимися уже к тому времени несовершенными еще изданиями некоторых списков. Ранее М. М. Щербатов в работе над «Историей Российской от древнейших времен» уже опирался на один из списков Новгородской четвертой летописи. Их предшественник В. Н. Татищев привлек целый ряд рукописей летописных текстов, часть которых не сохранилась, некоторые пока не идентифицированы, но среди использованных им были, несомненно, Новгородская первая по Академическому списку и еще одна из новгородских летописей XV в. После Карамзина использование новгородских летописей продолжало расширяться. К. Ф. Калайдович ввел в научный оборот список Новгородской третьей летописи, а Новгородская первая по Академическому списку интенсивно использовалась не только им, но и его современниками В. М. Перевощиковым и Н. Н. Муравьевым.

О специальном исследовании новгородских летописей с достаточным основанием можно говорить начиная с середины XIX в. Работа Д. И. Прозоровского была посвящена сравнительному изучению Синодального и Академического списков Новгородской первой летописи, причем автор впервые обратил внимание на роль священника Германа Вояты и пономаря Тимофея в ее создании[1]. И. И. Срезневский в сравнительно небольшой, но важной статье «Исследования о летописях новгородских» сопоставлял их между собой и с Повестью временных лет, отмечая своеобразие стиля и языка новгородского летописания[2]. Преимущественно новгородские памятники послужили материалом напечатанного годом раньше исследования П. А. Лавровского о языке русских летописей, где основное внимание было уделено Синодальному списку Новгородской первой летописи[3]. Во второй книге, посвященной анализу Новгородской Иоакимовской летописи, Лавровский отверг представление о ней, как о фальсификате[4].

«История России с древнейших времен» С. М. Соловьева не только использовала, но и характеризовала новгородские летописи, причем пристальное внимание обращено было на составление их путем соединения нескольких летописных текстов и на несомненное участие в их создании современников описываемых событий. Атрибуция летописных текстов Новгорода вполне определенным, упоминаемым в этих текстах лицам (не всегда достаточно обоснованная, но свидетельствующая о растущем внимании к выяснению методики составления новгородских летописей) содержалась в появившемся тогда, а позже дополнявшемся труде епископа Филарета «Обзор русской духовной литературы». Сопоставительное изучение списков Н1Л в это же время осуществил М. П. Погодин, ана-

лизировавший издание в начатом именно ею Полном собрании русских летописей[5].

В 60-х–80-х годах XIX в. стали появляться все более специальные труды о новгородском летописании. Это главным образом книги Н. Н. Яниша и И. П. Сенигова[6]. Первый рассматривал новгородские памятники на фоне общей характеристики русского летописания и летописей, содержащих Повесть временных лет; новгородские летописи он считал плодами московских переработок и искажений, произведенных после присоединения Новгорода, – за исключением одного только Синодального списка Н1Л. Другие подлинно новгородские летописи были, по его мнению, уничтожены после их использования в московском летописании. Книга Сенигова включила две его предшествующие работы, посвященные древнейшему летописанию Новгорода и содержавшие сопоставление списков Н1Л под углом зрения реконструирования древнейшего летописного свода путем соотнесения с Повестью временных лет и рядом памятников неновгородского летописания более позднего времени.

Появившаяся ранее этих книг работа Н. Я. Аристова «Обзор русских летописей в содержании и характере их, преимущественно церковно-историческом»[7] и написанное позже И. А. Тихомировым «Обозрение состава московских летописных сводов»[8] уделяли значительное внимание материалу новгородскому, причем труду Тихомирова предшествовали небольшие его статьи, посвященные Синодальному списку Новгородской первой летописи и Летописи Авраамки.

Несовершенство методики подобных работ было обстоятельно показано А. А. Шахматовым в его разборе труда Тихомирова[9], но преодоление ее оказалось медленным процессом. Через десять лет появился столь же обстоятельный отзыв Шахматова на работу С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище», где критика аналогичной методики снова осуществлялась в ходе специального рассмотрения недошедших сводов на базе исследования Шахматовым сохранившихся летописей[10]. Среди них были Новгородские 1-я и 4-я (по основным ее спискам и по списку Дубровского), Новгородская 5-я, Летопись Авраамки и Новгородско-Псковская летопись.

2

Исследования новгородских летописей А. А. Шахматовым интенсивно проводились им на протяжении двух десятилетий в рамках фронтального изучения всего корпуса доступных тогда материалов русского летописа-

ния. Хотя центральным объектом его работ была Повесть временных лет, выяснение ее предыстории и последовавшей судьбы ее текста в летописях вплоть до XVI века вовлекли в круг изучавшихся Шахматовым памятников все известные до него и выявленные им летописи Новгорода. Выясняя взаимоотношения их между собой и генетические связи их текстов с летописями неновгородскими, Шахматов доказал существование большого числа несохранившихся летописных сводов, среди которых важное место принадлежит сводам новгородским. Особенное внимание он уделял Новгородскому своду 1050 года и Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в. (который первоначально определялся им как «свод 1448 года»).

Роль новгородского летописания на ранних этапах развития летописания общерусского была показана Шахматовым уже в его работах, напечатанных в 1897 году: «О начальном киевском летописном своде», «Древнейшие редакции Повести временных лет»[11], а обращение его к летописям последовавшим имело результатом «Общерусские летописные своды XIV и XV вв.» (1900–1901 гг.), где охват новгородского материала, начиная от XI века, сосредоточивается преимущественно на изучении Новгородской четвертой летописи в сопоставлении с памятниками московского летописания. Результаты этого труда (остающегося пока только в журнальной публикации)[12] были использованы в соединении с плодами дальнейшего изучения Шахматовым ранних стадий летописной работы и продолжением фронтального осмысления всего корпуса сохранившихся летописей Новгорода (как и других центров – главным образом Киева и Москвы) в наиболее крупном труде Шахматова – «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (1908 г.)[13]. В конце его реконструированы текстуально наиболее важные из этих сводов: Киевский свод 1039 года в редакции 1073 года (в котором, как показал Шахматов, была уже использована ранняя летопись Новгорода) и Новгородский свод 1050 года с продолжениями до 1079 года. К труду приложена графическая схема генетических взаимоотношений несохранившихся и сохранившихся памятников, где новгородские тексты представлены, кроме упомянутого свода, новгородскими сводами 1167-го и 1448-го годов, списками Новгородской первой летописи и их протографами. После этой книги Шахматова подобные схемы стали почти непременной иллюстрацией серьезных исследований по истории летописания.

Дальнейшая его работа над летописями преимущественно отразилась в трудах, которые увидели свет уже после кончины А. А. Шахматова. Из них новгородская тематика особенно широко представлена в изданной только в 1938 году (и, к сожалению, неполно) книге «Обозрение русских

летописных сводов XIV–XVI вв.». Она подготавливалась Шахматовым на протяжении долгих лет и привлекла почти все известные ему тексты новгородского летописания. Среди них Синодальный и другие списки Новгородской первой летописи, Новгородские четвертая, пятая, Карамзинская, Летопись Дубровского, Новгородско-Псковская летопись, Летопись Авраамки, Летописец епископа Павла. Компактным итогом исследований Шахматова явилась его статья «Летописи», написанная для энциклопедического словаря и перепечатанная в приложении к «Обозрению». Здесь автором внесены коррективы к ряду его прежних выводов; в частности – упомянутое изменение в датировке Новгородско-Софийского свода XV века.

Наиболее крупным последователем А. А. Шахматова явился М. Д. Приселков. Его синтетический труд «История русского летописания XI–XV вв.», вышедший еще перед мировой войной и переизданный в 1996 г., новгородским летописям уделял внимание лишь в той мере, какая необходима была для построения общей схемы, содержавшей некоторые отличия от схемы Шахматова и уделявшей преимущественное внимание летописанию московскому. Под сильным воздействием трудов Шахматова были созданы и другие суммирующие работы – В. С. Иконникова и Е. Ю. Перфецкого, где новгородским летописям уделялось значительное внимание, причем Перфецкий сумел внести и кое-что новое в понимание летописной работы XI–XII вв.[14] Не без влияния Шахматова написаны работы М. И. Помяловского, А. Е. Преснякова, И. М. Троцкого, посвященные главным образом Новгородской первой и Новгородской четвертой летописям в сопоставлении с другими памятниками летописания Новгорода и Москвы[15].

Оппоненты же Шахматова – В. М. Истрин, Н. К. Никольский, С. А. Бугославский – возражали ему относительно тех частей его схемы, которые мало связаны с новгородским материалом.

3

В начатых еще до войны трудах А. Н. Насонова, посвященных исследованию и публикации памятников псковского летописания, выяснялись и соотношения его с летописанием новгородским. Затем Насонов занялся специально Новгородской первой летописью и подготовил образцовое ее издание, вышедшее в 1950 г.[16] Позже он произвел беспрецедентное сплошное обследование московских хранилищ на предмет выявления неучтенных ранее летописных списков (зарегистрировав их более тысячи),

определения и характеристики представленных этими списками ранее не изучавшихся памятников летописания. Среди них оказались новгородские летописи, впоследствии привлекшие внимание других специалистов, воспользовавшихся подробной публикацией результатов этой работы Насоновым в 1955 г.[17] В гораздо меньших масштабах аналогичную работу проводил М. Н. Тихомиров (ранее – А. А. Шилов и др.). А. Н. Насонов углубил и изучение уже известных летописей Новгорода – главным образом Новгородской первой и Летописи Дубровского. Труд, обобщавший основные исследования Насонова, – «История русского летописания XI – начала XVIII века» (издан в Москве уже посмертно в 1969 г.), – хотя и был посвящен преимущественно летописанию других центров, внес немало нового и в понимание летописей Новгорода.

Среди работ последних десятилетий, посвящавшихся по-преимуществу отдельным памятникам старшего летописания Новгорода, основное место принадлежит трудам, исследовавшим в разных аспектах Новгородскую первую летопись. Это статьи В. Л. Янина, А. А. Гиппиуса, Т. В. Гимона, Н. Н. Гринева, В. К. Зиборова, А. Г. Кузьмина, А. Тимберлейка. Но значительное внимание уделялось и другим летописям, главным образом Новгородской четвертой – работы Дж. Линда, О. В. Романовой и др. – а также изучению гипотетических новгородских сводов.

Продолжалось исследование «загадочной» Новгородской Иоакимовской летописи, активизировавшееся еще до А. А. Шахматова (статьи Е. Е. Голубинского, И. А. Линниченко), затем привлекшей его внимание, а позже – М. Горлина, Л. В. Черепнина, М. Н. Тихомирова, С. К. Шамбинаго, Б. Клейбера и В. И. Вышегородцева, который отправлялся уже от труда В. Л. Янина, удостоверившего подлинность этой летописи путем привлечения данных археологии.

Малоизученным летописям XVI и XVII столетий был посвящен ряд работ М. Н. Тихомирова и С. Н. Азбелева. Отправляясь от их результатов, затем писали об этих летописях А. В. Лаврентьев, В. К. Зиборов, В. В. Яковлев, А. Л. Гольдберг, М. А. Макина, Ф. Ш. Гарифулин и другие, а О. Л. Новикова специально занялась изучением памятников новгородского летописания XVI века и начала публиковать статьи, основанные на ее кандидатской диссертации.

Детальному обозрению работ о новгородских летописях за весь период их изучения недавно посвятила свою книгу Т. Ю. Фомина[18].

В послевоенный период интенсивно изучались также нелетописные и неновгородские памятники, судьба которых, однако, существенно пересекалась с генеалогией новгородских летописей, что побуждало иссле-

дователей писать и о самих этих летописях. Хотя они и не находились обычно в центре внимания таких работ, наблюдения, относившиеся к этим летописям, оказывались порой весьма важны и учитывались авторами последовавших трудов о летописании Новгорода. Среди таких «смежных» с этими трудами работ можно назвать статьи и книги В. Ф. Андреева, Н. Г. Бережкова, В. И. Буганова, А. А. Горского, Л. А. Дмитриева, Р. П. Дмитриевой, Б. М. Клосса, Г. М. Коваленко, В. А. Кучкина, Н. А. Мещерского, Н. И. Милютенко, В. А. Никитина, В. И. Охотниковой, А. Е. Петрова, Н. Г. Порфиридова, Г. М. Прохорова, А. И. Семенова, Я. Н. Щапова и ряда других авторов.

Суммирующие и популярные общие работы послевоенного времени, значительное внимание уделявшие новгородскому летописанию, как правило, исходили по преимуществу из результатов, добытых А. А. Шахматовым и продолжателями его дела, придерживавшихся разработанной им методики. Таковы главным образом книги Д. С. Лихачева «Русские летописи и их культурно-историческое значение» и Я. С. Лурье «Общерусские летописи XIV–XV вв.». Но появлялись и труды, авторы которых, отдавая должное Шахматову, сдержанно в той или иной мере отзывались о значимости его методики (посмертно изданное собрание работ по летописанию М. Н. Тихомирова и др.).

Целая серия работ Я. С. Лурье, Г. М. Прохорова и А. Г. Боброва (и частично – Б. М. Клосса), тесно связанных между собой общей дискуссией, продолжавшейся с перерывами около трех десятилетий, была посвящена специально новгородским летописям XV столетия, отраженным ими несохранившимся сводам и соотносимым с ними московским летописным памятникам этого времени. Общим результатом этой дискуссии стал необоснованный (что показал позднее М. А. Шибаев) отход основных ее участников от концепции Шахматова о Новгородско-Софийском своде 30-х годов XV в. как центральном звене и отправном пункте новгородского, а отчасти и московского летописания XV столетия и последующего времени.

За последние десятилетия получают все большее развитие комплексные исследования, в которых археологические, искусствоведческие, фольклористические материалы изучаются или используются в органичном сочетании с рассмотрением новгородских летописей. Отчасти это имело место уже в первые послевоенные годы (некоторые работы А. В. Арциховского, Д. С. Лихачева и др.). Позднее наиболее значительный вклад в это направление внес В. Л. Янин, но следует упомянуть также работы М. К. Каргера, Б. М. Клосса, Э. А. Гордиенко, С. Н. Азбелева, В. В. Яковлева, Е. Л. Конявской. Ею же был обнаружен и напечатан ранее неизвестный новгородский летописец XVI века[19].

Работы, опубликованные за два с половиной века и посвященные изучению памятников новгородского летописания XI–XVII столетий, разумеется, неравнозначны. Преобладающее значение имеют выдающиеся труды А. А. Шахматова, разработавшего и практически применившего на колоссальном материале наиболее прогрессивную методику исследования летописей. А. А. Шахматовым была построена общая генеалогия летописных текстов, представившая доказательно и конкретно историю русского летописания, в которой один из главных объектов – летописи Великого Новгорода. Дальнейшая работа по их изучению преимущественно велась по двум линиям: расширение круга привлеченных рукописей и выявление неучтенных ранее памятников новгородского летописания – с одной стороны, и углубление достигнутых ранее результатов на базе вводимых в науку прежде неизвестных или недостаточно исследованных прежде текстов – с другой. Этот двуединый процесс составлял главное содержание трудов, внесших действительно значимый вклад в работу над материалом, объем которого далеко еще не исчерпан. Вместе с тем продолжался и поиск возможностей дальнейшего совершенствования исследовательской методики.

Глава 2.

ЛЕТОПИСНЫЙ ПАМЯТНИК XI–XVII ВВ.

1

Самый ранний из памятников новгородского летописания испытал судьбу, во многом сходную с судьбой «Слова о полку Игореве»: он дошел не в оригинале, а в позднейшей обработке, сама рукопись которой оказалась утрачена. Как известно, текст Новгородской Иоакимовской летописи (далее: НИЛ) доступен непосредственному использованию только в тех выписках из нее, какие передает В. Н. Татищев[20]. В четвертой главе первой части своей «Истории Российской» он подробно рассказал об обстоятельствах временного получения им трех тетрадей, вынутых из более обширной рукописи, которая после их возврата была утрачена вследствие смерти владельца. Татищев привел, снабдив своими примечаниями, не весь текст этих тетрадей, а только те фрагменты, содержание которых имело отличия от Повести временных лет или не находило в ней соответствия. Он изредка сообщает, с какими частями ее текста полностью совпадал текст НИЛ. Иногда можно догадываться об этом и на основании некоторых примечаний историка, но все же трудно составить обоснованное мнение о том, каков был весь состав известий НИЛ в тетрадях, бывших временно у Татищева.

Напечатанный после его смерти текст передает содержание рукописи НИЛ не всегда с буквальной точностью, ибо Татищев, как это установлено, переписывая источник, иногда переходил на пересказ и даже вставлял свои пояснения. Рукопись, которую он имел в руках, по его свидетельству, написана «новым, но худым письмом», а в оригинале ее были утрачены два листа, о чем сообщал сам переписчик. Эти листы были вырваны, а о степени сохранности остальных листов оригинала сведений нет. Неизвестно, к какому времени относился этот оригинал и какова была редакторская работа его переписчика.

Сам Татищев, вероятно, несколько раз обращался к тексту НИЛ, «худое письмо» которой побуждало перечитывать и уточнять передачу трудно разбираемых мест. Внимательно комментируя используемые им фрагменты

НИЛ, он, однако, не во всех случаях приводил их текстуально целиком. Таков переход от княжения Ярополка к княжению Владимира: «О убивстве Ярополка, рождении Святополка и пр. почти согласно с Нестором и житие Владимирово описано со многими пирами и веселии, которые к сему не принадлежат», – это пояснение дано Татищевым в замену текста, который, «почти» согласуясь с Повестью временных лет, как видно, содержал еще и подробное описание знаменитых пиров, о которых певцы былин, известных уже Татищеву, повествовали собирателям фольклора вплоть до середины XX в. В тексте НИЛ есть переданные Татищевым прямые отсылки к фольклорным источникам. Но пользование ее составителя материалами подобного рода далеко не ограничивалось случаями, когда это оговорено.

Отсутствие рукописи НИЛ и «баснословность» ее начальной части давали повод сомневаться в подлинности этого памятника и даже побуждали некоторых скептиков обвинять в подлоге самого Татищева. Неосновательность такого подозрения была со временем установлена, но продолжалась дискуссия по вопросам достаточно серьезным: восходит ли текст, попавший в руки Татищева, к древнему памятнику, если восходит, то мог ли действительно быть его составителем первый епископ Новгорода Иоаким, каков характер изменений и дополнений, которыми уснащался древний текст при позднейшем редактировании, и не есть ли НИЛ целиком плод историографического сочинительства относительно недавнего времени, ложно приписывавшийся Иоакиму. В ходе дискуссии был поднят вопрос об источниках НИЛ, об их происхождении, датировке и характере их использования в НИЛ; обсуждалось и соотношение НИЛ с другими памятниками летописания. Составителем НИЛ предлагали считать новгородского митрополита, впоследствии – патриарха Иоакима, умершего в 1690 г., или монаха Иоакима, бывшего архимандритом Бизюкова монастыря до того, как его архимандритом стал Мелхиседек, присылавший рукопись НИЛ Татищеву. Соответственно истолковывались слова первой фразы напечатанного им текста, где говорилось, что эту летопись «святитель Иоаким, добре сведомый, написа», – слова, отнесенные Татищевым к епископу Иоакиму, умершему в 1030 г.

2

Серьезный разговор об Иоакимовской летописи требует достаточно полного учета, прежде всего, трудов А. А. Шахматова. Но к ним русские исследователи НИЛ почему-то почти не обращались.

А. А. Шахматов не раз высказывался в том смысле, что епископ Иоаким был инициатором составления древнейшей летописи Новгорода, и полагал, что ее фрагменты передает текст, опубликованный Татищевым. Хотя, по выражению А. А. Шахматова, «то, что под Иоакимовою летописью разумеет Татищев, принадлежит новейшему сочинительству», несомненно, речь здесь идет о позднейших наслоениях, которыми уснащена древняя основа текста, фрагментарно напечатанного Татищевым. Непосредственно после приведенной только что фразы А. А. Шахматов пишет: «Вчитываясь внимательно в изданную Татищевым Иоакимову летопись, мы приходим к следующему выводу: рассказ о крещении Новгорода содержит черты, обличающие современника; некоторые части его могут принадлежать первому епископу новгородскому Иоакиму. Это обстоятельство дает нам основание предположить, что древнейшее летописание новгородское восходит ко временам Иоакима». А. А. Шахматов связывал с деятельностью Иоакима не только самое начало летописной работы в Новгороде, выразившееся в фиксации «событий новгородских». Он далее пишет: «Предание упорно приписывает Иоакиму составление такого летописного свода, где между прочим говорилось и о первых князьях русских: ср., с одной стороны, свидетельство Татищева, а с другой – сохранившееся в приложениях к Комиссионному списку Новгородской 1-й летописи заглавие, написанное, по-видимому, рукою XVIII века». Приведя это заглавие[21], А. А. Шахматов продолжает: «Вот почему я решаюсь предположить, что Иоакимова летопись дошла до нас в том своде, который предшествует Новгородской 1-й летописи и который по его древности можно назвать "Начальным сводом". Епископ Иоаким скончался в 1030 г.: это обстоятельство указывает нам тот объем, который могла иметь первоначальная Иоакимовская летопись». Но она уже соединяла материал новгородского происхождения с киевским. Как пишет далее А. А. Шахматов, «Епископ Иоаким в основание своего свода положил письменный источник: рассказ киевский о первых князьях русских, рассказ, изложенный в известной части без всяких хронологических данных»[22].

В последовавших работах А. А. Шахматова концепция его обогатилась новыми звеньями, выяснилось, что Начальному своду предшествовал Древнейший киевский свод, причем составлен он был в 1039 г., а Начальный – в 1093 г.; между ними А. А. Шахматов помещал Новгородский свод 1050 г. Среди источников его была летопись епископа Иоакима, продолженная до 1036 г. и опосредованная сводом 1039 г. Рассматривая предположительный состав свода 1050 г., А. А. Шахматов резюмировал: «Предыдущее исследование приводит меня к следующему заключению. В 1017 году

новгородские власти во главе с посадником и епископом решили вписать Правду новгородскую (как, по-видимому, называлась Ярославова грамота) в летопись; исполнение этого решения принял на себя епископ Иоаким. Так возникла первая Новгородская летопись»[23]. Восстановлением ее текста А. А. Шахматов не занимался, но, давая гипотетический текст Новгородского свода 1050 г., он включил в него слова «посадиша стареишину Гостомысла»[24] – на основе летописей XV в., поясняя: «Находим неизбежным возвести это известие к своду XI века и предполагаем, что оно читалось в нем в рассказе о древнейшем моменте истории Новгорода»[25].

Напечатанный Татищевым текст НИЛ древнейший момент истории Новгорода излагает гораздо пространнее, чем реконструированный А. А. Шахматовым текст свода 1050 г., причем центральной является именно фигура Гостомысла. Новгородский же свод 1050 г. непосредственно основан был уже не на своде Иоакима, а на недавнем киевском своде 1039 г., поскольку последний был, в сущности, официальным летописным сводом русской митрополии[26].

Этим объясняется то обстоятельство, что восходящая к Новгородскому своду 1050 г. древнейшая летопись Новгорода, которая дошла до нас, – Новгородская первая – не связана текстуально с НИЛ. Недавний исследователь Новгородской первой летописи А. А. Гиппиус, подводя итоги своей работы, пишет о предыстории этого памятника: «В середине XI в. в Новгороде при Софийском соборе был составлен летописный свод, соединивший какие-то части древнейшего киевского летописания с начатками местной летописи. На протяжении второй половины XI – начала XII в. он несистематически пополнялся отдельными летописными записями»[27]. Более детально об этом писал в свое время А. А. Шахматов: «В 1050 году окончена строением и освящена церковь св. Софии в Новгороде. В ознаменование этого события строители храма, князь Владимир и епископ Лука, решили озаботиться составлением летописного свода. В основание древнего Новгородского свода был положен Древнейший Киевский свод. <...> Другим источником послужила Новгородская летопись 1036 года. <...> Сначала сводчик прибег к компилированию своего новгородского источника с киевским (события до 1017 года); но потом передал текст новгородского источника отдельно, поместив его вслед за упомянутым кратким извлечением из Древнейшего свода (события после 1017 включительно до 1036 года). Рассказ о событиях после 1037-го и до 1050-го года включительно составлен сводчиком самостоятельно на основании расспросов и припоминаний.

Вскоре текст Древнего Новгородского свода обосложнился приписками; эти приписки имеют характер погодной летописи, но изучение их

показывает, что они записаны в несколько следовавших друг за другом моментов»[28]. При этом А. А. Шахматов отмечал, что из новгородской летописи 1036 г. был взят текст «1015 и следующих годов», а также «крещение Новгорода». Текст 1015–1017 гг., каким он предположительно читался в летописи епископа Иоакима, А. А. Шахматов привел в своих «дополнительных примечаниях»[29]. Текст этой летописи, полученный Татищевым, обрывается раньше, поэтому материала для сопоставления не дает. Что же касается крещения Новгорода, то в 1050 г. подробное повествование о нем летописи Иоакима уже потеряло свою актуальность и было заменено кратким известием: «Приде Новугороду епископъ Иоакимъ Кърсунянинъ и требища раздруши и кумиры посече»[30].

Таким образом, обращение к трудам А. А. Шахматова не оставляет сомнений в том, что Новгородская Иоакимовская летопись в ее первоначальном виде мыслилась А. А. Шахматовым как древнейший этап новгородского летописания, а составленный Иоакимом летописный свод – как этап летописания общерусского, предшествовавший тому киевскому своду, который А. А. Шахматов впоследствии называл «Древнейшим».

3

История изучения НИЛ рассматривалась несколько раз с разной степенью полноты и подробности. Наиболее обстоятельный обзор работ о ней был некогда осуществлен И. П. Сениговым, более подробная библиография их выполнена позднее Н. К. Никольским и напечатана около ста лет назад. Библиография летописания, составленная Р. П. Дмитриевой, в аннотациях отраженных там работ учитывает НИЛ по 1956 г. До этого же года доведен последний по времени краткий обзор работ, посвященных НИЛ, который опубликован О. В. Твороговым в 1987 г.[31] В этот обзор не попали несколько важных исследований, появившихся между 1956 и 1987 гг., а суммарное рассмотрение работ предшествующего времени сторонником критического восприятия НИЛ побуждает прежде, чем говорить о недавних трудах, коротко остановиться на главных результатах изучения НИЛ и отношении к ней историков до середины XX в.

Еще Н. М. Карамзин, не отнесшийся к НИЛ серьезно и назвавший ее «шуткой» В. Н. Татищева, породил скептическое восприятие этого памятника, дожившее частично до недавнего времени даже в некоторых обобщающих работах (хотя такого рода суждения встречались и у менее известных ныне предшественников Карамзина).

Однако вполне определенно выступил против негативного взгляда на НИЛ С. М. Соловьев в предпринятой им характеристике трудов Татищева: «Можно как угодно ценить так называемую Иоакимовскую летопись, принимать ее известия в соображение при исследованиях или не принимать, но никак не должно обвинять Татищева за то, что он сохранил нам отрывок, во всяком случае любопытный, или приписывать ему самому подлог; надобно только удивляться осторожности Татищева, благодарить его за подробное описание отрывка и обстоятельств, при которых он ему достался»[32]. Не менее значимым было и суждение Соловьева о самом тексте НИЛ: «По внимательном рассмотрении отрывка оказывается, что он составлен в позднейшие времена, но составитель имел в руках начальную Новгородскую летопись, с именем епископа Иоакима, или хотя и без имени, но с ясными указаниями, что она написана этим епископом»[33].

Вышедший годом позже труд о НИЛ, принадлежавший П. А. Лавровскому[34], поныне является единственным разносторонним исследованием этого памятника. Существенно, что за прошедшие почти полтора столетия основные положения этой работы остались почти непоколебленными, несмотря на попытки оспорить их. Лавровский подразделил НИЛ на две части: первая была, по его мнению, составлена в сравнительно недавнее время и в целом не является достоверной: она основана преимущественно на поздних источниках, но «имя Гостомысла, князя или старейшины новгородского, и название города Славенска заставляют предполагать у автора присутствие <...> списков летописей древних» (118). Вторая часть летописи, начиная от Рюрика, передает содержание древнего источника, составителем которого мог быть если не епископ Иоаким, то, во всяком случае, представитель духовенства, близкий описанным событиям. Он или был современником крещения новгородцев, или знал о нем по рассказам очевидцев. Эта часть содержит «достоверные, действительные известия» (157), причем не исключено, что она написана была в первоначальном своем виде первым новгородским епископом.

Скептический взгляд на НИЛ в довольно резкой форме высказал историк церкви Е. Е. Голубинский, стремясь обосновать его содержанием своего доклада, опубликованного в 1881 г.[35] Передавать доводы Голубинского сейчас нет необходимости, так как они были внимательно разобраны и опровергнуты уже в 1883 г. обстоятельной рецензией И. А. Линниченко. Показав, что НИЛ не является фальсификатом и что составление ее невозможно приписывать Татищеву, Линниченко, однако, отнесся к тексту НИЛ все же несколько предвзято, далеко не во всем соглашаясь с Лавровским. По мнению рецензента, вторая часть НИЛ скорее является компиляцией

известий, взятых как из сохранившихся летописей, так и несохранившихся, которую обильно уснастили «прагматико-риторические амплификации» позднего составителя; за вычетом их останется сравнительно немного оригинального материала, взятого из несохранившейся древней летописи. К таким известиям Лавровский относил «рассказ о крещении новгородцев (но едва ли весь), может быть известие, что король угорский приходился тестем Святославу, и также известие о присылке к нам первых иереев из Болгарии»[36].

Хотя рецензия И. А. Линниченко в сущности не решала основных вопросов изучения НИЛ, она показала полную несостоятельность мнения, будто бы ее текст является фальсификатом В. Н. Татищева. Специальных работ о ней долго не появлялось, но своеобразный рецидив скептического отношения к НИЛ представила малоизвестная у нас из-за обстоятельств начала Второй мировой войны, хотя и напечатанная в довольно авторитетном издании, статья Мишеля Горлина[37], о которой стоит поэтому сказать.

М. Горлин не считает Татищева автором фальсификата и даже пишет вслед за И. А. Линниченко, что Татищев «был честный труженик, серьезный исследователь, который не пошел бы на подобную мистификацию» (49). Но в итоге приходит к заключению, что фальсификатором был «поощряемый и подстрекаемый Татищевым» архимандрит Мелхиседек (50). Вообще негативное отношение М. Горлина к НИЛ по своему накалу сопоставимо с тем, что высказывал Е. Е. Голубинский. Но М. Горлин претендует еще и на оценку привлекших его внимание трудов. Он не пощадил даже А. А. Шахматова, хотя последний, строго говоря, не может быть отнесен к исследователям приведенного у Татищева текста НИЛ. М. Горлин высказывает убеждение, что А. А. Шахматов «был под сильным впечатлением от чтения Татищева» и что «именно нашей летописи посвящена самая сомнительная часть его реконструкции» (43), отослав к с. 495–508 «Разысканий» А. А. Шахматова, которые Горлин, видимо, прочел не слишком внимательно: на них рассматриваются главным образом летописные известия о событиях, происходивших значительно позже того, на чем обрывается известный нам текст НИЛ, который привел Татищев.

Как пишет Горлин, «интересы исторические и политические второй четверти XVIII века оставили свой весьма четкий след» в тексте НИЛ, а «мотивы, которыми руководствовались» при ее создании, состояли в том, чтобы «узаконить недавние завоевания». Полагая, что он пересказывает текст, напечатанный Татищевым, Горлин называет «область, завоеванную Буривоем к западу (*à l'ouest*) от реки Кюмень» (47), тогда как из текста

НИЛ и примечания Татищева ясно, что владения Буривоя находились к востоку, а не к западу от нее. Завоевания же России в XVIII в., во-первых, вообще не простирались на запад от реки Кюмень, а во-вторых, сомнительно, чтобы их мог «узаконить» летописный текст, где говорится, что Буривой «при оной реце побежден бысть, вся свои вои погуби, едва сам спасеся». Согласно выводам Горлина, «связи, объединяющие Иоакимовскую летопись с интересами Татищева», свидетельствуют, что она была составлена «для Татищева», причем «эта подделка внушена была» им самим, ибо, как полагает Горлин, Татищев послал Мелхиседеку «сведения по проблемам, которые его интересовали» (49), желая получить их подтверждение, и НИЛ «стала как бы "материализацией" желаний Татищева» (50).

Кроме того, по убеждению Горлина, НИЛ была порождением борьбы Бизюкова монастыря против смоленских митрополитов: архимандрит Мелхиседек стремился «привлечь благосклонность Петербурга», и «большим козырем в этой игре» должно было стать нахождение в его обители «самой древней русской летописи», которая «показывала бы приоритетные права русских на Карелию» (51). Остается только неясным, с какой стати и каким образом Татищев при его сложных отношениях с церковью стал бы воздействовать на Синод в интересах Бизюкова монастыря и какую роль могло в этом сыграть подобное «подтверждение» русских прав на уже присоединенную опять Карелию, которая ранее входила в состав владений Великого Новгорода на протяжении ряда веков.

Специальное внимание М. Горлин обращает на присутствие в НИЛ скандинавских имен и географических названий. Часть их он возводит к переведенной на русский язык Татищевым и увидевшей свет в первом томе его «Истории» работе Г. С. Байера, до того изданной на латинском языке в 1738 г. (полагая, очевидно, что на латыни ее спешно изучал «мало грамоте умеюсчий» Мелхиседек). Другие скандинавские имена, по словам М. Горлина, «свободно придумываются» фальсификатором – наравне с такими славянскими, как Буривой или даже Владимир, причем «все начало летописи находится под знаком русско-варяжских связей», а «тенденция автора» состоит в том, чтобы показать их древность и «снять тем самым с приглашения князей всякий характер иностранной интервенции» (46). Остается гадать, какие из предшественников предполагаемого фальсификатора трактовали приглашение Рюрика и его братьев как «интервенцию».

Мотивация Горлином подложности Новгородской Иоакимовской летописи типологически сходна с предпринятой тогда же его учителем А. Мазоном мотивацией подложности «Слова о полку Игореве»[38].

4

Необходимо сказать еще о специально посвященной НИЛ статье С. К. Шамбинаго, появившейся уже после войны. Со статьей Горлина Шамбинаго, по-видимому, знаком не был, а работу свою посвятил попытке обосновать тождество НИЛ и Новгородской третьей летописи последней четверти XVII в., имея в виду ее неопубликованную пространную редакцию. Тезис Шамбинаго оказался неверен, а доводы, выдвинутые в его подтверждение, – несостоятельны, что я в свое время попытался подробно показать[39].

Автором НИЛ некоторые предлагали считать не только Татищева или архимандрита Мелхиседека: это те, кто, доверяя указанию ее текста относительно авторства «святителя Иоакима», не соглашались признать таковым Иоакима Корсунянина. В. И. Григорович, выступивший с сообщением на Третьем археологическом съезде в 1874 г. (оно напечатано только в кратком изложении), указал (на основании помянника), что «около 1730 года в Бизюкове монастыре жил архимандрит Иоаким», и высказал мнение, что «этот Иоаким имел возможность из готовых летописей составить свод, тетради которого были доставлены Татищеву в 1748 году»[40]. Однако названный Григоровичем Иоаким очень недолго возглавлял монастырь, откуда Татищев позже получил рукопись НИЛ, а сохранившаяся характеристика этого монаха современниками делает крайне маловероятным предположение о его причастности к столь серьезному делу, как составление летописного свода[41].

Л. В. Черепнин, определивший время составления и многие из источников Новгородской Забелинской летописи, работа над которой, по наблюдениям Черепнина, была начата при новгородском митрополите Иоакиме, занимавшем эту кафедру в 1672–1674 гг., высказал предположение: «Нельзя ли видеть в Иоакимовской летописи одну из редакций Иоакимовского свода, т. е. новгородского свода конца XVII в., начатого при митрополите Иоакиме?»[42]. Как выяснилось, составление этого свода окончилось в 1680–1681 гг., а мысль относительно связи его с НИЛ Л. В. Черепниным аргументирована не была; она может расцениваться как осторожная догадка, что этот Иоаким – составитель НИЛ и что ему она обязана своим названием. Но опубликованные результаты изучения названного свода по всем его спискам[43] не дают оснований для этой идентификации – в такой же степени, как для идентификации, предлагавшейся С. К. Шамбинаго.

Хотя в первое столетие изучения НИЛ «количественный» перевес и «последнее слово» были за сторонниками отрицания древности этого па-

мятника (имею в виду специально посвященные ему работы), крупнейшие историки России, знакомые, конечно, с исследованиями НИЛ, не разделяли негативного к ней отношения, использовали даже ту часть ее, которую Лавровский не считал достоверной, – использовали с оговорками и без оговорок. Например, Г. В. Вернадский писал: «Согласно так называемой Иоакимовской летописи, утраченной, выдержками из которой, однако, пользовался В. Н. Татищев, имя словенского князя, изгнавшего варягов, было Гостомысл»[44]. (Привлекал Г. В. Вернадский и другие уникальные сведения НИЛ[45].) Рассказ НИЛ о Гостомысле обильно использовал Н. И. Костомаров; он приводил полностью и повествование ее о крещении Новгорода[46]. Что же касается «Истории России» С. М. Соловьева, то можно привести довольно много примеров, когда автор опирается в своих построениях на материал, который есть только в НИЛ[47].

5

Отличается от рассмотренных работ по своей специализации вышедшая в 1960 г. статья Б. Клейбера «Скандинавские следы в старинной русской летописи», напечатанная в малодоступном издании[48]. О ней поэтому следует сказать несколько подробнее. Но этот автор имеет в виду не только Новгородскую Иоакимовскую летопись: она служит для него в ряде случаев отправным пунктом суждений относительно примеров, больше связанных с Повестью временных лет. Так, один из экскурсов посвящен летописному имени «Малфредь», в связи с которым речь идет вообще о женах Владимира, о его матери, о названии древлянской столицы «Искоростень» и сходном названии населенного пункта у Ильменя, о некоторых других летописных и нелетописных названиях и именах, происхождение которых Клейбер с разной степенью убедительности предлагает объяснять скандинавским воздействием. Упоминание в НИЛ Биармии не только дает повод Клейберу обратить внимание на то, что этого названия нет в других летописях, но оно фигурирует в сагах: автор уделяет немало места вопросу о происхождении термина «Бьярмланд», работе Тиандера о поездках скандинавов в Белое море и изменчивости представлений о границах «Бьярмланда».

Далеко не все в работе Клейбера представляется убедительным, но в целом ее отличает несравненно более серьезный подход к предмету и гораздо большая основательность в его рассмотрении, нежели то, что продемонстрировал М. Горлин.

Охарактеризовав деятельность Татищева и высоко оценив его труд по написанию Истории, Клейбер с большим почтением отзывается о русских летописях вообще, а затем говорит непосредственно о Новгородской Иоакимовской. Рассматривая последовательно ее содержание, автор комментирует текст соображениями и параллелями, призванными обосновать предположение о скандинавском влиянии на древнейшую составляющую попавшего в руки Татищева материала. Решительно отклонив домыслы тех своих предшественников, которые считали его фальсификатом, Клейбер пишет о разновременности текста: обратив внимание на рассказ о крещении Новгорода, автор характеризует его как «необычайно живое и интересное повествование свидетеля», относительно которого, «конечно, можно предположить, что это сообщение написано» самим Иоакимом «или одним из его сотрудников»; но Иоаким не мог быть «автором всей летописи». По словам Клейбера, «с большой уверенностью можно предположить, что летопись, отрывок которой получил Татищев, является компиляцией старинных русских, польских и, возможно, чешских летописей и сказаний», которая составлена «не ранее XVI века, вероятно, в XVII веке». Но в НИЛ «имеется много интересных и важных сведений, которых нет в других летописях, и это выделяет ее среди других подобных компиляций». Причем, как подчеркивает Клейбер, «эта летопись особенно интересна для нас, так как мы находим в ней множество северных следов» (59).

Напомнив, что, согласно исследованиям летописи Нестора, в ее древнейшей части хронологические указания отсутствовали и были внесены позже, Клейбер пишет: «Иоакимовская летопись сообщает нам в основном о тех же самых событиях, что и Нестор, но всегда без указания года. Это дает нам опять-таки право предположить, что в основе Иоакимовской летописи лежит текст, который древнее, чем списки летописи Нестора, которые дошли до нас» (65).

Поскольку НИЛ «начинается с фантастического повествования об очень древних славянских князьях», Клейбер отмечает, что, «как и в других подобных повествованиях, автор пытается объяснить названия городов и народов из личных имен». Но, зафиксировав внимание на упоминании князей «Гардорика» и «Гунигара», Клейбер пишет, что «за именем Гуннигард, несомненно, стоит древнее скандинавское название Киева – Кенугардр» (59). Комментируя слова НИЛ о том, что князь Вандал «имел жену от варяг Адвинду, вельми прекрасну и мудру, о ней же многое от старых повествуется и в песнях восклицают», Клейбер дает гипотетическую скандинавскую этимологию имени, звучавшего предположительно «Адвинр», допуская, что «в народе сохранилась память о северной героической

личности, которая, возможно, жила однажды в древние времена в России», а «автор летописи пытается включить ее в родословное древо славянских князей, делая Адвинду легендарной женой Вандала» (60).

Легендарными персонажами Клейбер называет не только Вандала и Адвинду. О «легендарном образе» Гостомысла в статье говорится много, но Клейбер вообще не считает, что этот персонаж должен быть вымышленным. По словам исследователя, «в том, что варяги не сразу справились с Новгородом и подчинили его, а также, что их противников возглавлял тот или иной князь или посадник, едва ли можно сомневаться». Это соображение приводится в пояснение того факта, что кроме повествования НИЛ существуют упоминания Гостомысла как первого посадника, а в «менее достоверных» летописях «Гостомысл выступает как князь Новгорода, который с успехом борется против варягов». В параллель имени и той общей аттестации, какая дана Гостомыслу в НИЛ, Клейбер приводит двух персонажей из саг, имена которых частично соотносимы по этимологии с именем Гостомысла и отчасти близки ему некоторыми из своих личных качеств. Но автор статьи оговаривается, что не намерен делать из этих соотнесений «слишком далеко идущих выводов» (62). Для Клейбера «Колмогард», куда отправляется Гостомысл, дабы, поднявшись «на высокая», принести жертвы богам и вопросить при посредстве «весчунов» о своем наследнике, – это несомненно Холмгард. В данном случае, как и в ряде других, автор статьи игнорирует заслуживающее внимания примечание Татищева, но оговаривает близость самим Клейбером тут же упомянутого названия «Колмово», которое обозначает «старинное местечко», находящееся «в нескольких километрах от Новгорода» (63). Обращение Гостомысла к «весчунам» в «Зимеголы» дает повод Клейберу напомнить о пути из Балтики к Черному морю по Западной Двине, где «скандинавы пришли в первое соприкосновение со славянами» и посещали Земгалию (63). Для автора, видимо, не вставал вопрос – не была ли она известна славянам не хуже, чем скандинавам.

Заслуживают внимания соображения Клейбера относительно сна Гостомысла. Правда, автор статьи, видимо, и в этом случае не прочел примечание Татищева, ибо пишет только от себя – правда, подробнее, чем Татищев, о соотносимости повествования об этом сне с аналогичным рассказом у Геродота. Но далее Клейбер верно отметил, что «в русском фольклоре сны встречаются лишь эпизодически», что «в летописи Нестора вообще нет никаких пророческих снов, а в одном месте (1071 г.) автор даже утверждает, что пророческие сны происходят от дьявола», зато «в скандинавских сагах <...> пророческие сны весьма обычны, и именно дерево символизирует там

происхождение, потомство и порядок наследования. Сон Гостомысла напоминает нам, – продолжает Клейбер, – прежде всего сон Рагнхильды. Подобные сны встречаются также в Шотландии и Ирландии», а «один подобный пророческий сон связан с рождением Вильгельма Завоевателя» (64).

Имя жены Рюрика – дочери «князя урманского» – Ефанда, по мнению Клейбера, результат ошибки в прочтении имени «Сфанда». Не находя достаточно убедительных параллелей в реальном языковом материале, Клейбер пишет, что «теоретически» можно рассматривать его «как аналогичное <...> имени *Свандис с ласкательной формой *Сванда, *Сфанда» (65).

В связи с мнением А. А. Шахматова относительно отсутствия в Начальном своде данных «об отношениях между Олегом и Игорем», у Клейбера «возникает впечатление», что известие НИЛ «об опекунстве Олега и о родственных связях с Рюриком и Игорем находится под влиянием саги о Гутторме и Харальде Хорфагре» – современниках Олега; когда Харальду было только 10 лет, «Гутторм, его дядя, стал предводителем дружины и ведал всеми делами управления страной», он «был главой войска» и «брал молодого Харальда с собой в походы» (66). Не вполне убеждает и другое сопоставление с этой сагой: напомнив, что Харальд «имел много жен и много детей», Клейбер акцентирует внимание на том, что «дети короля Харальда были вскормлены там, где жили матери каждого из них», и пишет, что «нечто подобное» находится в НИЛ, когда она рассказывает об отпуске жен крестившимся Владимиром, «судя по всему – в их родные места» (69).

Совсем неубедительными представляются попытки Клейбера обосновать предположение о скандинавском происхождении Добрыни. Тут автор статьи вступает в противоречие с текстом НИЛ, где среди жен Владимира фигурирует Мальфрид. Клейбер присоединяется к мнению, что глухое упоминание этого имени в Повести временных лет имеет в виду не жену, а мать Владимира – Малушу. В связи с этим Клейбер хочет убедить своих читателей, что землей древлян управляли скандинавы, что скандинавского происхождения был и князь Мал – отец Добрыни и Малуши, настоящее имя которой – «Мальмфридр» (67–68). Как бы забыв об этом тезисе, Клейбер далее, повествуя об отпуске Владимиром своих жен, пишет буквально следующее: «Мальфрид мы находим в городе Овруч у древлян, то есть в старинной княжеской резиденции легендарного князя Мала. И это подтверждает ее идентичность Малуше» (69). Таким образом, автор статьи, увлекшись, совместил в одном лице жену и мать Владимира Святославича.

Мнение о скандинавском происхождении Добрыни высказано Клейбером в связи с рассказом НИЛ о крещении новгородцев. Автор статьи совершенно прав, когда пишет, что это «очень длинное и трезвое сообщение»,

относительно которого «возникает впечатление», что оно написано «свидетелем, который прибыл в Новгород вместе с войском Добрыни (дяди князя Владимира)». Оговорившись, что «в русских летописях не содержится никаких прямых указаний на то, что Добрыня был из скандинавского рода» (66), Клейбер ищет косвенные указания.

Относительно слов НИЛ в рассказе о крещении «высший же над жрецы славян Богомил <...> вельми претя люду покоритися» Клейбер заключает, что «или сам автор не был славянином», или «тогда в Новгороде было много неславян, или и то, и другое», а «кроме славян в Новгороде могли быть только скандинавы и частично финны» (66). Сказанное, конечно, верно, но Клейбер как бы забывает, что епископ Иоаким, к славянам не принадлежавший, был, очевидно, грек, а отнюдь не скандинав. Для греческого проповедника христианства у славян естественно было назвать главного своего антагониста славянским жрецом, тем более что крещению, вероятно, подлежало все население города, включая и скандинавов, имевших иных жрецов. Клейбер указывает, что Татищев ошибся в своем истолковании находящегося в НИЛ слова «каперовы» – «сие видится греческое "оловянны" испорчено», ибо в греческом языке близкого соответствия нет, но зато оно есть у скандинавов: «коппер» – медь (67). Это позволяет разъяснить слова «повелехом всем кресченым кресты деревянни, ово медяны и каперовы <...> на выю возлагати»: по-видимому, к крещеным скандинавам относилось повеление надевать кресты «каперовы». Однако сам Клейбер такого пояснения не предлагает, а задает лишь риторический вопрос: «каким образом простое скандинавское слово может попасть в русский текст?» (67) – подразумевая, очевидно, скандинавское авторство текста.

Общий вывод Б. Клейбера состоит в том, что «или автор самой древней части Иоакимовской летописи был скандинавского происхождения, или у него были скандинавские помощники» (70). Первую часть этого заключения следует отнести к увлеченности исследователя своей темой, но вторая требует серьезного внимания.

Естественно предполагать, что, может быть, не сам епископ Иоаким, а скорее кто-то из его окружения, занявшийся по поручению владыки подготовкой летописи, собирая для нее материал, общался не только со славянским населением Новгорода, но и с жившими там скандинавами. В окружении же Иоакима наиболее образованную часть первоначально составляли, очевидно, прибывшие с ним греки. Фиксация материалов могла вестись сначала на греческом языке, затем уже оформлялся русский текст. В процессе такой работы имена и названия, услышанные от скандинавов,

при недостаточно совершенном знании местных языков могли оказаться в контексте, фиксировавшем рассказы славян-информаторов (и – наоборот), причем возникали порожденные этим смещения смысла. Следы их можно усмотреть в некоторых несообразностях, которые, вероятно, отчасти сгладились, а может быть, и усугубились при редактированиях НИЛ до того, как она попала в руки Татищева.

Более существенными представляются смысловые параллели, относящиеся не к именам и названиям, а к историческому и к мнимо историческому содержанию таких эпизодов, как сон Гостомысла или пассаж о родстве Олега с Рюриком и Игорем: в первом случае перед нами явно мотив международного фольклора, но во втором – скорее, просто сходство исторических ситуаций, возможно, осложненное при оформлении текста НИЛ знакомством информатора с аналогичным по общему смыслу повествованием из фольклора скандинавского. В совсем слабой степени это относится к женам Владимира: из летописи не следует, что все они отправлены были в родные места.

«Иоакимовская летопись, – пишет в заключение Клейбер, – вообще вдохновляет, на мой взгляд, на более интенсивное изучение скандинавского влияния среди славян в древнейшие времена, до того как варяги пришли в страну[49]. Это, конечно, сложная, но благодарная задача. Параллельно с археологическими исследованиями, по моему мнению, следовало бы осуществлять более систематические сравнительные исследования фольклора и топонимов на славянском, балтийском, скандинавском и, возможно, также и финском материале» (70).

6

В 1962 г. вышел первый том академического издания «Истории Российской» В. Н. Татищева, которое предварялось вводными статьями. Среди них была статья М. Н. Тихомирова, посвященная источникам этого труда. Уклоняясь от серьезного разговора о НИЛ, автор статьи написал следующее: «В. Н. Татищев передал содержание Иоакимовской летописи довольно подробно. Это избавляет нас от необходимости анализировать содержание этой летописи, которая не может быть источником для каких-либо построений по истории древней Руси, но является прекрасным источником, характеризующим русскую историографию XVII в.»[50].

Со статьей Б. Клейбера М. Н. Тихомиров вряд ли успел познакомиться, зато его аттестация НИЛ стала широко известна историкам, а воздействие

ее продолжает сказываться и поныне; она, конечно, повлияла, в частности, на упоминавшийся «Словарь книжников и книжности Древней Руси».

Само же издание подготовлено на основе рукописей, основные разночтения которых были в нем приведены, – в частности, к тексту НИЛ и к примечаниям, которыми его снабдил Татищев. Результаты более детальных сопоставлений рукописного материала, относящегося к НИЛ, были опубликованы В. М. Моргайло в следующем году. Они подтвердили высказывавшийся раньше общий тезис, что «Татищев отнюдь не считал своей задачей совершенно точную передачу текста»[51], но, как выяснилось, изменения, вносившиеся Татищевым в текст НИЛ, почти не касаются содержания: это частные редакторские поправки. Только в двух случаях можно говорить о добавлениях, затрагивающих смысл. Такова часть фразы в рассказе о сновидении Гостомысла: «...еже не имать наследити сын большия дсчере, зане негож бе». Другое добавление – в рассказе о том, как язычники сопротивлялись крещению: «Высший же над жрецы славян Богомил, сладкоречия ради наречен Соловей, вельми претя люду покорится». Однако сохранились не все рукописи, отражавшие работу Татищева над текстом НИЛ: существовал промежуточный недошедший список, где были собственноручные поправки Татищева. А в дошедшей рукописи есть его приписка на поле, содержащая восполнение восемнадцати слов, явно пропущенных ранее при переписывании. Восполнения подобных пропусков могли быть и в упомянутых выше случаях. Анализ же примечаний показал, что «Татищев комментировал Иоакимовскую летопись постепенно, <...> он несколько раз обращался к ней»[52]. Поэтому могли быть и восполнения ранее неразобранных мест.

Через 10 лет после выхода академического издания появилась статья А. Л. Гольдберга, содержавшая весьма категоричное суждение о НИЛ, которая, впрочем, не являлась предметом его исследования: оно представляло собой классификацию списков так называемой «Истории еже о начале Русския земли»[53]. Поскольку этот памятник тематически близок началу НИЛ и имеет с ним несколько общих персонажей, сопоставление их осуществил еще В. Н. Татищев, который высказался довольно резко об авторе этой «Истории», заключив, что «он сказание Иоакимово за основание имея, да не разумея, хотел пополнить и темность оного изъяснить, токмо ума столько не было»[54]. По заключению же А. Л. Гольдберга, взаимоотношение двух памятников имело характер «прямо противоположный. Очевидно, составитель Иоакимовской летописи, будучи знаком с повестью о древнейшей истории Руси, позаимствовал из нее несколько героев и создал новую, не менее фантастическую легенду»[55]. Основанием для вывода

А. Л. Гольдберга была только приводимая им на этой странице справка: «В трудах советских ученых (С. К. Шамбинаго, М. Н. Тихомирова) показано, что мнение Татищева о создании Иоакимовской летописи в древние киевские времена было ошибочным и время ее возникновения следует, повидимому, отнести к самому концу XVII в.» (имеются в виду упомянутая выше статья С. К. Шамбинаго и цитированное мной суждение, высказанное М. Н. Тихомировым при публикации «Истории» В. Н. Татищева).

7

Но вскоре обнаружился важный результат того, что археологические исследования осуществлялись не только «параллельно»: совмещение в лице В. Л. Янина археолога и исследователя письменных источников позволило ему перевести в новое качество изучение НИЛ[56]. Притом – без погружения в вопрос о скандинавском влиянии: В. Л. Янин сосредоточился не на второстепенной проблеме, а на центральной. Он внимательно рассмотрел все разнообразные версии летописных известий о крещении Новгорода, показывая их вторичность, проанализировал содержание подробного рассказа, переданного Татищевым, – в сопоставлении с результатами археологического исследования той части территории древнего Новгорода, на которой разворачиваются драматические события, детальнейшим образом описанные от лица очевидца в НИЛ.

Посланные князем Владимиром для утверждения христианства в Новгороде воеводы Добрыня и Путята оказались вынуждены вести здесь с непримиримыми противниками крещения спровоцированную ими вооруженную борьбу. В ходе ее не только гибли люди, но и возник пожар, уничтоживший значительную часть городской застройки. Рассказ об этом, ведущийся от лица современника, завершается цитацией возникшей тогда поговорки: «Путята крести мечем, а Добрыня огнем».

Конкретная топографическая привязка района пожара в НИЛ обусловила возможность археологической проверки. Оказалось, что именно там в год христианизации Новгорода пожар «уничтожил все сооружения на большой площади (в пределах раскопа она превышала 9000 кв. м)», которые затем сразу же восстанавливались. Но невостребованными оказались находившиеся под полами сгоревших построек клады, являвшиеся «домашней казной», спрятанной «в удобном для многократного извлечения месте». Следовательно, владельцы сокровищ тогда погибли. Именно там должна была находиться деревянная церковь Преображения,

которую, согласно НИЛ, «разметаша» противники крещения еще до пожара (55–56).

Оставляя в стороне некоторые частности, воспринимаемые как «фантастический элемент в духе ономастического творчества XVII в.», В. Л. Янин констатирует, что «критической оценке вполне поддаются историко-топографические детали этого рассказа» (54), а результаты сопоставления их с бесспорными данными археологии «подтверждают реалистическое существо повести о насильственном крещении новгородцев» (56). Согласно выводу В. Л. Янина, наличие в ней «реалистических деталей, находящих археологическое подтверждение, позволяет считать, что ее возникновение... опиралось на какую-то достаточно устойчивую древнюю традицию. В этой связи, – продолжает В. Л. Янин, – особую важность приобретают наблюдения Б. Клейбера, предположившего наличие в основе некоторых сведений Иоакимовской летописи скандинавского источника» (56). Действительно, «северные следы», как называл скандинавские элементы в тексте НИЛ Клейбер, это следы знакомства составителей ее со скандинавскими устными источниками тогда же, когда записывались воспоминания очевидца, и следы взаимодействия устных традиций славянской и скандинавской.

Решение главного вопроса о древней основе текста, попавшего в руки Татищева, осуществленное В. Л. Яниным, сопровождалось в его работе подробно аргументированными соображениями относительно оформления этого текста. К плодам такой работы исследователь отнес предшествующее рассказу о крещении Новгорода упоминание присланного на Русь патриархом митрополита Михаила. Оно, как показал В. Л. Янин, не могло принадлежать очень древней традиции, так как только к 20-м гг. XV в. относится «проникновение версии о том, что первым киевским митрополитом был Михаил, в Устав князя Владимира». После этого «имя Михаила, – заключает В. Л. Янин, – становится достоянием летописцев» (56). Исследователь допускает в данной связи, что оформление текста о крещении могло произойти в середине XV в.

8

Последней специальной работой о НИЛ стала кандидатская диссертация ныне покойного В. И. Вышегородцева, защищенная в Москве в 1986 г. Содержание ее почти не было отражено в печати[57]. Машинописный текст диссертации хранится в Российской государственной библиотеке. Сопоставление его с изданным авторефератом показало, что приводимые ниже выдержки

из реферата материалом проведенного диссертантом исследования подкрепляются, хотя и не в полной мере (что я попытаюсь конкретно показать).

В. И. Вышегородцев не согласился с теми своими предшественниками, которые «рассматривали Иоакимовскую летопись как "фантастический" памятник позднего летописания конца XVII века» (3). Он пишет, что вторая часть НИЛ содержит комплекс «оригинальных известий о первых русских князьях», а «рассказ Иоакимовской летописи о крещении новгородцев отражает реальную ситуацию конца X в. в Новгороде, как это было доказано В. Л. Яниным»[58] (15). Наиболее важными результатами проведенной диссертантом работы мне представляются плоды соотнесений с исследованиями, помогающими гипотетически выяснить происхождение упомянутых – действительно оригинальных – известий. Общий итог оказался таков: «В основе Иоакимовской летописи лежит пропитанный христианской идеологией вариант сказания о первых русских князьях, близкий по происхождению русскому источнику "Истории Польши" Я. Длугоша. Историческая достоверность оригинальных известий в описании правления Аскольда, Ольги, Святослава, Ярополка и Владимира подтверждается сведениями византийских, арабских источников. Эти произведения стали известными российской историографии только со второй половины XVIII в. и потому не могли быть использованы в качестве исторического материала для компиляции Иоакимовской летописи. Вариант сказания о первых русских князьях, отразившийся в Иоакимовской летописи, предположительно создавался при Святополке и испытал на себе сильное культурное влияние болгарской письменности» (15).

Вышегородцев сопоставил известия НИЛ, касающиеся князя Святослава, с недавно переизданной монографией А. Н. Сахарова, основанной на совокупности источников, включая такие, которые действительно еще не были введены в оборот русской науки до середины XVIII в[59]. В результате подтвердилась правомерность фразы НИЛ, говорящей, что Святослав «на Дунае, воюя на казари, болгоры и греки, имея помосчь от тестя, князя угорского и князя ляцкого, не единою побеждая, последи за Дунаем у стены долгие все войско погуби». Вышегородцев пишет, что в отличие от Повести временных лет «византийские источники говорят об участии отрядов из Венгрии в борьбе русских войск с византийцами», а противостояние «русско-венгерскому союзу соглашения хазар, болгар и греков подтверждается историческими исследованиями А. Н. Сахарова». Это позволяет «считать реальным и более ранним» известие НИЛ, «чем запись Начальной летописи, где хазары оторваны от своих союзников болгар». Вышегородцев обращает внимание на заключение Сахарова, что «Святослав создал <...>

коалицию, куда входили <...>, возможно, и поляки», а это «совпадает с указанием Иоакимовской летописи на союз Святослава с князем ляцким». Что касается «долгих стен», у которых потерпел поражение Святослав, то «Татищев не мог найти указаний, где эти стены находятся», но известия о них имеются у Прокопия Кесарийского, который писал, что «длинные стены <...> отстоят от Византии немного больше одного дня пути»; термин этот есть и у Стрыйковского (в русском переводе XVII в. его хроники), но «в отрывке, совершенно не связанном с походами Святослава». Ссылаясь на А. Н. Сахарова, диссертант пишет: «Поражение у "длинных стен" под Аркадиополем, зафиксированное в византийских хрониках, послужило поводом для гонений и казней на христиан, бывших в войске Святослава» (177–178д, с отсылками к А. Н. Сахарову, Прокопию и Стрыйковскому).

В. И. Вышегородцев предполагает, что в НИЛ «нашел отражение источник, восходящий к болгарской письменности. В связи с этим, – продолжает диссертант, – понятна и негативная оценка деятельности Святослава в Болгарии, где отмечаются поражения, а не победы русских», причем «чувствуется мощная клерикальная струя», и «рассказ завершается прославлением Бога, ниспославшего смерть на князя – гонителя христиан» (179д). По мнению диссертанта, «болгарское влияние прослеживается» и в тех фразах НИЛ, где говорится, что Владимир «после победы над болгарами "приат кресчение сам и сынове его, и всю землю Рускую крести. Царь же болгорский Симион присла иерей учены и книги довольны"». Отсылая к труду М. Д. Приселкова, который вслед за А. А. Шахматовым высказывал «гипотезу о принятии христианства Владимиром из Болгарии, точнее – Охридского царства», В. И. Вышегородцев пишет: «Имя Симеона, который умер в 927 г., носил его внук Роман <...>, нареченный царем болгар с целью возвышения Охридского царства»[60], и, «естественно, такие подробности из политической жизни Болгарии конца X века мог знать только современник описываемых событий»[61] (179–180д).

Вышегородцев соотнес результаты наблюдений над текстом НИЛ с гипотезами своих предшественников, в частности – М. Н. Тихомирова, который предполагал, что существовало «сказание о русских князьях X в.», и А. Г. Кузьмина, который писал о его составлении при Святополке, соглашаясь с Тихомировым[62].

Поскольку фактический отец Святополка – Ярополк женат был на христианке и воспитывался при дворе своей бабки – христианки Ольги, В. И. Вышегородцев предполагает, что Ярополк «воспринял от нее христианство», хотя, как говорится в НИЛ, «не крестися народа ради». В связи с тем, что жена Ярополка, приведенная Святославом из Болгарии, была

там «черницей», диссертант предположил, что «при дворе Ярополка и его жены-христианки имелись пресвитеры болгарского происхождения, составлявшее окружение Ярополка и вызывавшие недовольство дружинников – поклонников языческих культов» (182д). Это позволяет автору объяснять прохристианскую и антиязыческую тенденцию ряда оригинальных текстов НИЛ, посвященных событиям, происходившим после Рюрика и до вокняжения Владимира. Сюда относится не только чрезвычайно благожелательный отзыв НИЛ о Ярополке и особенности в изложении войны с ним Владимира, бывшего еще язычником, но и упомянутые выше тенденции в рассказе о княжении Святослава, и оригинальные подробности в описании княжения Ольги, и текст известия НИЛ об убиении «блаженного» Аскольда, преданного киевлянами-язычниками после принятия им крещения, известие о котором, как предполагает В. И. Вышегородцев вслед за В. Н. Татищевым, читалось на листах, утраченных в оригинале рукописи НИЛ, полученной от Мелхиседека.

А так как из текста НИЛ можно заключить, что Владимир принял крещение в Болгарии, откуда затем прибыли ученые иереи, это дает В. И. Вышегородцеву основание для согласия с теми своими предшественниками, которые предполагали либо ведение летописания уже при Ярополке, либо создание при его сыне Святополке исторической повести о первых русских князьях. Диссертант связывает ее составление со Святополком, поскольку весьма сдержанное отношение НИЛ к Владимиру – в противовес отношению к Ярополку – делает естественным предположение, что тексты эти создавались в окружении князя, настоящим отцом которого был не Владимир, а Ярополк.

Почти половина работы Вышегородцева посвящена упомянутой уже «Истории еже о начале Русския земли» или, как ее именует диссертант, «Повести о древнейшей истории Руси», а также частично – летописным сводам 1650 и 1652 гг., поскольку в их составе эта повесть появилась, позже распространившись в отдельных списках. Но, в отличие от Гольдберга, диссертант рассматривал не столько взаимоотношения текстов, сколько взаимоотношения идей, которые он усматривает в главных разновидностях «Повести». Однако, что касается соотношения «Повести» и НИЛ, то в этом вопросе В. И. Вышегородцев в сущности солидарен с Гольдбергом и даже приводит в подкрепление аналогичного понимания соотношения их текстов любопытный «текстологический» довод. Согласно «Повести», послы из Русской земли, прибывшие к Рюрику, «молиша его, да идет к ним княжити; и умолен бысть князь Рюрик и поиде на Рус». По мнению диссертанта, «неоднократное обращение послов к Рюрику с “мольбой” о

принятии престола <...> в Иоакимовской летописи превращается в название средней дочери Гостомысла» – Умила (160д). А это, считает В. И. Вышегородцев, «позволяет говорить о трансформации взглядов летописцев на природу монархического правления по такому важному вопросу, как взаимоотношение государя, царской власти и народа» (161д). Имеется в виду переход от избрания царя народом к наследственной передаче власти.

Однако и в «Повести», и в НИЛ послы обращаются с просьбой к Рюрику один раз – по указанию Гостомысла. Разница состоит только в стиле: кратко и просто это сказано в НИЛ, пространнее и довольно напыщенно – в «Повести». Имя Умилы – аргумент явно искусственный. Другое дело, что через нее власть, согласно НИЛ, переходит от Гостомысла к его внуку, а в «Повести» просители обращаются к наследнику «самодержцев, иже от рода кесаря Августа» – лицу гораздо более знатному, чем внук Гостомысла. Это – разница существенная. Как известно, эпизод, в котором «воевода новогородскы имянем Гостомысль» перед смертью «съзва владалца сущая с ним Новагорода» и дает им совет призвать князя «римска царя Августа рода»[63], был еще в послании Спиридона-Саввы, где появился, по-видимому, в начале XVI в., перешел оттуда в «Сказание о князьях Владимирских» и в летописи XVI–XVII вв. Восходит ли здесь завещание Гостомысла к устному источнику или к письменному, сказать пока трудно, но при сравнении с текстом НИЛ эпизод выглядит явно вторичным, а не первичным: естественно, что тогда была сочтена более соответствующей престижу России просьба принять престол, обращенная к потомку императора Августа, чем к родственному по женской линии иностранному потомку местного правителя. В результате получалось, что династия Рюриковичей происходит от Августа, а не от Гостомысла. Переработка в обратном направлении была бы трудно объяснима[64].

Судя по диссертации В. И. Вышегородцева, он был плохо знаком с работой Б. Клейбера и не был знаком со статьей М. Горлина. Но отчасти оказался близок последнему, так как относил составление НИЛ ко второй трети XVIII в. и пытался связать его с политической ситуацией того времени. Однако, согласно Вышегородцеву, составитель НИЛ «принадлежал к дворянской среде» (14), причем остается непонятным, как возникшая в этой среде летопись сразу же оказалась в Бизюкове монастыре у малообразованного Мелхиседека. Есть в диссертации и другие несогласованные, малообоснованные соображения, иногда – просто домыслы. Но В. И. Вышегородцеву удалось конкретно показать, что «вторая часть Иоакимовской летописи сохранила отзвуки ранней летописной традиции», причем «отдельные известия ее обладают чертами исторической реальности» (16).

Относительно рассказа о крещении это доказал В. Л. Янин, а что касается других известий – Вышегородцев привел подтверждения того, о чем писал небезосновательно еще П. А. Лавровский.

9

Характеристику работ, посвященных НИЛ, приходится прервать разговором о недавних попытках оспорить ее подлинность. Не относясь к категории серьезных публикаций, они требуют, однако, рассмотрения вследствие их агрессивности. Два десятилетия назад Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» выпустило стотысячным тиражом под рубрикой «Новинки года» небольшую книжку, представленную как «диалог» Льва Гумилева и Александра Панченко. Ученые, давно являвшиеся специалистами в своих областях (востоковедение и литературоведение), приобретали известность как авторы обращенных к широкой публике экстравагантных суждений относительно русской истории. Жанр книжки позволял не отягощать подобные суждения библиографическими отсылками, используя в субъективном пересказе содержание чужих исследований и исторических источников. А. М. Панченко вопреки источникам убеждал читателей в индифферентном отношении всего населения Руси X в. и к христианству, и к язычеству. Фантазируя и неточно цитируя по памяти летописные тексты, он хотел оспорить давно известные факты сопротивления убежденных язычников христианизации. Соответственно он обратил эскападу против НИЛ, где подробно описан наиболее показательный такой факт.

А. М. Панченко хотел оспорить «археологический материал, будто бы подтверждающий позднее, считавшееся баснословным известие Иоакимовской летописи о вооруженном сопротивлении крещению (Путяте и Добрыне) жителей Софийской стороны Новгорода». Полагая, будто на самом деле «все обошлось более или менее спокойно», А. М. Панченко решил вопрос просто: «Что до “увязки” позднелетописного баснословия и новгородского пожарища, сделанной В. Л. Яниным, – ее надлежит счесть излишне смелой. Археологическая датировка с точностью до года в данной ситуации невероятна. Невероятно также и крещение новгородцев “мечем и огнем” (так читается в Иоакимовской летописи)»[65].

Фигуральный оборот летописного текста критик тенденциозно истолковал в прямом смысле. Но более существенно, что его утверждения базируются на незнакомстве с азами современной археологии и с трудами

А. А. Шахматова. Последний обстоятельно писал о НИЛ как о важном звене древнейшего летописания, не подвергая сомнению названное А. М. Панченко «баснословным» известие ее о крещении Новгорода, которое, по словам Шахматова, «содержит черты, обличающие современника», причем «некоторые части его могут принадлежать первому епископу новгородскому Иоакиму» (подробно см. выше).

Что до «невероятности» точной датировки, то приходится напоминать истину, ставшую хрестоматийной задолго до появления «диалога»: «Как известно, дендрохронологический метод позволяет определить календарную дату рубки конкретного дерева. При массовости образцов и строгой стратиграфии мы получаем возможность определять время сооружения деревянных построек с точностью до одного года». Это «открывает возможность датировать прослойки культурного слоя, которые образовались во время строительства и жизни данной постройки». Соответственно, «мы получаем абсолютные даты всех вещевых комплексов и отдельных находок из этого слоя»[66].

При неповерхностном знакомстве с русской историей А. М. Панченко мог бы обнаружить, что еще до того, как достоверность НИЛ подтвердило археологически исследование В. Л. Янина, уникальные известия этой летописи использовали в своих трудах такие историки, как С. М. Соловьев и Г. В. Вернадский, а Н. И. Костомаров не только их использовал, но и приводил целиком как раз ее рассказ о крещении Новгорода (подробнее см. выше).

После публикации результатов археологической проверки НИЛ привлекается в работах современных историков довольно широко. Однако упоминание ее в недавней книге А. В. Назаренко побудило Алексея Толочко расправиться с этой летописью еще более лихо, чем поступал Александр Панченко. Правда, в отличие от упомянутого «диалога», «заметка» А. П. Толочко снабжена библиографическими ссылками[67]. Но в них слишком много ошибок и неточностей[68], а в характеристиках использованных материалов присутствуют тенденциозные передергивания[69]. Неряшливый и некорректный стиль работы подстать ее содержанию.

По утверждению А. П. Толочко, «автор “Иоакимовской летописи” владел индивидуальным словарем Татищева» (246), откуда следует, что Татищев и был ее автором. Опорой столь обязывающего суждения оказалось единственное слово «проторчь», присутствующее по одному разу в НИЛ и в Радзивиловском списке, которым тоже пользовался Татищев. Из современных словарей ясно, что там и тут слово употреблено для обозначения узкой теснины, пробиваемой в твердом грунте водами Днепра непосред-

ственно вблизи порогов. Этих словарей еще не было во времена Татищева. Он полагал, что слово «проторчь» обозначает и сами пороги: это отображено в его пояснениях к летописным текстам и к своим примечаниям. Соответственно он пояснил фразу НИЛ о гибели князя Святослава: «на Днепре близ проторча (порогов) оступиша печенези»[70]. Такие пояснения отдельных слов в скобках у него встречаются нередко, причем из контекста совершенно ясно, что принадлежат они именно Татищеву, а не летописцу[71]. Но А. П. Толочко, не сомневаясь, приписал это пояснение самому тексту летописи, содержавшей, по его словам, «идентичную Татищевской ошибку в понимании слова» (247).

В списках других летописей слово встречается в иных формах («протолъчии», «протолчивое» и т. п.). Аналогично НИЛ, но по иному поводу, в Радзивиловском списке: «и придоша ниже порога и сташа въ проторчехъ»[72]. Желая дискредитировать и Татищева, и Новгородскую Иоакимовскую летопись, А. П. Толочко объявляет эту форму «испорченной» и пишет, что «псевдо-Иоаким» почерпнул «ошибочное написание из летописи, бывшей в распоряжении Татищева!» (247). Но если бы критик внимательнее обращался к словарям, то он мог бы увидеть, что более верным, пожалуй, является именно написание НИЛ и Радзивиловского списка. Как раз в том академическом словаре, на который А. П. Толочко ссылался, неверно указывая номер выпуска, он мог бы прочесть: «ПРОТОРГНУТИ <...> *прорвать*»; «ПРОТОРГНУТИСЯ <...> 1. *Прорваться* <...> 2. *Пробиться* <...> *(о воде)*. Яко протържеся вода <...>»[73]. Форме же «протолъчии» и подобным нет аналогичных соответствий.

Предполагать, будто «псевдо-Иоаким пользовался той же редкой рукописью, что и Татищев» (248), можно было бы, лишь найдя комплекс текстовых соответствий Радзивиловского списка и НИЛ. Случайное сходство одного слова в разных контекстах, произвольно истолкованное и неверно комментируемое, не дает повода для претенциозных выводов А. П. Толочко. «Заметка» его могла существенно повредить научной репутации автора, особенно – с его демонстративно пренебрежительным отношением к ученым прошлого и к современникам, «дурные привычки» которых, по словам А. П. Толочко, проявлялись в использовании Новгородской Иоакимовской летописи (245).

Приходится упомянуть, что своеобразный «поход» против В. Н. Татищева впоследствии продолжили сам Алексей Толочко и М. Б. Свердлов, поразному фантазировавшие в своих интерпретациях НИЛ[74]. Однако новые нападки на первого русского историка вызвали шквал ответных работ, противостоящих в особенности попыткам дискредитировать эту летопись[75].

10

Возвращаясь к трудам А. А. Шахматова, необходимо заметить, что ни дополнения его общей концепции истории летописания, предлагавшиеся позднейшими исследователями русских летописей, ни даже вносившиеся коррективы, в сущности, не затронули написанное им относительно НИЛ. Имеет лишь смысл присоединить к соображениям А. А. Шахматова упомянутую частную гипотезу относительно недошедшего памятника, связанного с Ярополком Святославичем и Святополком Владимировичем.

Можно попытаться, опираясь на труды А. А. Шахматова, при учете исследования П. А. Лавровского и важных работ последних десятилетий, нарисовать гипотетическую картину возникновения и дальнейшей судьбы НИЛ.

Епископ Иоаким в 1017 г. приступил к составлению летописи в связи с событиями этого года. Возможно, что подготовка – собирание материала по истории Новгорода – была начата и раньше, когда в Новгороде княжил Ярослав. После победы его над Святополком повествование о первых русских князьях, составленное при Ярополке и дополнявшееся при Святополке, было прислано Ярославом Иоакиму как материал для летописного свода, о работе над которым было известно Ярославу. Другим материалом становились записи устных преданий, относящихся к предыстории Новгорода и Новгородской земли – записи, осуществлявшиеся помощниками Иоакима или им самим от местных информаторов, среди которых могли быть и жившие в Новгороде скандинавы. Так как главным делом для епископа являлось распространение христианской веры и преодоление сопротивления этому со стороны активных приверженцев язычества, в летопись было включено подробное описание того, как это происходило при вооруженном содействии Добрыни и Путяты. Косвенно той же цели служило включение в летопись материалов повествования Ярополка – Святополка, поскольку в нем акцент делался на осуждении противохристианских поступков язычника Святослава и выражались симпатии к христианину Аскольду. Работа над пополнением летописи новгородскими материалами продолжалась и после смерти Иоакима вплоть до 1036 г.

В следующем году Ярослав в Киеве «собра писце многы и прекладаше от грекъ на словеньское писмо»[76]. Можно думать, что среди собранных в Киеве книжных людей был и тот, кто продолжал летописные записи при епископском дворе в Новгороде. Вести там эту работу стало некому, а летописный свод Иоакима как целое оказался невостребованным. Причина достаточно ясна: свод Иоакима уделял преимущественное внимание

Новгороду и утверждению христианства там, а не в Киеве, предыстории Новгорода, а не Киева, сочувствовал Аскольду, которого убил Олег, прибывший с первым киевским князем Рюриковичем, осуждал Святослава, чьи соратники в Киеве повествовали, вероятно, о его военных подвигах еще совсем недавно, благожелательно сообщал о Ярополке, которого отец Ярослава лишил законного престола. Древнейший киевский свод, составление которого А. А. Шахматов относил к 1039 г., только частично использовал, вероятно, свод Иоакима, в основном опираясь на материалы киевские, но не отягощенные принадлежностью к повествовательной традиции Ярополка – Святополка.

О дальнейшей судьбе рукописи, содержавшей свод Иоакима Корсунянина, дополненный, вероятно, до 1036 г., могут быть высказаны некоторые догадки, предварительный характер которых самоочевиден. Вероятно, летопись была возвращена в Новгород (а может быть, там и оставалась: в Киев могли посылать список с нее). Но ее уже не продолжали, так как основой дальнейшей летописной работы стал Новгородский свод 1050 г. Рукопись попала в архив при канцелярии новгородских владык и не извлекалась при составлении последовавших новгородских сводов, так как было известно, что она уже использована в Древнейшем своде, на котором был основан Новгородский свод 1050 г., и продолжения не имеет.

Но к ней могли обратиться в связи с канонизацией Иоакима Корсунянина, которая произошла в 1439 г.[77]: изготовить список с текста четырехвековой давности, отдавая этим дань уважения новопрославленному первому епископу Новгорода. Именно тогда в текст могли попасть слова о том, что исходный оригинал его «святитель Иоаким, добре сведомый, написа». Тогда же, вероятно, ввели важное упоминание митрополита Михаила – дабы привести текст, атрибутируемый святому епископу Иоакиму, в соответствие с только что утвердившимся представлением, кто являлся первым русским митрополитом. Идеологическая направленность мероприятий архиепископа Евфимия II, среди которых заняла свое место канонизация Иоакима Корсунянина, позволяет думать, что летопись могли дополнить и в начальной части, уснастив фольклорными по происхождению материалами, способствовавшими поднятию престижа Новгорода. Это мог быть, прежде всего, тот литературно обработанный текст предания о Гостомысле, который в основе своей, вероятно, отображал историческую реальность, но, будучи уснащен традиционными мотивами, воспринимается нами в целом как содержащий псевдоисторический вымысел. Могли быть использованы и другие материалы устной традиции, которые в дошедшем тексте начальной части НИЛ порой трудно выделить среди пло-

Древнейшее новгородское летописание и его источники согласно А. А. Шахматову

дов довольно наивного, на наш взгляд, историографического творчества, осложненных редакторскими привнесениями на заключительном этапе истории летописного текста.

Последующее обращение к Новгородской Иоакимовской летописи было, как можно думать, вызвано событием 1699 г.[78] – перенесением мощей Иоакима Корсунянина и погребением их в Новгородском Софийском соборе[79]. К тому времени новгородские летописные своды последней четверти XVII столетия были уже составлены, существовала во многих списках

«История еже о начале Руския земли», введенная в текст двух последних сводов. Сводчики, работавшие при дворе новгородских митрополитов, привлекли ее как источник, более отвечавший их представлениям о государственном престиже России и Новгорода, поскольку она возводила Рюрика от императора Августа. Неиспользованную небольшую по объему Новгородскую Иоакимовскую летопись все же переписали по случаю торжества, столь непосредственно связанного с ее первым составителем. Но время было для церкви не очень благоприятное. Умер последний патриарх, началась Северная война. Новый список с летописи епископа Иоакима был изготовлен без подобающей тщательности, но в нем оговорили утрату двух листов в оригинале XV в., на которых, как предположил Татищев, речь шла о событиях, связанных с крещением Аскольда. Эти листы могли быть вырваны тогда, когда шла работа над Никоновской летописью. Повышенный интерес ее составителей к этому князю, его походу на Константинополь и самому крещению имел результатом даже учетверение известий вследствие привлечения разных источников об одних и тех же фактах[80]. Собирая свидетельства об Аскольде, могли не остановиться перед грубым изъятием нужного текста из рукописи, хранившейся в архиве новгородского митрополита.

Как попала НИЛ из Новгорода в Бизюков монастырь, пока остается только гадать, поскольку довольно частые перемещения архимандритов создавали возможность перемещения и рукописных книг. Не исключено, что еще может обнаружиться полный текст НИЛ, так как свидетельство о его существовании, происходящее, впрочем, из не очень надежного источника, было некогда опубликовано[81].

Глава 3.

ПАМЯТНИКИ ЛЕТОПИСАНИЯ XIII–XV ВЕКОВ

1

Старшее летописание Новгорода доступно изучению в рукописях позднейшего времени – за исключением одного только Синодального списка Новгородской первой летописи, который относится в разных своих частях к XIII и XIV вв. (ГИМ, Синодальное собрание, № 786, 4°, 169 лл.). Летописи этого периода изучались в последнее время довольно интенсивно, что позволяет суммировать результаты, уделяя специальное внимание вопросам, которые остаются дискуссионными.

Гипотетичность состава утраченных летописей XI–XIII вв., как и предполагаемых, но реально не представленных в сохранившихся рукописях сводов XIV–XV вв., требует особенно внимательного отношения к трудам А. А. Шахматова, построения которого основывались на всей совокупности доступного изучению материала – с учетом летописей поздних, но дающих основания для заключений о повлиявших на них и в них отразившихся памятниках старшего периода, фиксированных главным образом дошедшими списками Новгородской первой, Новгородской Карамзинской, Новгородской четвертой и Новгородской пятой летописей.

Как уже было сказано, летописная работа в Новгороде велась более семи столетий. Затухание ее произошло лишь в XVIII веке, но в некоторых списках летописные известия заходят и в девятнадцатое столетие. Древнейшие памятники новгородского летописания не сохранились, однако благодаря трудам А. А. Шахматова и продолжателей его дела удается восстановить в главных чертах, на основе реально дошедших летописных текстов, всю историю летописания Новгорода. Начальные звенья ее в большей или меньшей степени гипотетичны, однако А. А. Шахматову удалось даже реконструировать текст Новгородского летописного свода середины XI века[82].

Не исключено, что начало русского летописания (согласно предположениям некоторых недавних исследователей) относилось еще к десятому

столетию или более раннему времени. Однако такие гипотезы, базировавшиеся на спорных данных, достаточной поддержки в науке не получили. Можно считать непоколебленными основные положения А. А. Шахматова, опиравшегося на весь введенный тогда в науку фонд рукописных материалов, который позднее не получил сенсационных приращений в отношении того, что относится к новгородскому летописанию XI–XV веков.

Согласно А. А. Шахматову, русские летописи зародились в первой четверти XI столетия, причем именно в Новгороде началась летописная работа, результаты которой легли затем в основу самых ранних летописных сводов, составлявшихся в Киеве и в Новгороде. Первые летописные записи были произведены, очевидно, в 1017 г. Поводом послужили драматические события 1015–1016 годов. Они были описаны подробно, перед тем сообщено о некоторых фактах предшествовавшего времени: крещении Новгорода прибывшим сюда епископом Иоакимом Корсунянином, построении церквей, посажении Владимиром Святославичем на новгородский стол Вышеслава, а после его смерти Ярослава и других. Текст завершался известием о получении новгородцами грамоты Ярослава и копией самой грамоты. Работа выполнялась, очевидно, при владычном дворе. В 1036 г., когда Ярослав Мудрый, посадив на новгородский стол своего сына Владимира и поставив нового епископа, определил размер дани в пользу Киева, летопись продолжили, завершив ее известиями об этих событиях[83].

Древнейший киевский свод, составленный по А. А. Шахматову в 1039 г., использовал новгородскую летопись епископа Иоакима, продолженную до 1036 г. Восстановлением ее текста А. А. Шахматов не занимался, но давая гипотетический текст использовавшего Древнейший киевский свод 1039 г. Новгородского свода 1050 г., он включил в него слова «посадиша старейшину Гостомысла» – на основе летописных текстов XV в., – поясняя: «Находим неизбежным возвести это известие к своду XI века и предполагаем, что оно читалось в нем в рассказе о древнейшем моменте истории Новгорода»[84]. Этот летописный свод Новгорода включал устные предания о событиях, предшествовавших крещению новгородцев, а также припоминания самих составителей и результаты их расспросов о фактах, бывших после 1036 г. Впоследствии текст свода 1050 года дополнялся новыми записями, но не ежегодно: более или менее систематично вносились известия за несколько лет или за один год, эпизодически. Владычная летопись Новгорода стала вестись погодно почти без перерывов приблизительно с 1110 года.

По своей политической концепции Новгородский свод 1050 г. явился идейным предшественником развивавших эту концепцию более поздних

памятников новгородской историографии. За добровольным призванием Рюрика следует добровольное приглашение княжить в Новгороде Владимира Святославича. При довольно критической обрисовке княжения Ярослава Владимировича акцентируется внимание на текстах, которые Ярославу пришлось дать новгородцам, поскольку именно благодаря им он добыл себе киевский стол, – знаменитых «Ярославовых грамотах», ставших позднее как бы юридическим обоснованием самостоятельности политического строя Новгорода в его взаимоотношениях с князьями. Согласно относительно недавним исследованиям, в данном случае, по-видимому, речь должна идти о Древнейшей Правде или так называемой Правде Ярослава, составившей затем первую часть Краткой Правды[85].

2

Согласно А. А. Шахматову, первая летопись Новгорода была составлена на два десятилетия раньше появления использовавшего ее первого летописного свода в Киеве. Древнейший киевский свод явился в сущности официальной летописью Киевской митрополии и в таком качестве был привлечен составителями Новгородского свода 1050 г. Его текст пополнялся летописными известиями вплоть до 1116 или 1117 года, когда, согласно гипотезе Д. С. Лихачева, был составлен княжеский летописный свод Новгорода. Сам же свод 1050 г. создавался по инициативе князя Владимира Ярославича и новгородского епископа Луки, согласно А. А. Шахматову, в ознаменование завершения Софийского собора в Новгороде. А в княжеском своде Мстислава Владимировича (или его сына Всеволода Мстиславича) была опять привлечена киевская летопись – третья редакция Повести временных лет, составленная в Киеве при участии Мстислава Владимировича, княжившего до 1117 г. в Новгороде. Она отражала взгляды Владимира Мономаха, была летописью княжеского дома и потому положена в основу княжеского свода Новгорода. Текст Повести временных лет дополнялся известиями новгородской летописи. Но материала для восстановления этого свода мало – остатки его в составе позднейших летописей дошли сильно переработанными.

С 1132 года летопись перешла в ведение кафедры новгородских епископов вследствие конфликта Новгорода с князем Всеволодом Мстиславичем. С этого времени более шести с половиной столетий основная летопись Новгорода ведется при дворе новгородских иерархов – епископов, позже архиепископов, затем митрополитов. Но создаются параллельно и летопи-

си новгородских монастырей и даже отдельных храмов, взаимодействовавшие с владычной летописью Новгорода.

После политического переворота 1136 г. была произведена, по предположению Д. С. Лихачева, идейная переработка княжеского свода Всеволода Мстиславича – по инициативе епископа Нифонта. Создается новый свод, в начале которого Повесть временных лет была заменена так называемым Начальным сводом – оппозиционной по отношению к княжеской власти летописью Киево-Печерского монастыря, в которой содержались и новгородские известия за XI век (до 1074 г.). Часть неновгородских известий Начального свода была при этом опущена. Новый свод получил заглавие «Софийский временник», как бы указывающее на новый политический центр, противостоящий княжеской власти. Было сохранено антикняжеское предисловие Начального свода – «Временника русской земли», – куда добавлены слова «преже Новагородьская волость и по томь Кыевьская...». После 1074 года был использован в сокращении текст свода Всеволода, сочетавший известия третьей редакции Повести временных лет и новгородские материалы.

Начиная приблизительно с 20-х годов XII в., т. е. со времени, когда составитель свода мог уже писать по памяти, все большее внимание уделяется местным городским событиям – пожарам, стихийным бедствиям, внутренним волнениям и т. п. Этот повышенный интерес летописца к фактам, затрагивающим непосредственно нужды широких слоев населения Новгорода, становится традицией новгородского летописания. Другая долго сохранявшаяся его особенность, проявившаяся здесь, – черты местного говора в языке, его лаконизм, восходящий к лаконизму устной речи. То и другое – проявления демократизма летописи, обусловленного особенностями политической жизни Новгорода до подчинения его Москве[86]. Однако мнение о составлении этого свода при Нифонте текстологически не аргументировано.

3

Обоснованный А. А. Шахматовым вывод о создании важного новгородского свода при архиепископе Иоанне I был «восстановлен в правах» А. А. Гиппиусом, не согласившимся при этом с частью аргументации Шахматова относительно происхождения и точной датировки свода 1167 года[87]. По мнению А. А. Гиппиуса, священник церкви св. Иакова Герман Воята (роль которого в летописании Новгорода была определена А. А. Шахма-

товым) являлся как раз тем владычным летописцем, который составлял свод 1167 года. Сам же этот свод, согласно выводам А. А. Шахматова, «лег в основание дальнейшего новгородского летописания, ведшегося погодно при дворе архиепископа»[88].

Как полагал Шахматов, когда «около 1423 г. в Москву ко двору митрополита потребовали архиепископскую летопись» для составления общерусского свода, древнейшие ее части «были отосланы в подлиннике», что побуждало «положить в основание нового владычного свода не древнюю архиепископскую летопись, а свод 1333 г. (Синодальный список)»[89].

Младший извод Н1Л представлен в ряде рукописей, старшие из которых относятся к середине XV века. По аргументированному заключению А. А. Шахматова, составитель протографа Н1Л младшего извода использовал непосредственно Синодальный список, сверяясь в своей работе с владычной летописью[90]. Вопрос этот не так давно был рассмотрен гораздо более детально в специальном труде В. Л. Янина. Отправляясь не от работы А. А. Шахматова, а от своих наблюдений в области новгородской сфрагистики, Янин обратился к летописному списку новгородских князей, исследование которого привело к рассмотрению взаимоотношений двух изводов Н1Л. Общий вывод В. Л. Янина оказался принципиально тождествен заключению А. А. Шахматова. При этом Яниным были конкретно намечены границы частей текста Н1Л младшего извода, восходящих к тому или иному из двух его источников: Синодальному списку и недошедшему экземпляру владычной летописи[91]. Возражения, высказанные недавно против данного построения А. А. Гиппиусом, не убеждают.

Впрочем, согласно странному мнению А. А. Гиппиуса (к которому присоединился Т. В. Гимон), «составление протографа» Синодального списка «явилось "побочным продуктом" реформирования владычного новгородского летописания, произведенного Германом Воятой в конце 1160-х годов». Основу этого протографа «составило начало (до 6583 г.) новгородского княжеского свода 1110-х гг., изъятое из софийского свода и замененное в нем на отредактированный и дополненный текст»[92].

Авторы приведенного заключения отослали к предшествовавшей статье А. А. Гиппиуса, где оно присутствует в похожей формулировке и с пояснениями: «Изъятая Германом Воятой из владычной летописи часть свода Всеволода была использована им тогда же для создания летописного свода Юрьева монастыря. Выполняя заказ юрьевского игумена Дионисия, Воята дополнил ее по владычному своду до своего времени и затем до своей смерти в 1188 г. продолжал пополнять юрьевский список, перенося в него собственные записи во владычной летописи. После смерти Германа Воя-

ты воспроизведение (с местными дополнениями) владычной летописи в Юрьеве монастыре продолжалось еще на протяжении восьми лет, пока был жив игумен Дионисий, с кончиной которого юрьевский летописный свод перестал пополняться»[93]. Согласно дальнейшим выводам Гиппиуса из построений его статьи (использовавших, хотя и несколько субъективно, наблюдения предшественников)[94], дважды затем переписанный и дополнявшийся по владычной летописи текст юрьевской летописи был доведен последним ее писцом до 1330 года.

Как известно, эту Синодальную рукопись другие писцы снабдили затем приписками годовых статей до 1352 года включительно[95].

По мнению А. А. Гиппиуса, владычная летопись отражалась в протографе списков Н1Л младшего извода *без привлечения* Н1Л старшего извода. Впрочем, как считает Гиппиус, составителем этого протографа «был использован и Синодальный список», но «лишь для того, чтобы списать с его последних листов приписки, относящиеся к Юрьеву монастырю»[96].

Для А. А. Шахматова, также как для В. Л. Янина, бесспорный факт прямого копирования этих известий из Синодальной рукописи в Н1Л младшего извода является как раз важным (хотя и не единственным) свидетельством того, что и весь массив совпадающих текстов на протяжении двух изводов Н1Л – результат непосредственного использования авторитетного Синодального списка составителем протографа Н1Л младшего извода (который при этом сверялся с современным ему экземпляром Владычной летописи).

Замечания А. А. Гиппиуса относительно некоторых частностей в обоснованиях Шахматовым и Яниным этого естественного вывода заслуживают внимания, но не дают повода согласиться с неправдоподобным мнением, будто составитель протографа младшего извода Н1Л обратился к древней рукописи старшего извода только затем, чтобы позаимствовать оттуда тексты сравнительно ничтожных по объему и значимости позднейших добавок к основному летописному повествованию.

Слишком субъективными представляются и другие важные звенья тех частей построения А. А. Гиппиуса, которые противопоставлены им концепции А. А. Шахматова. Например, крайне трудно было бы счесть убедительным мнение нынешнего исследователя, будто летописец Герман Воята, выполняя заказ архимандрита Юрьева монастыря составить летописный свод этого монастыря, положил в основу свода текст, самим Воятой, как считает Гиппиус, только что забракованный и потому изъятый из владычной летописи.

4

По словам Гиппиуса, «А. А. Шахматов ошибался», связывая составление свода 1167 года с учреждением в Новгороде архиепископии, ибо «рукоположенный в 1165 г. Иоанн-Илья не был, как это теперь ясно, первым новгородским архиепископом»[97]. Каких-либо конкретных доводов в пользу ясного ему суждения А. А. Гиппиус здесь не привел. Составителям же новгородских летописей ясно было нечто противоположное: «Поставиша Великому Новуграду архиепископа Иоанна перваго, а преж были епископы. <...> И в лета 6673 <...> дано бысть владыце Иоанну архиепископство митрополитом Иоанном Киевским. А до сего архиепископа Иоанна были в Великом Новеграде епископи, и было их 9, а с ним 10, потому что был епископ десятый. А в мире был Илия, жил в Софейской стране и священствовал у церкви древяной у Власия священномученика на Волосове улици»[98].

Увлеченность исследователя конструированием собственного построения, противостоящего фундаментально обоснованным заключениям А. А. Шахматова относительно связи происхождения Синодального списка с летописью новгородской церкви св. Иакова, побуждает А. А. Гиппиуса даже оспаривать *само существование* полноценных летописей при новгородских храмах – игнорируя или не замечая вполне достоверные факты.

Как написал в данной связи А. А. Гиппиус, опубликованные мной в 1958 году летописцы трех новгородских храмов «все имеют явно позднее происхождение и, не превышая объемом одного-двух листов текста, не являются полноценными летописными памятниками»[99]. Но известно, что еще полтораста лет назад архимандрит Макарий (Н. К. Миролюбов) в своем знаменитом труде, недавно переизданном, напечатал извлечения из доступных ему по более ранним рукописям летописей новгородских храмов св. Никиты, св. Дмитрия Солунского, Двенадцати Апостолов и Николо-Дворищенского собора. Существенно, что цитированная Макарием многократно летопись Николо-Дворищенского собора, судя по отсылкам к ней, имела объем не менее 38 листов. Она содержала, среди прочего, датированные известия о событиях XII, XIV, XV и XVII столетий: о возведении храмов Антониева и Юрьева монастырей, Благовещения на Городище, св. Феодора Тирона между улицами Щирковой и Розважей, св. Феодора Стратилата и самого Николо-Дворищенского собора, о приплытии иконы св. Николая Чудотворца, построении церквей Вознесния на Прусской улице и Апостолов Петра и Павла на Синичьей горе, св. Андрея Стратилата и св. Алексея Человека Божия, о разорении шведами храма

свв. Бориса и Глеба в Детинце. Подробно цитированы Макарием и бывшие у него в руках летописи трех других новгородских церквей[100]. Задача труда Макария побуждала его, естественно, уделять внимание лишь определенной группе летописных известий. Но не связанный прямо с публикацией Макария, весьма разнообразный по тематике и источникам «Летописец Новгородскаго Николаевскаго Дворищенскаго собора» был впоследствии напечатан Археографической комиссией (по двум довольно пространным выдержкам) среди приложений ко второму изданию Новгородской второй и Новгородской третьей летописей[101].

Отсылки к упомянутым материалам находятся как раз в той моей публикации, на которую возражает А. А. Гиппиус[102].

Задачи этой книги не позволяют вдаваться здесь в подробное рассмотрение *всех* тезисов и аргументов не слишком последовательной и стройной (может быть, вследствие значительного объема) работы Гиппиуса. Отдавая дань скрупулезности частных наблюдений двух упомянутых соавторов над списками Н1Л, следует все же признать, что попытка А. А. Гиппиуса заменить неоправданно сложным, как представляется, построением некоторые звенья концепции, разносторонне аргументированной в ряде трудов А. А. Шахматова, достаточно убедительного обоснования не получила.

Интересные наблюдения над языком Н1Л обоих изводов систематично представил в довольно обстоятельной работе А. Тимберлейк[103]. Однако не очень основательное знакомство с трудами А. А. Шахматова побудило этого автора придти к ложному мнению, будто, согласно методологическим представлениям «Шахматова и следующей ему традиции», летописи формировались «главным образом посредством выполнения над ними редакторской работы»[104]. Полагая даже, что он декларирует «новый взгляд на летописание в древнем Новгороде», А. Тимберлейк пишет, что оно формировалось «не в катаклизмах редакторских переработок, но в процессе постоянной, скромной и активной деятельности, осуществляемой на местах последовательно сменяющими друг друга летописцами»[105]. Стоит в данной связи напомнить слова А. А. Шахматова (высказанные как раз на той странице его «Разысканий», к которой отослал «возражающий» ему Тимберлейк): «...Мы стоим лицом к лицу с любопытным явлением в духовной жизни Великого Новгорода: в нем велась непрерывно погодная летопись, но обработок этой летописи, летописных сводов мы видим очень мало»[106].

Разбор А. А. Шахматовым соотношения Синодального списка и протографа списков младшего извода Н1Л остался вне поля зрения Тимберлейка. Статья же В. Л. Янина ему известна. Разделив мнение Гиппиуса и

уклонившись от достаточно внимательного разбора аргументации Янина, несогласие с ним Тимберлейк подкрепляет, в сущности, умозрительным суждением: «скорее» старший и младший изводы Н1Л «возникли из одной традиции», причем в одном из них «уничтожались детали, которые сохранялись» в другом[107]. Вопрос, конечно, заслуживал более серьезного разговора.

5

Если летописные своды второй половины XII века были связаны с утверждением республиканского строя в Новгороде, то обострившаяся с конца XIV столетия борьба против стремления Москвы подчинить Новгород вновь активизирует работу новгородских летописцев при архиепископе Евфимии II. Создаются общерусские своды Новгорода – в противовес общерусским сводам Москвы. Составленный в 30-х гг. XV века летописный свод, названный А. А. Шахматовым Новгородско-Софийским, благодаря своей исключительной для того времени полноте, лег в основу последующего летописания не только Новгорода. М. Д. Приселков, а за ним и некоторые позднейшие исследователи летописания без достаточных оснований полагали, что этот свод, именовавшийся ими «свод 1448 г.», был не новгородским, а московским митрополичьим[108]. Дата составления – 1448 год – первоначально была предложена А. А. Шахматовым, но впоследствии он признал ее основания ошибочными и утвердился во мнении, что составление этого новгородского свода относилось к 30-м годам XV века[109]. В недавнюю пору была малоудачная попытка возродить по иному поводу датировку свода 1448-м годом, но ее неоправданность ясна уже из самого состава известий этого свода, которые завершались 1418-м годом.

Помимо официальной летописи архиепископского двора, продолжавшей свод Германа Вояты, составители НСС привлекли московский, общерусский по составу, свод митрополита Фотия, ростовский общерусский свод архиепископа Григория и некоторые другие материалы. Полное использование общерусских известий упомянутых сводов имело следствием то, что сам этот свод Новгорода сыграл затем весьма значительную роль и в летописании Москвы. Созданная там вскоре Софийская первая летопись (С1Л) включила этот новгородский свод лишь несколько его дополнив за XI и XII вв. и переработав идейно известия, в текстах которых присутствовала оппозиционность по отношению к Москве. Путем сличения этой летописи с Н4Л восстанавливается состав самого НСС[110].

6

Новгородская четвертая летопись (Н4Л) сохранилась в двух редакциях, представленных десятью списками. К старшей редакции относятся списки: Новороссийский, датируемый последней четвертью XV в. (БАН, Текущие поступления, № 1107, 1°, 339 л.) и Голицынский, относящийся к первой половине XVI в. (РНБ, Q.XVII.62, 4°, 380 л.). Остальные списки принадлежат младшей редакции. Пять из них, вместе с двумя списками старшей редакции, были привлечены к начатому еще под руководством А. А. Шахматова второму изданию Н4Л: Строевский, последней четверти XV в. (РНБ, собр. Погодина, № 2035, 4°, 311 л.), Фроловский, последней четверти XV в. (РНБ, F.IV.235, 1°, 289 л.), Толстовский, конца XV в. (РНБ, Q.IV.138, 4°, 71 л.), Синодальный, 1544 г. (ГИМ, Синодальное собр., № 152, 1°, 426 л.), Академический, первой половины XVI в. (БАН, 16.3.2, 1°, 319 л.)[111]. Три списка введены в науку позже: Музейский «первый», конца 50-х–70-х гг. XV в. (ГИМ, Музейское собр., № 2982), Музейский «второй», середины XVI в. (ГИМ, Музейское собр., № 2060) и Академический «первый», XV в. (БАН, 45.8.256)[112].

Новгородская четвертая летопись возникла также при Евфимии II. Согласно исследованиям А. А. Шахматова, она явилась результатом дополнительной сверки НСС с текстом Н1Л младшего извода, продолженным в предшествовавшее время с использованием и неновгородских источников, а также привлечения нового ростовского свода архиепископа Ефрема. Старшая редакция Н4Л была доведена до 1437 г., младшая – в своих основных списках – до 1447 г. Некоторые списки затем продолжались и во второй половине XV в. К этому времени относятся и рукописи, содержащие старшие списки Н4Л[113].

Новгородская Карамзинская летопись (НКЛ), существующая в единственной рукописи конца XV – начала XVI в. (РНБ, F.IV.603, 1°, лл. 181–425 об.), представляет собой не единый текст, а две расположенные одна за другой выборки из единого летописного текста, причем содержание одной из них дополняется содержанием другой, охватывающей приблизительно тот же хронологический отрезок времени. По заключению А. А. Шахматова, эта летопись восходит к НСС через посредство текста, сходного с Н4Л, но не имевшего разделения на две выборки[114]. Согласно уточнению, которое предложил Я. С. Лурье, общий протограф НКЛ и Н4Л, восходивший к НСС, привлекал и дополнительные источники, среди которых была Н1Л; они же повлияли и непосредственно на Н4Л[115].

Новгородская пятая летопись (Н5Л), возникшая во второй половине 40-х годов XV века, сохранилась в пятнадцати рукописях, старшие из которых относятся к XVI в. Издание ее, доведенное пока только до известий 1352 г., привлекало четыре списка: Хронографический начала XVI в. (ГИМ, Синодальное собр., № 280, 1°, 729 л.), Погодинский второй половины XVI в. (РНБ, собр. Погодина, № 1404а, 1°, 708 л.), Академический начала XVII в. (БАН, 34.4.2, 1°, 660 л.) и рукопись РНБ, Q.XVII.151 (4°, 254 л.), писанную разными почерками XVII в.[116] Как установил А. А. Шахматов, Н5Л имела в основе сокращенную обработку младшей редакции Н4Л с использованием Н1Л младшего извода, откуда были взяты известия 955–966 и 1384–1405 годов, заменившие соответствующие тексты Н4Л. Создание летописи связывалось А. А. Шахматовым с новгородской церковью св. Пантелеймона: сокращая текст своего основного источника, летопись выпускала многие известия о построении церквей, но добавила под 1156, 1208 и 1372 годами сведения, относившиеся к возведению и возобновлению этого храма. Составителем Н5Л были выпущены и читавшиеся в Н4Л обширные повести московского происхождения и общерусской направленности[117].

Для истории новгородского летописания 40-х–60-х гг. XV века важна смоленская по происхождению Летопись Авраамки (ЛАвр), сохраненная в полном виде только Виленским списком 1470-х гг. (ЦНБ Академии наук Литвы, F.22–49, 4°, 450 л.), вторая часть которого относится к 1495 г. ЛАвр была основательно исследована А. А. Шахматовым. Он выяснил, что помимо кратких извлечений из НСС в этом памятнике привлечены Н5Л, доведенная до 1446 г. и использованная Авраамкой начиная с 1309 г., а также Н4Л, из которой взяты известия 1446–1469 гг. Последние есть и в составе продолжений основного текста этой летописи, находящихся в некоторых ее списках. Но там читается текст, сокращенный по сравнению с изложением, которое дает ЛАвр. Весьма ценный для понимания финального этапа истории Новгородской республики в ее конфликте с Москвой этот текст содержит уникальные подробности. Они находятся только в одном Виленском списке, в остальных эта часть летописи заменена другим текстом[118].

Краткие извлечения из НСС привлекал, как выяснено А. А. Шахматовым, и доведенный до 1461 года новгородский Летописец епископа Павла (ЛЕП), известный в единственной рукописи (БАН, собр. Доброхотова, № 18, вторая половина XVI в., 1°, 12 л.). По объему он невелик, но важен тем, что некоторые из новгородских известий ЛЕП, присутствующих и в Н4Л, содержат записи, первичные по сравнению с Н4Л[119]. Это обстоятельство, вопреки мнению, высказанному недавно в работе А. Г. Боброва[120], не отменяет общего заключения А. А. Шахматова.

7

Ряд работ А. Г. Боброва, Г. М. Прохорова и Я. С. Лурье, связанных между собой общей дискуссией, продолжавшейся около трех десятилетий, был посвящен специально новгородским летописям XV столетия, отраженным ими несохранившимся сводам и соотносимым с ними московским летописным памятникам этого времени. Началась дискуссия со статей Лурье о своде 1448 г., о Новгородской Карамзинской летописи, а также написанной Я. С. Лурье совместно с Б. М. Клоссом суммирующей статьи «Русские летописи XI–XV вв.». В этих работах предлагались некоторые видоизменения шахматовской схемы соотношений новгородского и общерусского летописания[121]. Затем дискутантами выступили Г. М. Прохоров и А. Г. Бобров. Первый опубликовал две больших статьи, где стремился обосновать гораздо более существенный пересмотр построений А. А. Шахматова относительно летописания XIV–XVI вв. – при опоре, однако, и на достигнутые им результаты[122]. В этих своих статьях «Летописные подборки рукописи ГПБ F.IV.603 и проблема общерусского летописания» и «Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская 1, Новгородская 4 и Новгородская 5 летописи)», а также нескольких работах, по-разному связанных с отображением в летописании XV века важных событий и деятелей XIV–XV вв., Прохоров старался обосновать несколько более существенный пересмотр построений Шахматова (при опоре, однако, и на достигнутые им результаты).

А. Г. Бобров в своих статьях и в книге «Новгородские летописи XV века» представил иной вариант общей картины летописной работы этого времени, отличный в ряде весьма важных позиций и от того, что содержалось в трудах А. А. Шахматова, и от изменений шахматовской схемы, предлагавшихся отчасти Я. С. Лурье, а в особенности – Г. М. Прохоровым[123]. Последний расценивал читающиеся последовательно в НКЛ две дополняющие одна другую подборки летописных известий как самостоятельные и разновременные по происхождению летописные памятники – НКЛ1 и НКЛ2. А. Г. Бобров присоединился к мнению Г. М. Прохорова о первичности НКЛ1 по отношению к С1Л, Н4Л и НКЛ2. Но в отличие от него А. Г. Бобров не считает, что НКЛ2 является в целом вторичной по отношению к С1Л. Он полагает, что и она, и НКЛ2 непосредственно восходят к своду митрополита Фотия 1418 года, а Н4Л – результат произведенного архиепископом Евфимием II соединения НКЛ1 и НКЛ2.

Основным результатом продолжительной дискуссии был слишком слабо аргументированный отход ее участников от заключений Шахматова о Новгородско-Софийском своде 30-х годов XV в. как центральном звене и отправном пункте новгородского, а отчасти и московского летописания XV столетия и последующего времени. Текстологические соотношения Новгородских первой (младшего извода), четвертой, пятой и Карамзинской летописей между собой и с Софийской первой летописью стали мыслиться либо исключающими вообще промежуточный общий их протограф – по Прохорову, либо имеющими в качестве такового недошедший свод митрополита Фотия 1418 года – по Боброву. Существование и состав этого свода установил еще А. А. Шахматов[124], видя, однако, в нем один из главных источников свода Новгородско-Софийского.

Недавние исследователи новгородского летописания через сто лет после формирования основных звеньев общей концепции А. А. Шахматова, оставаясь в русле других его построений, попытались отвергнуть один из центральных тезисов, но без достаточной обоснованности. Они отправлялись от своего истолкования частностей без полного сличения даже тех только памятников, которые ими специально рассматривались, тогда как А. А. Шахматов опирался на совокупность наблюдений над всей массой летописного материала.

8

В последнее время наметился закономерный возврат к концепции А. А. Шахматова. В работах М. А. Шибаева были внимательно разобраны противостоявшие ей аргументы Г. М. Прохорова и А. Г. Боброва[125].

Обнаружилось, во-первых, что те текстовые особенности изучавшихся Г. М. Прохоровым памятников, которые он истолковывал исходя из своего общего построения, объясняются гораздо проще на основе шахматовского понимания генеалогии летописных сводов. Во-вторых, как показал М. А. Шибаев, есть немало существенных текстологических фактов, которые противостоят построениям Г. М. Прохорова и не получают сколько-нибудь удовлетворительного истолкования, если принять его схему взаимоотношения летописей, при которой первая подборка НКЛ явилась общим источником Н4Л и С1Л, а эти две летописи – источником второй подборки НКЛ. М. А. Шибаев привел текстологические доказательства невозможности прямого восхождения С1Л к НКЛ1, а НКЛ2 к С1Л. По справедливому заключению М. А. Шибаева, аргументация Г. М. Прохорова

не подтвердила его мнение о непрерывном, постепенном формировании текстов С1Л, НКЛ1 и НКЛ2.

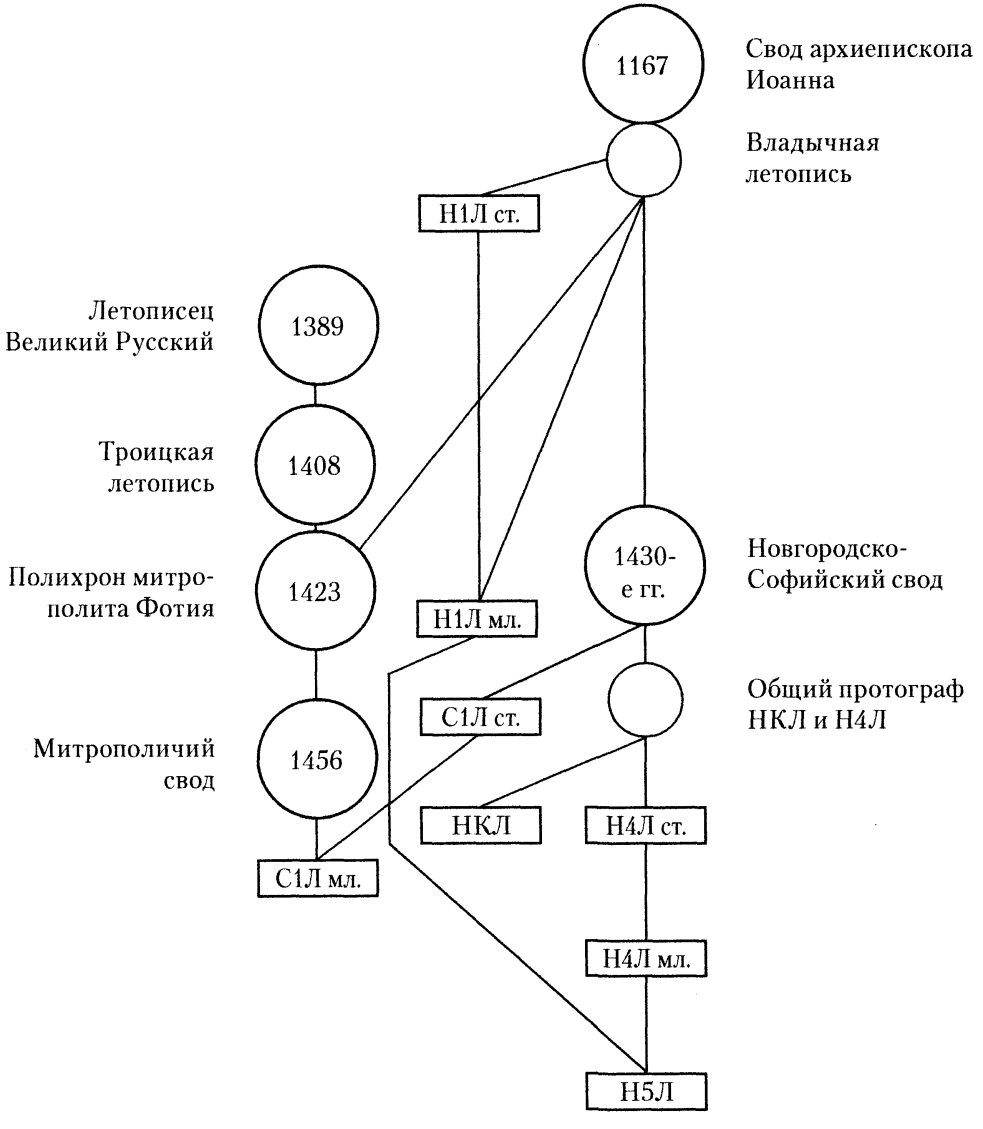
Детально рассмотрев и опровергнув текстологически ключевые аргументы А. Г. Боброва, М. А. Шибаев показал искусственность и неправдоподобность его схемы. Как выясняется, принятие ее требует допущения, что при возникновении достаточно различающихся летописных памятников – С1Л или Свода 1418 г., бывшего, по А. Г. Боброву, непосредственным протографом С1Л, и обеих подборок НКЛ составители их независимо друг от друга использовали одни и те же (или текстуально сходные с ними) источники, причем – источники различного географического происхождения (новгородский, центрально-русский, ростовский и др.), производя скрупулезную сверку по каждому из них.

Согласно достаточно оправданному выводу М. А. Шибаева, «аргументы Г. М. Прохорова и А. Г. Боброва не могут служить основанием для того, чтобы отбросить гипотезу о существовании у С1Л и Н4Л-НКЛ общего протографа (Новгородско-Софийского свода)»[126].

Таким образом, генеалогия старшего летописания Новгорода, выясненная А. А. Шахматовым, в основных своих чертах остается непоколебленной. Продолжительная дискуссия способствовала лишь уточнению некоторых частностей; дискутанты ввели в научный оборот несколько новых, но второстепенных материалов, выявили дополнительно несколько новых, но малосущественных фактов. Однако они не опровергли шахматовскую концепцию.

9

Памятникам новгородского летописания XV столетия присущ широкий исторический кругозор. При этом значительна роль посвященных важным событиям обособленных исторических повествований, введенных в летописные тексты. Использование таких произведений, имевших политическую направленность, преследовало цель поддержать идею государственной и церковной самостоятельности Новгорода. Этому способствовало и привлечение документальных материалов, среди которых были тексты церковно-юридического характера, помогавшие отстаивать независимость новгородской церковной организации. Составитель Новгородско-Софийского свода по своей внутриполитической позиции в основном являлся выразителем интересов архиепископского двора и связанных с ним политических кругов. Вследствие этого новгородская летопись в

Летописные своды Новгорода XII–XV веков и связанные с ними летописи

существенной мере утрачивает свой прежний демократизм – и по содержанию, и по стилю, и по языку.

Во второй половине XV века широкие по материалу общерусские летописные своды в Новгороде уже не составляются: известные продолжения Н4Л, отражая растущий накал политической борьбы, сосредоточивают основное внимание на фактах, относящихся к взаимоотношениям с Моск-

вой. Довольно подробно описаны и решающие события присоединения Новгорода к единому русскому государству.

Предложенная здесь в сжатом концептуальном изложении история летописания Новгорода XI–XV столетий, как представляется, учитывает в необходимой степени все значимые достижения ее исследователей и дополнительно введенные ими в науку существенные материалы. При сопоставлении и оценке разноречивых исследовательских характеристик новгородских летописей этого времени и гипотез относительно несохранившихся летописных сводов выясняется, что в основном осталась непоколебленной разработанная в свое время А. А. Шахматовым общая схема генеалогии дошедших и утраченных текстов новгородского летописания. Выдвигавшиеся в недавнее время возражения и попытки заменить ее иными построениями в целом несостоятельны. Это обнаруживается при рассмотрении их с позиций современного источниковедения, предусматривающих полное использование последних достижений текстологической методики.

Среди крупнейших центров русского летописания Новгород занимал первое место по продолжительности летописной работы, а по размаху этой работы летописание Новгорода уступало лишь московскому летописанию XVI в. Новгородские летописные своды XV столетия, вобравшие в себя материал предшествовавшего русского летописания, легли в основу почти всех последующих русских летописей, в том числе новгородских сводов XVI и XVII веков.

Глава 4.

ПАМЯТНИКИ ЛЕТОПИСАНИЯ XVI ВЕКА

1

При учете особой важности старшего летописания Новгорода, наиболее подробного рассмотрения требуют все же летописи последних столетий, так как они долгое время оставались малоизученными или почти вовсе неисследованными. К числу недостаточно исследованных относился крупнейший новгородский свод XVI в. – так называемая летопись Дубровского (НЛД)[127] – иначе «свод 1539 г.». Один из списков ее привлек пристальное внимание А. А. Шахматова, который позднее обнаружил другой список, оказавшийся основным (РНБ, F.IV.238, конец XVI – начало XVII в., 1°, 562 л.)[128].

Доведенная до 1539 года эта летопись особенно интересна в своей заключительной части (начиная с середины XV в.), причем наибольшую ценность представляют ее подробные известия за XVI век, которых нет в предшествующих летописных сводах Новгорода. Помимо текстов, взятых из московского летописания, в этой части находятся обстоятельные и систематические данные о внутренней истории Новгорода. Таковы многочисленные известия о городском строительстве, сведения о пожарах, наводнениях и эпидемиях и т. п. Подробно сообщено о таких событиях, как реставрация и украшение Софийского собора (1528 г.), постройка плотины с мельницей через Волхов (1528 г.), перепланировка Новгорода (1531 г.), мероприятия по искоренению разбоев (1531 г.), борьба с фальшивомонетчиками (1535 г.) и мн. др. Обстоятельно говорится о важнейших моментах взаимоотношений Новгорода с московским правительством.

Составитель свода поместил в свой труд не только многочисленные московские и общерусские известия, но и ряд произведений литературы, направленных против независимости Новгорода (на что обратил особое внимание Д. С. Лихачев)[129]. Это выдает в нем активного сторонника включения Новгорода и Новгородской земли в состав единого Русского государства – в результате событий, происходивших за несколько десятилетий

до составления летописи. Вместе с тем составитель бережно относится к преданиям новгородской старины – в свод помещен ряд легенд, возникших, по-видимому, еще в XV в. (сказания об изображении Пантократора в куполе Софийского собора, об основании Благовещенского монастыря, о видении софийского пономаря Аарона др.) и проникнутых новгородским патриотизмом[130].

Само существование новгородской летописи Дубровского и ее приблизительный состав были установлены А. А. Шахматовым гипотетически, главным образом на основании анализа так называемой Ростовской летописи (сохранившей только заключительную часть этого новгородского свода). Во время публикации исследования о «Ростовской летописи» А. А. Шахматов и обнаружил список Дубровского, содержавший полный текст предполагаемого «свода 1539 г.» и в основном подтвердивший гипотезу А. А. Шахматова[131].

До недавнего времени было известно четыре списка летописи Дубровского. Это полный список F.IV.238[132] и три рукописи, сохранившие текст свода лишь частично: окончание так называемой Ростовской летописи (Архивский список – в нем годы с 1480 по 1539)[133], окончание одного из списков Никоновской летописи (Архивский II список – годы с 1492 по 1505)[134] и так называемый Отрывок русской летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку (годы с 1445 по 1538)[135]. Имеется еще один полный список в рукописи РНБ F.IV.188, который, однако, не представляет большого интереса, так как является копией списка Дубровского, снятой в XIX веке.

А. А. Шахматовым было отмечено тождество списков Дубровского и Архивского, имеющих лишь несущественные различия[136] и восходящих к общему оригиналу[137]. Часть свода, читающаяся в списке Никоновской летописи, совершенно сходна с текстом Архивского списка. Таким образом, из пяти известных в настоящее время списков свода четыре смело могут быть причислены к одной его редакции.

Крупные отличия имеет Отрывок летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку[138]. Текст его с 1445 года (которым начинается Отрывок) и до 1491 г. включительно представляет соединение младшей редакции Софийской первой летописи[139] с несохранившимся летописным сводом, обрывающимся на 1491 годе (к которому, очевидно, восходят Хронографический список Новгородской пятой летописи[140] и список Царского[141] С1Л)[142], после чего идут заимствования из других источников (московских и новгородских), оканчивающиеся 1538 годом. Можно было бы полагать, что и в части до 1445 года свод имел состав аналогичный от-

резку 1445–1491 гг., так как источники этой его части (С1Л и отраженный списками Царского и Хронографическим «свод 1491 г.») начинались не с 1445 г., а с текста Повести временных лет. Однако состав обнаруженного А. А. Шахматовым в 1904 г. списка F.IV.238, дающего полный текст летописи Дубровского, оказался (как и предвидел А. А. Шахматов на основании данных Архивского списка) иным. Вплоть до 1447 г. в списке Дубровского содержится текст Новгородской четвертой летописи (несколько дополненный и измененный). Годы с 1447 по 1475, передающие соответствующий текст Отрывка в сильно сокращенном виде, содержат добавления и крупные вставки из других, преимущественно новгородских, источников (Легенда о видении софийского пономаря Аарона – под 1458 г., Сказание о новгородском архиепископе Ионе – под 1459 г., Духовная грамота Василия Темного – под 1462 г., Повесть о присоединении Новгорода – под 1471 г. и др.). Последующий текст не имеет крупных опущений текста Отрывка, но дополнительные включения продолжаются в списке Дубровского и дальше (пространный рассказ о пребывании Ивана III в Новгороде – под 1476 г., Послание Вассиана Рыло на Угру – под 1480 г. и др.). Список Дубровского, как и Архивский, оканчивается известием 1539 г. о рождении урода в Новгороде, которое отсутствует в Отрывке.

А. А. Шахматов полагал, что тот текст, который был им сначала восстановлен предположительно на основании Архивского списка и затем обнаружен в списке Дубровского, является первоначальным, а Отрывок представляет переработку свода, в которой текст Н4Л заменен текстом С1Л и сделаны некоторые сокращения[143]. Думаем, что такой вывод (высказанный автором фактически еще до обнаружения списка Дубровского – на основании гипотетических заключений о составе свода) ошибочен. Об этом свидетельствует непосредственное сравнение списка Дубровского с Отрывком, а также привлечение еще неизвестной А. А. Шахматову летописи, которая обнаружена мною в трех списках и была названа Новгородской Уваровской.

2

Новгородская Уваровская летопись (далее: НУвЛ) – довольно большой свод. Объем его в списках составляет 370–450 листов. Эта летопись полноценно не опубликована и до недавнего времени не исследовалась. Как показало сравнительное изучение памятников новгородского летописания

XVII в., НУвЛ легла в основу трех сводов этого столетия, среди которых крупнейшие летописи Новгорода – Новгородская третья и Новгородская Забелинская. Вместе с тем НУвЛ тесно связана с предшествующим ей московским и новгородским летописанием, в частности с летописью Дубровского, происхождение которой во многом проясняется благодаря анализу НУвЛ. Эти обстоятельства и побуждают рассмотреть сначала ее состав с достаточной подробностью.

Прежде всего, несколько замечаний о списках. Их мне известно в настоящее время три: ГИМ, собр. Уварова, № 568[144] (далее: *У*), РНБ, собр. Погодина, № 1408 (далее: *П*) и БАН, 34.4.1[145] (далее: *А*). Первый датируется палеографически последней четвертью, второй – 80-ми годами XVII в., третий относится к середине XVII в. Кроме самого текста летописи, во всех трех сборниках помещены «Казанская история», начало Нового летописца, Сказание об осаде Тихвинского монастыря шведами и «Сын церкви». Эти рукописи содержат и ряд других памятников, преимущественно исторических по содержанию и новгородских по происхождению (послание Василия Калики в Тверь, начальная часть Летописца новгородского Софийского собора, Повесть о Новгородском белом клобуке, Повести об осаде Новгорода шведами и др.), каждый из которых находится только в одной из трех рукописей. Летописный текст читается в первой на лл. 68–433 об. (всего 595 лл.), во второй – на лл. 34–488 об. (всего 698 лл.) и в третьей – на лл. 53–489 об. (всего 767 лл.); формат каждой рукописи – 1°.

Уже сам состав сборников, во многом тождественный, заставляет предполагать или восхождение их к общему протографу, или непосредственную зависимость рукописей друг от друга. Сличение летописного текста трех рукописей подтвердило правильность первого предположения. Текстуальные расхождения списков в общем невелики. Приводим главные из этих расхождений в хронологическом порядке (списки обозначаются сокращенно): 965 г. – в *У* опущено известие о походе Святослава на хозар, как и последующая цифра 966 г.; 973 г. – в *П* и в *А* отсутствует известие о вокняжении Ярополка в Киеве; 993 г. – целиком опущен в *У*; 1060 г. – в *П* опущено известие о смерти епископа Луки; 1103 г. – в *П* нет известия о вокняжении Святополка; 1358 г. – целиком опущен в *У*; 1360 г. – два последовательно идущих известия о небесных «знамениях» в *У* и в *А* объединены, причем конец первого и начало второго известия пропущены; 1489–1490 гг. – в *У* при переписке спутаны две соседние страницы: л. 393 об. следует читать после л. 394. В списках *П* и *А* имеются довольно многочисленные поправки и добавления между строк и на полях, современные рукописи и исправляющие их мелкие пропуски и описки. Некоторые из этих искажений, вы-

правленных в *П* и *А*, имеются и в *У*. В целом разночтения списков таковы, что могут не приниматься во внимание при выяснении состава и происхождения летописи. Сопоставление явных механических пропусков текстов, читающихся в С1Л, к которой, как увидим ниже, восходит основная часть НУвЛ, показывает, что все три списка независимы один от другого и восходят к общему протографу, который не имел существенных отличий от этих рукописей.

Следует, однако, оговориться, что рукопись БАН 34.4.1 лишь условно может быть отнесена к спискам НУвЛ, так как к ее основному тексту почерком последней четверти XVII в. сделаны многочисленные добавления (на полях и после окончания текста), которые, собственно, уже не принадлежат самой этой летописи. Они представляют собой в совокупности с ее текстом как бы черновик другого летописного свода – первоначальный вид пространной редакции Новгородской третьей летописи, о которой речь будет идти далее. Здесь имеется в виду только основной текст рукописи 34.4.1[146], представляющий собственно Новгородскую Уваровскую летопись, к характеристике состава которой мы сейчас переходим (при цитировании используется список *У*, номера листов во всех случаях даны по новейшей пагинации).

3

НУвЛ начинается с перечисления народов, произошедших от Иафета, и оканчивается 1646 г. Она может быть разделена на две значительно различающиеся между собой части. До 1500 г. включительно большая часть памятника совпадает с соответствующими текстами других летописей. После 1500 г. таких совпадений почти нет, кроме нескольких известий, идентичных с Кратким летописцем новгородских владык и небольших по объему и по количеству совпадений с летописью Дубровского.

Обратимся сначала к первой части. Наиболее значительны по протяженности совпадения со следующими летописями: С1Л младшей редакции (содержится большая ее часть), список Царского С1Л, Хронографический список Н5Л, Лаврентьевская летопись, Н4Л. Этот отрезок содержит также значительное количество известий, либо отсутствующих в названных летописях, либо читающихся в них в другой редакции, либо совпадающих с соответствующими текстами этих летописей лишь частично и содержащих детали, отсутствующие в этих последних. Почти все такие известия касаются Новгорода и новгородской земли. Как правило, они

или не связаны текстуально с окружающими частями, совпадающими с перечисленными выше летописями, или вносят дополнения и уточнения, касающиеся Новгорода. Эти известия в одних случаях вклиниваются в летописный текст соответствующего года, рассекая его иногда на несколько частей, в других случаях помещены до или после текстов, совпадающих с другими летописями. При этом цифра года иногда читается дважды – один раз в начале текста, совпадающего с какой-либо летописью, второй раз – в начале известий, в этой летописи отсутствующих. Случается, что такие известия помещены не в том месте, где им надлежит быть в соответствии с хронологической последовательностью. Имеются случаи, когда своим содержанием они дублируют тексты, дословно совпадающие с другими летописями. Так, например, под 1022 г. известия о захвате Брячиславом Новгорода и о победе над ним Ярослава кратко повторяют содержание аналогичных известий под 1021 г., совпадающих с С1Л.

Все это показывает, что составитель НУвЛ соединил здесь по меньшей мере два источника. Один из них, послуживший как бы ядром этой части памятника, представляет собой комплекс, состоящий из текстов, совпадающих с другими сохранившимися летописями. Этот комплекс имеет довольно строго выдержанную хронологию и представляет почти непрерывную цепь событий до 1500 г. включительно (далее условно именуем этот текст ядром НУвЛ). Второй источник, по происхождению, несомненно, новгородский, использовался для дополнений к тексту ядра.

Это может быть подтверждено рядом текстологических примеров. Приведем некоторые из них. После известий 1049 (6557) г., совпадающих, как и предыдущие, с С1Л, читаем: «В лето 6558[147]. Выписано из ыной книги». Но далее идут известия этого года опять по С1Л, причем перед текстом их второй раз стоит «В лето 6558». Очевидно, составитель после 6557 г. хотел сначала поместить выборку из другой летописи, но затем отказался от этого намерения и продолжал выписывать из своего основного, совпадающего с С1Л, источника. Хотя намерение воспользоваться вторым источником осталось в данном случае неосуществленным, само наличие его в распоряжении составителя несомненно.

О том, как производилось включение дополнительных известий, позволяют судить, например, тексты НУвЛ за 1416–1417 гг. Приводим окончание 1416 г. и начало 1417 г. по С1Л и НУвЛ.

С1Л	**НУвЛ**
Тое же весны, месяца марта в 22, в неделю средокрестную, Фотей митрополит	Тое же весны, месяца марта в 22 день, в неделю середокрестную, Фотей митрополит

Киевский и всея Руси постави Сампсона архиепископом Новугороду, в церкви святаго архангела Михаила, и наречен бысть от митрополита Симеоном. А на поставлении были с митрополитом 5 владык: Григорей Ростовьскый, Митрофан Суздальскый, Антоней Тферскый, Тимофей Сарьскый, Исакий Пермьскый, при великом князи Василии Дмитриевичи и при братии его князи Юрьи и князе Костянтине.	Киевский всеа Русии постави Великому Новугороду Сапсона архиепископом в церкви святаго архистратига Михаила, и наречен бысть на поставлении от митрополита Симеоном. А на поставлении было со владыкою десять [!] владык: Григорей Ростовский, Митрофан Суздальский, Антоней Тверский, Тимофей Сарский, Исакей Перемский, при великом князе Василии Дмитриевиче и при братии его князе Юрьи, князе Констянтине. Преставися архиепископ Иоанн в Деревянитцком монастыре, и положиша в притворе.
Того же лета повоеваша татарове около Киева и монастырь Печерский пограбиша и пожгоша.	Того же лета повоеваше тотарове около Киева и монастыри чернеческии пограбиша и пожгоша. В лето 6925. Совершиша в Великом Новгороде шесть церквей каменных: Юрьи Анцыфорович совершиша храм в монастыре на Колмове святыя Троицы, да церковь святаго Николы архиепископа на Яковлеве улицы, да церковь великомученика Мины на Дослане улицы, да церковь святаго апостола Андрея Первозваннаго на Щитной, да церковь святаго Антония великаго на Хутыне.
В лето 6925. Преставися князя великого сын, Василия Дмитреевича, князь Иван на Москве и положен бысть в церкви святаго архангела Михаила[148].	Того же лета преставися великого князя сын, Василия Дмитриевича, князь Иван на Москве, и положен бысть в церкви святаго архангела Михаила[149].

Пример небрежного соединения двух источников находим под 1471 г. Здесь после оборванного на полуфразе начала известия Хронографического списка Н5Л о присоединении Новгорода к Московскому государству («Того же лета, июня в 20 день, князь великий со братиею и со всею силою...»)[150] идут известия о перенесении мощей Савватия Соловецкого и легенды о «знамениях» в Новгороде, предшествовавших падению его независимости, чего нет в Хронографическом списке. Затем вновь помещено начатое ранее известие Хронографического списка, но уже в полном виде. Таким образом, начало этого известия читается дважды, будучи разделено вставкой из новгородского источника.

4

Попытаемся определить состав первой части НУвЛ, а именно – состав того текста, который нами условно назван ядром НУвЛ. Внешняя картина может быть обрисована в следующем виде. Большую часть ядра НУвЛ составляет текст С1Л младшей редакции. Он начинается здесь с перечисления земель, населенных потомками Иафета, и оканчивается повестью о присоединении Новгорода к Московскому государству, которая завершает основной список этой редакции С1Л – Бальзеровский[151]. Под 1237–1239 гг. читается текст Лаврентьевской летописи, причем соответствующие места самой С1Л отсутствуют. С 1242 г. начинаются включения из Н4Л, которые достигают местами нескольких лет подряд. При этом соответствующие тексты С1Л также отсутствуют. С последнего известия 1264 г. по 1311 г. сплошь идет текст Н4Л. Известий за последующие двенадцать лет в ядре НУвЛ нет. Далее опять идет текст С1Л начиная с ее последнего известия 1324 г. вплоть до ее окончания. С 1373 г. известия этой летописи дополнены текстом, совпадающим со списком Царского С1Л, точнее – с теми его известиями, которые отсутствуют или читаются иначе в остальных списках. При внимательном рассмотрении оказывается, что такие дополнения в незначительном количестве есть и в начале ядра НУвЛ. Несколько его известий за XI–XII вв. отсутствуют в основных списках С1Л, но содержатся в списке Царского (например, под 1099 г. – известие об освящении церкви в Печерском монастыре, под 1022 г. – о рождении Изяслава Ярославича, под 1103 г. – оба известия этого года, зачеркнутые в самом списке Царского, но, несомненно, наличествовавшие в его оригинале). Что касается окончания ядра НУвЛ, то там начиная с 1428 г. такие дополнения содержатся в известиях почти каждого года. При этом некоторые тексты самой С1Л опущены и заменены более подробными известиями об этих же событиях по списку Царского. С 1447 г. эти дополнения к тексту С1Л совпадают и с окончанием Хронографического списка Н5Л, а иногда содержат тексты, имеющиеся только в Хронографическом списке и отсутствующие в списке Царского (оба эти списка вообще сходны в своем окончании). Дополнения к тексту С1Л в ядре НУвЛ всегда совпадают с общими текстами этих списков и содержат их целиком. Но имеются также известия, отсутствующие в одном из этих списков или изложенные в одном из них несколько иначе, но совпадающие с текстом другого списка. После окончания С1Л ядро НУвЛ содержит только тексты списков Царского и Хронографического – до 1491 г. включительно. Далее следует 1498 год, дословно совпадающий на всем

своем протяжении с соответствующим годом в Отрывке из летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку. Затем идут известия 1499 г., сходные с текстом Воскресенской летописи, С2Л и списка Царского, но читающиеся в них в несколько иной редакции. Последний год ядра НУвЛ (1500 г.) совпадает дословно с соответствующим текстом этих летописей. Известия 1500 г. обрываются в НУвЛ на середине фразы («...да пан Литарва морш[а]лко...»)[152], после чего следуют родословие московских великих князей начиная от Рюрика и кончая Димитрием, внуком Ивана III, родословия некоторых княжеских и боярских родов, три документа местнической переписки и родословие Сабуровых. Далее следует летописный текст, составляющий вторую часть НУвЛ и не связанный с ее ядром.

Основной массив текста охарактеризованного выше ядра НУвЛ совпадает с С1Л или с Н4Л. Как установлено А. А. Шахматовым, обе эти летописи восходят к общему источнику – Новгородско-Софийскому летописному своду 30-х годов XV в. (НСС[153] – см. выше). Естественно было бы предположить, что составитель ядра НУвЛ использовал не С1Л и Н4Л, а сам свод 30-х годов.

Однако такое предположение отпадает. С1Л известна в двух редакциях: старшей, представленной списками Оболенского и Карамзина, и младшей, к которой относятся остальные списки. Согласно выводам А. А. Шахматова, старшая редакция является первоначальной и восходит непосредственно к НСС, младшая же редакция есть результат некоторого сокращения старшей, сопровождавшегося небольшими переработками и дополнением ее известиями после 1421 г., на котором оканчивается старшая редакция[154]. По мнению М. Д. Приселкова, обе редакции восходят к общему протографу[155]. Однако, так или иначе, старшая редакция не только является более древней, но и более полно по сравнению с младшей редакцией передает текст НСС. Это обстоятельство не вызывало сомнений ни у А. А. Шахматова, ни у М. Д. Приселкова, ни у последующих исследователей[156]. В списках старшей редакции имеется большое количество известий, отсутствующих в младшей редакции, но содержащихся в Н4Л. Следовательно, они были и в своде 30-х годов. Все эти известия отсутствуют в ядре НУвЛ – в нем, как уже говорилось, читается текст младшей редакции С1Л (в том числе и в тех случаях, когда между этой последней и старшей редакцией имеются текстуальные различия). Следовательно, эти части ядра НУвЛ не могли быть взяты непосредственно из НСС, а восходят именно к младшей редакции С1Л.

Использование Н4Л, так же как и в Лаврентьевской летописи, объясняется, очевидно, сильной дефектностью той рукописи, по которой был

использован текст С1Л, составивший основную часть ядра НУвЛ. Доказательства этой дефектности имеются в огромном количестве. Приведем главные из них. Само начало С1Л в НУвЛ отсутствует, последняя начинается, как указывалось, с перечисления земель, доставшихся Иафету. Далее, многие годы пропущены полностью или частично (так, например, отсутствуют полностью 1033, 1202–1215, 1218, 1225–1236, 1244–1246, 1249–1253, 1263–1323, 1325 и 1405 гг., частично отсутствуют 1024, 1077, 1216, 1224, 1237–1239, 1240, 1241–1243, 1324, 1386, 1418 и 1451 гг.). В последнем случае текст почти всегда обрывается или начинается с середины фразы. Часть 898 г. ошибочно попала в текст 1216 г. Часть известий 1372 г. читается еще и под 1284 г., в таком же тексте (кроме того, в чрезвычайно большом количестве встречаются мелкие пропуски отдельных слов, фраз и частей фраз, а также их искажения, возникшие, по-видимому, вследствие того, что края листов были повреждены).

Наиболее существенные из этих пробелов и были, очевидно, восполнены по другим летописям.

Из Лаврентьевской летописи заполнены пропуски в тексте 1237–1239 гг., о татарском нашествии. Общая картина работы по внесению пополнений из Лаврентьевской летописи может быть предположительно восстановлена. В ядре НУвЛ нет текста С1Л за 1225–1236 гг., как и начальных ее известий 1237 г. (в самой НУвЛ за этот период читаются только известия, почерпнутые из новгородских источников, которыми дополнялось ее ядро). Текст 1237 г. начинается в НУвЛ так: «В лето 6745. Бысть нашествие безбожного царя Батыя на Рускую землю, при великом князе Юрье Всеволодиче Владимерском». Далее идет текст С1Л за этот год, от слов «Приидоша от восточныя страны на Резанскую землю лесом безбожнии татарове...».[157] Он продолжается в НУвЛ (с незначительными фразеологическими отклонениями и пропусками) до слов «Татаровя ж приступиша ко граду в неделю мясопустную февраля в 7 день...»[158]. Продолжение рассказа о взятии Владимира татарами дано уже по Лаврентьевской летописи, со слов «И бысть плач во граде велик за умножение грех ради наших, се бо на ны попустил бог поганыя, не аки милуя их, но нас кажа, да быхом отступили от злых дел»[159]. Текст Лаврентьевской идет в НУвЛ до конца 1237 г.[160] Из нее же взят весь 1238 г. и большая часть (начальная) 1239 г., включая перечисление князей, спасшихся от татар, до слов «...вси сохранени быша божиею благодатию. Но на предняя возвратимся»[161]. Затем, в качестве продолжения этого текста, идет окончание 1238 г. по С1Л, со слов «...[т]огда окояннии измаильтяне идоша к Торшку, и пришед, и обступиша град»[162]. Это окончание, кроме мелких пропусков,

имеет один значительный («...а средохрестие. Ту же убьени быша Ивашко, посадник новоторжъскои, Яким Влункович, Глеб Борисович, Михаило Моисеевич»)[163]. По окончании текста 1238 г. по С1Л (читающегося здесь в качестве продолжения известий 1239 г. по Лаврентьевской летописи) в НУвЛ следует центральная часть известий С1Л за 1239 г. (начала с цифрой года нет), от слов «...Нача Батый посылати на грады руския» до слов «И град взяша, и запалиша огнем, а епископа оставиша жива и ведоша его в Глухов»[164]. Далее в С1Л идет следующая фраза: «А оттоле приидоша к Киеву с миром и смирившася с Мьстиславом и Володимером, и с Данилом»[165]. Очевидно, дефектный текст С1Л обрывался на словах «А оттоле», в результате чего составитель ядра НУвЛ, приняв эти слова за продолжение предыдущей фразы, закончил ее так: «...и ведоша его в Глухов, и оттоле пустиша его»[166]. Затем в НУвЛ следует 1240 г. по С1Л. Таким образом, в этой части текста С1Л недоставало 1225–1236 гг., начала и окончания 1237 г., начала 1238 г., начала и окончания 1239 г. (отсутствовала большая часть текстов этих лет); были и мелкие пропуски; сохранившиеся тексты почти везде начинались с середины фразы и обрывались на середине фразы. Вследствие того, что отсутствовали начальные части текстов С1Л, за 1238 и за 1239 гг., эти тексты идут в НУвЛ сплошь в качестве продолжения 1239 г., начало которого (так же как весь 1238 г. и окончание 1237 г.) взято из Лаврентьевской летописи. Вставка эта явилась, очевидно, следствием стремления составителя представить возможно более полные сведения о татарском нашествии при отсутствии основных частей этого рассказа в дефектном тексте С1Л.

Далее, начиная с 1242 г., для пополнения недостающих текстов использовалась Н4Л. Вполне понятно, почему Лаврентьевская летопись не привлекалась в дальнейшем – с 1240 г. ее известия очень кратки, тогда как Н4Л дает тексты весьма подробные, наиболее полно освещающие историю Новгорода и сходные с самой С1Л, чего никак нельзя сказать об окончании Лаврентьевской летописи. Можно предположить, что из двух летописей, которыми пополнялся дефектный текст С1Л, список Лаврентьевской был более древним, поэтому для восполнения текста 1237–1239 гг. этому списку было оказано предпочтение перед Н4Л, так как текст ее в известиях о нашествии татар и Калкской битве, в общем, ненамного отличается от Лаврентьевской. В дальнейшем же была использована только Н4Л – ввиду ее новгородского происхождения и скудости соответствующих текстов Лаврентьевской. Однако и сам список Н4Л, употребленный для пополнений, не был, очевидно, полным: в нем, по-видимому, недоставало окончания. В пользу этого говорит то обстоятельство, что из известий Н4Л за 1311 г. в

НУвЛ помещено только первое, а текст 1312 г. и последующих годов вообще отсутствует. После 1311 г. дополнений из Н4Л нет, несмотря на то что и дальше есть пропуски в тексте С1Л, а годы с 1312 по 1324 (за исключением последнего известия 1324 г.) были целиком утрачены. В результате этого в ядре НУвЛ оказался пропуск протяженностью в одиннадцать лет. Следует сказать, что до 1237 г. пропуски текста С1Л в ядре НУвЛ также не восполнены. Это объясняется, по-видимому, тем обстоятельством, что как по их количеству, так и по объему текста эти пропуски относительно невелики. Они, очевидно, либо остались незамеченными, либо были признаны составителем несущественными.

5

Для выяснения происхождения ядра НУвЛ наибольший интерес представляет его заключительная часть – приблизительно с середины XV в. Как уже говорилось, в основе этого текста (как и предшествующего) лежит младшая редакция С1Л. Она снабжена дополнениями, которые совпадают с соответствующими текстами списков Царского и Хронографического. Эти дополнения содержат известия, отсутствующие или изложенные короче в самой С1Л, и не являются, таким образом, следствием дефектности ее списка, как дополнения из Лаврентьевской летописи и из Н4Л. Все те известия списков Царского и Хронографического, в которых тексты этих списков совпадают между собой, содержатся и в ядре НУвЛ (кроме двух мест, о которых специально скажем ниже). В остальных случаях текст его совпадает или с самой С1Л, или с одним из упомянутых списков. Естественно предположить, что дополнения к С1Л взяты не непосредственно из списков Царского и Хронографического, а из их общего источника. Такое предположение подтверждается результатами их сличения. Тождественные по содержанию известия в этих двух списках в большинстве случаев полностью совпадают и текстуально. Но некоторые из них имеют текстуальные различия. Соответствующие тексты НУвЛ в одних случаях совпадают с Хронографическим списком (например, 1463, 1469, 1480, 1481, 1484, 1489, 1490, 1491 гг.), в других случаях – со списком Царского (например, 1448, 1449, 1473 гг.). Иногда они содержат промежуточный текст, который в одних своих частях ближе к Хронографическому списку, а в других – к списку Царского, примером могут служить известия 1472 г.

Приводим часть из них:

Хронографический список Н5Л	**Список Царского С1Л**	**НУвЛ**
Того же лета царь безбожный Ахмат Кичиахметевичь с всею ордою поиде на Русь; подшод близ Руси ста, остави цариць и старых и болных и малых, и поиде с проводникы не путьма, и прииде к реце к Оце под городок под Олексин с Литовского рубежа. А во граде том беяше воевода, именем Семен Васильевичь Беклемишев, человек на рати велми храбр, и повеле ему князь великый осаду распустити, понеже не успеша доспеха ничесоже запасти, чим битися с Татары; он же хоте у них посула, гражане олексинци даваше ему пять рублев, и захоте у них шестого рубля еще жене своей, и се им глаголющим, оже приидоша татарове, Семен же побеже за реку Оку, с женою и с слугами, и Тотарове за ним в реку[167]. Тогды же княгыня великая ехала в Ростов, и разблеся в Ростове; князь же великый прииде на Москву. Прииде из Рима царевна Софья, и поиде за великого князя Ивана Васильевнчя того же дни, на Филипово заговенье[168].	Того же лета безбожный царь Ахмат Кичиахметовичь с всею ордою поиде на Русь, и подошел близ Руси, и остави у цариць старых и болных и малых, и поиде с проводники не путма, и прииде к реце Оце под городок Олексин с Литовскаго рубежа, июля в 30, в четверток на заговенье. А во граде том беаше воевода именем Семен Васильевичь Беклемишев, человек на рати храбор, и повеле ему князь великый осаду распустити, понеже не успеша доспеха ничесоже запасти, чим битися с Татары; он же захоте у них посула, и гражане Олексинци даша ему пять рублев, и се им глаголющим, приидоша Татарове, Семен же побеже за реку Оку с женою и слугами и татарове за ним в реку[169]. Того же лета великая княгини ехала в Ростов, и разболеся в Ростове; князь же великый прииде на Москву, и князь Юрьи с ним, и слыша материю болезнь, и погони навещати матери с меншею братиею[170].	Того же лета безбожный царь Ахмат Кичиахметович со всею ордою поиде на Русь, и пошел близ Руси, и оставил у цариц старых и болных и малых и поиде с проводники не путма и прииде к реце Оце под городок Олексин с Литовского рубежа. А во граде том бяше воевода именем Семен Васильевич Беклемешев, человек на рати велми храбр, и повеле ему князь великий роспустити, понеже не успе доспеха ничесоже запасти, понеже успехов чим битися с тотары; он же захоте у них посула, и гражане олексинцы даша ему пять рублев, и захоте у них шестаго рубля жене своей, и се им глаголющим, приидоша тотарове, Семен же побеже за реку Оку с женою и со слугами, и тотарове за ним в реку[171]. Тогды же княгиня великая ехала в Ростов, и разболеся в Ростове; князь же великий прииде к Москве и князь Юрьи с ним, и слыша матерьию болезнь, и погони навещати матери с меншею братиею[172].

Окончание Хронографического списка Н5Л, как и дополнения к основному тексту С1Л, читающиеся в списке Царского, т. е. именно те части этих списков, которые нас сейчас интересуют, по заключению А. А. Шахматова, восходят к общему источнику – летописному своду, доведенному до 1491 г.[173] Сличение списка Царского с летописью, читающейся в рукописи РНБ, собр. Погодина, № 1409, привело А. А. Шахматова к выводу, что не-

посредственным источником дополнений списка Царского был протограф летописи Погод. 1409. Это обстоятельство, однако, не колеблет предположения о восхождении списка Царского к «своду 1491 г.». Произведенное нами сравнение текстов показало, что летопись Погод. 1409 обнаруживает тождество с Хронографическим списком и в тех ее частях, которые не совпадают со списком Царского. Следовательно, есть все основания усматривать общий источник всех этих трех списков, который вероятнее всего видеть в своде, доведенном до 1491 г. и затем продолженном, так как окончание списка Погод. 1409, относящееся уже к 1493 г., дословно совпадает с соответствующим текстом Хронографического списка. Последнее обстоятельство не отменяет правильности заключения А. А. Шахматова о том, что предполагаемый им свод был доведен именно до 1491 г. В Хронографическом списке известия 1491 г. сначала идут последовательно (сентябрьские, октябрьские, ноябрьские, январские, мартовские, майские, июльские и августовские), после чего помещены известия без обозначения месяца (окончание Фроловской стрельницы и прибытие воевод Петра и Ивана Репня-Оболенских); далее следует июльское известие о пожаре в Угличе (что нарушает хронологическую последовательность известий) и другие тексты, повторяющие содержание некоторых известий, читающихся под этим годом ранее. Это позволило А. А. Шахматову заключить, что протограф Хронографического списка в своей первоначальной редакции кончался перед известием о пожаре в Угличе, а само это известие, как и последующий текст – результат позднейших добавлений. Гипотезу подкрепляют и наблюдения А. А. Шахматова над летописью Дубровского, где текст 1491 г., тождественный Хронографическому списку, обрывается перед известием о пожаре в Угличе, т. е. как раз там, где должен был кончаться предполагаемый «свод 1491 г.», после чего идут известия следующих годов, взятые из другого источника. Дополнительное подтверждение существованию свода, доведенного до 1491 г., дает НУвЛ, которая в этой своей части полностью совпадает с летописью Дубровского. Дословное совпадение с Хронографическим списком прекращается в НУвЛ именно перед известием этого списка о пожаре в Угличе, хотя сама НУвЛ непосредственно не зависит от летописи Дубровского. Вопрос о времени возникновения свода, текст которого, по данным Хронографического списка, летописи Дубровского и НУвЛ, идет до 1491 г. включительно, требует дальнейшего выяснения, что не входит в задачу настоящей работы[174]. Однако несомненно, что именно «свод 1491 г.» послужил источником тех дополнений к тексту С1Л, которые читаются в ядре НУвЛ, – это доказывается совокупными показаниями списков Дубровского и Хронографического.

6

Обратимся к последним известиям ядра НУвЛ – тем, которые идут после 1491 г. Это годы 1498, 1499 и 1500. Текст каждого из них довольно обширен. 1498 год полностью совпадает с известиями этого года в Отрывке летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку. Последующие годы (с 1499 по 1514 г.) в последнем отсутствуют. 1499 год в НУвЛ сходен с известиями этого года Воскресенской, Львовской, С2Л и списка Царского, но содержит и существенные отличия. Текст же последнего, 1500-го, года дословно совпадает на всем своем протяжении с соответствующими известиями этих летописей, вплоть до того места, где он обрывается на середине фразы в ядре НУвЛ.

Мы оставим пока эти летописи в стороне и обратимся к Воскресенскому Новоиерусалимскому списку. Содержащийся в нем Отрывок охватывает период с 1445 по 1538 г. Этот летописный текст в своей начальной части, до 1491 г. включительно, совпадает с соответствующими известиями С1Л, списков Царского и Хронографического (главным образом последнего). Сличение данной части Отрывка с НУвЛ показывает, что весь этот текст полностью читается в ее ядре. Однако Отрывок опускает многие известия и целые годы, содержащиеся в НУвЛ (как и в соответствующих текстах С1Л, списков Царского и Хронографического). После 1491 г. в Отрывке (как и в ядре НУвЛ) сразу идет 1498 г., текст которого, как уже говорилось, полностью совпадает с этим годом в НУвЛ. Последующие годы в Отрывке отсутствуют, а окончание его (которое начинается с 1514 г.) уже не имеет соответствия в НУвЛ, так как ядро ее, как указывалось, обрывается на известиях 1500 г. Эти наблюдения заставляют предположить, что Отрывок представляет собой извлечение из той самой летописи, которая читается в ядре НУвЛ и окончание которой в этом последнем оказывается утраченным. А. А. Шахматовым было установлено, что Отрывок восходит к летописи, составленной, как он первоначально предполагал, в 1538–1539 гг.[175], которую он впоследствии обнаружил в списке Дубровского. Текст ее, по первоначальному предположению А. А. Шахматова, представлял собой С1Л, дополненную по «своду 1491 г.». Последующие известия были взяты из другого источника. Как видим, состав летописи Дубровского в том виде, в каком он первоначально представлялся А. А. Шахматову, оказывается именно таким, каким является состав ядра НУвЛ (мы пока сознательно отвлекаемся от включений из Лаврентьевской летописи и Н4Л). Как выяснил А. А. Шахматов, к НЛД восходит также в своем окончании Архивский

список (Архива Министерства иностранных дел № 20–25), содержащий так называемую Ростовскую летопись, где текст летописи НЛД читается начиная с 1480 г.[176] Начиная с этого года с Архивским списком совпадает и Отрывок. В Архивском списке и в списке Дубровского содержатся и годы с 1492 по 1513, опущенные в Отрывке. Сличение окончания этих двух списков с НУвЛ показало, что оно тождественно соответствующей части ее ядра[177]. При этом полностью совпадают и те годы, которых нет в Отрывке.

НУвЛ позволяет восстановить пропуск, имеющийся в НЛД в тексте известий 1493 г. Приводим параллельные тексты:

НУвЛ

Того ж лета, месяца марта в 21 день, в четверг, князь великий Иван Васильевичь всеа Руси пожаловал сына своего князя Василья, вины ему отдал и нарек его государем великим князем, и дал ему Великий Новград и Псков в великое княжение, да и свою княгиню Софию пожаловал, нелюбовь отдал и начал с нею жити по первому. Того же лета прииде весть к великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии, что зять его князь великий Александр Литовский учал нудити дщерь его Елену, свою великую княгиню, от греческого закона к рымскому закону, через крестное целование и свою утверженую грамоту[178].

НЛД

И того же лета, месяца марта 21, в четверток, князь Иван Васильевич всея Руси пожаловал сына своего князя Василья: вины ему отдал, а нарек его государем великим князем, дал ему Великий Новгород и Пскове в великое княжение, да и свою великую княгиню от греческаго закона к римъскому закону, через крестное целование и свою утвержденную грамоту[179].

В общем оригинале списков Дубровского и Архивского пропуск текста начинался не перед словами «да и свою великую княгиню», как предполагал А. А. Шахматов[180], а после этих слов. По-видимому, переписчик пропустил часть текста в связи с тем, что слова «свою великую княгиню» читались здесь дважды. Написав их в первый раз, он стал списывать текст, идущий уже за повторением этих слов, не заметив, что при этом оказалась пропущенной часть известий оригинала[181].

Подытожим сказанное выше. НЛД, по первоначальному предположению А. А. Шахматова, имела следующий состав: в части до 1491 г. включительно она представляла собой соединение С1Л с добавлениями к ней по «своду 1491 г.»; в части после этого года она восходила к другой летописи. Текст НЛД передан без сокращений в части с 1480 г. окончанием Архивского списка и в извлечениях – в части с 1445 г. – Отрывком (предшествующие части этих списков имеют иной состав). Состав ядра НУвЛ (исключая части, сходные с Лаврентьевской летописью и с Н4Л, о которых см. ниже) до 1491 г. включительно есть соединение С1Л со «сводом 1491 г.», после чего

идет другая летопись. Сличение показало, что ядро НУвЛ совпадает с теми частями Архивского списка и Отрывка, в которых читается текст НЛД. При этом известия, явно пропущенные в оригинале списков Архивского и Дубровского, содержатся в ядре НУвЛ. Все это как будто говорит о том, что ядро НУвЛ как раз и представляет собой летопись Дубровского в том ее виде, какой был определен А. А. Шахматовым первоначально (до обнаружения им списка Дубровского и до детального анализа Архивского списка, произведенного в работе «О так называемой Ростовской летописи»), и что оно содержит более первичный, неискаженный текст именно этой летописи. Отсутствует только ее окончание – после 1500 г.

Выше говорилось, что известия 1500 г. в ядре НУвЛ при сличении с Воскресенской, Львовской и другими летописями, оказываются оборванными на полуфразе. Если рассмотрим содержание этого ядра в последней его части, т. е. после 1491 г., то увидим, что здесь имеются только московские известия (в довольно пространном изложении), сходные с Воскресенской, Львовской и другими летописями. При этом одни известия более полно передаются упомянутыми летописями, другие – ядром НУвЛ. Некоторые его тексты, в том числе весь текст 1500 г., совпадают с названными летописями дословно. Очевидно, что в этой своей части ядро НУвЛ восходит к общему источнику с Воскресенской и Львовской и другими летописями, который, несомненно, представлял собой московский памятник, точнее – дефектному списку этого (или какого-то промежуточного) памятника, обрывавшемуся на середине известий 1500 г. Родословные, которые читаются в ядре НУвЛ после 1500 г. (как и включенные в них тексты документов местнической переписки), не имеют никакой связи с летописным текстом и представляют собой, несомненно, случайную механическую вставку, возникшую при соединении в НУвЛ двух летописных источников. Это могло произойти лишь в том случае, если родословные следовали непосредственно за летописным текстом, обрывавшемся на 1500 г., в той самой рукописи, из которой этот летописный текст попал в НУвЛ. Родословие великих князей московских оканчивается Димитрием – внуком Ивана III; Василий Иванович фигурирует только как его сын и еще не назван великим князем всея Руси. Следовательно, родословие было окончено во всяком случае еще при жизни Ивана III, т. е. не позднее 1505 г. Если сопоставим это с тем обстоятельством, что летописный текст ядра НУвЛ обрывается на 1500 г., то придем к заключению, что летописный памятник, в котором читался этот текст и родословные, был составлен, по-видимому, между 1500 и 1505 гг. Некоторое сомнение может возникнуть в связи с тем, что в конце помещено родословие Сабуровых, которое оканчивается Соломонией Юрьевной,

названной супругой великого князя Василия Ивановича. Однако это родословие дописано уже впоследствии. Непосредственно за родословием великих князей идут родословия княжеских и боярских родов, после чего, как уже говорилось, читаются не имеющие прямого отношения к родословным тексты документов местнической переписки. Вслед за ними идет родословие Сабуровых. Если бы это последнее было современно остальному тексту, оно, очевидно, было бы помещено ранее этих документов и, по всей вероятности, даже ранее других боярских родословных, в силу той знатности, которую Сабуровы приобрели в связи с женитьбой Василия III.

Таким образом, летописный свод, список которого составил основу ядра НУвЛ, представлял собою младшую редакцию С1Л, дополненную на основании двух текстов – «свода 1491 г.» и общего источника Воскресенской, Львовской и некоторых других летописей. Памятник этот, очевидно, возник в Москве, так как все источники его московского происхождения. Ниже я буду именовать его Московским сводом 1500–1505 гг.[182]

7

Поскольку нами уже привлечена летопись Дубровского, необходимо теперь выяснить окончательно отношение ее к НУвЛ и к Московскому своду 1500–1505 гг. Известия 1500 г., как и предшествующий текст, совпадают в ней с ядром НУвЛ и оканчиваются на том же слове («...да пан Литавар моршалко»)[183]. Однако такое окончание, как мы видели, является случайным и есть результат дефектности свода 1500–1505 гг. Это свидетельствует о том, что в части до 1500 г. включительно НЛД восходит к тому же списку свода 1500–1505 гг., который составил основу ядра НУвЛ. Следовательно, не ядро НУвЛ содержит летопись Дубровского с утраченным окончанием, а сама эта летопись имеет в своей основе тот же свод 1500–1505 гг., после чего в этой летописи идет текст, взятый из других источников. Последнее обстоятельство вполне ясно видно из состава НЛД. Читающееся в ней окончание свода 1500–1505 гг. (т. е. 1500 г. и предшествующие годы) содержит исключительно московские известия. После 1500 г. на протяжении пяти следующих лет идут сплошь новгородские известия, к которым только затем присоединяются известия общерусские. Таким образом, 1500 г., несомненно, является границей использования двух источников в НЛД. Как указывалось, А. А. Шахматов первоначально считал ее соединением С1Л со «сводом 1491 г.», после чего шел текст, взятый из других источников. Впоследствии он изменил свою точку зрения на основании анализа

Архивского списка в части до 1480 г. и данных списка Дубровского. Оказалось, что для периода до 1448 г. основным источником свода была Н4Л[184]. Однако с 1448 г. состав летописи Дубровского был все же именно таким, каким первоначально А. А. Шахматову рисовался состав всего этого свода – в этой части читается С1Л в соединении со «сводом 1491 г.». Данные, полученные исследованием НУвЛ, позволяют уточнить последний вывод А. А. Шахматова. В части с 1448 по 1500 г. летопись Дубровского содержит текст Московского свода 1500–1505 гг.[185] Начальная часть этого свода была заменена текстом Н4Л. Однако это была, по-видимому, уже вторая редакция летописи Дубровского. Первоначально НЛД, очевидно, не содержала текста Н4Л, а в ней читался на всем своем протяжении Московский свод 1500–1505 гг. Об этом свидетельствуют данные Отрывка. Он начинается с 1445 г., кончается 1538 г. и содержит, как указано А. А. Шахматовым и как это подтверждается сравнением со списками Дубровского и Архивским, текст летописи Дубровского. Однако годы 1445–1447 (как и последующие) в Отрывке содержат текст Московского свода 1500–1505 гг. В списке же Дубровского до 1447 г. включительно идет Н4Л. Таким образом, Отрывок был, очевидно, выписан из НЛД еще тогда, когда в ней не было текста Н4Л (а читался, по-видимому, целиком свод 1500–1505 гг.). Тогда в этой летописи не было, вероятно, еще и известия 1539 г., которым заканчиваются списки Дубровского и Архивский, но которого нет в Отрывке (он кончается 1538 г.). Вторая редакция летописи Дубровского заменила на протяжении до 1447 г. включительно текст Московского свода 1500–1505 гг. текстом Н4Л и добавила известие 1539 г. (о рождении урода в Новгороде). К этой редакции и восходят списки Дубровского и Архивский. Обратное предположение – что в своде сразу был текст Н4Л – влечет за собой заключение, что в оригинале Отрывка этот текст был заменен тем же самым Московским сводом 1500–1505 гг., который уже содержался в последующей части – после 1447 г. (и что последний год – 1539 – был опущен). Подобный вывод выглядит явно искусственным.

Таким образом, состав НЛД, каким он представлялся А. А. Шахматову первоначально, есть состав первой редакции этой летописи, к которой восходит Отрывок. Последующая точка зрения А. А. Шахматова соответствует составу второй редакции, когда в летопись был включен текст Н4Л, заменивший соответствующий текст, восходивший к Московскому своду 1500–1505 гг., и добавлено новгородское известие 1539 г. (для новгородского сводчика такая переработка вполне естественна). Эта редакция и представлена наиболее полно списком Дубровского; к ней же относится Архивский список.

Наше предположение легко объясняет и такие, например, явления, как устранения дублировок, содержавшихся в своде 1500–1505 гг. и перешедших в НУвЛ, но уже отсутствующих в НЛД. Так, известие о победе Василия Темного над Шемякой под Галичем в Уваровской летописи читается дважды: первый раз – под 1449 г. (по С1Л), второй раз – под 1450 г. (по «своду 1491 г.», откуда оно попало под этим годом и в список Царского); такое же чтение было, по-видимому, и в первой редакции НЛД. Переписчик Отрывка, сокращая текст, опустил повторное известие 1450 г., а составитель второй редакции объединил оба текста под 1449 годом. Предположение А. А. Шахматова о первичности этой редакции не позволяет удовлетворительно объяснить подобный случай.

Что же касается приведенных А. А. Шахматовым частных соображений, то ни одно из них не противоречит нашему построению. Заключение А. А. Шахматова о составлении «свода 1539 г.» в период между 1542 и 1548 годами[186] следует относить ко второй редакции НЛД. Поскольку ее известие, помещенное под 1535 годом, но содержащее указание на поставление Феодосия новгородским архиепископом в 1542 году, в Отрывке отсутствует, можно полагать, что первая редакция (к которой восходит Отрывок) возникла ранее этого года[187].

Архиепископом Новгорода до 1542 года в течение 17 лет был ставший затем московским митрополитом Макарий. Как совершенно справедливо писал А. Н. Насонов, «необходимо думать, что летописный свод 1539 г. был составлен «по повелению» архиепископа Макария»[188].

8

Одно указание летописи Дубровского позволяет сделать весьма вероятное предположение о составителе ее первоначальной редакции. В тексте известий за 1536 г. читаем: «Того же лета у святой Пятнице, на Торговой стороне, начали служители вседневную службу, при благоверном великом князе Иване Васильевиче всеа Русии и при архиепископе Великого Новгорода и Пскова владыке Макарие; а преже была много лет не вседневная, а вседневную замыслили рядовичи Великого ряду корыстного, гости московские и новгородские того ряду, и попа другого поставили и ругу обещалися давати по 3 рубли на всяк год; а в то время бысть священник НГВФГВДГВИ»[189]. Написанное тайнописью имя легко расшифровывается как «Нефедеи», т. е. Мефодий (буква «Е» заменена буквами «ГВ», числовые значения которых – 3 и 2 – в сумме равны числовому значению

буквы «Е»)[190]. Так это имя читается в Отрывке, представляющем первую редакцию свода. В списках второй редакции тайнопись усложнена, причем конец имени несомненно искажен[191].

По-видимому, составитель свода назвал здесь самого себя. Известие о том, что священником одной из новгородских церквей был одно время некто Мефодий, настолько малозначительно само по себе и настолько выделяется этой малозначительностью среди других известий свода, что заставляет усматривать личную заинтересованность составителя в помещении этого известия в летопись. В других новгородских летописях подобные «приватные» упоминания имеют в виду именно самих летописцев (священник Герман Воята и пономарь Тимофей – в Новгородской первой летописи[192], Матвей Михайлов – в Новгородской четвертой)[193], что в настоящее время является общепризнанным[194]. То обстоятельство, что упоминание Мефодия написано тайнописью, служит дополнительным подтверждением его авторства, поскольку прием зашифрования собственного имени автором встречается вообще нередко в русской средневековой письменности[195].

Обязанный своим назначением совместным действиям московских и новгородских «гостей», Мефодий, как мы уже видели, настойчиво проводил в своем труде идею единства Новгорода и Москвы. Главная причина этого, разумеется, не в обстоятельствах назначения Мефодия, а в воздействии идеи общерусского единения, окончательно победившей к тому времени на всей территории Великороссии и уже созвучной, очевидно, настроениям основной части населения Новгорода. Именно этим следует, по-видимому, объяснить и то обстоятельство, что преобладающую часть свода впервые в истории новгородского летописания составил московский по происхождению источник (хотя и освещавший историю Новгорода): свод 1500–1505 гг. Лишь во второй редакции летописи Дубровского он был частично заменен текстом Н4Л. Отражавшая по-своему ту же идею объединения Руси, эта летопись по составу своих известий – своим исключительным вниманием к Новгороду – в гораздо большей степени могла удовлетворить потребности новгородского читателя, чем соответствовавшая ей часть Московского свода 1500–1505 гг.

А. Н. Насонов обратил внимание на то, что в НЛД «текст, заимствованный из Новгородской IV летописи, дополнен новым материалом; в дополнениях можно проследить ряд известий, сделанных с определенной целью: возвеличения боярского рода Квашниных»[196]. Связав это обстоятельство со сведениями 1540-х годов о службе «в Новегороде у владыки» братьев Андрея и Ивана Квашниных, А. Н. Насонов пришел к естественному за-

ключению, что они могли «работать по составлению летописного свода, быть в числе составителей»[197].

Таким образом, можно полагать, что составителем НЛД сначала являлся священник Мефодий, из рук которого вышла первоначальная редакция летописи, дошедшая фрагментарно в Отрывке; затем к этой работе архиепископ подключил Квашниных, при участии которых деятельность по созданию свода была завершена (уже при архиепископстве Феодосия), и появилась вторая редакция, дошедшая полностью в списке Дубровского[198].

9

Возвратимся к ядру НУвЛ. Как мы видели, основу его составил Московский свод 1500–1505 гг. Попытаемся уточнить обстоятельства включения в его текст пополнений из Лаврентьевской летописи и из Н4Л. Обращают на себя внимание известия НУвЛ под 1451 и 1462 гг. Под 1451 г. читается текст С1Л, причем вторая половина ее известий за этот год в НУвЛ отсутствует, текст обрывается на середине фразы. Известия этого года в Хронографическом списке и списке Царского полностью совпадают, однако в НУвЛ их не оказывается, несмотря на то что в них есть данные, отсутствующие в С1Л. 1462-й год ядра НУвЛ содержит вначале весь текст известий этого года по С1Л, последующая же часть, совпадающая с текстом этого года по Хронографическому списку и списку Царского, содержит только первую половину их известий за этот год и также обрывается на полуфразе. При этом отсутствующая в ядре НУвЛ часть 1462 г. есть и в летописи Дубровского. Эти явления могут быть объяснены только дефектностью. Выше была показана дефектность текста С1Л, следствием которой явились включения из Лаврентьевской летописи и из Н4Л. Теперь видим, что эта дефектность присуща не только тексту С1Л, но и тем частям ядра НУвЛ, которые восходят к «своду 1491 г.». Иначе обстоит дело с текстами, восходящими к Лаврентьевской летописи и Н4Л. Несмотря на то что эти части довольно обширны, никаких признаков дефектности, даже мелких, в них не оказывается[199], – они сами привлечены для восполнения утраченных мест. Нет признаков дефектности оригинала и в других частях НУвЛ, не относящихся к ее ядру.

Все это приводит к вполне определенному выводу. Дефектным был не список Софийской 1-й летописи, которая составила основную часть Московского свода 1500–1505 гг., а список самого этого свода. В этом списке недоставало начала и окончания, а также многих листов в других местах,

причем самый большой пропуск охватывал шестьдесят лет (1263–1323 гг.). Листы, содержавшие некоторые известия 898 и 1372 гг., попали не на свое место. В таком виде этот список оказался в руках составителя ядра НУвЛ. Все важнейшие пробелы были заполнены из Лаврентьевской летописи и Н4Л[200]. Лист, содержавший часть известий 1372 г. и попавший не на свое место, был ошибочно переписан под 1284 г., но затем вложен на свое место и переписан вторично уже под 1372 г. Лист, содержавший одно из известий 898 г., попавший в текст 1216 г., был там и переписан, так как вставить его содержание в ранее переписанный текст было уже невозможно. Полагаем, что именно таким образом возник тот летописный текст, который мы именуем ядром НУвЛ. Основу этого текста, как мы только что выяснили, составил сильно дефектный список Московского свода 1500–1505 гг. с помещенными после летописного текста родословными. Следовательно, само ядро НУвЛ возникло уже значительно позже. Был ли это самостоятельный летописный памятник или только определенный этап работы составителя НУвЛ, сказать пока затруднительно.

10

Рассмотрим теперь те части НУвЛ, которые не входят в состав ее ядра. Сюда относится, во-первых, весь летописный текст после 1500 г. и, во-вторых, те известия до 1500 г., которые не могут быть возведены к своду 1500–1505 г. и тем вставкам из Н4Л и Лаврентьевской летописи, которыми восполнены утраченные места его текста.

Дополнения к основному летописному ядру НУвЛ на всем ее протяжении до 1500 г. довольно многочисленны – всего их около 250. Они могут быть разделены на три группы. К первой относятся известия, целиком отсутствующие в предшествующих новгородских летописях. Таких включений сравнительно немного, и они почти целиком состоят из кратких биографических сведений о святых; есть среди них несколько легенд и легендарных по происхождению текстов (о видении императора Мануила – 1052 г., о появлении Тихвинской иконы Богородицы – 1383 г.), ряд известий касается строительства церквей в Новгороде. Вторую группу составляют тексты, которые наличествуют и в других новгородских летописях, но в НУвЛ содержат дополнительные детали, в других летописях отсутствующие. В большинстве своем это известия о постройке, освящении, росписи и благоустройстве новгородских церквей; есть данные о новгородских архиепископах, несколько известий о пожарах, эпидемиях и других

событиях внутренней жизни Новгорода и Новгородской земли. Последняя группа текстов, самая многочисленная, представляет собой сведения, не вносящие ничего нового по сравнению с соответствующими известиями предшествующих летописей Новгорода; однако в соответствующих частях текстов тех памятников, которые составили ядро НУвЛ (в том числе и Н4Л), этих известий нет. Многие из них текстуально сходны (а иногда и совпадают дословно) с известиями об этих событиях в других новгородских летописях, но иногда наблюдаются расхождения с ними в датах. Текстуальное сходство и совпадения имеются с первой, второй и четвертой новгородскими летописями (в том числе с различными продолжениями Н4Л), летописью Дубровского и Кратким летописцем новгородских владык.

Внимательный просмотр указанных известий убеждает в том, что дополнения к ядру НУвЛ взяты не из одного источника. Об этом, прежде всего, свидетельствуют дублировки. Не касаясь тех из них, которые повторяют аналогичные сведения ядра НУвЛ, отметим только дублировки внутри самих дополнений к этому ядру. Их две: о смерти архиепископа Феофила сообщается в тексте известий 1480 и 1482 гг., о поставлении архиепископа Сергия – под 1483 и 1484 гг. Парные известия имеют между собой текстуальные различия. Это могло произойти только в том случае, если дополнения брались (по крайней мере в конце) из двух источников. Пользование несколькими, по-видимому, двумя источниками, видно и во второй части НУвЛ. Здесь дважды сообщено о присоединении Пскова – под 1509 и 1510 гг., причем тексты этих известий различны. Основная внешняя особенность этой части летописи – бросающийся в глаза разнобой в хронологии; имеется 10 случаев (7023, 7024, 7034, 7035, 7037, 7066, 7078, 7079, 7088 и 7089 гг.), когда известия одного и того же года помещены в двух местах, будучи разделены известиями других годов. Хронологическая путаница особенно сильна вначале, где имеется, например, такая «последовательность» дат: 7024, 7015, 7034 – или: 7040, 7025. Можно полагать, что один из источников оканчивался 1581 г., так как после этой даты хронологическая последовательность не нарушается. Таким образом, есть вполне достаточные основания думать, что составитель НУвЛ использовал три летописных источника: ее ядро, в основе которого лежал Московский свод 1500–1505 гг., и две новгородских летописи, текст и отчасти состав которых были отличными от сохранившихся памятников и характеризовались большой степенью подробности в известиях, касающихся церковной жизни Новгорода. Степень использования этих летописей на разных этапах работы была различной. Вплоть до окончания ядра НУвЛ это последнее служило основой для составления свода и было переписано целиком, без

перебивок в хронологии, причем из других летописей были включены лишь данные, отсутствовавшие в ядре НУвЛ. Такой характер его использования следует объяснять, очевидно, полнотой этого памятника, который давал почти непрерывную цепь известий до конца XV в. и где были достаточно подробно отражены все наиболее важные события за этот период на всей территории Руси. События же внутренней жизни Новгорода, в особенности его церковной жизни, были освещены в этой части гораздо менее полно, чем этого хотелось составителю. Поэтому он и пополнял текст ядра НУвЛ почти исключительно новгородскими известиями, оказывая явное предпочтение известиям, связанным с замещением кафедры новгородских владык и с церковным строительством в Новгороде. При этом характерно, что за период с 1274 по 1311 г. текст ядра дополнен всего 9 известиями, тогда как в предшествующей и последующей частях дополнения идут гораздо более густо. Это объясняется тем, что в ядре с 1265 по 1311 г. читается текст Н4Л, которая сама достаточно полно освещала события внутренней жизни Новгорода (в том числе и церковной).

11

Продолжение летописи после 1500 г. (которым оканчивалось ее ядро) имеет иной характер – хронология уже не выдерживается, составитель выписывает то из одной, то из другой летописи, не отдавая предпочтения какой-либо одной из них. Все известия XVI и начала XVII в. по своему характеру одинаковы: новгородские события отражены в них с достаточной степенью подробности, а события общерусские переданы во всех случаях очень кратко, в несколько раз короче, чем соответствующие известия московских летописей. Это лишний раз подтверждает наше предположение, что оба источника, использованные составителем НУвЛ в ее второй части, были новгородскими. О новгородском происхождении имеющихся в этой части общерусских известий свидетельствуют и особенности их содержания. Так, в известии о взятии русскими войсками Смоленска (1515 г.) указывается только, что этот город «преже был за Литвою»[201], тогда как в известиях московских летописей об этом же событии Смоленск именуется вотчиной великих князей московских. Под 1578 г. сообщается, что Иван IV совершил поход в Ливонию «со всеми московскими людьми»[202]. Имеются и ошибки, которые были бы немыслимы в московской летописи: в известиях 1509 и 1515 гг. (о присоединении Пскова и взятии Смоленска) фигурирует «великий князь Иван Васильевич», тогда как в действительности эти со-

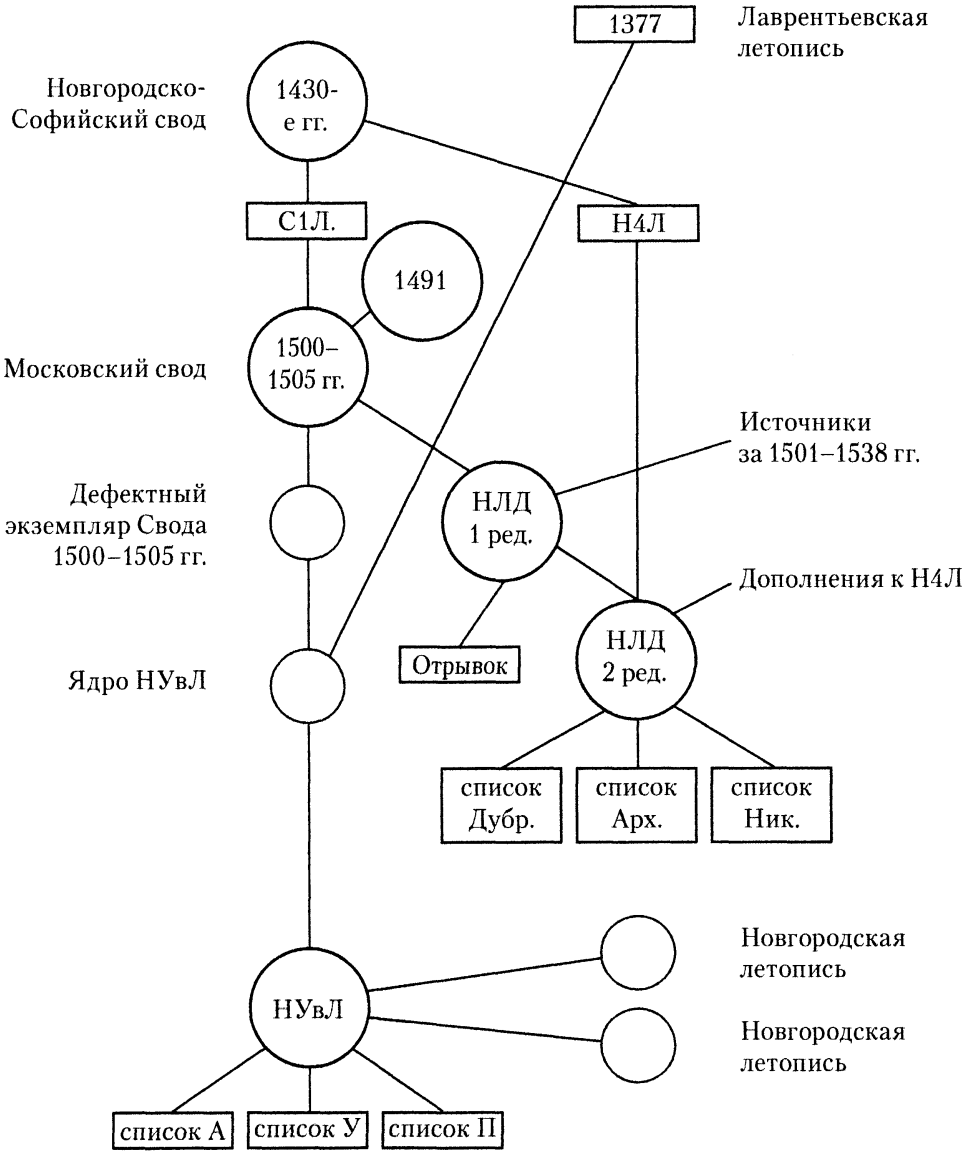
бытия произошли при Василии III. В текст 1570 г. включена явно антимосковская по своей идейной направленности Повесть о походе Ивана IV на Новгород.

Как в заключительной части НУвЛ, так и в предшествующем ее тексте были, очевидно, использованы также некоторые источники нелетописного характера.

Преимущественный интерес составителя НУвЛ к событиям церковной жизни Новгорода, как мы видели, проявился с большой отчетливостью. Это заставляет полагать, что рассматриваемый свод, как, по-видимому, и все предшествовавшие крупные летописные своды Новгорода, возник при дворе новгородских архиепископов. Составление его было, очевидно, связано с произошедшим в 1588 г. учреждением в Новгороде митрополии, о чем в НУвЛ имеется обстоятельное известие. Напомним, что незадолго до этого года прекращается использование в своде двух источников, которое идет до 1581 г. Известия за последующие годы могут принадлежать уже самому составителю НУвЛ. Каких-либо конкретных указаний, которые давали бы материал для более точной датировки, в летописном тексте не находим, но характер использования упомянутых источников не дает оснований выводить работу по составлению свода за пределы XVI века.

Однако в списках до 1608 г. включительно идет почти непрерывная цепь известий. Они могли принадлежать как продолжателю НУвЛ, так и самому ее составителю. Летописный текст заканчивается краткими известиями 1612, 1645 и 1646 гг. о воцарении Михаила Федоровича, его смерти и воцарении Алексея Михайловича. Вряд ли можно сомневаться в том, что все эти известия добавлены уже позднейшими переписчиками, так как период с 1607 по 1612 г., густо насыщенный драматическими событиями, представлявшими чрезвычайную важность для всей Русской земли, и в особенности для Новгорода, в тексте НУвЛ не освещен вовсе, а сами известия 1612, 1645 и 1646 гг. не имеют непосредственного отношения к Новгороду и хронологически разделены ничем не заполненным промежутком в тридцать с лишним лет.

Довольно краткое извлечение из Новгородской Уваровской летописи читается в рукописи РНБ, собр. Погодина, № 1953 (вторая половина XVII в., 4°, 153 лл., текст извлечения на лл. 89–121 об.). Оно представляет собой выборку различных по характеру содержания известий (преимущественно – светских), начиная от крещения новгородцев и до воцарения Алексея Михайловича (этим известием оканчивается сама НУвЛ). Далее тем же почерком, но другими чернилами помещена запись о его смерти. В рукописи имеется указание на то, что оригиналом ее послужил летопи-

Летописные своды Новгорода XVI века и их главные источники

сец, принадлежавший Антониеву монастырю в Новгороде.

Несохранившийся летописец новгородского Лисицкого монастыря был использован составителем Новгородской второй летописи (Н2Л). Она издавалась трижды по основному списку: РГАДА, ф. 181, № 62/85 (конец XVI – начало XVII в., 4°, 171 л.)[203]. Текст Н2Л фактически представляет

собой только заготовку для летописи. Это неупорядоченные краткие выписки из ряда источников, среди которых были Н1Л и Н4Л. Оригинальными являются здесь только известия за 1568–1572 годы, представляющие интерес для характеристики опричнины в Новгороде. Н2Л, охватывающая своими выписками период с 911 года, завершается краткими известиями за 1573, 1581 и 1587 гг.[204]

Меньше по объему, но достаточно последовательна текстуально обнаруженная недавно Новгородская Большаковская летопись (НБЛ), текст которой (РГБ, собр. Т. Ф. Большакова, № 333, вторая четверть XVII в., 4°, лл. 80–126 об.) недавно опубликован вместе с результатами его изучения[205]. Согласно выводам Е. Л. Конявской, эта летопись, доведенная до конца 30-х годов XVI в., могла быть связана с тогдашним новгородским наместником М. С. Воронцовым. Отражая в основном летописную традицию кафедры новгородских владык, НБЛ содержит ряд уникальных известий – главным образом за XVI столетие.

Отображением владычного летописания Новгорода является и обнаруженный в свое время А. Н. Насоновым сравнительно небольшой летописец середины XVI в. (РГБ, Троицкое собр., № 805, 50-е годы XVI в., 4°, лл. 380–416 об.), текст которого обрывается на 1518 г., но имеет добавления под 1553 г. В основу его, по определению А. Н. Насонова, положены краткие извлечения из НСС[206].

Примыкает к новгородскому летописанию сформировавшийся в XVI веке и продолженный в двух последующих столетиях Краткий летописец новгородских владык. Существовавшие ранее краткие перечни епископов и архиепископов Новгорода приобрели в КЛНВ форму, подобную летописи. Сведения о датах поставления владык расширялись известиями об их деятельности, извлекавшимися из летописей и житий. Это позволяло позднейшим летописцам в свою очередь использовать КЛНВ[207]. Изучение его продолжает О. Л. Новикова[208].

Глава 5.

ПАМЯТНИКИ ЛЕТОПИСАНИЯ XVII ВЕКА

1

Новгород пострадал в период Смуты и оккупации его иностранной армией настолько, что летописная работа смогла развернуться здесь с прежней интенсивностью только во второй половине XVII столетия. Но результатом ее оказались крупнейшие памятники новгородского летописания. Таковы Новгородская третья летопись и Новгородская Забелинская. Уступила им по объему Новгородская Погодинская, зато популярность ее оказалась настолько велика, что сокращенные списки продолжали изготавливаться даже в XIX веке. Общее же количество рукописей, сохранивших тексты упомянутых летописных сводов, составляет около восьми десятков. Опубликованы до настоящего времени только вторичная краткая редакция Новгородской 3-й летописи и незначительные по отношению к общему объему памятника фрагменты Новгородской Забелинской. Это обстоятельство отразилось и на степени изученности новгородских летописей XVII века.

Новгородская третья летопись (далее: НЗЛ) издавалась даже дважды, причем в обоих случаях привлекались одни и те же шесть списков ее краткой редакции[209], которая и была на протяжении ста лет предметом исследовательского внимания. Однако говорить о специальном изучении ее в этот период практически не приходится. У дореволюционных авторов можем найти только отдельные предположения и замечания, которые являются результатом поверхностного знакомства с текстом или, чаще, отдельных, иногда даже случайных, наблюдений[210].

По мнению И. Д. Беляева[211], НЗЛ является компиляцией из нескольких летописей, ведшихся при новгородских церквах и монастырях. В подтверждение этого автором приведено несколько наблюдений над отдельными известиями летописи. Так, приводимое И. Д. Беляевым сообщение 1135 г. о постройке церкви Николы на Яковлеве улице дано летописью в двух редакциях, между которыми помещены слова составителя: «А в ином

летописце написано...» (так-то), что свидетельствует об использовании: двух источников. Под 1261 г. в летописи сказано: «Покры владыка новгородский Далмат святую соборную церковь Софию свинцом; и дай бог ему спасеная молитва и отпущение грехов». И. Д. Беляев полагал, что последние слова могли принадлежать только клирику Софийского собора[212]. Автор приводил также известия 1230 и 1360 гг., некоторые детали которых говорят в пользу того, что первоначально эти записи были сделаны при церквах Двенадцати апостолов и Федора Стратилата.

В. С. Иконников[213] считал источниками НЗЛ Первую и Вторую новгородские летописи, которые, по его мнению. «использованы на всем их протяжении», причем известия этих летописей часто сокращены, а иногда дополнены из других источников (главным образом «по части топографии Новгорода»). Сравнивая известия 1372 г. в первой и третьей новгородских летописях, автор приходит к выводу, что составитель НЗЛ «некоторые известия распространяет посредством витьеватого изложения». Другое сравнение (известий 1421 г. в НЗЛ и 1422 г. в Н2Л) приводит автора к мысли о том, что составитель НЗЛ иногда более подробно передает свой источник. В. С. Иконников воздерживался от конкретных предположений о других летописных источниках НЗЛ (кроме Первой и Второй новгородских летописей), ограничившись замечанием, что в начальной ее части «видно влияние летописи, сходной с Лаврентьевским списком». А. Ф. Бычков[214], указывая на то, что в НЗЛ содержатся подробности, отсутствующие в других летописях и носящие в то же время «очевидный характер современности», объяснял наличие их предположением, что в руках составителя НЗЛ находились «недошедшие до нас рукописи, из которых он черпал свои сведения, или заметки частных лиц».

И. С. Некрасов[215] обращал внимание на известие НЗЛ под 1408 г. о прибытии в Новгород Михаила Клопского, где говорится о родстве Михаила Клопского с московскими князьями и упоминается пророчество его новгородскому архиепископу Ионе. Сравнивая этот текст со второй редакцией жития Михаила Клопского, где также говорится о его княжеском происхождении, Некрасов приходит к выводу, что одним из составителей летописи был автор этой редакции – современник архиепископа Геннадия (рубеж XV и XVI вв.). Однако в указанной редакции жития нет ничего о предсказании Михаила Клопского Ионе, на что указывает сам И. С. Некрасов, не будучи в состоянии примирить с этим фактом высказанное им предположение о происхождении НЗЛ. Иначе объяснял происхождение этого известия М. И. Помяловский[216], считавший, что статья НЗЛ о приходе в Новгород Михаила Клопского представляет собой вставку, навеянную

влиянием Москвы, «для которой преподобный являлся оправданием ее расправы с Новгородом».

Особенно разноречивы суждения, относившиеся к датировке летописи. Н. Н. Яниш[217] связал возникновение ее с XVI веком (без какой-либо аргументации); А. Ф. Бычковым[218] в его предисловии к изданию НЗЛ высказано мнение, что летопись получила окончательную редакцию «около 1673 года, на котором прекращается большая часть списков» (в действительности ни один список этим годом не оканчивается; большинство их оканчивается 1674 годом); Филарет[219] (Гумилевский) утверждал, что НЗЛ составлена при митрополите Иове (1697–1716 гг.); И. П. Сенигов[220] счел, что она создана во второй четверти XVIII в. (две последние точки зрения высказаны их авторами также без аргументации).

Все эти суждения имели в виду только изданную краткую редакцию НЗЛ, которая, как оказалось, является вторичной.

В 1947 г. С. К. Шамбинаго опубликовал специальную работу о НЗЛ[221], которая долго оставалась единственным исследованием, посвященным этому памятнику. Автор выдвинул интересную и оригинальную концепцию, основанную на сопоставлении НЗЛ с Новгородской Иоакимовской летописью, воспользовавшись публикацией фрагментов ее в первом издании труда В. Н. Татищева[222]. Основные положения статьи С. К. Шамбинаго могут быть сформулированы следующим образом.

1. НЗЛ издана неполностью. Она имеет начало легендарного характера, читающееся в списках перед опубликованным текстом летописи (две рукописи РГБ – Р.250 и Р.252 и три рукописи ГИМ – № 2513 Музейного собрания, № 1790 собрания Барсова и № 784 Синодального собрания)[223].

2. Легендарная часть тождественна известной нам части НИЛ. Последняя представляет собой несколько сокращенный вариант (или редакцию) этого памятника.

3. Утраченная часть НИЛ соответствовала опубликованной части НЗЛ, так как начальные части обеих летописей совпадают, а подробный рассказ о крещении новгородцев, читающийся в конце известной части НИЛ, свидетельствует о близости ее к новгородским сводам, где среди известий о событиях внутренней жизни Новгорода «первое место занимают дела церковные»[224]. Следовательно, НЗЛ в ее полном виде (вместе с ее легендарной частью) тождественна НИЛ в ее полном виде (вместе с утраченной ее частью).

4. НЗЛ оканчивается известиями 1674 г. о митрополите Иоакиме, который еще занимал в этом году новгородскую кафедру. В начале НИЛ

сказано, что ее автором является «святитель Иоаким». Поскольку обе летописи являются вариантами одного свода, следует полагать, что он был составлен по инициативе митрополита Иоакима во время его пребывания в Новгороде. Общая картина деятельности Иоакима говорит в пользу этого предположения.

Говоря о неизученности НЗЛ, приходится иметь в виду и работу С. К. Шамбинаго: она изобилует неточностями и ошибками. Многие из приводимых автором данных о рукописях не соответствуют действительности. Выводы же С. К. Шамбинаго опираются частью на эти неверные данные, частью на догадки, не проверенные исследованием текстов. Введение С. К. Шамбинаго в научный оборот двух новых (неизвестных ранее) списков НЗЛ, как и сама попытка положить начало исследованию этого памятника, составляют несомненную ценность его работы. Что же касается концепции автора, то, несмотря на кажущуюся заманчивость, она не может быть принята (за исключением одного второстепенного пункта). Ниже я постараюсь это показать, демонстрируя попутно ошибочность ряда фактических данных и догадок, на которые опирается гипотеза С. К. Шамбинаго.

2

Как я упоминал, НЗЛ издавалась оба раза по шести рукописям. Это следующие списки ее: Археографической комиссии (СПбИИ, собр. Археографической комиссии № 28), Синодальный (ГИМ, Синодальное собр. № 794), Румянцевский (РГБ, Р.250), Киевской духовной академии (Гос. Публичная библиотека Украины, собр. Киевской духовной академии, № 215), Строевский (РНБ, собр. Погодина, № 1416) и Толстовский (РНБ, Q.IV.78). Два новых списка введены в оборот С. К. Шамбинаго – РГБ, Р.252 и ГИМ, собр. Барсова, № 1790.

Всего в настоящее время мне известно 22 списка, которые позволили установить наличие двух редакций летописи, различающихся между собой по содержанию и, особенно значительно, по объему. Я назвал эти редакции пространной и краткой. Пространная редакция представлена двумя списками: РГБ, собр. Общества истории и древностей российских, № 127[225] (последняя четверть XVII в., 1°, 555 лл., летописный текст на лл. 2–425) и Р.252 (вторая половина: XVIII в., 1°, 541 лл., летописный текст на лл. 3–419 об.). Сличение их между собой показало с полной очевидностью, что второй список восходит к списку ОИДР.127: вся рукопись Р.252 по содержанию повторяет (с незначительными отклонениями, легко

объясняемыми ошибками писца) текст рукописи ОИДР.127 (включая следующие за летописью повесть «О изгнании Улу-Ахмета царя от Златыя Орды...» и Казанскую историю), причем сохранено без изменений даже деление текста на абзацы и расположение маргиналий, а имеющиеся на полях ОИДР.127 поздние заметки и приписки разными почерками XVIII века оказываются перенесенными в рукопись Р.252. По-видимому, эта последняя представляет собой копию, снятую для Н. П. Румянцева с рукописи ОИДР.127. Список ОИДР.127 носит следы использования его переписчиком дополнительных источников или сверки с более полным текстом. Вся рукопись написана одним почерком (за исключением упомянутых приписок XVIII в.), но в ряде мест на полях, между абзацами и между строк читаются известия, вписанные другими чернилами иногда более густо, чем окружающий текст. Некоторые листы, по-видимому, были после этой правки переписаны. Об этом свидетельствует значительное количество вклеек и то обстоятельство, что лист 324 является беловой копией предыдущего листа, испещренного такими вставками и вплетенного в рукопись, очевидно, по недосмотру.

Краткая редакция известна мне в двадцати списках. Это следующие рукописи: ГИМ, собр. Щукина, № 710[226] (последняя четверть XVII в., 4°, 237 лл., летописный текст на лл. 40–237 об.), Синодальное собр. № 794[227] (вторая половина XVIII в., 4°, 204 лл., летописный текст на лл. 13 об.–202), собр. Барсова, № 1790[228] (первая половина XVIII в., 4°, 336 лл., летописный текст на лл. 37 об.–335 об.); РНБ, F.IV. 623 (вторая половина XVIII в., 1°, 170 лл., летописный текст на лл. 20–169) и Q.IV.78 (первая пол. XVIII в., 4°, 187 лл., летописный текст на лл. 62 об.–165 об.), Q.XVII.77 (первая половина – середина XVIII в., 4°, 248 лл., летописный текст на лл. 116 об.–125, 132 об.–154), собр. Титова, № 3250[229] (вторая половина XVIII в., 4°, 192 лл., летописный текст на лл. 20–188 об.), собр. Погодина, № 1416[230] (конец XVII – начало XVIII в., 1°, 191 лл., летописный текст на лл. 97–188 об.) и собр. Петербургской духовной академии, № А I/260[231] (вторая половина XVIII в., 1°, 111 лл., текст летописи на лл. 22–106); БАН, 32.3.16 (начало XVIII в., 4°, 326 лл., летописный текст на лл. 121–274 об.); РГБ, М.1841 (вторая половина XVIII в., 4°, 173 лл., летописный текст на лл. 19 об.–160), Р. 250 (вторая половина XVIII в., 4°, 326 лл., летописный текст на лл. 37–326) и М.1511 (новый шифр: ф. 29, № 5 – первая половина XVIII в., 4°, 185 лл., летописный текст на лл. 28–93 об.); Публичная библиотека Украины, собр. Киевской духовной академии, № 215[232] (XVIII в., 1°, 131 лл., летописный текст на лл. 14–127); СПбИИ, собр. Археографической комиссии, № 27[233] (вторая половина XVIII в., 4°, 336 лл., летописный текст на лл. 33–

336), № 28[234] (последняя четверть XVIII в., 4°, 220 лл., летописный текст на лл. 26–209 об.) и № 29[235] (вторая половина XVIII в., 4°, 68 лл., летописный текст на лл. 16 об.–33 об.); СПбИИ, фонд 115, № 133[236] (1771 г., 4°, 69 лл., без нумерации, летописный текст на лл. 5 об.–65 об.); РГАДА, Рукописный отдел Библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел (фонд 181), № 1161[237] (конец XVIII – начало XIX в., 4°, 227 лл., летописный текст на лл. 27–227) и собр. Мазурина (фонд 196), № 595[238] (первая четверть XVIII в., 4°, 204 лл., летописный текст на лл. 128–184 об.).

3

Списки краткой редакции могут быть разбиты на несколько групп. Первую группу составляют рукописи Щук.710, Син.794, Тит.3250, М.1841, Ком.28 и ПДА.А I/260. В их общий протограф были сделаны два добавления, отсутствующие в списках других групп: под 1471 г., после пространной повести о присоединении Новгорода к Московскому государству и описания предшествующих этому чудес, вставлена легенда о посещении Иваном III Хутынского монастыря; под 1346 г., после известия о буре, при которой водой вырвало семь городен Волховского моста, добавлено: «а в ином летописце написано 87 городен»; выброшено повторное известие о море в Новгороде в 1507 г.[239] За вычетом этих особенностей список Щук.710, самый старший из списков краткой редакции, по-видимому, наиболее близок к архетипу, так как он сохранил предшествующее летописному тексту пространное заглавие летописи, точно характеризующее состав ее известий[240], и подробное оглавление с указанием против каждой статьи номеров соответствующих листов летописного текста[241] (в других списках это заглавие отсутствует или ошибочно перемещено в начало всей рукописи, хотя содержание предшествующих летописи памятников в нем не отражено, а в тех случаях, где заглавие оставлено на своем месте, дефектным оказывается текст оглавления; в ряде списков заглавия и оглавления нет вообще). Однако сама рукопись Щук.710 дефектна: утрачен один лист в середине и последние листы – летописный текст обрывается на 1652 г.[242] Остальные пять списков этой группы полностью содержат летописный текст (оканчивающийся известиями 1674 г. о митрополите Иоакиме), но в них отсутствуют заглавие и оглавление, опущенные, очевидно, переписчиком их общего протографа.

Вторую группу составляют семь списков: Ком.27, Барс.1790, F.IV.62, КДА.215, МИД.116, Р.250 и Q.XVII,77. В их общем протографе оглавление

также было опущено, а заглавие помещено в начале рукописи, переписывавшейся целиком, вместе с предшествующими летописи памятниками. В протографе списков Ком.27, Барс.1790 и Q.XVII.77 заглавие было вообще выброшено, как и дублирующее известие об эпидемии 1507 года[243]. В протографе остальных списков этой группы оказалось пропущенным известие 1434 года о поставлении в сан новгородского архиепископа Евфимия II. Оригинал списка Q.XVII.77 был дефектным; листы его были перемешаны, многие из них – утрачены; список кончается повестью о взятии Новгорода шведами.

В отдельную группу должен быть выделен сильно дефектный список М.1511, обрывающийся на известиях 1454 г. Заглавие Новгородской третьей летописи в нем отсутствует[244], большая часть оглавления утрачена (сохранилось только его начало), оставшаяся часть перемешана и снабжена дополнительными статьями о предшествующих летописи памятниках, причем эти дополнительные статьи не входят в общую нумерацию статей оглавления; номера соответствующих листов летописного текста в оглавлении не указаны.

Две последние группы охватывают списки сокращенного вида краткой редакции летописи[245]. Четвертую группу составляют списки Погод.1416 и Q.IV.78. В их протографе оглавление было несколько сокращено и не содержало номеров листов текста, дублирующее известие о море 1507 г. опущено, а летописный текст продолжен до 1699 г. В списке Q.IV.78 он продолжен еще далее – до 1716 г.

Пятая группа представлена списками 32.3.16, Ком.29, ф. 115 № 133 и Маз.595. В их общем протографе оглавление сокращению не подвергалось, но статьи его оказались перемешаны. В списках Ком.29 (обрывающемся на 1376 г.) и ф. 115 № 133 оглавление сокращено (во втором списке начало рукописи вместе с начальной частью оглавления утрачено), а в самом тексте летописи имеются многочисленные пропуски[246]. Список Маз.595 обрывается на 1347 г., оглавление в нем вообще отсутствует[247]. Номера листов в оглавлениях трех остальных списков переписаны механически и не соответствуют листам в тексте.

4

Все исследователи, писавшие о Новгородской третьей летописи (исключая С. К. Шамбинаго), имели дело только со списками краткой редакции; точнее – только с теми списками этой редакции, которые были

изданы. С. К. Шамбинаго, обнаруживший список пространной редакции, не выделял его в особую редакцию. Напротив, он считал (по непонятным для меня причинам), что этот список «дает сокращенный вариант свода»[248]. Деление известных ранее списков на виды также не производилось. В обоих изданиях списки полного и сокращенного видов краткой редакции издавались вместе.

Впервые летопись была издана под редакцией Я. И. Бередникова в третьем томе ПСРЛ в 1841 г. вместе с Первой и Второй новгородскими летописями[249]. Второе издание, под редакцией А. Ф. Бычкова, вышло в 1879 г. и содержало Вторую и Третью новгородские летописи[250]. В обоих изданиях в основу положена рукопись Р.250, по остальным пяти спискам подведены разночтения.

Второе издание несколько лучше первого[251], однако оба содержат ряд существенных недочетов. Так, в издании 1841 г. места, совпадающие дословно с соответствующими известиями Первой или Второй новгородских летописей, в большинстве случаев опущены с отсылками к этим летописям. В издании 1879 г. (как и в первом издании) во многих случаях произведены «исправления» текста НЗЛ на основании Н1Л и некоторых других летописей (а иногда и без какого-либо обоснования). Хотя эти «исправления» и оговорены в примечаниях, наличие их сильно затрудняет пользование изданием и привело к неправильному цитированию в ряде работ[252]. Имеющееся в части списков летописи оглавление содержащихся в ней известий не было включено ни в издание 1841 г., ни в издание 1879 г. В издании 1841 г. даже не упомянуто о наличии этого оглавления в списках. Между тем оно, как увидим ниже, является неотъемлемой частью летописи и, кроме того, значительно облегчает пользование ею[253]. В издании 1879 г. без всяких оснований были отнесены к тексту летописи и изданы в качестве ее последних статей (под 1722 г.) выписки, касающиеся Варлаама Хутынского, которые находятся в рукописи, содержащей Толстовский список, но имеют совершенно самостоятельный характер и даже отделены от текста летописи десятью чистыми листами.

Описания рукописей, содержащих привлеченные к изданиям списки, оставляют желать много лучшего. В первом издании эти описания чрезвычайно кратки и почти не дают представления о памятниках, составляющих окружение НЗЛ. Во втором издании данные об окружении несколько полнее, но содержат существенные дефекты. Так, в описании рукописи, содержащей список Археографической комиссии, из трех памятников, предшествующих тексту НЗЛ, назван только один; пропущен один памятник из окружения Толстовского списка; неточно обозначено окружение Стро-

евского списка. Во всех случаях памятники, сопутствующие в рукописях тексту НЗЛ, только названы, но никак не охарактеризованы[254].

В обоих изданиях не приведено никаких данных, дающих обоснование предлагаемой издателями датировки списков. Датировка Строевского списка произведена неверно. Основной недостаток, на наш взгляд, заключается в том, что к изданию в обоих случаях были привлечены только списки краткой редакции, тогда как основной редакцией летописи, безусловно, является пространная.

Дефекты имеющихся изданий отражают современный им уровень развития методики публикации древнерусских текстов и поэтому, естественно, не могут быть поставлены в упрек издателям. Кроме того, известная часть этих недочетов объясняется неисследованностью самой летописи, основная редакция которой в то время вообще не была известна.

5

Пространная редакция представляет собой большой по объему свод (свыше четырехсот листов в 1°), охватывающий события от рассказа о происхождении славян до известия о поставлении патриархом новгородского митрополита Иоакима в 1674 г. Вплоть до начала XVI в. в летописном тексте преобладают известия общерусские, с начала XVI в. удельный вес новгородских известий сильно возрастает – в этой части они занимают около половины всего текста. В летописный текст включено значительное число самостоятельных литературных памятников – легенд и исторических повестей, связанных с историей Новгорода.

Сличение с НУвЛ показало, что эта летопись легла в основу пространной редакции НЗЛ. Почти весь текст НУвЛ находится в Новгородской третьей. Однако часть известий, читающихся в списках Увар.568, Погод.1403 и БАН.34.4.1, в НЗЛ отсутствует. Большинство их – сообщения, касающиеся внутренней истории Новгорода. В связи с этим отсутствие их в НЗЛ следует, по-видимому, объяснить не столько случайными пропусками переписчика, сколько тем обстоятельством, что протограф этих списков не был, очевидно, тождественен списку, использованному составителем пространной редакции НЗЛ. В этот протограф были, по-видимому, внесены дополнения (вероятно, переписчиком-новгородцем), которые естественно не попали в НЗЛ. С другой стороны, текст пространной редакции НЗЛ в том виде, в каком он представлен списками ОИДР.127 и Р.252, может, несомненно, иметь пропуски переписчиков. Некоторые из известий НУвЛ явно пропу-

щены именно в НЗЛ, так как они восходят к соответствующему тексту С1Л, составившему, как мы видели, основу НУвЛ. С другой стороны, в НЗЛ есть четыре известия, восходящие к С1Л, но отсутствующие в НУвЛ[255].

Пространная редакция НЗЛ дополнила текст НУвЛ многочисленными известиями, которые почти все относятся к истории Новгорода. В первую очередь это сведения о постройке церквей и пожарах, есть дополнительные сведения о новгородских святых, епископах и архиепископах, несколько легенд и др. В некоторых случаях добавлены дополнительные детали к уже имеющимся известиям этого рода, в ряде известий исправлены даты. В конце добавлены пространные сведения о новгородских митрополитах XVII столетия, отличающиеся исключительной подробностью, иногда даже большей, чем та, которую имеют соответствующие известия Краткого летописца новгородских владык – летописи специально этому предмету посвященной[256]. Так, в НЗЛ сообщаются точно не только дни, но иногда и часы прибытия нового митрополита в Новгород. Все это заставляет полагать, что составление летописи производилось при архиепископском дворе.

6

Краткая редакция по своему объему в несколько раз меньше пространной и охватывает события от введения христианства в Новгороде (989 г.) до известий о новгородском митрополите Иоакиме (1674 г.)[257]. Несомненно, что основу ее составляет извлечение из пространной редакции, причем опущенным оказывается подавляющее большинство общерусских ее известий. Оставлены (иногда в сокращенном виде) только самые важные из них, а также всё, что представляло специальный интерес для новгородского читателя – известия, связанные с историей Новгорода. При этом составитель краткой редакции иногда, начав переписывать текст, в первой фразе которого речь шла о Новгороде, обрывал его на середине, увидев, что дальнейшее содержание к Новгороду отношения не имеет. Так, под 1024 г. в краткой редакции читаем: «Родися Ярославу другий сын Изяслав. Того же лета, Ярославу сущу в Новегороде...»[258]. Далее идет следующий год. Между тем в пространной редакции вторая фраза продолжается и далее и является лишь началом обширного текста («...прииде Мстислав со Тмуторокани к Киеву, и не прияша его кияне...» и т. д.[259]), где этот текст, восходящий к НУвЛ, а через нее – к С1Л, содержится целиком.

Что касается новгородских известий, то среди них опущенными оказываются почти все известия о святых. Известия остальных типов сохра-

нены полностью, за несколькими исключениями (так, опущено известие 1307 г. о построении церкви святых Отцов в Новгороде, известие 1409 г. о построении церкви Георгия в Ладоге и несколько других). По-видимому, эти пропуски следует признать случайными. Общий характер сокращений свидетельствует об отказе от попытки составителя пространной редакции создать не только новгородский, но одновременно и общерусский свод, и о сосредоточении внимания почти исключительно на новгородских событиях, при полном сохранении церковного характера летописи (в части после 1614 г. этот характер еще усилен). Опущение же известий о новгородских святых вызвано, вероятно, лишь сознанием нецелесообразности помещения их в летописный текст – об этом имелись подробные сведения в агиографической литературе, более распространенной в то время, чем летописи.

Текст извлечений из пространной редакции был подвергнут редакционной обработке. Она выразилась, во-первых, в том, что был почти полностью устранен беспорядок в хронологии. Однако остатки его имеются и в краткой редакции[260]. Во-вторых, устранены почти все имевшиеся в пространной редакции дублировки. Третий вид редакционной работы заключался в некоторых перестановках текстов (например, известия о новгородских владыках перемещены, как правило, в начало известий данного года) и в группировке их по тематическому признаку. Так, под 1293 г. в пространной редакции сообщается о постройке шведами Корельской крепости, а под 1295 г. – о разрушении ее новгородцами; в краткой редакции оба эти известия помещены рядом, в тексте 1293 г. (с указанием, однако, на то, что разрушение крепости произошло в 1295 г.).

Наконец, в-четвертых, маргиналии пространной редакции во многих случаях внесены составителем краткой редакции в летописный текст. Так, под 1044 г. в пространной редакции читаем: «Того же лета ходи великий князь Ярослав Владимировичь на Литву, а на весну заложи Новгород и здела» (текст Софийской первой летописи). Против этого места на полях стоит: «О создании Великаго Новаграда на Софейской стороне каменного»[261]. В краткой редакции это известие передано следующим образом; «Ходи великий князь Ярослав Владимировичь на Литву, а в весну заложи Новгород и здела на Софийской стороне каменный город»[262]. Приписка на полях использована для дополнения самого известия. В некоторых случаях маргиналии внесены в летописный текст в качестве самостоятельных известий. Так, против известий 1098 г. читается следующая приписка: «1-й пожар. При Никите епископе в Великом Новеграде бысть великий пожар, и в кондаки его написано: “прилежно моление за люди своя приносил

еси, овогда же и граду запаление угаси"»[263]. Приписка находится против текста, не имеющего отношения к деятельности Никиты. В краткой редакции она помещена в качестве самостоятельного известия[264].

К редакционной работе должно быть отнесено и снабжение летописи оглавлением. Пространное заглавие, читающееся в списках краткой редакции, очевидно, также принадлежит составителю этой последней, так как, во-первых, его текст охватывает только содержание краткой редакции и, во-вторых, само начало его «...Летописец новгородский вкратце...» указывает на то, что летопись является сокращением более обширного свода (т. е. пространной редакции)[265].

Работа составителя краткой редакции не ограничивалась редакционными изменениями. Некоторые известия пространной редакции были им, очевидно, дополнены на основании других источников. Например, текст 1196 г. в краткой редакции имеет следующий вид: «Заложи церковь каменну святых Афанасиа и Кирилла архиепископ Мартирий, да посадники Константин, да Димитрей Кровановичи, в манастыре в Нелезине острове, на Лубяницы, и начата делати в апреле месяце, а совершиша июня в 8 день; и освяти архиепископ Мартирий»[266]. В пространной редакции даты начала и окончания церкви и известие об ее освещении отсутствуют[267]. Под 1515 г. в краткой редакции читаем: «Поставили новгородския области церковь каменную на Тихфине в манастыре повелением государя царя и великаго князя Василия Иоанновича всея России, а освящена бысть на праздник Успения пресвятой Богородицы; а нарядник был Димитрий Сырков; благословением преосвященнаго Варлаама митрополита, строен монастырскою казною». В пространной редакции текст такой же, но вторая половина известия, начиная с упоминания о Димитрии Сыркове, отсутствует. (Об источниках такого рода дополнений см. ниже.)

Новгородско-церковный характер летописи в краткой редакции еще более усилен, что достигнуто главным образом за счет опущения общерусских известий. Начиная с 1614 г. в этой редакции сохранены только известия о новгородских митрополитах. Поэтому возникновение ее, очевидно, также следует связывать с деятельностью новгородской митрополии.

7

Изложенная выше концепция С. К. Шамбинаго заставляет выяснить отношение Новгородской третьей летописи к Новгородской Иоакимов-

ской. Как уже указывалось, С. К. Шамбинаго полагал, что НИЛ и НЗЛ – варианты одного и того же свода. Эта его точка зрения основана на убеждении, будто начало НИЛ, изданное Татищевым, – «Повесть о старобытных князьях» – представляет собой лишь один из вариантов того памятника, который С. К. Шамбинаго считает началом НЗЛ. Этот памятник в рукописях, содержащих НЗЛ, имеет заглавие «Выписано из История киевския, зачало Великому Новуграду».

Прежде всего, следует уточнить, какие рукописи могут быть в данном случае привлечены. Естественно, что они должны содержать и упомянутый выше памятник, и текст НЗЛ. С. К. Шамбинаго перечисляет пять списков: две рукописи РГБ – Р.250 и Р.252 и три рукописи ГИМ – собр. Барсова № 1790, Синодального собр. № 794 и Музейного собр. № 2513. При рассмотрении этих списков оказывается, что два из них должны быть отброшены. Вопреки утверждению С. К. Шамбинаго, рукопись Р.252 не содержит памятника «Выписано из История киевския...». Она представляет пространную редакцию НЗЛ, в начале которой читается текст, тождественный С1Л. Что касается рукописи Музейного собрания № 2513, то в состав ее действительно входит текст, который имеет в виду С. К. Шамбинаго, однако в ней нет НЗЛ. То, что было принято С. К. Шамбинаго, в этой рукописи за НЗЛ, представляет собой краткую редакцию Новгородской Погодинской летописи (см. о ней ниже). Остальные три списка действительно содержат НЗЛ краткой редакции. Ей предшествует памятник, озаглавленный «Выписано из История киевския, зачало Великому Новуграду» (обычное его заглавие в других рукописях «История еже о начале Руския земли»), который С. К. Шамбинаго считает легендарной частью НЗЛ. Аналогичным является состав семнадцати остальных списков, содержащих краткую редакцию этой летописи, одни из которых были неизвестны, другие не использованы С. К. Шамбинаго[268]. Предлагаемые ниже выводы делаются на основании всех этих рукописей.

Попытаемся сначала установить, в какой степени правомерно считать началом НЗЛ так называемую «легендарную часть». Памятник этот известен довольно давно. Впервые он был опубликован А. Н. Поповым в 1869 г. по рукописи, содержащей Хронограф 1679 года[269], а в 1878 г. перепечатан Ф. Гиляровым с подведением вариантов по двадцати рукописям[270] (на последнее издание ссылается и С. К. Шамбинаго[271]). Этот памятник вошел в состав некоторых русских хронографов и летописей второй половины XVII и XVIII вв., в частности – Новгородской Забелинской и Новгородской Погодинской (см. ниже)[272]. Текст представляет собой законченный

литературный памятник, содержащий легенды о происхождении восточных славян, об основании Новгорода, о древнейших русских князьях и их сношениях с Александром Македонским и т. п. Повествование начинается с разделения земли между сыновьями Ноя и оканчивается призванием Рюрика и его братьев[273]. Об общем характере памятника дают представление названия его глав, содержащиеся в большинстве списков. Заглавия эти следующие: «О Словене и Русе», «О зачале Великаго Словенска и о Волхове и о Волховце», «О князех руских, бывших при Александре Македонском», «Послание Александра Македонского русским князем», «О князех руских Халоха и Лахерна», «О запустении Великаго Словенска и о поставлении и зачале Великаго Новаграда», «О пространстве земли Руския и о княжении князя Гостомысла». Памятник изобилует именами, образованными от географических названий (Ильмер, Волхов, Шелонь, Волховец, Жилотуг, Полиста и др.). Историческая недостоверность основных частей его содержания очевидна, их текст является результатом литературного творчества с использованием, по-видимому, народных преданий. В этом пункте не приходится спорить с С. К. Шамбинаго.

Однако если считать памятник началом краткой редакции НЗЛ, то придется признать, что в этой летописи имеется пробел, охватывающий свыше 120 лет, так как «легендарная часть» оканчивается призванием Рюрика, а сам летописный текст начинается с крещения новгородцев. Кроме того, ни в одной из рукописей текст летописи не следует непосредственно за текстом «легендарной части». В рукописях, содержащих полный вид краткой редакции, за «легендарной частью» следует «Повесть о Данииле Александровиче московском», затем повесть «О зачале Московского государства» и только потом уже НЗЛ. При этом существенно и то, что эти два промежуточных памятника повествуют о событиях XIII–XIV вв., в то время как летопись начинается с 989 г. Таким образом, не только по своей тематике, но и по хронологии упомянутые тексты не могут являться связующим звеном между НЗЛ и ее «легендарной частью». С. К. Шамбинаго, объединяя эти две повести[274], считает их «случайной, разделяющей новгородскую летопись вставкой»[275]. Если бы это было так, то имелись бы, очевидно, списки НЗЛ, не содержащие «вставки». Между тем среди довольно большого (для летописного памятника) количества известных списков краткой редакции (20) только в одной дефектной рукописи Беляева текст НЗЛ следует непосредственно за «легендарной частью». Но эта рукопись не может приниматься в расчет, так как в ней между «легендарной частью» (не имеющей окончания) и текстом летописи листы явно утрачены. Что касается рукописей, содержащих сокращенный вид краткой редакции ле-

тописи, то в них отсутствует повесть «О зачале Московского государства», однако между текстом НЗЛ и текстом ее «легендарной части» оказывается, кроме «Повести о Данииле Александровиче», еще пространное заглавие и оглавление НЗЛ. Не подлежит сомнению, что как заглавие, так и оглавление относятся только к следующему за ними тексту собственно НЗЛ, так как содержание «легендарной части» в них ничем не отражено.

Приведенные данные не позволяют согласиться с С. К. Шамбинаго, считавшим, что памятник «Выписано из История киевския, зачало Великому Новуграду» представляет собой часть НЗЛ.

Возникает вопрос, почему же все-таки «легендарная часть» сопутствует НЗЛ краткой редакции, раз она не является частью этой последней и никак с ней не связана. На наш взгляд, это обстоятельство легко объяснимо. Сопутствует летописи не только «легендарная часть», но в равной степени и другие памятники. «Повесть о Данииле Александровиче», как уже указывалось, сопутствует летописи также во всех рукописях. В рукописях, содержащих полный вид краткой редакции, кроме этой повести присутствует повесть «О зачале Московского государства». В рукописях, содержащих сокращенный вид, перед «легендарной частью» читаются еще два памятника: «Описание о мироздании...», представляющее собой выборки из Хронографа, и «О начале славенороссийскаго народа...» (извлечение из краткой редакции Новгородской Погодинской летописи). Только потом уже идут «легендарная часть» и «Повесть о Данииле Александровиче».

Таким образом, мы имеем дело с устойчивым литературным окружением НЗЛ краткой редакции. По всей вероятности, основной состав этого окружения восходит к сборнику, содержавшему протограф полного вида краткой редакции. Это окружение было в основном сохранено и в сборнике, содержащем протограф сокращенного вида. Была лишь изъята из состава сборника повесть «О зачале Московского государства» и включены выборки из Хронографа и статья «О начале славенороссийскаго народа...». Если включение в новгородский летописный сборник таких произведений, как повести о Данииле Александровиче и об основании Москвы, для конца XVII в. должно быть объяснено, по-видимому, какими-то особыми соображениями составителя, то помещение туда остальных памятников, предшествующих НЗЛ, вполне закономерно.

Краткая редакция этой летописи начинается с крещения Руси и не содержит данных о предшествующих этапах русской и мировой истории. Вполне естественно стремление составителя сборника как-то компенсировать читателя. Поэтому в сборнике, основу которого составила НЗЛ, ей и предпослано несколько памятников, в которых освещен предшествующий период.

Затем, после повестей, связанных с основанием Москвы, был помещен сам летописный текст. Однако не подлежит сомнению, что все эти предшествующие летописи памятники являются самостоятельными частями сборника и что ни один из них не может считаться началом НЗЛ, так как хронологические рамки их перекрещиваются и не согласуются с хронологическими рамками летописи: первый памятник описывает события от сотворения мира до середины XIV в., второй – от столпотворения до середины XII в., третий – от потопа до середины IX в., четвертый и пятый трактуют о событиях XIII–XIV вв. Затем следует НЗЛ, начинающаяся с конца X в.

Таким образом, утверждение С. К. Шамбинаго о том, что текст, озаглавленный «Выписано из История киевския, зачало Великому Новуграду», представляет собой начальную часть НЗЛ, безусловно, ошибочно. Между тем оно было одним из двух доказательств, которые позволили С. К. Шамбинаго считать НИЛ и НЗЛ краткой редакции двумя вариантами одного и того же свода. Вторым является заключение о том, будто «Повесть о старобытных князьях», как именует С. К. Шамбинаго ту часть НИЛ, которая была известна Татищеву, представляет собой сокращенный текст «легендарной части» НЗЛ[276]. В качестве аргумента автор приводит в своей статье изложение обоих памятников. Сличение пересказа, приведенного С. К. Шамбинаго, с самими текстами показало, что этот пересказ дает искаженное представление об их содержании[277]. Автор излагает подробно те части, которые действительно в какой-то степени являются сходными, и сокращает или даже вовсе опускает остальное. Так, при изложении текста НИЛ он совершенно опустил все события, начиная от женитьбы Игоря вплоть до крещения новгородцев. Эта часть по объему составляет более трети всего текста, напечатанного Татищевым. Однако С. К. Шамбинаго даже не упомянул об ее существовании. Более того, пересказав известие о женитьбе Игоря, автор вопреки действительности пишет: «Далее в Иоакимовской летописи приводится обстоятельный рассказ о крещении новгородцев Добрынею»[278].

Непосредственное сравнение текстов обоих памятников дает иную картину, чем та, которая представлена С. К. Шамбинаго. Приведенный Татищевым текст НИЛ охватывает события от разделения земли между сыновьями Ноя и до крещения новгородцев, т. е. кончая 989 годом. Что же касается так называемой «легендарной части», то она оканчивается прибытием Рюрика и его братьев, т. е. по хронологии русских летописей – 862 годом. Таким образом, две трети всего известного нам текста НИЛ никак не от-

ражены в «легендарной части». Следовательно, если говорить о содержании обоих памятников в целом, то нельзя согласиться с С. К. Шамбинаго в том, что приведенный Татищевым текст является сокращением «легендарной части». Если же сравнивать только ту часть НИЛ, которая хронологически совпадает с «легендарной частью», то действительно татищевский текст оказывается более кратким. Однако это еще не дает права говорить о сокращении одного памятника в другом. Подавляющее большинство данных, сообщаемых об этом периоде Новгородской Иоакимовской летописью, не только не изложено подробнее в «легендарной части», но вообще в ней не содержится. Можно отчасти согласиться с С. К. Шамбинаго в том, что «баснословный колорит» начальной части НИЛ «вполне подобен» «легендарной части» НЗЛ[279]. Но этого обстоятельства, разумеется, недостаточно для того, чтобы считать их даже разными редакциями одного памятника, что, как кажется, имеет в виду С. К. Шамбинаго в другом месте своей работы[280].

После того как доказана независимость НЗЛ от того памятника, который С. К. Шамбинаго считал ее «легендарной частью», все вопросы, связанные с этой последней, в том числе и взаимоотношение ее с другими памятниками, не имеют прямого отношения к НЗЛ. Тем не менее для исследователя самой летописи эти вопросы могут представлять известный интерес, так как памятник, о котором идет речь, входит в состав устойчивого литературного окружения НЗЛ. Мы видели, что решение, предложенное С. К. Шамбинаго, не может быть признано убедительным. Хотя некоторое сходство содержания «легендарной части» с небольшой частью текста, напечатанного Татищевым, в ряде моментов имеется, текстуальных совпадений нет нигде. При этом следует иметь в виду, что Татищев, по его собственному признанию, приводит не весь текст своего памятника, а только то, что расходилось с данными Повести временных лет[281]. Поэтому мы не имеем возможности судить с достаточной определенностью о памятнике в целом. Кроме того, оригинал рукописи, имевшийся у Татищева, был дефектным – в нем недоставало листов, о чем свидетельствует разрыв в тексте и приводимая Татищевым приписка на полях[282]. Все это затрудняет использование НИЛ и заставляет делать выводы с большой осторожностью. Исследование же вопроса о взаимоотношении начальной части НИЛ с другими аналогичными по содержанию памятниками XVII в. требует привлечения возможно большего числа этих последних и не позволяет ограничиться сравнением лишь с одним из них. Не исключено, что текст, который С. К. Шамбинаго считал «легендарной частью» НЗЛ, и начальная часть НИЛ окажутся родственными по происхождению или даже двумя

сильно отличающимися друг от друга редакциями одного памятника. Однако это совершенно особая и сложная тема, которой начал было заниматься покойный В. И. Вышегородцев (см. выше).

Теперь нам остается рассмотреть отношение НЗЛ к самой НИЛ, т. е. проверить основной тезис С. К. Шамбинаго в его чистом виде, без тех промежуточных звеньев, которые оказались несостоятельными для его доказательства.

Новгородская третья летопись краткой редакции начинается известиями о событиях, связанных с введением христианства в Новгороде. Предпоследнее известие приведенной у Татищева части НИЛ также повествует о крещении новгородцев. Несмотря на то что оба текста являются довольно пространными, по содержанию в них не оказывается решительно ничего общего (кроме самого факта крещения), не говоря уже о каком-либо подобии текстуального сходства. Более того, данные НИЛ находятся в противоречии с НЗЛ[283]. В НИЛ говорится, что еще до крещения противниками христианства была «разметана» церковь Преображения в Новгороде, которая затем была восстановлена по приказанию Добрыни. Следовательно, согласно версии НИЛ, эта церковь существовала в Новгороде до крещения и продолжала существовать после него. Между тем НЗЛ сообщает о построении в Новгороде в 989 г., уже после крещения, двух церквей – деревянной церкви Софии и каменной – Иоакима и Анны, причем говорится, что это были первая деревянная и первая каменная церкви в Новгороде. Данных о существовании в Новгороде в это время церкви Преображения в НЗЛ не содержится. Если обратимся к последующему тексту известной нам части НИЛ, а таковым является рассказ об отпуске Владимиром своих жен и выдаче их замуж за его приближенных, то оказывается, что в НЗЛ эти события не отражены. О дальнейшем содержании НИЛ не имеем данных.

Такие результаты дает сравнение Новгородской Иоакимовской летописи с рукописями, содержащими списки краткой редакции НЗЛ. Еще проще обстоит дело с пространной редакцией. В списках, содержащих эту редакцию, «легендарная часть», как уже говорилось, вообще отсутствует, вопреки утверждению С. К. Шамбинаго. Нет в ней и других памятников из окружения краткой редакции. Рукописи ОИДР.127 и Р.252 начинаются непосредственно с НЗЛ. Правда, летописный текст пространной редакции открывается не крещением Новгорода, как краткая редакция, а перечислением земель, населенных потомками Иафета. Таким образом, начальная часть пространной редакции хронологически совпадает с «легендарной частью». В первых фразах обоих памятников речь идет о разделении земли между сыновьями Ноя:

Пространная редакция НЗЛ	**«Легендарная часть»**
Афетово бо колено и то Варязе, Све[и], Румани, Гти, Русь, Агляне, Галичане, Ляхове, Волоси, Римляне, Немцы, Корлязи, Венедиксы, Фрязи и прочии; ти ж сидят с племенем Хамовым. Сим же, Хам и Афет разделившее землю и жребия метавша, не приступити никому же во жребий братень, и живяху кождо во своей части, и бысть язык един. И умножишася человецы на земли, и помыслиша столп создати до небеси во дни Нектана и Фалека, и собрашась на месте Сенари поли создати столп до небеси[284].	В лето от сотворения света 2344, во второе лето по потопе, по благословению Ноя праотца разделися вся вселенная на три части трем сыном: Симу, Хаму и Афету, и извержеся от нерадения Хам от благословения отца своего Ноя, зане Ной упився вином и егда отрезвися от вина и разуме, елико сотвори ему Хам сын его, и рече: «Проклят буди Хам отрок, и да будет раб братии своей»[285].

Как видим, первые фразы пространной редакции по своему сюжету близки к началу «легендарной части» (хотя никакого текстуального или идейного сходства нет). Можно предположить, что именно внешняя близость этих фраз ввела в заблуждение С. К. Шамбинаго. Рассмотрение же всей начальной части пространной редакции показывает, что ее текст никак не связан ни с «легендарной частью», ни с Новгородской Иоакимовской летописью. Вплоть до крещения новгородцев, т. е. до того момента, с которого начинается краткая редакция, пространная содержит полностью соответствующую часть С1Л с незначительными включениями из Синопсиса. Рассказ о крещении новгородцев в пространной редакции совпадает дословно с соответствующими известиями краткой редакции и других данных не содержит. Таким образом, изложенные ранее результаты сравнения этого текста с НИЛ относятся полностью и к пространной редакции. Последнее известие НИЛ об отпуске Владимиром своих жен отсутствует не только в краткой, но и в пространной редакции.

Итак, сравнение хронологически совпадающих частей двух летописей – Новгородской третьей и Новгородской Иоакимовской – приводит к совершенно определенному выводу: между соответствующими частями этих летописей нет ничего специфически общего.

8

Попытаемся установить время возникновения известных нам редакций НЗЛ. Сначала обратимся к датировке пространной редакции – в связи с тем, что краткая редакция, как уже говорилось, представляет собой извлечение из пространной, дополненное по другим источникам.

Список пространной редакции оканчивается известиями 1674 г. Эти известия, как и предшествующий текст, дословно, лишь с небольшими сокращениями, читаются и в краткой редакции. Следовательно, они не являются позднейшими дополнениями, а восходят к самой пространной редакции. Этим устанавливается нижняя хронологическая граница: пространная редакция составлена не раньше 1674 г.

В летописном тексте этой редакции содержится три хронологических указания, позволяющих делать заключения о более точной дате возникновения ее окончательного вида. Приводим их целиком.

1. В тексте известий 1424 г. читаем: «Того же лета поставиша новгородцы церков камену во един день, за олторем святей Софеи, Происхождение честнаго креста; а ныне 7100-й год [1592] построена Мария Египецкая»[286].

2. В конце известий 1455 г. стоит: «Повелением архиепископа Евфимия Вяжицкого поставиша церковь деревяну за большим валом, в Чюдины[287] концы, на Софейской стране, [на] Алексеевской улицы, по чудеси; а ныне за Алексеевской башлей каменной круглою, и во 190-м году (т.е. в 1682. – *С.А.*) поставил крест камен ямщик»[288].

3. После известий 1570 г. помещен заголовок: «Список с подножия креста резнаго». Далее следует текст надписи на кресте об его установке в 1548 г. Затем идет известие о перенесении этого креста в 1659 г., после чего читается следующее: «А в нынешнем в 200-м году (т.е. в 1692. – *С.А.*) стоит на великом Волховском мосту против башини большой и часов, где написан образ чюдотворной Владимирской богородицы»[289].

Приведенные места летописи указывают на три даты: 1592, 1682 и 1692 гг. Содержание заметок, датированных этими годами, не оставляет сомнений в том, что каждая из них возникла именно в том году, который в ней обозначен. Происхождение их может быть объяснено трояко: 1) эти заметки могут принадлежать составителям последовательных редакций летописи; 2) они могли быть добавлены при ее переписке; 3) они могут быть приписками на полях, внесенными затем в летописный текст.

Рассмотрим каждое из этих известий. Заметка под 1592 г. не может принадлежать составителю пространной редакции, поскольку редакция возникла, как доказано выше, не ранее 1674 г. Эта заметка принадлежит, следовательно, одному из тех летописных памятников, которые послужили источниками для составления пространной редакции НЗЛ.

Вторая заметка может принадлежать составителю пространной редакции, так как она помечена 1682 г. и, следовательно, возникла после 1674 г. Эта заметка, как и предыдущая, читается не только в тексте пространной редакции, но и во всех списках краткой редакции. Значит, она не является

позднейшей припиской, а содержалась в самом тексте пространной редакции. Таким образом, этот последний возник не ранее 1682 г., а если считать заметку принадлежащей самому составителю, то возникновение этого вида можно датировать точно 1682 годом.

Третья заметка, указывающая на 1692 г., в краткой редакции отсутствует. Это ставит под сомнение наличие упомянутой заметки в пространной редакции; она могла быть внесена при ее переписке впоследствии. Поэтому, при отсутствии других подтверждающих эту дату данных, третья приписка не может учитываться при датировке.

Верхняя хронологическая граница для датировки пространной редакции может быть определена следующим образом. Под 989 г., после известия о постройке в Новгороде первой каменной церкви Иоакима и Анны, читаем: «... и в той же церкви положен бысть первый епископ на правой стороне, при великом князе Ярославе...»[290]. Речь идет о погребении первого новгородского епископа Иоакима Корсунянина, умершего в 1031 г. В 1699 г. останки его были перенесены в Софийский собор (о чем сообщает сокращенный вид краткой редакции НЗЛ в своем продолжении). НЗЛ обеих редакций, как уже говорилось, чрезвычайно внимательно относится к подобным известиям. Она всегда сообщает возможно более точные данные о местах погребения новгородских иерархов – иногда даже подробнее Краткого летописца новгородских владык. В связи с этим следует думать, что пространная редакция составлена, во всяком случае, не позднее 1699 г. Правда, в краткой редакции это известие отсутствует, таким образом, оно может быть и позднейшей припиской. Однако это обстоятельство ничего не меняет. Подобная приписка не могла быть сделана позднее 1699 г., следовательно, пространная редакция к этому году уже существовала[291]. Изложенные соображения позволяют считать, что окончательный вид пространной редакции возник никак не раньше 1682 г. и, очевидно, не позднее 1699 г.

Уточнить дату составления этой редакции позволяет приписка на поле против известий 1049 г. Список ОИДР.127 содержит довольно много приписок на полях. Все они написаны тем же почерком, что и основной текст. Некоторые из них, как указывалось, читаются и в краткой редакции, но, как правило, уже не на полях, а включенными в летописный текст. Это свидетельствует о том, что, по крайней мере, те из этих приписок, которые попали в краткую редакцию, имелись уже в самой той рукописи, дату которой нам надлежит установить. К числу таких маргиналий, внесенных затем в текст краткой редакции, относится и интересующая нас приписка против известий 1049 г. о гибели от пожара деревянного Софийского

храма. Текст известия следующий: «Марта в 4-й день, в субботу, соборная церкви деревянная дубовая святая Софея згорела, бысть честно устроена и украшена, 13 верх имущи, а стояла, конец Пискупли улицы над Волховом, идеже поставил Соткой богатой церковь каменну святых мученик Бориса и Глеба»[292]. Против последних слов этого известия приписка: «Яже та церковь стояла в каменном граде Детинце, близ каменной градной стены; в лето 7190 [1682] та церков Бориса и Глеба вся до подошвы разобрана и кирпичь свозили»[293]. Первая половина этой маргиналии перенесена и в краткую редакцию.

Как видим, приписка внесена вскоре после того, как церковь была разобрана. Указания на то, что здание разобрано «до подошвы» и что «свозили кирпич», могли принадлежать только лицу, у которого эти события были еще свежи в памяти.

Для проверки проследим историю церкви Бориса и Глеба, о разборке которой идет речь. Задача облегчается тем, что в Новгородском Детинце существовала только одна церковь Бориса и Глеба, неоднократно упоминаемая в летописях и других источниках.

Церковь была заложена в 1167 г.[294] и освящена в 1173 г.[295] Затем она довольно часто упоминается в летописях; последние летописные известия о ней относятся к XV в.: в 1405 г. она выгорела во время пожара[296] и в 1441 г. была восстановлена архиепископом Евфимием II[297]. После 1441 г. известия об этой церкви в летописях не встречаются, однако о ее существовании свидетельствуют другие источники. В XVI в. церковь Бориса и Глеба в Детинце упоминается в перечне, относящемся к 1577–1589 гг.[298] Далее, в XVII в., она названа в росписи новгородских церквей и монастырей, составленной после шведской оккупации, в 1615 г.[299] Изображение этой церкви имеется на плане Новгорода, относящемся к середине XVII в.[300] О последующей судьбе ее свидетельствует челобитная царям Иоану и Петру Алексеевичам священников церкви Бориса и Глеба на Торговой стороне [301]. Авторы челобитной просят передать им денежное и хлебное довольствие («ругу»), выплачиваемое на церковь Бориса и Глеба в Детинце, ввиду того что последняя больше не существует. В тексте челобитной читаем: «Софейской стороны в писцовой книге Александра Чоглокова 131 [1623] году написано: в Каменном, городе, у наместнича двора церковь каменна Бориса и Глеба подле церкви Андрея Стратилата, а ныне по наличию подле дьяча двора; и та, государи, церковь: в прошлых давних годех в раззорении, и вся до основания разобрана». Несомненно, что церковь разобрана не «в прошлых давних годех» (эти слова относятся к ее «раззорению», очевидно,

шведами, а не к разборке), а незадолго до составления челобитной. Именно самый факт разборки церкви и должен был послужить причиной для написания этой челобитной. Если бы церковь была разобрана «в прошлых давних годах», то на нее бы не выплачивалась руга, на которую теперь претендуют священники церкви Бориса и Глеба на Торговой стороне. Кроме того, как мы видели выше, не подлежит сомнению, что эта церковь существовала в 1615 г. и даже в середине XVII в., т. е. много лет спустя после шведского «раззорения». Очевидно, церковь была разобрана не раньше, чем за несколько лет до написания челобитной. Так как совместное царствование Иоанна и Петра, которым адресована челобитная, продолжалось с 1682 по 1696 год, то следует полагать, что церковь Бориса и Глеба в Детинце разобрана в 80-х или в первой половине 90-х годов XVII в.

Возвращаясь к тексту интересующей нас маргиналии, убеждаемся в том, что указанная в ней дата разборки церкви Бориса и Глеба (1682 год) заслуживает полного доверия.

Приписка позволяет точно установить время возникновения пространной редакции НЗЛ. В этой редакции под 1049 г. сообщается, что деревянная София стояла на том месте, где впоследствии построена церковь Бориса и Глеба. В самом тексте известия ничего не говорится о том, что церковь Бориса и Глеба уже не существует, хотя составитель работал, как установлено выше, не ранее 1682 г. Между тем автор приписки на полях, комментируя это место, сообщает, что церковь, о которой идет речь, разобрана в том же 1682 г. Это позволяет заключить, что составитель окончательного вида пространной редакции работал именно в 1682 г., точнее, в те месяцы этого года, когда церковь Бориса и Глеба еще существовала. Затем, уже после ее разборки, на полях была сделана приписка, сообщавшая о том, что церковь в 1682 г. разобрана, и указывавшая ее местоположение. Последнее было необходимо потому, что в самом летописном тексте упоминание церкви Бориса и Глеба было сделано только для того, чтобы указать древнее местоположение стоявшей ранее на ее месте деревянной Софии [302]. Теперь же для представления о первоначальном местоположении Софии нужно было сообщить о местоположении самой церкви Бориса и Глеба. Поэтому есть основания полагать, что приписка сделана самим составителем для уточнения приведенных им ранее данных.

Можно, впрочем, допустить, что составитель пространной редакции работал уже после разборки церкви Бориса и Глеба и что он перенес данные о местоположении деревянной Софии из своего источника механически (вторая половина этого текста читается и в некоторых других летопи-

сях). Однако такое предположение сомнительно. В других (более древних) летописях читается: «Идеже ныне постави Сотко церковь каменну святого Бориса и Глеба» [303]. Составитель пространной редакции опустил слово «ныне», что говорит о его сознательном отношении к тексту этого пояснения. Но даже если допускать, что он работал после 1682 г. и что, переписывая данные о местоположении деревянной Софии с их ссылкой на местоположение церкви Бориса и Глеба, он не обратил внимания на то, что эта последняя уже не существует (что, как мы видели, маловероятно), то и тогда время составления пространной редакции может быть определено с точностью до нескольких лет.

Приписка на полях, в которой сообщается, что церковь Бориса и Глеба разобрана в 1682 г., была внесена вскоре после этого события. Об этом свидетельствуют содержащиеся в ней детали, на что уже указывалось. Следовательно, в те ближайшие несколько лет после 1682 г., в течение которых могла быть внесена приписка, пространная редакция уже существовала. Таким образом, приписка сама по себе говорит о том, что летопись была составлена если не в самом 1682 г., то в ближайшие после него годы. Однако совокупность всех приведенных выше данных с гораздо большей убедительностью указывает именно на 1682 г., как на точную дату составления окончательного вида пространной редакции НЗЛ (напомним, что и заметка в конце известий 1455 г. была внесена в том же 1682 г.).

Все высказанные до сих пор соображения касались пространной редакции в ее окончательном виде – в том виде, который представлен списками ОИДР.127 и Р.252 и который был использован при составлении краткой редакции. Выше было показано, что этот вид возник не ранее 1682 г. Однако НЗЛ существовала и до этого года, о чем свидетельствуют данные Новгородской Забелинской летописи, которая восходит к более раннему тексту пространной редакции НЗЛ (см. об этом ниже). Условно назовем его первоначальным видом этой редакции. Сличение текстов Новгородской Забелинской летописи и окончательного вида пространной редакции НЗЛ показало, что первоначальный вид ее, по-видимому, ненамного отличался от окончательного.

9

Пытаемся определить время составления этого первоначального вида. Для датировки представляют интерес девять текстов пространной редак-

ции НЗЛ, аналогичных по характеру своего содержания. Это известия о венчании на царство и о смерти Ивана IV, о воцарении и о смерти Федора Ивановича, о воцарении и о смерти Бориса Годунова, о воцарении Михаила Федоровича, о его смерти и о вступлении на престол Алексея Михайловича. Видим, что составитель пространной редакции чрезвычайно внимательно отнесся к известиям о смене лиц на царском престоле. Начиная с Ивана Грозного, он сообщает о вступлении на престол и о смерти всех русских царей, опуская только Лжедимитрия и Шуйского, из которых первый незаконно, а второй без достаточных оснований (по представлениям современников) занимали престол.

Однако известие о смерти Алексея Михайловича в списках пространной редакции отсутствует. Представляется маловероятным, чтобы, при всем внимательном отношении к известиям этого рода, оно было опущено составителем окончательного вида пространной редакции или его переписчиками. Гораздо более убедительно другое предположение – это известие отсутствовало и в первоначальном виде пространной редакции НЗЛ, что вполне понятно, если предположить, что первоначальный вид ее возник еще при жизни Алексея Михайловича, т. е. не позднее 29 января 1676 г.

Теперь обратимся к окончанию текста пространной редакции. Он заканчивается подробными известиями о новгородском митрополите Иоакиме – о его поставлении, о церемонии прибытия его в Новгород, об установке им часов на митрополичьем дворе и о поставлении его в сан патриарха. Все эти события относятся к 1673–1674 гг., так как Иоаким был новгородским митрополитом с 22 декабря 1673 г. по 26 июля 1674 г. (по сентябрьскому летоисчислению)[304]. Текст окончательного вида пространной редакции НЗЛ заканчивается фразой о поставлении Иоакима патриархом 26 июля 1674 г., которая текстуально совпадает с более подробным известием о том же Новгородской Забелинской летописи, использовавшей первоначальный вид пространной редакции НЗЛ. Следовательно, работа по составлению этого первоначального вида была закончена не ранее названной даты.

Таким образом, пространная редакция в ее первоначальном виде окончена, по-видимому, между 26 июля 1674 г. и 29 января 1676 г.[305]

Предлагаемая нами датировка первоначальной редакции совместима с датировкой С. К. Шамбинаго, полагавшего, что летопись была составлена по инициативе Иоакима, во время пребывания его на новгородской кафедре (правда, автор аргументировал это только тем соображением, что свод оканчивается известиями об Иоакиме, без привлечения данных Новгород-

ской Забелинской летописи)[306]. Считаем предположение С. К. Шамбинаго о том, что инициатива в составлении свода могла принадлежать Иоакиму, вполне оправданным. Та общая характеристика его деятельности, которая дана в работе С. К. Шамбинаго, не вызывает существенных возражений и говорит в пользу этой гипотезы. Общий характер свода, как мы видели, вполне подтверждает предположение о его составлении при дворе новгородского митрополита. Напомним, что известиями об Иоакиме заканчивается и Краткий летописец новгородских владык. Это позволило еще В. С. Иконникову предположить, что он получил окончательную редакцию при Иоакиме[307] (на что ссылается и С. К. Шамбинаго). Можно думать, что Иоакимом была возглавлена большая летописная работа, которая не ограничилась составлением НЗЛ.

10

Переходим к датировке краткой редакции. Как уже указывалось, основу ее составляет извлечение из пространной редакции. В свою очередь сокращенный вид краткой редакции представляет сокращение полного ее вида (дополненное известием 1674 г. о поставлении новгородским митрополитом Корнилия). Таким образом, хронологическая последовательность не вызывает сомнений: сначала была составлена пространная редакция, затем краткая редакция полного вида и уже потом – сокращенный вид этой редакции.

Поскольку пространная редакция в ее окончательном виде была составлена не раньше 1682 г., то, следовательно, этот же год является и нижней хронологической границей при датировке краткой редакции. Это определяется не только тем, что краткая редакция возникла из пространной, но и тем, что заметка, указывающая на 1682 г., содержится, как уже говорилось, не только в пространной, но и в краткой редакции. Крайняя верхняя граница составления этой редакции может быть определена на основании оглавлений сокращенного ее вида. Оглавление известий о поставлении новгородских владык оканчивается митрополитом Иовом, занимавшим новгородскую кафедру с 1696 по 1716 г. Иовом заканчивается и оглавление в рукописи БАН 32.3.16 (восходящей к протографу сокращенного вида), летописный текст которой доведен только до Корнилия (1674–1695 гг.). Это кажущееся несоответствие возникло, очевидно, в результате того, что переписчик летописи, оканчивавшейся Корнилием, воспринимая оглавление не только в качестве такового, но и как перечень всех новгородских владык,

дополнил его именами Евфимия и Иова. Значит, он работал еще до того, как в Новгород после смерти Иова был поставлен архиепископом Феодосий Яновский, иначе он добавил бы и имя Феодосия. Так как Феодосий был поставлен в 1720 г., то следует полагать, что приписка имен Евфимия и Иова была сделана не позднее 1720 г. Следовательно, во всяком случае не позже этого года был составлен сам летописный текст сокращенного вида краткой редакции (а значит – и полного ее вида).

Строевский список сокращенного вида может быть датирован довольно точно – либо двумя последними годами XVII в., либо самым началом XVIII в., так как летописный текст в нем кончается 1699 годом, а почерки типичны для XVII в. Это подтверждает только что выведенную верхнюю границу составления сокращенного вида и даже позволяет условно ее передвинуть на первое десятилетие XVIII в.

Как мы уже видели, общий характер НЗЛ, в особенности ее краткой редакции, дает все основания считать, что она составлена при дворе новгородских митрополитов. Протограф же сокращенного вида оканчивался, очевидно, известием 1674 г. о поставлении новгородским митрополитом Корнилия. Это заставляет думать, что сокращенный вид краткой редакции (а следовательно, и полный вид) возник не позже 1695 г., когда на место Корнилия был поставлен Евфимий, иначе известие о его поставлении было бы помещено в летописи.

Полный вид краткой редакции оканчивается известиями о пребывании на новгородской митрополичьей кафедре Иоакима. Это как будто находится в противоречии с доказанным выше обстоятельством, что краткая редакция возникла не ранее 1682 г., так как известие о поставлении Корнилия (в 1674 г.) в полном виде этой редакции отсутствует. Думаем, что это кажущееся противоречие может быть объяснено довольно просто. Иоаким был патриархом с 1674 г. до своей смерти в 1690 г. До этого он был новгородским митрополитом. Как мы видели, ему, очевидно, принадлежала инициатива составления пространной редакции НЗЛ. Таким образом, летописная работа, выразившаяся в придании окончательного вида пространной редакции и в составлении краткой редакции этой летописи, была продолжением того предприятия, которое было начато Иоакимом. В своем первоначальном виде летопись оканчивалась известиями о нем. Вполне вероятно, что лица, обрабатывавшие затем этот свод (при последующем митрополите Корнилии), сочли неудобным после известий об Иоакиме добавлять известие о поставлении на его место Корнилия, тем более что Иоаким в это время занимал пост патриарха. Как следует полагать, не без ведома Иоакима проводилась эта обработка начатого по его инициативе

свода. Таким образом, отсутствие в полном виде краткой редакции известия о поставлении Корнилия может свидетельствовать о том, что эта редакция была составлена еще при жизни Иоакима, т. е. не позднее 1690 г. Что же касается сокращенного вида, то там уже содержится известие о поставлении Корнилия – вероятно, этот вид возник уже после смерти Иоакима, т. е. между 1690 и 1695 годами.

11

Наблюдения над содержанием краткой редакции позволяют обнаружить одну существенную особенность ее по сравнению с пространной редакцией. Последняя, как указывалось, включила известия о восшествии на престол и о смерти всех русских царей, начиная с Ивана IV. Выше было отмечено, что эти известия не являются позднейшими добавлениями, а содержались в самой пространной редакции обоих видов. Между тем в краткой редакции, официальный характер которой в еще меньшей степени может вызывать сомнения, известия этого типа оканчиваются воцарением Бориса Годунова. Сведения о последующих царях опущены. Такое обстоятельство не может быть признано случайным. Для опущения этих известий должны были иметься достаточно веские причины.

Как мы видели, полный вид краткой редакции возник, очевидно, между 1682 и 1690 годами, т. е. в период совместного царствования Иоанна и Петра. Напомним события, связанные с началом этого царствования.

Сразу же после смерти Федора Алексеевича, 27 апреля 1682 г., царем был провозглашен Петр. Затем, в результате интриг царевны Софьи Алексеевны и вызванного ею стрелецкого бунта, 23 мая того же года было установлено совместное царствование Иоанна и Петра, а 26 мая Иоанн был объявлен первым среди двух царей. Небезынтересным является отношение ко всем этим событиям патриарха Иоакима. Он не только поддержал первоначальное провозглашение Петра царем, но и сам участвовал в этом провозглашении. В записках Крекшина сообщается, что после провозглашения царем Петра Софья призвала к себе патриарха и бояр вместе с представителями дворянства и купечества и предложила возвести на престол Иоанна, установив совместное царствование обоих братьев. Иоаким совершенно определенно высказал свое отношение к этому проекту. Он ответил: «Многоначалие зло есть; един царь да будет, Богу тако изволившу» и, отказавшись от участия в дальнейших переговорах, «отъидоша от лица царевны Софии Алексеевны» [308]. В дальнейшем, в период борьбы между

Петром и Софьей, в 1689 г., когда сторонники Петра прибывали к нему в Троице-Сергиев монастырь, Иоаким, отправившись туда под предлогом уговоров Петра, так и не возвратился в Москву. Все это свидетельствует о том, что Иоаким был сторонником единодержавия Петра и явно не одобрял установления совместного царствования братьев.

Возвращаясь к нашему предположению о связи работы над НЗЛ с деятельностью Иоакима, можем объяснить отсутствие в краткой редакции известий о русских царях XVII в. Зная симпатии Иоакима к Петру и отрицательное его отношение к факту установления совместного царствования Петра и Иоанна, лица, продолжавшие работу над летописью, воздержались от того, чтобы помещать в ней известие о воцарении обоих братьев, тем более что окончательный исход борьбы был неизвестен. Однако отсутствие этого известия в летописи бросалось бы в глаза, так как в ней содержались соответствующие данные обо всех прежних царях. Чтобы устранить это неудобство, были опущены и известия о предшествующих царях за последнее столетие. Это соображение не только позволяет объяснить указанную особенность краткой редакции, но и подтверждает предположение о том, что эта редакция была составлена в период патриаршества Иоакима.

12

Подытожим наши наблюдения по датировке обеих редакций НЗЛ.

Первоначальный вид пространной редакции возник не позднее 1676 г., ибо в нем отсутствовало известие о смерти Алексея Михайловича. Работа по составлению свода была прервана не ранее 1674 г., так как он содержит известия этого года об Иоакиме.

Окончательный вид пространная редакция получила не раньше 1682 г., о чем свидетельствует заметка в тексте известий 1455 г. Этот вид возник, очевидно, и не позднее 1699 г., потому что в нем имеется известие только о первоначальном месте погребения Иоакима Корсунянина, останки которого перенесены в 1699 г. Наконец, анализ маргиналии о разборке церкви Бориса и Глеба говорит о том, что составление окончательного вида пространной редакции можно датировать точно 1682 годом или, в крайнем случае, несколькими ближайшими после него годами.

Полный вид краткой редакции составлен не ранее 1682 г. – в силу тех же обстоятельств, что и окончательный вид пространной редакции. Наблюдения над оглавлениями сокращенного вида этой редакции показывают, что этот последний, а следовательно, и полный вид появились не позже

1720 г. Датировка Строевского списка указывает на то, что оба вида этой редакции возникли не позднее первого десятилетия XVIII в. Состав известий краткой редакции свидетельствует о том, что полный вид ее возник в период патриаршества Иоакима, т. е. не позднее 1690 г. В этой связи анализ последнего известия сокращенного вида заставляет полагать, что этот вид появился между 1690 и 1695 годами.

Присоединяясь к высказанному некогда С. К. Шамбинаго предположению о том, что инициатором составления летописи был Иоаким, считаем, что оно подтверждается не только всем направлением его деятельности (на что указывал и С. К. Шамбинаго), но также особенностями самой летописи и данными о времени ее возникновения.

Сопоставление выведенной только что датировки с общим характером летописи, показывающим, что все этапы ее составления проходили при дворе новгородских митрополитов, заставляет связывать появление сохранившихся ее видов с деятельностью митрополита Корнилия, занимавшего новгородскую кафедру с 1674 по 1695 г. По-видимому, работа над летописью, начатая по инициативе Иоакима, была продолжена под руководством Корнилия. Это подтверждается тем обстоятельством, что Корнилий сам был не чужд литературной деятельности. Его имя приводится Филаретом в «Обзоре русской духовной литературы» [309]. Об интенсивной летописной работе в Новгороде при Корнилии свидетельствует факт составления при нем в Новгороде крупнейшего свода – Новгородской Забелинской летописи (см. ниже).

13

Чтобы закончить рассмотрение условий возникновения известных нам текстов НЗЛ, обратимся к тому ее продолжению, которое читается в Строевском и Толстовском списках сокращенного вида краткой редакции. Как уже указывалось, протограф этого вида оканчивался, очевидно, известием о поставлении Корнилия. Строевский список содержит, кроме того, подробные данные о строительной деятельности этого митрополита (реставрация нескольких церквей в Новгороде; в том числе Софийского собора, перестройка Знаменского собора); затем, после сообщений о кратком пребывании на митрополичьей кафедре Евфимия (1695–1697 гг.), идут известия о деятельности митрополита Иова, отличающиеся еще большей подробностью. Несомненно, что все добавления сделаны уже при Иове, так как известия о Корнилии, помещенные сплошным текстом под

1674 г.), заканчиваются сообщением об его погребении Иовом в 1698 г. Сам же Строевский список оканчивается известиями 1699 г. Поэтому можно думать, что все дополнения Строевского списка сделаны единовременно, по-видимому, в 1699 г. или вскоре после этого года. Поскольку все известия этого добавления касаются новгородских митрополитов и их деятельности, следует считать, что пополнение летописи произведено при дворе митрополита Иова[310].

Это полностью согласуется с теми довольно богатыми данными, которые сохранились о деятельности Иова вообще. Он был широко известен своей начитанностью, просветительной и благотворительной деятельностью и пользовался большим расположением Петра I[311]. В 1706 г. им была учреждена в Новгороде славяно-греческая школа, где преподавали Лихуды, для чего Иов добился специального распоряжения царя о переводе их в Новгород. Впоследствии им было открыто четырнадцать русских школ в различных местах его митрополии. Он организовал большую работу по переводу с греческого и латинского языков не только церковных, но и светских книг (некоторые из них переводились по заказу самого Петра). Под покровительством Иова проходила преподавательская и литературная деятельность Лихудов и их учеников в Новгороде. О литературных занятиях самого Иова свидетельствуют некоторые его богословские произведения (среди них есть даже стихи), а также многочисленные письма митрополита[312], часть которых должна быть отнесена не столько к деловой письменности, сколько к церковной публицистике. Иов переписывался не только с духовными лицами, но также с Петром I, Меншиковым, Апраксиным, Шереметевым и другими сподвижниками Петра[313]. В его письмах мы видим многочисленные просьбы о присылке книг, ходатайства о переводе в Новгород типографии, о помощи в устройстве школ и т. п. Таким образом, общая картина деятельности Иова вполне согласуется с предположением о том, что под его руководством продолжалась и летописная работа[314].

Содержание сделанных при Иове добавлений к летописи свидетельствует о том, что автор их имел в своем распоряжении дополнительные источники. Так, известия 1699 г. дают сводку данных по истории Знаменского собора (перестроенного Корнилием и обновленного затем после пожара Иовом), которые почерпнуты не из самой НЗЛ, хотя они и начинаются с событий 1354 г.

Последующие дополнения Толстовского списка были сделаны на основании, по крайней мере, двух летописей – годы проставлены в разных

известиях по разным системам: от сотворения мира и от Рождества Христова (7210, 1706, 1709, 7218 и т. д.). В этих добавлениях широко отражена деятельность Иова, но есть и известия светского содержания (в том числе о событиях Северной войны с подробным описанием Полтавской битвы). Дополнения были сделаны, вероятно, самим писцом Толстовского списка, так как между известиями оставлены пустые места (по-видимому, для заполнения их из третьего источника). Летопись была дополнена в Толстовском списке уже после смерти Иова – список оканчивается известием о его погребении (в 1716 г.), а содержащиеся после летописного текста, но написанные тем же почерком выписки о событиях, связанных с Варлаамом Хутынским, включают известие, датированное 1722 годом.

Поскольку в Новгороде с 1706 по 1716 год преподавательскую и литературную деятельность при Иове возглавляли Лихуды, не исключено, что дополнительная часть Толстовского списка принадлежит одному из их учеников (характер этих дополнений, как и в Строевском списке, заставляет полагать, что они сделаны, очевидно, при архиерейском дворе). Если допустить, что дополнения Строевского списка были внесены после 1706 г. (палеографическая датировка рукописи это допускает), то их также можно связать с деятельностью Лихудов.

14

Восходит к НЗЛ крупнейший летописный свод Новгорода – Забелинская летопись (названная мною так по фамилии прежнего владельца ее основного списка). Она исследовалась только частично, а опубликован был лишь небольшой фрагмент ее текста. Публикация произведена М. Н. Тихомировым, который издал отрезок летописи, охватывающий третью четверть XVII в. (с приложением описания рукописи)[315]. Л. В. Черепниным Новгородская Забелинская летопись (далее: НЗабЛ) привлекалась при исследовании Нового летописца – в связи с тем, что одна из его редакций включена в состав этой летописи. Автором определено время составления НЗабЛ и выявлены многие из ее источников (см. ниже). Однако главный из этих источников – пространная редакция Новгородской третьей летописи – оставалась неизвестной Л. В. Черепнину, так как не была еще тогда введена в научный оборот. Исследователем были привлечены три списка: ГИМ, собр. Забелина, № 261 (по этой же рукописи произведена публикация М. Н. Тихомирова), ГИМ, Музейное собр., № 2159, РГАДА, ф. 181, № 22[316].

15

Новгородская Забелинская летопись начинается легендами о происхождении славян и доведена до 1679 г. Этот памятник занимает первое место среди всех новгородских летописей не только по своему объему, но и по разнообразию использованных источников. Он, как увидим, лег в основу последовавшей летописной работы в Новгороде и позволяет, кроме того, уточнить историю создания Новгородской третьей летописи.

Мною зарегистрировано десять списков этого свода: ГИМ, собр. Забелина, № 261 (80-е годы XVII в., 1°, 760 лл., летописный текст на лл. 2–673)[317], РГБ, М.733 (третья четверть XVIII в., 1°, 985 лл., летописный текст на лл. 4–857); БАН, 16.4.1. (1756 г., 1°, 664 лл.), 34.2.26 (третья четверть XVIII в., 1°, 567 лл.), Текущие поступления, № 1342[318] (первая четверть XVIII в., 1°, 691 лл.); РНБ, Эрмитажное собр. № 417[319] (третья четверть XVIII в., 1°, 201 лл., летописный текст на лл. 1–195 об.) и № 418[320] (вторая четверть XVIII в., 1°, 380 лл., летописный текст на лл. 2–368 об.), собр. Вяземского Q.CCXLI[321] (середина XVIII в., 4°, 425 лл., летописный текст на лл. 67–424 об.), ГИМ, Музейное собр. № 2159[322] (вторая четверть XVIII в., 1°, 345 лл.); РГАДА, Рукописный отдел Библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел, № 22[323] (третья четверть XVIII в., 1°, 347 лл.).

Наиболее интересна рукопись Забел. 261 – здесь мы имеем дело с явлением чрезвычайно редким – список является архетипным. Вся рукопись (кроме начальных ее листов, видимо, скопированных позднее для замены обветшавших) написана одним почерком, но содержит множество вставок (объемом от одного листа до нескольких десятков листов), бумага которых своим цветом, плотностью и водяными знаками отличается от бумаги, на которой написан остальной текст. Содержание каждой из этих вставок представляет собой самостоятельное целое, часто разрывающее основной текст на полуфразе или даже на полуслове[324]. В отдельных случаях, для устранения таких разрывов, начальная часть разорванного известия оказывается перечеркнутой и вписанной заново на свободной части листа после вставки. Имеются также пометки, указывающие, что продолжение оборванного текста следует искать через столько-то листов. Как будет показано ниже, содержание вставок и содержание окружающего их текста восходит к разным источникам. Факт соединения разнородного материала самим писцом рукописи Забел. 261 не вызывает, таким образом, никаких сомнений. Остальные списки этого свода повторяют ее содержание вместе со вставками и перебивками текста. Несомненно, что все они (как и любые

другие списки данной редакции НЗабЛ, если таковые будут обнаружены) восходят к рукописи Забел. 261.

16

Основу памятника составляет пространная редакция Новгородской третьей летописи, включенная почти целиком и дополненная другими летописными источниками, среди которых, начиная от первых листов и до конца XVI в., отчетливо прослеживается псковская летопись (судя по составу известий, это был летописец псковского Печерского монастыря; подробнее об этом летописце см. ниже). Далее идет особая редакция Нового летописца, продолженная до 1679 г.[325] В этот текст, могущий быть условно названным первоначальной редакцией НЗабЛ, включен в виде вставок, вклеенных на отдельных листах, Синопсис изданий 1674 г. и 1680 г.[326] (почти весь – отдельными главами), «История еже о начале Русския земли» (включенная дважды – сначала частично, в виде отдельных вставок, а затем – целиком), Краткий летописец новгородских владык, оканчивающийся известием о наставлении митрополитом Корнилия (1674–1695), подборка летописных известий, касающихся новгородского Софийского собора (включены целиком), Сказание о Мамаевом побоище[327], большие отрывки из неизвестных до настоящего времени новгородских летописей (в числе их – харатейный летописец[328]) и другие источники. Вследствие необработанности свода, в тексте его имеются многочисленные дублировки известий и непоследовательность в хронологии.

Большой интерес представляет не отмечавшееся прежними исследователями критическое отношение составителя свода к используемым источникам. После легендарных по содержанию глав из Синопсиса о Мосохе и о переселении киевского митрополита Максима в Москву читаем пространное рассуждение (с использованием «Истории еже о начале Руския земли», печатных Псалтири и Цветослова, а также летописных источников), трактующее о несостоятельности утверждений Иннокентия Гизеля о существовании Мосоха, о происхождении от него Москвы и др. (см. подробнее ниже).

17

Время возникновения летописи может быть определено сравнительно точно. Поскольку составитель использовал Синопсис в издании 1680 г., то

свод возник, естественно, не ранее этого года. Очевидно, составление его произошло и не позднее 1681 г., так как на л. 635 об. автор отмечает, что церковь Воскресенского монастыря «и доныне тако недостроена суть», между тем как в 1681 г. строительство ее было возобновлено и вскоре закончено[329] (указанное место читается на одном из вклеенных листов и, следовательно, относится к окончательной редакции свода)[330].

Несомненно, что составителем НЗабЛ был использован не окончательный вид Пространной редакции Новгородской третьей летописи, представленный списками ОИДР.127 и Р.252 и возникший не ранее 1682 г. (см. выше), а первоначальный её вид. Об этом свидетельствует не только то обстоятельство, что окончательная редакция НЗабЛ возникла, по-видимому, не позднее 1681 г. (см. выше), но также – и с полной очевидностью – состав самого летописного текста. Многие известия рукописи Забел.261, отсутствующие или измененные в ОИДР.127, содержатся без изменений в Новгородской Уваровской летописи, представляющей собой, как указывалось, основной источник Новгородской третьей летописи (включенный в нее целиком), и совпадают, в свою очередь, с соответствующими текстами Софийской первой и других древних летописей, к которым восходит НУвЛ. С другой стороны, составитель краткой редакции НЗЛ, основу которой составляет извлечение из окончательного вида пространной редакции (см. выше), использовал, по-видимому, для дополнений НЗабЛ, так как в этой редакции есть известия, отсутствующие в рукописи ОИДР.127 (как и в НУвЛ), но содержащиеся в рукописи Забел.261. Обратной картины, т.е. использования краткой редакции НЗЛ составителем НЗабЛ, быть не могло, так как, во-первых, эта редакция возникла не ранее 1682 г., Новгородская же Забелинская летопись, по-видимому, не позднее 1681 г. (см. выше), а во-вторых, тексты, тождественные этой редакции и отсутствующие в рукописи ОИДР.127 и в НУвЛ, есть как в основной части рукописи Забел.261, так и на вклеенных листах, т.е. восходят к разным источникам.

Как уже отмечалось, составление НЗабЛ может быть разделено на два этапа. Сначала был составлен летописный свод, основанный на пространной редакции Новгородской третьей летописи и использовавший кроме нее Новый летописец, Псковскую летопись и другие источники. Этот текст представлял собой первоначальную, в чистом виде несохранившуюся редакцию НЗабЛ. В составленную таким образом летопись были сделаны затем вставки из Синопсиса и других памятников, давшие окончательную редакцию свода, архетипом которой и является список Забел.261. Первоначальная редакция НЗабЛ составлена не ранее 1674 г., так как не ранее этого

года возник использованный ею первоначальный вид пространной редакции НЗЛ (см. выше). Она составлена, естественно, и не позднее 1681 г., так как не позднее этого года была создана окончательная редакция НЗабЛ., основанная на первоначальной редакции этой же летописи.

18

Списки Новгородской Забелинской летописи распадаются на три группы. Первая группа представлена рукописями Забел.261, М.733, ТП.1342, 16.4.1 и 34.2.26. Второй и третий списки полностью повторяет текст всей рукописи Забел.261 (включая следующую за летописью Казанскую историю). Остальные две рукописи содержат только летописный текст, причем в списке 16.4.1., представляющем собой, как это явствует из записи на последнем листе, копию, снятую при Академии Наук в 1756 г. «с оригинала Михаила Ларионовича Воронцова»[331], отсутствует начальная часть свода, а в списке 34.2.26 – окончание. Следов утраты начальных или конечных листов в этих рукописях нет. Неполнота их, по-видимому, является результатом сознательного опущения части текста переписчиками, так как границами летописного текста в этих списках являются границы структурных частей свода. В первом случае опущена вводная часть, предшествующая «Истории еже о начале Руския земли», а во вторам случае – Новый летописец вместе с последующим текстом.

Вторая и третья группы списков составляют особый вид, который может быть назван неполным видом НЗабЛ. Он содержит только заключительную часть летописи – текст Нового летописца с продолжением. Четыре списка второй группы – Муз.2159, МИД.22, Эрм.417 и Эрм.418 – совершенно сходны между собой и содержат заключительную часть свода без каких-либо дополнений. По-видимому, эти списки восходят к общему протографу[332]. Третью группу составляет список Вяз.241, где текст дополнен в конце известиями о воцарении Федора Алексеевича и о пожарах в Москве и Старой Руссе за счет опущения читающейся в других списках (и в самом Забел.261) пространной статьи о чигиринских походах, взятой из Синопсиса (имеются и другие отличия).

19

Новгородская Забелинская летопись послужила основой другого (до недавнего времени не изучавшегося) новгородского летописного свода –

Погодинской летописи. Основной текст ее продолжается от легендарных рассказов о происхождении Новгорода («Истории еже о начале Русския земли») и до конца XVII столетия. В некоторых рукописях летопись продолжена до конца XVIII и даже до начала XIX в. Объем этого памятника значительно уступает НЗабЛ, тем не менее основные списки имеют около четырехсот листов в 4°, писанных мелкой скорописью.

Новгородская Погодинская летопись (далее: НПогЛ) сохранилась в довольно большом количестве списков, которые могут быть разбиты на несколько редакций. Первоначальная и наиболее обширная редакция представлена следующими списками: РНБ, собр. Погодина, № 1411[333] (первая четверть XVIII в., 4°, 332 лл., летописный текст на лл. 2–317 об.), Эрмитажное собр., № 414[334] (конец XVIII в., 4°, 382 лл., летописный текст на лл. 2–371 об.) и № 445[335] (последняя четверть XVIII в., 1°, 154 лл., летописный текст на лл. 2–147 об.); ГИМ, собр. Черткова, № 331[336] (вторая четверть XVIII в., 4°, 426 лл., летописный текст на лл. 21 об. – 401 об.); РГАДА, Рукописный отдел библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел (фонд 181) № 9[337] (вторая половина XVIII в., 1°, 225 лл., летописный текст на лл. 2–220 об.); БАН, 17.8.13 (1754 г., 4°, 227 лл., летописный текст на лл. 28–224 об.). Поскольку известные списки этой редакции (кроме последнего), по-видимому, восходят к рукописи Погод. 1411 (см. об этом ниже), я и назвал весь свод Новгородской Погодинской летописью. Основную часть ее составляет сильно сокращенный текст рукописи Забел.261. Несомненно, что это сокращение именно окончательной, а не первоначальной редакции НЗабЛ, так как в нем отражены и те части списка Забел.261, которые вклеены в него впоследствии (в частности – упоминавшаяся вставка из харатейного летописца). В свод включены также выборки непосредственно из Новгородской третьей летописи (по-видимому – только из краткой ее редакции), так как в нем есть тексты, восходящие к этой летописи, но отсутствующие в НЗабЛ; Казанская история (в сокращенном виде)[338] и известия некоторых других источников.

Вторая редакция НПогЛ представлена списками: ГИМ, собр. Уварова, № 2[339] (вторая половина XVIII в. 1°, 186 лл., летописный текст на лл. 2–182), собр. Забелина, № 270 (439)[340] (начало XIX в., большой 1°, 74 лл., летописный текст на лл. 2–69 об.), собр. Барсова, № 1791[341] (вторая четверть XIX в., 4°, 189 лл., летописный текст на лл. 26–188) и № 1793[342] (вторая четверть XIX в., 4°, 108 лл.); РНБ, F.IV.370 (середина XVIII в., 1°, 76 лл.), F.IV.473[343] (1780-е гг. XVIII в., 1°, 215 лл.); F.IV.888 (первая половина XVIII в., 1°, 210 лл.), F.XVII.22 (последняя четверть XVIII в., 1°,

201 лл., летописный текст на лл. 2–190 об.), собр. Погодина, № 1474[344] (последняя четверть XVIII в., 1°, 106 лл.), Эрмитажное собр., № 444[345] (вторая половина XVIII в., 1°, 208 лл.)[346] и собр. Петербургской духовной академии, № AI/260[347] (вторая половина XVIII в., 1°, 109 лл. текст НПогЛ на лл. 1–15 об.); БАН, 12.4.14[348] (конец XVIII – начало XIX в., 1°, 150 лл,. текст летописи на лл. 1–112 об.), 21.6.13 (третья четверть XVIII в., 1°, 138 лл.) и 17.8.25 (конец XVIII в., 4°, 431 лл., текст летописи на лл. 28–388); РГАДА, ф. 188, оп. 1, № 6[349] (1780-е гг., 1°, 157 лл., текст летописи на лл. 4–155); ф. 188, оп. 1, № 7[350] (конец XVIII в., 4°, 376 лл.). Редакция эта может быть названа сокращенной, так как текст первоначальной редакции подвергся в ней значительному и систематическому сокращению, причем некоторые части свода оказались выброшенными почти целиком (так, из обширного рассказа, восходящего к Казанской истории, сохранена только одна глава). В тексте произведены также значительные перестановки почти на всем его протяжении. Дополнительные источники привлекались в этой редакции, по-видимому, только для продолжения текста, восходящего к первоначальной редакции.

Третью краткую редакцию свода представляют списки РНБ, собр. Общества истории и древностей российских № 129[351] (последняя четверть XVIII в., 4°, 92 лл.), собр. Ундольского № 1141[352] (третья четверть XVIII в., 4°, 162 лл., летописный текст на лл. 2–81); РНБ, Q.IV.148 (последняя четверть XVIII в., 4°, 108 лл.), Q.IV.529 (третья четверть XVIII в., 4°, 82 лл., летописный текст на лл. 3–70), собр. Титова, № 3217[353] (последняя четверть XVIII в., 4°, 130 лл., летописный текст на лл. 2–65, при переплетении листы перемешаны); БАН, 45.5.20 (последняя четверть XVIII в., 4°, 51 лл., летописный текст на лл. 40–46); ГИМ. Музейное собр. № 2513[354] (последняя четверть XVIII в., 4°, 87 лл. летописный текст на лл. 17–64 об.), СПбИИ, ф. 238, оп. 1, № 61[355] (80-е годы XVIII в., 4° 115 лл.); ИРЛИ, 1.114.250 (последняя четверть XVIII в., 4°, 54 лл.), I.114.351 (третья четверть XVIII в., 4°, 307 лл., летописный текст на лл. 222–254 об.) и Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника № 11250[356] (вторая половина XVIII в., 4°, 103 лл.). Основу этой редакции НПогЛ составляет сильно сокращенный текст второй редакции[357], дополненный по НЗЛ (несомненно – по краткой редакции этой летописи, так как среди дополнений есть известия, встречающиеся только в ней) и включивший, кроме того, в самостоятельном виде, родословие великих князей от сыновей Всеволода Ярославича до сыновей Ивана IV и небольшой краткий летописец с 862 по 1654 год, вставленные после известий 1052 года.

20

Сравнение списков НПогЛ показало, что текст ее был гораздо менее устойчив, чем текст краткой редакции НЗЛ. Различий между отдельными списками, подобных тем, какие были перечислены при группировке списков этой последней, в НПогЛ имеется несколько десятков. Это опущения или включения отдельных известий и даже пространных текстов, распространение или сокращение известий, перестановки и т. п. При группировке списков были учтены все эти различия, здесь же мною отмечаются только наиболее крупные из них.

Списки первоначальной редакции летописи (кроме списка 17.8.13), по-видимому, восходят к списку Погод. 1411, так как имеющиеся в нем исправления и особенно дополнения (иногда – значительные, внесенные на заранее оставленные пустые места, в других случаях оставшиеся незаполненными), сделанные тем же почерком, но другими чернилами, читаются в остальных списках уже без каких-либо палеографических отличий от остального текста. Текст Погод. 1411 обрывается на известиях 1716 г.; имеется значительный пропуск в известиях второй половины XVI в., некоторые листы перемешаны. Очевидно, при переплетении часть листов была утеряна; это произошло до снятия последующих списков, так как остальные рукописи пропусков в соответствующих местах не имеют (кроме общего для всех списков пропуска во второй половине XVI в.).

Первую группу в этой редакции составляют списки Погод. 1411 и Чертк. 331, не имеющие крупных текстуальных различий и писанные одним почерком (список Чертк. 331 вследствие утраты листов обрывается на известиях 1709 г.).

Вторая группа представлена списками МИД.9, Эрм. 414 и Эрм. 445, дающими в конце несколько сокращенный текст (за счет опущения ряда чисто церковных известий) и имеющими некоторые другие общие отличия. Мелкие особенности списков МИД. 9 и Эрм. 445 позволяют возводить их к общему протографу.

Список 17.8.13 представляет особый сокращенный вид рассматриваемой редакции, независимый от списка Погод. 1411 и уделяющий преимущественное внимание известиям церковного характера. Сам сборник содержит, кроме сопутствующего и остальным спискам этой редакции перечня иерархов, статьи «О избрании епископов по градом» (роспись епископских кафедр) и «Присяга архиереем», а также запись о трех первых русских епископах. Летописный текст начинается с 991 г., в последующем

изложении многие известия опущены, в частности пропущен целиком период «Смуты» и последующие годы (1606–1637 гг.). Некоторые известия дополнены. Список оканчивается 1709 годом.

Списки сокращенной редакции делятся на четыре группы. Первую составляют сходные между собой рукописи Увар. 2, Забел. 270, F.IV.473 и 188/6, текст которых наиболее близок к первоначальной редакции и доведен до 1712 г. Далее в этих списках идет «Сказание о чюдеси преподобнаго Варлаама Хутынского, како избави молитвою Великий Новград от потопа» (1505 г.) и известие 1728 г. об обратном течении Волхова[358]. Несмотря на значительное сходство всех трех рукописей, текст младшего списка Забел. 270 имеет ряд частных отличий.

Вторая группа представлена списками 21.6.13, Барс. 1791, Барс. 1793 и ПДА.AI/260. В общий протограф этих списков было включено Сказание о Мамаевом побоище в редакции Синопсиса, сохранившееся в списке Барс. 1793 и опущенное остальными списками (с указанием в списках Барс. 1791 и 21.6.13 на наличие этого текста в их оригинале). Список 21.6.13, по многочисленным признакам несомненно относящийся к этой группе, имеет некоторые признаки, свойственные спискам первой труппы (например, известие 1480 г. о набеге Ахмата, отсутствующее в списках первоначальной редакции и содержавшееся в протографе первой группы), что, по-видимому, свидетельствует о сверке оригинала этого списка со списком первой группы. О сверке самой рукописи 21.6.13 свидетельствует вписанное другой рукой известие 1598 г. о смерти царя Федора Ивановича, содержащееся в остальных списках, но пропущенное переписчиком[359]. Оканчивается этот список, как и списки первой группы, известием 1712 г. о пожаре на Торговой стороне в Новгороде. Текст рукописи Барс. 1791 совпадает с другими списками до 1697 г., за которым следует отличное от них продолжение, доведенное до 1767 г. В рукописи Барс. 1793 много пропусков, начало и окончание летописи отсутствуют (текст продолжается с 989 по 1557 г.), язык ее местами значительно подновлен. Список ПДА. AI/260 содержит лишь начало свода, обрывающееся на рассказе о княжении Ольги.

Третью группу составляют списки F.IV.370, F.XVII.22, Погод. 1474, 188/7, 12.4.14, 17.8.25 и ИИ.61. Ряд признаков свидетельствует о том, что протограф этой группы восходит ко второй группе списков. Общей особенностью перечисленных рукописей является отсутствие в них заключительной части свода (после 1571 г.), причем окончание этих списков несколько отлично от соответствующего текста в списках первой и второй групп. Список 17.8.25 может быть лишь условно отнесен к НПогЛ, так как

имеет довольно обширные дополнительные включения (из Хронографа и, возможно, из других источников). Рукопись сохранила следы двойной сверки. Первоначально сам переписчик сверил ее, по-видимому, со сходным списком (вставки сделаны тем же почерком, но другими чернилами) и вставлял пропущенные места, содержащиеся в других списках этой группы. Позднее сверка производилась со списком первой группы, не содержавшим посторонних текстов, при этом недостающие известия были вписаны (другой рукой), а тексты, вставленные из другого источника, отмечены чертой на полях. В рукописи 17.8.25 есть отдельные перестановки текста сравнительно с другими списками, в некоторые известия внесены добавления об упразднении церкви или монастыря, о котором идет речь.

Списки четвертой группы этой редакции – F.IV.888 и Эрм. 444 представляют особый ее вид, который может быть назван распространенным. Особенности этих списков, общие с особенностями списков третьей группы данной редакция свода (включая их окончание), показывают, что протограф этого вида восходит к одному из списков третьей группы. Отличительной чертой этого вида является наличие в нем отсутствующих в других списках НПогЛ Повести о новгородском белом клобуке, Легенды о приплытии иконы Николая в Липенский монастырь и сокращенного переложения Казанской истории (есть и другие мелкие отличия).

Следует упомянуть также рукопись ГИМ, собр. Барсова, № 1794 (вторая четверть XIX в., 4°, 80 лл.), не являющуюся списком НПогЛ, а содержащую лишь сильно сокращенное переложение содержания ее сокращенной редакции, изложенное преимущественно языком XIX в. (но с дословной передачей древнерусского текста в отдельных частях), которое не удается возвести к одному из известных видов этой редакции. В начальной части рукописи отчетливо видна перестановка текстов, совпадающая с той, которая имеется в начале краткой редакции НПогЛ сравнительно с сокращенной ее редакцией. Это заставляет предполагать существование промежуточного вида сокращенной редакции, к которому восходит краткая редакция и рукопись Барсова 1794.

Списки краткой редакции подразделяются на две группы. Первую составляют рукописи Q.IV.148, Q.IV.529 и ОИДР.129, наиболее полно сохранившие текст этой редакции. В списке Q.IV.529 летописный текст доведен до 1702 г., в списке Q.IV.148 – до 1704 г.; рукопись ОИДР.129 дефектна: недостает некоторых листов в начале и окончания (список обрывается на рассказе о взятии Новгорода шведами под 1612 г.).

В протографе второй группы, представленной списками Унд. 1411, Муз. 2513, Тит.3217, ИИ.61, I.112.250, I.114.351 и НМ.11250, вся вторая по-

ловина летописи была, по-видимому, утрачена и заменена окончанием, читающимся в списках третьей и четвертой групп сокращенной редакции НПогЛ. Списки Унд.1141, Муз.2513, ИИ.61 и I.114.250 оканчиваются 1571 годом, текст которого, отличный от текста, читаемого в Q.IV.148, Q.IV.529 и ОИДР.129 (причем последнего их известия о море в этих последних списках нет вообще), совпадает с текстом этого года в списках третьей и четвертой групп сокращенной редакции (предшествующие годы 1569 и 1570 в обоих редакциях тождественны). Список I.114.351 обрывается на известиях 1570 г., список Тит.3217 – на рассказе о взятии Казани; мелкие особенности заставляют относить их к этой же группе. Списки второй группы содержат известия, восходящие к сокращенной редакции НПогЛ и отсутствующие в списках первой группы, что заставляет возводить вторую группу списков краткой редакции не непосредственно к первой группе, а к общему с ней протографу. Список 45.5.20 содержит только самое начало летописи, не дающее достаточного материала для обоснованного отнесения его к той или другой группе (поэтому он условно выделен мною в особую группу – 3-ю).

21

Составление Новгородской Погодинской летописи относится к 80-м – 90-м годам XVII в.

Имеется извлечение из ее краткой редакции, которое, как указывалось, входит в состав литературного окружения, характерного для списков сокращенного вида краткой редакции Новгородской третьей летописи (см. выше). Оно читается ранее текстов этой последней в рукописях Погод. 1416 (на лл. 61–69 об.), Q.IV.78 (на лл. 49–54) и 32.3.16 (на лл. 76–85). Начальная часть краткой редакции НПогЛ передана извлечением сравнительно полно, после чего идет несколько отрывочных известий последующего текста, оканчивающихся 1323 годом. Рукопись Погод. 1416 относится к 1699 г. или к первым годам XVIII в., так как летописный текст в ней доведен до 1699 г.; а почерки типичны для XVII в. (филигрань – герб Амстердама). Следовательно, не позднее этого времени сделано и помещенное в ней извлечение из краткой редакции НПогЛ. Поскольку редакции ее, как мы видели, последовательно восходят одна к другой, причем краткая является последней, очевидно, что все они возникли еще в XVII веке. Это произошло не ранее 80-х годов, так как НЗабЛ, к которой восходит НПогЛ, составлена не ранее 1680 г.[360]

22

Интенсивное переписывание летописей, рассмотренных выше, началось, как мы видели, еще в XVII в. В процессе этой переписки возникло несколько промежуточных компиляций и извлечений, явившихся результатом иногда обдуманного сокращения летописного текста путем выборки из него сведений, интересующих данного писца, иногда – случайного соединения частей различных памятников (вероятно – вследствие утраты части рукописи в одном из списков). Извлечение из Новгородской Уваровской летописи рассматривалось выше.

Выборки из Новгородской Забелинской летописи дает рукопись БАН, 24.5.33 (начало XVIII в., 16°, 158 л., летописный текст на лл. 4–155). В оригинале этого списка листы были перемешаны, вследствие чего хронология сбита, отдельные части текста разрознены и спутаны.

Сохранилось три, по-видимому, независимых друг от друга извлечения из третьей редакции НПогЛ. Одно из них содержится в рукописи РГБ, М.2628 (вторая половина XVIII в., 1°, 59 лл., летописный текст на лл. 30–54), озаглавленной рукою А. И. Сулакадзева «Ладожский летописец»[361], и представляет собой выборки из свода, сделанные, по всей вероятности, без какой-либо определенной системы. Текст извлечения оканчивается 1697 г., но имеет некоторые особенности, присущие только спискам второй группы краткой редакции НПогЛ (оканчивающимся 1571 г.), и, следовательно, восходит не к первой группе, а к общему протографу обеих групп.

Второе извлечение входит в состав литературного окружения, характерного для списков сокращенного вида краткой редакции НЗЛ. Оно читается ранее текстов этой последней в рукописях Погод.1416 (на лл. 61–69 об.), Q.IV.78 (на лл. 49–54) и 32.3.16 (на лл. 76–85). Начальная часть краткой редакции НПогЛ передана извлечением сравнительно полно, после чего идет несколько отрывочных известий последующего текста, оканчивающихся 1323 годом. Этот памятник представил интерес для датировки Новгородской Погодинской летописи (см. выше).

Третье извлечение представлено списком Q.IV.177 (середина XVIII в., 4°, 166 лл., текст извлечения на лл. 164–176), содержащим выборку известий, почти исключительно касающихся новгородских церквей, и восходит, по-видимому, к списку первой группы, так как оканчивается 1582 г.

Следует отметить также две летописи, представляющие собой механическое соединение некоторых из охарактеризованных выше памятников.

Летописные своды Новгорода XVII в., их редакции, виды и группы списков

Рукопись РНБ, F.IV.857 (вторая половина XVIII в., в лист, 292 лл.) в начальной части (лл. 2–183 об.) содержит окончательную редакцию Новгородской Забелинской летописи, вплоть до конца 1379 г., после чего, на том же листе, с последнего известия этого же года, идет текст Новгородской

Уваровской летописи (вплоть до ее окончания). Составитель компиляции F.IV.857, возможно, использовал оригинал именно рукописи Увар. 568, так как идущие в ней после летописного текста Сказание об осаде Тихвинского монастыря шведами и начало «Нового летописца» следуют за летописью и в F.IV.857 (использование самого списка Увар. 568 исключено, так как в нем текст «Нового летописца» обрывается ранее, чем в F.IV.857).

Рукопись РГБ, М.1418 (вторая половина XVIII в., 4°, 173 лл.[362]) вначале содержит текст сокращенного вида краткой редакции НЗЛ (не могущий быть достаточно обоснованно возведенным к одной из известных групп ее списков), обрывающийся на середине фразы в конце известий 1418 г., после чего, на том же листе (л. 69 об.), с 1419 г., идет сокращенная редакция НПогЛ (текст восходит к первой группе ее списков), вплоть до 1712 г., после которого следует, как и в списках Увар.1399 и Забел.270, «Сказание о чюдеси...». Всему летописному тексту предшествуют «История еже о начале Русския земли» и Повесть о Данииле Александровиче. Перед ними помещено пространное заглавие и оглавление НЗЛ[363] (дополненное статьями о некоторых из известий НПогЛ, отсутствующих в НЗЛ) с указанием номеров соответствующих листов. В тексте летописи есть небольшие пропуски. Вторым списком этой же компиляции является рукопись РГБ, М.8617 (вторая половина XVIII в., в 4-ку, 187 лл.), в которой текст не дописан до конца (обрывается на середине последней фразы рассказа о пожаре 1609 г.), а в оглавлении отсутствуют дополнительные статьи (что не позволяет возводить эту рукопись к М.1418) и не проставлены номера листов. Рукопись крайне ветхая, многих листов недостает. Третий список – в рукописи РНБ, собр. Титова, № 4150 (1787 г., 4°, 113 лл., летописный текст на лл. 16 об.–108 об.) обрывается на рассказе об освобождении Новгорода от шведов и имеет много пропусков. Оглавление в начале рукописи не имеет сходства с обычным оглавлением НЗЛ.

Глава 6.

ПРИЕМЫ РАБОТЫ СОСТАВИТЕЛЕЙ НОВГОРОДСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

1

Памятники летописания Новгорода дают значительный материал для изучения приемов работы составителей и выявления привлекавшихся ими разнородных источников. Уже сам объем новгородских летописных сводов, их официальный характер, обилие и разнообразие использованного в них материала заставили изменить устарелое представление об общем угасании летописания в XVII веке, основывавшееся на совокупности ранее известного материала[364]. В Новгороде, как оказалось, именно в этом столетии создавались самые обширные своды[365]. В них особенно наглядно предстают наиболее заметные особенности в приемах летописной работы, отношении к источникам и самом подборе этих источников – особенности, которые могут быть отчасти прослежены и в предшествующем летописании Новгорода.

Сближение летописи с хронографом, постепенно нарушавшее ее документальность и выразившееся главным образом в устойчивом стремлении расширять показания древних летописей плодами литературного творчества составителя, явственно обозначилось уже в XVI в., но проявлялось эпизодически и в предшествующее время[366]. Сюда отчасти примыкает начавшееся еще раньше обогащение летописного повествования вставками, основанными на пересказах устных преданий или произведений народного былевого эпоса: характерный пример этого содержит новгородский летописный текст XVI столетия[367]. Гораздо слабее обозначились здесь такие явления, как распространение летописного известия путем заимствования деталей из текста другого известия сходной летописи об аналогичных событиях[368], пристрастная обработка текста с искажением фактической стороны описываемого[369].

В новгородском летописании подобные тенденции проявились в своеобразной форме, отразившей широкую начитанность составителей сводов в литературе – главным образом разного рода легендарного и полулегендарного содержания повестях (по преимуществу местного происхождения), часто связанных с событиями, кратко описанными в более ранних новгородских летописях, послуживших основными источниками этих сводов. Изложение исторических событий часто дополняется и даже переделывается на основе литературных припоминаний составителя, а иногда на основе таких припоминаний включаются и совершенно новые известия, отсутствовавшие в более ранних летописях.

Одним из наиболее характерных примеров является известие НЗЛ о постройке церкви святого Иоанна Предтечи в 1184 г.: в краткой редакции этой летописи текст пространной редакции дополнен и изменен на основании Повести о построении варяжской божницы в Новгороде[370], причем в летописном тексте дана косвенная ссылка на этот памятник:

Пространная редакция НЗЛ	**Краткая редакция НЗЛ**
В лето 6692 заложи церковь каменну Иоанн архиепископ святаго Иоанна на Торговищи[371].	В лето 6692 заложиша церковь древяну Иоанн архиепископ собор святаго Иоанна Предтечи; и в лето 6700 перенесли церковь древяну святаго Иоанна Предтечи на иное место, а на том месте поставиша немецкую ропату, и о том бысть чюдо о посадники Добрыни[372].

Сведения, которыми текст известия дополнен в краткой редакции, отсутствуют во всех предшествующих новгородских летописях (Н1Л обоих изводов, Н2Л – в ней такого известия нет вообще, НКЛ, Н4Л, Н5Л, НЛД и НУвЛ). Эти данные могли быть взяты, очевидно, только из Повести о построении варяжской божницы. Известный в довольно многочисленных списках XVI–XVIII вв., этот памятник повествует о том, как немецкие купцы, подкупив новгородского посадника Добрыню, добились через его посредство разрешения построить костел («ропату»)[373] на месте русской церкви святого Иоанна Предтечи в Торгу, которая в связи с этим была перенесена в другое место; вмешательством небесных сил Добрыня был наказан смертью (в действительности единственный новгородский посадник, носивший имя Добрыни, умер в 1117 г.[374] – за 67 лет до закладки церкви св. Иоанна).

В повести речь идет о деревянной церкви, тогда как во всех летописях, начиная с Н1Л старшего извода, под этим годом сообщается о заложении каменной церкви св. Иоанна. Не подлежит сомнению, что составитель

краткой редакции НЗЛ изменил «церковь каменну» на «церковь древяну» на основании данных повести. Следы этой замены ясно видны: в летописных известиях о возведении деревянных построек всегда говорится «срубиша» или «поставиша», а «заложиша» – только о закладке каменных зданий. Между тем в краткой редакции НЗЛ читаем «заложиша церковь древяну»[375].

Другой пример – известие обеих редакций НЗЛ о построении церкви Покрова на Дубне в 1410 г. Олонием Щилом[376]. Все более ранние новгородские летописи (как и сама НЗЛ) сообщают об этом под 1310 г.[377], т. е. на сто лет раньше (таким образом, в НЗЛ об этом событии сообщается дважды). Как показано И. П. Ереминым, с точки зрения исторической достоверности предпочтение следует отдать известию 1310 г.[378], так как Щилов монастырь упоминается в летописях и под 1386 г.[379] Действительно, даже если допустить, что сам монастырь существовал и до построения в нем церкви Покрова Щилом (хотя против этого говорит текст известия 1310 г. в Н1Л младшего извода[380] и Н2Л[381]), то все-таки трудно оспаривать тот факт, что этот монастырь не мог называться в 80-х гг. XIV в. Щиловым, если бы сама церковь была основана Щилом только в 1410 г.

Появление дублирующего известия под 1410 г. может быть удовлетворительно объяснено лишь сознательным «исправлением» даты летописцем, хорошо знавшим Повесть о посаднике Щиле. Во всех редакциях этой повести (исключая сильно сокращенные и относящиеся уже к концу XVII–XVIII вв. пятую и шестую редакции) указывается, что церковь Покрова была построена Щилом при архиепископе Иоанне[382]. Так как в 1310 г. архиепископом в Новгороде был Давид (1309–1325), летописец заподозрил хронологическую ошибку своего источника и изменил 1310-й год на 1410-й, когда архиепископом был Иоанн II (1388–1415)[383]. О том, что именно Повесть, с ее указанием на Иоанна, явилась причиной «исправления» даты, свидетельствует добавление в тексте 1410 г. слов «при архиепископе Иоанне». Во всех летописях, предшествующих НЗЛ, известие 1310 г. о постройке церкви Покрова не содержит указания, при каком архиепископе это произошло[384], хотя в остальном текст совпадает почти дословно. Следует думать, что это «исправление» было произведено не самим составителем НЗЛ, в которой есть и известие 1310 г., а одним из ее летописных источников, где текст был перенесен (с добавлением указания на Иоанна) из 1310 года в 1410-й. При соединении же этого источника с Новгородской Уваровской летописью, сообщающей о постройке церкви Покрова Щилом под 1310 г., в НЗЛ оказалось два известия об одном и том же событии с разницей в дате на сто лет.

Опубликованная в XV томе ТОДРЛ Повесть о приплытии иконы св. Николая[385] была использована в НУвЛ для дополнения известия о закладке Николо-Дворищенского собора, а затем – в пространной редакции НЗЛ, при еще большем распространении этого известия. Приводим оба текста, поместив рядом для сравнения известие Н4Л, которая, как и другие летописи, предшествующие НУвЛ, не испытала влияния Повести.

Н4Л	**НУвЛ**	**НЗЛ**
В лето 6621. Победи Мьстислав на Бору Чюдь и заложи церковь святаго Николы, на княжи дворе[386].	В лето 6621. Князь Мстислав Владимирович заложи церковь каменную в Великом Новеграде, святаго чюдотворца Николы, на княжи дворе. Того же лета образ Николы чюдотворца Мирликийскаго приплыл из Киева в Великий Новгород, дцка круглая[387].	В лето 6621. Князь великий Мстислав Владимировичь, внук великого князя Владимира заложил церковь каменну в Великом Новегороде, святаго Николы чюдотворца на княжи дворе, нареченный во святом крещении Георгий. Того же лета образ Николы Чюдотворца Мирликийского приплыл ис Киева в Великий Новград, дска круглая; икону ту устроиша в том превеликом храме, на Ярославли дворищи, в церкве; а взяли на Липне, при архиепископе Иоанне[388].

Разрастание известия идет как за счет дополнений, вносимых на основании Повести, так и путем наслоения риторических общих мест и общеизвестных сведений (каменная церковь, отчество князя Мстислава, «нареченный во святом крещении Георгий», «при архиепископе Иоанне» и т.п.), придающих тексту нарочитую торжественность, которая в глазах летописца, работавшего при дворе новгородского митрополита, вероятно была в данном случае особенно необходима, поскольку речь шла о событии, связанном с чудом от одной из наиболее почитаемых новгородских святынь[389].

Составитель НУвЛ счел необходимым напомнить читателю о Повести еще и в другой связи: под 1292 г., сообщив о закладке Никольской церкви в Липенском монастыре, он добавляет: «спустя после приплытия образа 180 лет»[390].

Дополнял летописные данные на основании легендарных памятников и составитель Новгородской Забелинской летописи. Таково известие

1179 г., основанное на тексте пространной редакции НЗЛ и снабженное прямой ссылкой на источник дополнений:

Пространная редакция НЗЛ	**НЗабЛ**
В лето 6687 созда архиепископ Иоанн церковь Благовещение богородицы и монастырь в 70 дней[391].	В лето 6678 созда архиепископ Иоанн церковь Благовещения богородицы и монастырь в 70 дней, каменную, з братом Ильею. А ныне зоветца Благовещенской у Аркажи. И о сем писано есть инде пространнее о недоставшем злате, о строении монастыря[392].

Из текста можно заключить, что летописец писал в расчете на достаточно осведомленного читателя, которому хорошо известна Повесть о построении Благовещенского монастыря в Новгороде[393].

Примеры летописных известий, по-видимому, целиком обязанных своим появлением литературным реминисценциям, дает главным образом краткая редакция НЗЛ. Под 1408 г. в этой летописи читаем: «Прииде преподобный Михаил Клопский, сродник великих князей московских, в Великий Новъград с Москвы; и пророчество его – Ионы архиепископу, и о взятии Великаго Новаграда»[394]. Во всех остальных новгородских летописях (в том числе и в пространной редакции самой НЗЛ) подобного известия нет.

Житие Михаила Клопского, послужившее, очевидно, источником этого текста, было известно составителю НЗЛ, скорее всего, во втором варианте Тучковской редакции, который содержит вставной рассказ, озаглавленный: «О пришествии святаго Михаила в Великий Новъград; и пришед, в первый день пророчествова ко Ионе, быти архиепископом Великому Новуграду» и взятый из жития архиепископа Ионы Новгородского[395]. В первом виде Тучковской редакции есть все остальные данные о Михаиле Клопском, содержащиеся в приведенном известии НЗЛ (в том числе пророчество о падении Новгорода)[396], но нет эпизода с пророчеством Ионе (как и в более ранних редакциях жития). Даты прихода Михаила Клопского в Новгород житие не содержит. Поскольку фигурирующая в житии церковь Троицы на Клопске была построена по летописям в 1412 г., а Михаил, согласно житию, пророчествовал Ионе еще до того, как пришел на Клопско[397], составитель НЗЛ имел достаточные основания отнести прибытие Михаила в Новгород за несколько лет до 1412 г. Он и поместил известие об этом событии под 1408 годом[398].

Аналогично по своему типу включение той же краткой редакции НЗЛ под 1335 г. После упоминания в связи с городским строительством имени архиепископа Василия стоит: «При сем архиепископе Василии принесен

бысть белый клобук, от царя Константина и папы Сильвестра, в Великий Новъград, иже и доныне новгородские митрополиты на главах своих тем подобием носят»[399]. Текст этот, несомненно, обязан своим появлением Повести о новгородском белом клобуке[400].

2

Уже в Новгородской первой летописи младшего извода встречаются отмеченные В. Л. Яниным распространения известий старшего извода: «смысловые или стилистические, не увеличивающие объема информации», однако вносящие в нее дополнительные детали – преимущественно хронологические или топографические уточнения. Таких расширенных известий в этой летописи оказалось около двух десятков, они приведены в работе В. Л. Янина[401]. Использовался данный прием составительской работы и в других летописях Новгорода. Обильные примеры этого содержат памятники XVI и в особенности XVII в. Здесь довольно обычным является расширение текстов, касающихся церковной жизни Новгорода. При этом добавляются хронологические выкладки, топографические указания, имена архиепископов, при которых произошли описанные события, дается полное титулование князей и т. п. Этим путем достигается определенная степень официальности и «полноты». Особенно характерна такая обработка текста для НУвЛ и НЗЛ обеих редакций. Приведем один пример (1454 г.):

НУвЛ	**Пространная редакция НЗЛ**
Того же лета в Великом Новегороде поставиша церковь каменну изнова святаго Михаила Архангела на Михайлове улицы, а старую порушив[402].	Того же лета в Великом Новеграде поставиша церковь каменну изнова святаго Михаила Архангела на Михайлове улицы, на Виткове переулке, а старую порушив, на Торговой стороне, на посаде, при архиепископе Евфимии Вяжицком[403].

Внесенные составителем НЗЛ добавления не требовали привлечения новых источников: местоположения церкви (сохранившейся и доныне) было хорошо известно, годы архиепископства Евфимия II указаны в самой НУвЛ.

Риторические распространения часто переплетались с использованием литературных припоминаний самого составителя свода. Один из примеров такого сочетания уже приводился. Другой пример – известие о постройке церкви Спаса на Ильине:

НУвЛ	Пространная редакция НЗЛ	Краткая редакция НЗЛ
Составиша в Великом Новеграде церковь каменну святаго Спаса на Ильине улицы[404].	Поставиша в Великом Новеграде церковь каменну святаго Спаса на Ильине улицы. После чюдеси Богородицы до сего спасова каменного храма[405].	Поставиша в Великом Новеграде церковь каменну святаго Спаса, на Ильине улицы. После чюдеси до сего Спасова каменного храма, от деревянной церкви прошло 205 лет, а после Знамения храма каменного строения спустя 20 лет до Спасова каменного храма[406].

Составитель пространной редакции НЗЛ, по-видимому, решил добавить подсчет числа лет, прошедших после чуда от иконы Богородицы, находившейся в деревянной церкви Спаса на Ильине (которая предшествовала каменной), – повесть об этом чуде помещена в той же НЗЛ под 1169 г.[407] Однако он, очевидно, не довел своего намерения до конца. Составитель краткой редакции проставил число лет[408] и добавил от себя вторую хронологическую выкладку – также на материале известия, имеющегося в самой НЗЛ.

3

Заметной особенностью летописной практики Новгорода следует признать использование в качестве источника исторических сведений синодиков новгородских церквей и монастырей.

Литературная история новгородских синодиков специальному исследованию пока не подвергалась. В обстоятельной работе Е. В. Петухова, посвященной памятникам этого рода, новгородский материал вообще не использовался[409]. Недавние исследования И. В. Дергачевой учитывали новгородский материал, но только попутно[410]. Между тем новгородские синодики, насколько можно судить по тем немногочисленным отрывочным заметкам, частичным публикациям, которые имеются, а также по сохранившимся рукописям, представляют весьма существенный интерес как источник уникальных сведений по истории Новгорода[411]. В новгородских синодиках тщательно фиксировались имена лиц, которые являлись основателями или были причастны к последующим перестройкам, благоустройству и возобновлению многочисленных церквей и монастырей Новгорода. При этом указывались имена, связанные с историей не только той церкви (или монастыря), при которой велся данный синодик. Так, в си-

нодике Клопского монастыря 1660 г. названы имена строителей Антониева монастыря («преп. Антония чудотворца, игумена Андрея, Кириака, Исайи, Ефрема, Алексия, Пимена, Геласия»), Юрьева монастыря («благоверного великого князя Всеволода, нареченного во св. крещении. Гавриила, инока Кириака, инока Исайи»), Хутынского монастыря (помимо самого Варлаама Хутынского – «преп. старца Ксенофонта, священноинока Порфирия, инока Тарасия, Михаила, Иоанна, Анны, Никифора, Киприана, Григория, Гавриила, Анны, Ирины»), церкви Николы Белого («преосвященного архиепископа Климента, преосвященного архиепископа Давида, игумена Антония, игумена Савватия»), Колмова монастыря («Варфоломея, Луки, Максима, Аньсифора, Георгия, Григория»)[412] (большая часть этих имен в летописях не упомянута). В синодике церкви Рождества на Поле указывалось, что основателем ее (в 1381 г.) был князь Дмитрий Донской[413] (в летописях это указание отсутствует).

В новгородских синодиках имели, однако, место не только краткие поминальные записи, которые, хотя и касались непосредственно истории тех или иных церквей и монастырей, но выполняли чисто богослужебную функцию: были записи, отличавшиеся чрезвычайной подробностью и имевшие, по сути дела, характер летописных известий, или даже небольших исторических сказаний. Синодик церкви Вознесения на Прусской улице, сохранившийся в рукописи конца XVII – первой четверти XVIII в., приводит подробный рассказ о создании этой церкви в 1185 г., который хотя и содержит, несомненно, элементы вымысла, но в фактической своей части полностью согласуется с летописными известиями о событиях этого года (в частности – о солнечном затмении) и при этом заключает в себе много данных, отсутствующих в летописях, но содержащих детали, позволяющие считать, что в основе значительной части рассказа лежат записи, современные описываемым событиям[414]. Описанный и частично опубликованный П. Н. Осиновским синодик церкви Спаса на Ильине, относившийся к концу XVI – началу XVII в., содержит уникальный по составу своих известий летописный рассказ об эпидемии под 1562 г. и приписанные впоследствии летописные известия 1718–1859 гг.[415]

Особый интерес представляет синодик церкви св. Апостола Филиппа на Нутной улице, подробные данные о котором приведены Макарием[416]. В этом синодике, «писанном в царствование Алексея Михайловича» (т. е. не позднее 1676 г.), содержатся систематические сведения летописного типа по истории этой церкви, в том числе о пожаловании ей деревень и угодий (с приведением текстов соответствующих выписей и царских гра-

мот) и, что для нас в данном случае особенно важно, обо всех этапах строительства и благоустройства самого церковного здания. Некоторые из этих текстов – наиболее ранние – Макарием опубликованы. Сравнение их с соответствующими известиями обеих редакций НЗЛ показывает, что синодик церкви Филиппа использовался составителем краткой редакции этой летописи. Сокращая и опуская общерусские известия пространной редакции, краткая редакция, как мы видели, во многих случаях расширяет за счет новых подробностей известия о событиях внутренней жизни Новгорода и добавляет отсутствовавшие в пространной редакции известия этого типа. Одним из источников этих дополнений и был синодик церкви Филиппа. Ниже приводятся параллельные тексты. Для наглядности даны также тексты рассматриваемых известий по Н1Л младшего извода, где эти известия содержат максимум подробностей по сравнению с остальными летописями Новгорода, предшествовавшими Новгородской третьей (Н1Л старшего извода, НКЛ, Н4Л, Н5Л, НЛД, Н2Л, НУвЛ).

Пространная редакция НЗЛ	**Н1Л младшего извода**	**Синодик церкви Филиппа**	**Краткая редакция НЗЛ**
1194 г.	**1194 г.**	**[1194 г.]**	**1194 г.**
Поставиша церковь Филипа Апостола, на Нутной улице, на Торговой стороне, в Славенском конце[417].	Поставиша церковь святого Апостола Филипа на Нутной улице нову, и святи ю владыка Мантурии генваря 29, Родослав Даниловиць[418].	[Известий об основании церкви нет].	Поставиша церковь древяну святаго Апостола Филиппа на Нутной улицы, на Торговой стороне Знаменской, в Славенском конце; и освящал ю владыка архиепископ Мартирий, генваря в 9 день; и стояла до пожару 153 лета и сгоре 6855-го года[419].
1347 г.	**1347 г.**	**1347 г.**	**1347 г.**
[Известий о пожаре нет].	Погоре Славно, от Семенова двора от Бескова до Нутной улици[420].	Бысть пожар в Великом Новегороде, на Торговой стороне, в Словенском конце, погоре 6 улиц и святый Филипп Апостол древяный храм на Нутной улицы. А	Бысть пожар в Великом Новеграде, на Торговой стороне Знаменской, в Славенском конце, при великом князе Симеоне Ивановиче Московском, и при митрополите

		когда строен и долго ли стоял, и того в летописцех не обретохом. А в то время бысть великий князь Семион Иванович Московский и всея Русии, и при митрополите Феогносте московском и всея Русии, и при архиепископе Василии В. Новграда и Пскова. И от того времени минуло 36 лет, как церковь древяная погорела, до церкве каменнаго строения святаго Апостола Филиппа и великаго чудотворца Николы на Нутной улицы[421].	Феогносте Московском и всея России, и при архиепископе Василии Великого Новаграда и Пскова: погоре 6 улиц, и в то время погоре церковь древяная святаго Апостола Филиппа на Нутной улицы, а стояла 153 лета до сего пожару[422].
1383 г. Заложиша церковь каменну в Великом Новеграде Апостола Филиппа, храм на Нутной улицы[423].	**1383 г.** Заложиша две церкви камены: святаго Филипа на Нутной улице и святаго Иоанна в Радоковицах[424].	**1383 г.** Заложиша храм каменный святаго Апостола Филиппа и придел великаго чудотворца Николы Мирликийского на одной основы, обе церкве каменные; в церкви у св. апостола Филиппа на полатех придел каменной, над правым крылосом, Воскресение Христово. А строители у храмов сих новг. посадники: Родислав Даниловичь, Устин, Филипп, Александр»[425].	**1383 г.** Заложиша церковь каменну, в Великом Новеграде, Апостола Филиппа; а строители Родислав Даниловичь, Устин да Филипп посадники[426].

Рассмотрим каждое из трех известий. Если отбросить не имеющие для нас сейчас значения словесные распространения текста и описки, картина будет следующая.

1194 г. Составитель краткой редакции НЗЛ дополнил известие пространной редакции по какой-то другой летописи (но не по синодику, так как в последнем этого известия нет) сведениями об освящении деревянной церкви Филиппа. Указание имени строителя или было им опущено (для согласования с последующим упоминанием этого имени в известии о постройке каменной церкви в 1383 г.), или отсутствовало в самой этой летописи, дававшей несколько сокращенный текст. Хронологическая выкладка в конце добавлена на основании сопоставления с известиями 1347 г.

1347 г. Известие о пожаре взято целиком (с некоторыми сокращениями и перестановкой частей) из синодика. В пользу этого говорят не только тождество содержания и текстуальные совпадения: если погорело шесть улиц, то следует думать, что пострадали и другие церкви, а не только церковь Филиппа, упомянутая в ее синодике[427]. Напомним, что во всех других известных в настоящее время летописях Новгорода, предшествовавших НЗЛ краткой редакции, это известие содержит лишь те краткие сведения, которые даны в приведенном тексте Н1Л младшего извода, поэтому ни одна из них не могла быть источником рассматриваемого текста в НЗЛ.

1383 г. Текст пространной редакции НЗЛ дополнен в краткой редакции перечислением строителей церкви, которое могло быть взято только из ее синодика. Имя Родислава Даниловича, который, по данным древних летописей, был строителем деревянной церкви в 1194 г., попало в перечень строителей каменной церкви при позднейших переработках ее синодика путем соединения поминальных записей синодика каменной церкви Филиппа, начатого в 1383 г., со старым синодиком стоявшей на том же месте и затем сгоревшей деревянной церкви того же наименования (это имя не могло быть включено в позднейший синодик на основании летописного известия 1194 г. о постройке деревянной церкви, так как само это известие осталось неизвестным составителю синодика – сообщая о пожаре 1347 г., он указывает, что «когда строен и долго ли стоял» деревянный храм Филиппа – «того в летописцех не обретохом»). Можно думать, что упоминаемые в синодике рядом с Родиславом Даниловичем Устин, Филипп и Александр не все являлись строителями каменной церкви в 1383 г.: некоторые из них могли быть причастны лишь к ее последующим перестройкам, продолжавшимся, по данным того же синодика, вплоть до 1661 г.[428] В этой связи нас не должно удивлять отсутствие в тексте НЗЛ имени Александра:

составитель ее мог располагать копией синодика, снятой до того как это имя было добавлено в поминальный перечень строителей церкви. Сомнительно, чтобы все перечисленные в синодике лица были посадниками – в списках новгородских посадников нет имен Родислава и Устина, вероятно, посадником был один из строителей, а множественное число этого слова (перешедшее и в НЗЛ) возникло вследствие описки (возможно – умышленной) при переделках и переписках синодика[429]. Могут быть предложены и другие объяснения некоторым из рассмотренных только что деталей, но одно несомненно – имя Родислава Даниловича оказалось в НЗЛ под 1383 годом именно в результате использования синодика церкви Филиппа.

Думаем, что произведенные сопоставления позволяют считать доказанным использование синодиков (по крайней мере – синодика церкви Апостола Филиппа) составителем НЗЛ краткой редакции. Источники этого типа, как будет показано ниже, привлекались, по-видимому, и в Новгородской Забелинской летописи.

Новгородские синодики содержали записи о различного рода вкладах, вносившихся на условии вечного поминовения вкладчика в данной церкви. Известно, например, несколько записей подобного рода в софийском синодике XVI в.[430] Синодик 1552–1560 гг. новгородской церкви Бориса и Глеба содержал такую же поминальную запись, по своей форме похожую (так же, как и записи Софийского синодика) на летописное известие. Аналогичного типа записи, довольно многочисленные, находим и в ряде других синодиков, хранящихся в Новгородском историко-архитектурном музее-заповеднике[431]. Вероятно, и в рассмотренном выше синодике церкви Филиппа записи о постройке этой церкви сопровождались первоначально упоминаниями об обязательном поминовении каждого строителя, которые оказались затем опущенными в результате сведения этих записей воедино при позднейших переработках синодика.

В окончательной редакции НЗабЛ известие 1423 г. о постройке церкви Воскресения в Павлове монастыре отчетливо выделяется среди всех других известий этого типа (как самой НЗабЛ, так и других новгородских летописей) упоминанием о передаче строителями сел в пользу сооруженной на их средства церкви «по своих душах и вечного ради поминовения родителей своих». Есть все основания предполагать, что этот текст восходит к синодичной записи. Ниже приводим его полностью. Для сравнения даны соответствующее известие первоначальной редакции той же летописи[432] (повторяющее текст предшествующих новгородских летописей) и вкладная запись одного из синодиков XVII в. Новгородского музея.

Первоначальная редакция НзабЛ

В лето 6931 совершены были в Великом Новгороде 3 церкви каменных: Воскресение Христово в Павлове монастыри и Воскресение Христово у Благовещения в монастыре, Иоанна Милостиваго в Людине конци[433].

Синодик

Во 187-м году, августа в 8 день, по указу преосвященного Корнилия митрополита Великова Новаграда и Великих Лук, по памят какова прислана за приписью дьяка Тимофея Тяполкова приказные полаты к подьячему Федоту Никифорову. Дал он, Федот, в церковное строение, в каменной свод, что в тряпезы, денег десеть рублев умершаго новгородца посацкого человека Андрея Гаврилова, сына красильника, в помяновение ево Андрееве души и сродичей ево. И строительнице Екатерине, и церковным причетником ныне и впредь, кто будет, за то воздание ево, Андрея, и сродичев вечно поминать за просвиромисанием и за престолом и написать а сенадик и в литию[434].

Окончательная редакция НЗабЛ

В лето 6930 поставиша церковь камену Воскресение христово в Павлове монастыри на Павлове улицы, в Великом Новеграде, на Торговой стороне, в Славенском конц[е], при великом князе Василии Дмитриевиче Московском и всея Руси, и при митрополите Фотеи всеа Руси, и при владыце Феодосии новгородским наречением, а не совершением. А строители тое церкви каменные быша: князь Иван Иевлевич, да степеной посадник Василей Есипович, да тысяцкой Козма Терентьевичь. И тое церкви они, строители, передаша села вечно по себе и по своих душах, и вечного ради поминовения родителей своих[435].

Чрезвычайная скудость публикаций новгородских синодиков затрудняет произведение сопоставлений на более широком материале. Есть все основания полагать, что составители таких обширных исторических компиляций, какими являются новгородские летописные своды, не ограничились использованием синодиков только двух упомянутых церквей. Составление этих сводов при дворе новгородских митрополитов обеспечивало возможность широкого привлечения материалов подобного рода. Можно предполагать, что уникальные известия этих сводов, связанные со строительством, ремонтом, возобновлением и т. п. новгородских церквей, представляющих собой ценнейшие памятники архитектуры, в значительной своей части почерпнуты из синодиков. Но уже сам факт использования синодиков, даже безотносительно к возможным масштабам этого использования (которые смогут быть в достаточной мере определены лишь в результате исследования по рукописям самих новгородских синодиков), может представить существенный интерес для истории летописания, поскольку на ранних этапах его развития источники этого типа как в Новгороде, так и в других центрах летописной работы, по-видимому, не привлекались[436].

4

Вопрос о связи новгородского летописания с памятниками эпиграфики в его общем виде до недавнего времени в науке не ставился. Имели место лишь отдельные наблюдения, касающиеся трех примеров такой связи. Макарий в своем обстоятельном обзоре памятников новгородской старины, по-видимому, первым отметил тождество надписи на иконе Николы Липенского монастыря с соответствующим текстом Новгородской третьей летописи[437]. Впоследствии М. К. Каргер зафиксировал сходство известия этой же летописи о постройке Георгиевского собора в Юрьеве монастыре под Новгородом с опубликованным Н. М. Карамзиным текстом соответствующей надписи в этом монастыре[438] и высказал предположение о том, что «летописная запись восходит к этой надписи». Сравнивая известие НЗЛ под 1378 г. о росписи новгородской церкви Спаса на Ильине Феофаном Греком со сходной по своему типу надписью в церкви Спаса на Ковалеве и с фрагментом другой надписи в той же церкви, М. К. Каргер делал вывод, что известие 1378 года является копией аналогичной надписи, существовавшей, по предположению автора, в церкви Спаса на Ильине, но впоследствии утраченной[439].

Чрезвычайный интерес подобных фактов для истории летописания очевиден, тем более что в летописях, не принадлежащих Новгороду, таких совпадений, насколько мне известно, до сих пор не было обнаружено. Среди новгородских летописей они были зафиксированы, как мы видели, лишь в НЗЛ (точнее – только в краткой ее редакции). Привлечение всей совокупности известных в настоящее время летописных памятников Новгорода и более полное использование данных эпиграфики позволили значительно расширить круг сопоставлений и сделать некоторые общие выводы.

Само по себе то обстоятельство, что в новгородские летописи включались отрывки эпиграфического происхождения, не может вызывать сомнений – об этом свидетельствуют приводимые ниже тексты.

В пространной редакции НЗЛ читаем: «Список с прежняго Чернаго креста, последи яже проименовася Чудный: крест. Лета 7111 году, ноября в 1 день, на память святых чюдотворец и безсребряник Козмы и Домиана, поновлен бысть сий крест, именуется Черный, при державе царя государя и великого князя Феодора Ивановича всеа Руссии и при митрополите Варламе новгородцком, повелением новгородцких старост и всех посадских людей, на поклонение всем православным християном»[440]. Первая фраза приведенного известия, как и слова «сий крест» доказывают с несомненностью эпи-

графическое происхождение отрывка. Аналогичных текстов можно указать несколько, однако прямые ссылки на заимствование с надписи (как в приведенном примере) в большинстве случаев отсутствуют. В Новгородской Уваровской летописи имеется следующее известие: «Водружен бысть крест сий, церкви светаго всехвальнаго апостола Филиппа, лета 7035 году, месяца сентября в 16 день, на паметь светых праведных богоотец Иоакима и Анны, светаго мученика Севириана, при благоверном великом князе Василии Ивановиче всея Русии, при архиепископе Великого Новаграда и Пскова, владыки Макарии»[441]. Самый тип текста, характерный для памятников эпиграфики (в особенности же слова «крест сий»), выдает его происхождение достаточно ясно. Подобные тексты в летописях именно своим «эпиграфическим» типом обычно резко выделяются среди «собственно летописных» известий: даже аналогичные по содержанию летописные известия, взятые не из надписей, имеют совершенно иной вид – например, в пространной редакции НЗЛ: «В лето 7131 изображен крест и на нем написано распятие Господне»[442].

Эпиграфические источники некоторых летописных известий могут быть точно определены. Один из них – надпись на так называемом «Чудном кресте»[443] в Новгороде, многократно публиковавшаяся[444]. Текст ее включен в пространную редакцию НЗЛ.

Надпись на кресте	**Пространная редакция НЗЛ**
В лето 7056, сентября, при царе и государе великом князе Иване Васильевиче всея Руси и при архиепископе Феодосие Великаго Новаграда и Пскова поставлен бысть крест сей повелением раба божия Петра Невежина на мосту[445].	Список с подножия креста резнаго. В лета 7056 году, ноября в ...[446] день, при цари государи и великом князе Иване Василевиче всеа Русии и при архиепископе Феодосии Великаго Новаграда и Пскова. А поставил сии крест на поклонение всем православным християном Петр Невежа Шалимов[447].

Текстуальные отличия (в частности, «сентября» вместо «ноября») опубликованной Макарием в XIX в. надписи от ее летописной копии XVII в. вполне естественны, так как надпись несомненно подвергалась обновлению, вероятно – многократному[448].

Другим примером может служить уже упоминавшаяся надпись на иконе св. Николая Чудотворца из Липенского монастыря, перенесенная в краткую редакцию НЗЛ.

Надпись на иконе	**Краткая редакция НЗЛ**
В лето 6802, при князи Андреи Александровиче и при архиепископе Клименте,	В лето 6802, при князи Андреи Александровиче и при архиепископе Клименте Ве-

и при посаднице Андреи Климовичи, написана бысть икона сия, повелением и стяжанием раба божия Николы Васильевичь, святому Николе в честь и славу от века и до века. А писал грешный Александр Петров сын. Да в лето 7064, при державе царя и государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси самодержца и при архиепископе Пимине Великого Новаграда и Пскова, повелением и стяжанием никольского игумена Антония, обновлен бысть си образ святаго Николы Чудотворца Липенского монастыря»[449].

ликаго Новаграда и Пскова, и при посаднице Андреи Климовиче, написана бысть икона чюдотворца Николая в Липенской монастырь, повелением и стяжанием раба божия Николы Васильевича, в честь и славу Николаю великому чюдотворцу. И в лето 7064, при державе великаго государя царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея России самодержца и при архиепископе Пимине Великаго Новаграда и Пскова, повелением и стяжанием никольского игумена Антониа, поновлен бысть сей образ великаго чюдотворца Николы Липенскаго монастыря[450].

Незначительные различия между этими текстами являются, по всей вероятности, плодом творчества составителя летописи, опустившего указание имени живописца и слово «сия» (последнее, очевидно, для уменьшения «эпиграфичности» вводимого им в летопись текста) и внесшего несколько несущественных фразеологических изменений.

Сопоставление опубликованной Карамзиным надписи в Юрьеве монастыре с обеими редакциями НЗЛ (а не только со вторичной, краткой редакцией, как это было сделано М. К. Каргером) наглядно убеждает в том, что надпись была использована составителем краткой редакции для дополнения уже существовавшего в пространной редакции летописного известия:

Пространная редакция НЗЛ	**Надпись в Юрьеве монастыре**	**Краткая редакция НЗЛ**
В лето 6627 заложи князь Всеволод Олгович и игумен Кирьяк в Великом Новеграде от града в дале трех верст церковь каменную, во имя великомученика Георгия, и сотвориша монастырь велий, и братию собраша и всем удоволиша[451].	Лета 6627 заложил церковь каменну князь великий Мстислав св. Георгия в монастыре Юрьеве; а совершил ею великий князь Всеволод, сын Мстиславичь, Гавриил; а освятил ею в лето 6648, месяца июня, на память св. апостол Петра и Павла при игумене Исаии; а зачата бысть при игумене Кирьяке; а мастер делал Петр, церковь о трех верхах[452].	В лето 6627 великий князь Всеволод Олговичзаложил церковь каменну в Великом Новеграде, и игумен Кириак, от града за три поприща, во имя святаго великомученика Георгия, и сотвориша монастырь велий и братию собраша; и, соверши великий князь Всеволод Мстиславичь; и освятиша в лето 6648, июниа в 29 день, на память святых апостол Петра и Павла; а мастер трудился Петр[453].

Отметим, что явная ошибка пространной редакции, которая называет основателя собора Всеволодом Ольговичем (среди новгородских князей такого не было), осталась неисправленной и в большинстве списков краткой редакции (в некоторых из них она была исправлена неудачно)[454]. Текст надписи подтверждает высказанное еще А. Ратшиным предположение, что собор был заложен Мстиславом Владимировичем, княжившим в Новгороде в 1119 г., и лишь окончен при его сыне[455] (иного мнения придерживались публикаторы НЗЛ: в обоих изданиях имя основателя Георгиевского собора произвольно исправлено на «Всеволод Мстиславич»[456], чего нет ни в одном списке летописи; хотя это «исправление» и оговорено издателями в примечаниях, оно привело к неправильному цитированию в ряде работ, в частности, в упоминавшейся работе М. К. Каргера[457]). Составитель краткой редакции НЗЛ, очевидно, больше доверял своему летописному источнику, чем надписи, которую использовал лишь для дополнения, но не для исправления данных этого источника[458]. Явный анахронизм наблюдается в дате окончания и освящения постройки: Всеволод Мстиславич умер еще и 1137 (6645) г., что не позволяет связывать эти события с его именем, если они действительно происходили в 1140 (6648) г. Возникновение этой ошибки было удовлетворительно объяснено еще автором «Истории российской иерархии», предположившим, что на месте SXMИ (6648) читалось сначала SXЛИ (6638)[459]. Ошибка вкралась, вероятно, при одном из возобновлений самой надписи (но не при публикации ее Карамзиным, как предполагает М. К. Каргер[460], так как в этом случае пришлось бы допустить, что составитель краткой редакции НЗЛ совершил ту же ошибку, что и Карамзин)[461].

Приведенный материал дает достаточное основание полагать, что известия новгородских летописей, которые по своему типу совершенно аналогичны памятникам новгородской эпиграфики, восходят именно к таким памятникам. Этот вывод можно распространить и на те летописные тексты, непосредственные эпиграфические источники которых неизвестны, – если удается подобрать одинаковые по типу и по времени (хотя и не тождественные по содержанию) тексты надписей. Одним из примеров может служить часто используемое искусствоведами известие НЗЛ о росписи церкви Спаса на Ильине Феофаном Греком. Пространная редакция этой летописи сохранила более первоначальный и более близкий по типу к надписи текст этого известия, чем тот, который читается в опубликованной краткой редакции НЗЛ и который был использован М. К. Каргером в его работе. Приводим это известие по обеим редакциям летописи параллельно с аналогичным по форме текстом надписи в церкви Рождества на Поле, которая была расписана в том же году, что и церковь Спаса на Ильине.

Надпись в церкви Рождества	**Пространная редакция НЗЛ**	**Краткая редакция НЗЛ**
В лето 6886 потьписан бысть храм Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, а при князи великом Дмитрии Ивановиче и при въсеосвященном архиепискупе новоградьском Алексеи, а повелением раба божья Офанасия Степановича и подружи его Марии, а съвршисо месяца августа[462].	В лето 6886 подписана бысть церковь Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа во имя боголепнаго Преображения, повелением благороднаго и боголюбиваго боярина Василия Даниловича, и со уличаны Илины улицы; а подписал мастер греченин Феофан, при великом княжении князя Дмитрия Ивановича и при архиепископе Алексее новгородском и псковском[463].	Того же лета подписаша церковь Господа нашего Исуса Христа на Ильине улицы, повелением благороднаго и боголюбиваго боярина Василия Даниловича, и со уличаны Ильины улицы; а подписывал мастер греченин Феофан, при великом княжении князя Дмитрия Ивановича и при архиепископе Алексии Великаго Новаграда и Пскова[464].

Макарий сообщает о наличии в летописной части синодика церкви Апостола Филиппа текстов, списанных с принадлежащих церкви колоколов, отлитых в XVI и XVII вв.[465] Текст древнейшей из этих надписей (1558 г.) сопровожден своего рода историческим комментарием: «И не бысть колокола большего и никаково от создания церквей каменных св. Апостола Филиппа и великаго чудотворца Николы 175 лет, а было железное клепало»[466]. Копии надписей с новгородских колоколов (очевидно – сокращенные), с подобного же рода комментариями, находим еще в летописях Новгорода XVI столетия[467]. Есть они и в летописных текстах XVII века. Ниже приводим два таких известия, поместив для сравнения текст надписи на колоколе Софийского собора, перелитом в 1659 г.

Надпись на софийском колоколе 1659 г.	**НЗабЛ под 1654 г.**
Божиею милостию и пречисты Богородицы, и великих новгороцких чюдотворцов молитвами перелит бысть сий колокол в богоспасаемом Великом Новеграде, к соборной и апостольской церкви святыя Софеи, еже есть Премудрости Божии, в лето 7168, месяца октября в 20 день, в царство благоверного и христолюбивого великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и при его благоверной и христолюбивой царице и великой княгине Марье Ильиничне,	Августа в 18 день перелить бысть великий колокол вновь, разбитый, при державе великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии, повелением преосвященного Макария митрополита Великого Новаграда и Великих Лук. А лит бысть в Великом Новеграде промеж трех церквей в Каменном городе против Похвалы богородицы и Настасии и подле Вход Иерусалима. А мастер был у того колокола псковитин Ермола Васильев сын, кузнец. А весом по смете тот колокол 1000 пудов, иже и доныне есть в Великом Новеграде у Софеи Премудрости Божии[469].

и при его великого государя сыне благоверном царевиче и великом князе Алексее Алексеевиче всея Великия и Малыя и Белыя Росии, и при святейшем Никоне патриархе Московском и всея Русии, повелением смиреннаго Макария, божиею милостию митрополита Великаго Новаграда и Великих Лук, Христу Богу на вечную хвалу и славу, а любящим церковное собрание и молитву – на многую душевную пользу. А перелит сии колокол домовою казною. Весом 1614 пуд. А лил софейской домовой мастер Ермола Васильев[468].

Пространная редакция НЗЛ под 1572 г.

Того же лета, октября в 1 день, всесильного Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и пречистые его матере пресвятыя Богородицы и приснодевы Марии на праздник честнаго и славнаго ея Покрова, повелением государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии самодержца, и при архиепископе Великаго Новаграда и Пскова владыце Пимине, слит бысть колокол великий к Премудрости Божии, без ушей, а мастер Иван Офонасьев[470].

Известие Новгородской Забелинской летописи и текст надписи сообщают о перелитии двух колоколов Софийского собора Ермолаем Васильевым в 1654 и 1659 гг.[471] Как показывает сравнение с надписью 1659 г., летописный текст передает соответствующую ему надпись не только с комментариями, но очевидно и с сокращениями. Сходно по своему типу и более раннее известие НЗЛ. Характерная форма обоих летописных текстов выдает их эпиграфическое происхождение – другие известия этих же летописей, сообщающие о слитии колоколов, имеют иной вид: «Слит колокол на Усекновению главы Иоанны Предтечи по конец Чюдинцовы улицы повелением прихожан под кров святаго Иоанна» (НЗабЛ под 1512 г.). «Того же лета слит бысть колокол к Спасу на Хутыню благовестник большой, а в нем 200 пудов повелением Павла и Мирона Тимофеевых детей Хлопова, а делал мастер псковитин» (пространная редакция НЗЛ под 1599 г.)[472].

Каким путем тексты надписей попадали в летописные своды? Можно допустить, что составители этих сводов ходили по церквам и монастырям, списывали наиболее интересные надписи исторического содержания со стен, крестов, икон и т. п. и затем включали их в свои летописи, в одних случаях – для дополнения сведений летописных источников, в других случаях – в качестве самостоятельных известий. Более полное исследование этого вопроса даст, вероятно, материал для того, чтобы обоснованно принять или отвергнуть такое предположение. Следует, однако, учитывать, что эпиграфические тексты могли проникнуть в летописи иными путями. Списки с надписей встречаются в рукописях XVII–XVIII вв. и не в составе летописей. Так, в сборнике XVII в. БАН, Д.257 (лл. 100 об.–108) читается пространный отрывок богословского содержания, списанный, как это видно из его заглавия, с иконы в новгородской церкви Похвалы. В сборнике РНБ, Соловецкого собр. № 989/879 (лл. 105–112) почерком XVIII в. приве-

дены надписи с нескольких крестов и колоколов Соловецкого монастыря и текст записи в евангелии (о его переписке в 1551 г.). В некоторых случаях текст надписей оказывается рядом с записями «инвентаризационного» характера: в рукописи XVIII в. РНБ, Q.XVII 9 (лл. 167–167 об.) тщательно переписаны тексты, вырезанные на царском месте Успенского собора в Кремле (с точным указанием местонахождения каждой надписи), после чего сразу же помещены результаты обмера этого собора (л. 167–167 об.)[473]. В сборнике XVIII в. РНБ, F.IV.234 (л. 232 об.) приведены тексты надписей, находившихся на Спасских воротах московского Кремля (о построении кремлевских стен в 1493 г. и об устройстве стрельницы в 1491 г.), после чего на этой же странице помещена опись церковной утвари, хранящейся в ризнице Успенского собора. Таким образом, видим, что в одних случаях копировались надписи неисторического содержания, а в других случаях текстовое окружение копий с надписей исторического содержания позволяет считать, что снятие их преследовало деловые, а не историографические цели. Можно думать, что с надписи снимался на бумагу «список» перед тем, как здание или предмет, на котором она была нанесена, подвергались ремонту или обновлению – с тем, чтобы затем можно было возобновить и надпись (несомненно, что такие возобновления древних надписей практиковались – см. выше)[474]. Такое предположение позволяет легко объяснить и наличие копий с надписей богословского содержания и соседство подобных копий с результатами обмера храма и описью ризницы. Однако весьма возможно, что переписка надписей преследовала и чисто «инвентаризационные» цели. В пользу этого говорит существование копий надписей с колоколов, в частности, в упоминаемой Макарием «Росписи колоколам, с надписями, взятым 1618 года с государева Пушечного двора в Вяжицкий монастырь»[475]. Надписи на колоколах списывались не для повторного воспроизведения, так как при перелитии колоколов старая надпись обычно не возобновлялась (пример см. выше). С другой стороны, не исключено, что в некоторых случаях в летописи отражалась не собственно копия с уже отлитой надписи, а предварительно составленный (еще до отливки колокола) текст ее, который мог сохраняться в архиве церкви после отлития колокола (например – в архиве Софийского собора, для которого были отлиты колокола в 1572 и 1654 гг.). Некоторые из таких текстов могли попасть в летописные своды, как мы видели, через посредство церковных синодиков[476].

Интересный пример, указывающий на один из возможных путей проникновения эпиграфических текстов в летопись, дает рукопись РНБ, Q.IV.78, содержащая один из списков НЗЛ краткой редакции. После окончания летописного текста в этой рукописи помещена подборка разнооб-

разных текстов, связанных с культом св. Варлаама Хутынского. Здесь приведены: точная дата смерти Варлаама; сведения об осмотре его мощей архиепископом Евфимием II и посещении Хутынского монастыря Иваном IV (сопровожденные подсчетом числа лет, прошедших до составления подборки в 1722 г.); далее идут тексты трех надписей: на шапке, пожалованной монастырю Василием III, на раке, устроенной при Михаиле Федоровиче, с перечислением имен мастеров (обе надписи сопровождены хронологическими выкладками составителя в конце) и, наконец, текст надписи на шитой пелене, пожалованной царевичем Федором Ивановичем в 1580 г. Сопоставление этого текста с подлинной надписью на пелене (хранящейся в Новгородском музее) показывает почти полное их тождество:

Надпись на пелене	**Рукопись**
Лета 4088-го, марта [в][477] 20 день, при государи цари и великом князе Иване Васильевичи всея Русии и при его детях, при царевиче князе Иване Ивановичи, и при его царице княгине Феодосие, и при царевиче князе Феодоре Ивановиче, и при его царице княгине Ирине, сии покров шит бысть на преподобнаго Варлаама Хутынского чудотворца, а повелением царевича князя Феодора Ивановича и его царицы княгини Ирины[478].	Лета 7088, марта в 20 день, при государе царе и великом князе Иване Васильевиче всея России и при его детях, при царевиче князе Иване Ивановиче, и при его царице княгине Феодосии, и при царевиче князе Феодоре Ивановиче, и при его царице княгини Ирины, сии покров шит бысть на преподобнаго Варлаама Хутынского чудотворца, повелением царевича князя Феодора Ивановича и при его царице Ирине[479].

Каждый из перечисленных текстов (в том числе и все три надписи) начинается с цифры года и внешне имеет вид летописного известия (эпиграфическое происхождение трех последних текстов выдают лишь слова «сию шапку», «сия святая рака», «сии покров»). Это сходство еще более усиливается хронологическими выкладками, обычными в тексте известий новгородских летописей XVII в., особенно – НЗЛ. Помещение этой подборки вслед за летописным сводом позволяет думать, что составитель сборника рассматривал ее как дополнение к летописи. Перед нами, таким образом, своеобразная «заготовка», которую остается только «разнести» по соответствующим годам летописного текста.

Опубликованные в XV томе ТОДРЛ летописец церкви св. Дмитрия Солунского[480] и отрывок летописца церкви Двенадцати апостолов[481], которые содержат среди своих известий несомненные тексты надписей, показывают, что привлечение эпиграфических текстов не было в Новгороде особенностью одних только летописных сводов. Следовательно, эти тексты

могли попасть в своды и через используемые их составителями летописцы отдельных новгородских церквей и монастырей (об использовании таких летописцев см. ниже).

Для истории летописания особенный интерес представляет то обстоятельство, что надписи могли служить источником не только сравнительно однообразных по своему типу известий о постройке или росписи церквей, написании икон, отлитии колоколов и т. п. Тексты надписей порой содержали исторические сведения, имевшие лишь косвенное отношение к тем предметам, на которых эти надписи были нанесены. Иногда такие эпиграфические тексты приобретали характер целых исторических повествований. Таковы, например, надписи: на окладе принадлежавшей Н. П. Кондакову иконы Преображения – 1687 г.[482] (с данными о древнейшей истории Мещеры)[483], на доске под иконой Коневской богоматери – 1610–1700 гг. (история Коневского монастыря и др.)[484], в клейме на иконе апостолов Петра и Павла Петропавловской церкви в Новгороде – 1700–1703 гг. (сведения о пожаре Торговой стороны, обвале в церкви и т. п.)[485].

Одна из такого рода надписей, уникальная по составу своих известий, оказалась целиком включенной в Новгородскую Погодинскую летопись. Надпись помещалась в Зверине монастыре, на доске, и была впервые опубликована Амвросием в 1812 г.[486] Сопоставим оба текста:

Надпись	**Летописный текст**
В лето 6975 бысть мор в Великом Новеграде и во Пскове Симеоновской, от смертоносныя язвы желвы, и в Старой Русе, и в Новой, и во всех пятинах в Новгородской области. В Неревском конце за городом в Зверинском монастыре, близ Покрова пресв. Богородицы, бысть скудельня велия. Божиим попущением грех ради наших, преставилося в Великом Новеграде от смертоносныя язвы 48412 человек и Бог весть; а в монастырех мужских игуменов и братии, а в девичьих игумений и стариц и христиан 7652 человека. А в Старой Русе преставилося от смертносныя язвы священников 28 человек, а в монастырех преставилося чернецов 1300 человек. А в Новеграде в монастырех игуменов не стало 18 человек, а на посаде по градским церквам не стало попов 300, а диаконов 21, а которые овдовели и стриглися – 19 по-	Симеоновский мор в Новеграде. В лето 6975 бысть мор велик зело в Великом Новеграде, во Пскове, в Старой Русе и во всех пятинах Новгородских. Преставися в Великом Новеграде от тоя смертоносныя язвы 48412 человек, еще же и Бог весть что; а в монастырех игуменов и монахов, и в девичих монастырех игумений и монахинь 7652 человека. А в Старой Русе преставися от тоя смертоносныя язвы священников 28, а в монастырех монахов 1300. В Нове же граде преставися игуменов и священников: игуменов 18 и во граде священников 300, диаконов 21, а которыя священники овдовели и постригалися – 19, а диаконов 6. Всего же в Великом Новеграде и в Старой Русе, и во всях пятинах Новгородския области преставися от тоя смертоносныя язвы игуменов, попов, диаконов, монахов, монахинь

пов, а диаконов 6. А всего по обыскным спискам в Великом Новеграде попов и диаконов, игуменов и старцев, и посадников, игумений и стариц, и христиан, а в Старой Русе и во всех пятинах Новгородской области преставилося многое множество людей от смертоносныя язвы 250 тысящь и 652 человека.

И быть в то поветрие архиепископ Иона великаго Новаграда в скорби велицей, и в сетовании от смертоносныя язвы, и молящеся Богу и пречистей его Матери о помощи Божией и спасении града; и быть во ужасе велице и слыша глас, глаголюще сице: «Иди со кресты со вселенским собором в Неревской конец за город, во Зверинец к Покрову пресв. Богородице на скудельню – явися у тои церкви на скудельни образ святаго и праведнаго Симеона Богоприимца и постави единым днем храм, народом же перестанет мор». И по сем видении архиепископ Иона востав пойде со всем вселенским собором, и с ним народ мног, и пришед архиепископ Иона пред икону святаго и праведнаго Симеона Богоприимца, и преклонь колена, молитву глаголя: «О великий угодниче Христов, святый праведный Симеон Богоприимец! Помолися о нас грешных к Господу Богу и пречистей его Матери; ты еси упование наше и надежда, и заступник граду нашему, стена и покров и прибежище всем христианом, на тебе бо надеемся и тобою хвалимся мы грешнии, услыши наш плачь, людей сих, приими молитву раб своих, избави нас грешных от смертносныя язвы и от всякаго зла. И нача пети молебен на скудельни. Поставиша церковь деревянную во имя святаго и праведнаго Симеона Богоприимца единым днем; бревны людие принесше на своих рамех из леса, октомвриа в 1 день, на Покров пресвятыя Богородицы. И свящает сам архиепископ Иона того же дня и литургию совершив. Аминь[487].

и всех православных христиан мужеска пола и женска 250652 человека. Бысть же в Великом Новеграде, в Неревском конце, в Зверинском девиче монастыре близ церкве Покрова богородицы скудельница велия.

Архиепископ же Великаго Новеграда и Пскова Иона бысть в велицей печали и молящеея Богу, еже избавитися от тоя смертоносныя язвы и бысть во ужасе и слышит глас глаголющ свыше сице: «Иди со кресты со всем освященным собором в Неревской конец, в Зверинской девичь монастырь, к Покрову Богородице на скуделицу и постави церковь единым днем, и престанет мор». Тогда явися на скуделнице образ святаго и праведнаго Симеона Богоприимца. Архиепископ же Иона поиде со кресты со всем освященным собором и со множеством народа в Зверинской монастырь и, пришед пред икону святаго праведнаго Симеона Богоприимца, паде на колена своя, моляшеся со слезами сице: «О великий угодниче Христов святый праведный Симеоне! Помолися о нас грешных Господу Богу нашему и пречистыя его Матере, еже избавится нам от смертоносныя сея язвы». И начат пети молебен на скуделнице. И того дне поставиша церковь древяну во имя святаго и праведнаго Симеона Богоприимца, на той скуделнице, единым днем: людие же носиша бревна на рамех своих из леса, октоврия в 1 день, на Покров пресвятыя Богородицы. И освяти ю сам архиепископ Иона и литургию соверши, и преста мор[488].

Несомненно, что сама надпись периодически обновлялась, при этом текст ее мог подвергаться порче[489]. Однако различий фактического характера между приведенной надписью и летописным текстом нет, кроме отсутствия в последнем слов «и в Новой» (Русе)[490], легко объяснимого механическим пропуском. Даже все цифры (которые особенно часто искажаются при переписке) в точности совпадают. Это заставляет полагать, что публикация Амвросия сохранила, в общем, почти неизмененным то состояние текста надписи, которое имело место в конце XVII в., когда была составлена Новгородская Погодинская летопись.

Это позволяет судить о характере той стилистической обработки, которую произвел составитель свода при использовании текста надписи. Замечаем, что слова «братии», «старцев», «стариц» везде заменены на «монахов» и «монахинь», «попы» во всех случаях (кроме одного) заменены «священниками»; дважды ошибочно употребленный в надписи термин «вселенский собор» исправлен в обоих случаях на «освященный собор»; пространная молитва к Симеону, местами преувеличивавшая с точки зрения официальных церковных представлений значение святого («...***на тебе бо*** надеемся...», «прими молитву ***раб своих***», «***избави*** нас... от всякого зла – и т. п.), заменена кратким и сдержанным обращением, содержащим лишь просьбу о ходатайстве святого перед всесильным Богом, который один только может дать избавление («помолися о нас грешных Господу Богу нашему.., ***еже избавитися*** нам от смертоносныя сея язвы»); в самом конце добавлено назидательное «и преста мор». Опущены могущие показаться излишними и не вполне понятными для читателя конца XVII в. уточнения: «на посаде» и «по обыскным спискам». Изложению придана большая логическая последовательность: упоминание о скудельнице в Зверине монастыре помещено после перечисления жертв эпидемии, указание на появление в монастыре иконы св. Симеона уже не вклинивается в текст пророчества, а помещено вслед за ним в виде пояснения и т. п.

Таким образом, летописный текст носит явные следы вполне сознательной обработки в сторону большей официальности, понятности и логичности изложения. Это доказывает первичность надписи и вторичность летописного известия, так как обработка текста в обратном направлении (если бы надпись имела своим источником Новгородскую Погодинскую летопись) не может быть удовлетворительно объяснена, даже если учесть возможные искажения при возобновлении надписи («посад», «обыскные списки» и пространная молитва Симеону никак не могли явиться результатом искажений). Кроме того, само содержание текста надписи показывает, что он возник именно в Зверине монастыре.

Этот текст был, по-видимому, частично использован еще составителем пространной редакции НЗЛ, дополнившим, на основании главным образом легендарной его части, соответствующее известие Новгородской Уваровской летописи.

НувЛ	**Пространная редакция НЗЛ**
Того же лета бысть в Великом Новеграде и в Русе мор зело велик, умирали желвами; а умерло всех человек по переписанием везде 230602 человека. И в то время поставиша церковь во Зверинцах святаго Симеона Богоприимца заветную камену и подписаша ее[491].	Того же лета бысть в Великом Новеграде и в Русе и по всем пятинам мор зело велик: умирали желвами; а умерло всех человек по переписем везде 230602 человека. И в то время в Великом Новеграде поставиша церковь во Зверинцах святаго Симеона Богоприимца заветную каменную и подписаша, при Ионе архиепископе Отинском. По явлению и по гласу Ионы архиепископу бысть некое явление, повелевая ему сию церковь каменную воздвигнути от мору великаго святаго праведнаго Симеона и Анны, и тако перестанет мор[492].

Все более ранние списки новгородских летописей дают об этих событиях лишь очень краткие заметки[493].

Заимствование составителем НПогЛ рассказа об эпидемии 1167 г. из надписи могло быть обнаружено только благодаря тому, что нам известен текст самой надписи. Никаких признаков, которые бы сами по себе указывали на эпиграфическое происхождение текста, в этом рассказе нет. Таких признаков могло, следовательно, не быть и во многих других надписях подобного рода. Иногда следы «эпиграфичности» текста, как мы видели, устранялись при включении его в летопись. Таким образом, точно определить масштабы использования в новгородских летописях данных эпиграфики затруднительно[494]. Приведенные примеры позволяют думать, что оно было достаточно распространенным приемом составительской работы.

5

Как известно, использование составителями летописных сводов летописцев отдельных монастырей и церквей составляет характерную черту новгородского летописания, начиная с XII в.[495] Эта практика, свидетельствующая о широте и «массовости» летописной работы в Новгороде (чего не встречаем в других центрах летописания) и продолжавшаяся на протяжении ряда веков[496], отразилась особенно наглядно в последних новгородских сводах XVII в. Широкое привлечение их составителями местных летописцев в ряде случаев может быть доказано сопоставлением

параллельных текстов (что оказывается пока невозможным в отношении предшествующих столетий).

Есть все основания полагать, что составитель пространной редакции НЗЛ использовал летописец новгородскойф церкви Двенадцати апостолов – по крайней мере ту его часть, которая мне известна и опубликована в XV томе ТОДРЛ. Сопоставим тождественные тексты обоих памятников:

Летописец церкви Двенадцати апостолов

Лета 6738-го, маия во 2 день, от сотворения мира, в пяток 4 надели по Пасце, трясеся земля. Того лета возведоша Спиридона на владычество, и того лета убиша Семиона Борисовича. На ту же осень глад бысть велий: кадца ржи продавалась по 40, а овса по 7 гривен, и бысть зло: по улицам трупия пси ядяху, влачаша главы и руки и ноги; и наметаша скудельницу у Двунадесяти апостол святых 33000, а на весне конец Чудинцовой улицы, а другую за Рождеством, а в Смоленске 2 скудельницы 16000, а в третьей 4000, а в четвертой 9000 помечаша; все же зло бысть два лета; а в Новгород тое весны прибегоша немцы с житом и с мукою; и по ярославскаго князя послали на всей воли его[497].

НЗЛ

6738, маия в 3 день, трясеся земля и хлеб дорог, и глад велик: кадь ржи по 20 гривен, а овса по 5 гривен, и по улицам многия мертвыя лежаху, а пси влачаху главы и руки, и ноги; и наметаша скудельницу у Апостол 12 на Пруской 3030 человек, а по [иным][498] улицам – бог весть; а на весну – конец Чудинцовы улицы, скудельню за Рождеством, а в Смоленске городе 32000 в четырех скудельницах; а было зло 2 лета; а в Новъгород привозиша немцы жито и всякой хлеб. Того же лета возведоша Спиридона на владычество, а преставися в лето 6757-е[499].

В НЗЛ текст сокращен сравнительно с летописцем церкви Двенадцати апостолов[500]. Следовательно, первоначальным является текст последнего, а не наоборот (в НЗЛ отсутствуют некоторые фактические данные, что исключает предположение о риторическом распространении текста НЗЛ летописцем церкви Двенадцати апостолов). Напомним, что гипотеза о заимствовании этого текста составителем НЗЛ из летописца церкви Двенадцати апостолов была выдвинута еще И. Д. Беляевым[501], который не располагал, однако, самим этим летописцем и строил свои предположения лишь на основании состава известий 1230 г. в НЗЛ[502].

Если в отношении НЗЛ приходится пока ограничиться одним приведенным сопоставлением, то иначе обстоит дело с Новгородской Забелинской летописью. Не подлежит сомнению, что ее составитель имел в своем распоряжении монастырские летописцы. Одним из них была летопись Михалицкого (Молотковского) монастыря в Новгороде. Уже одно то обстоятельство, что этому монастырю в своде уделено больше внимания, чем всем остальным новгородским монастырям вместе взятым, указывает на источник с достаточной определенностью. Теперешнее местонахождение

летописи Михалицкого монастыря неизвестно, однако о содержании ее можно судить по обширным выдержкам, опубликованным в свое время Р. Г. Игнатьевым[503]. Наряду с общерусскими и «общеновгородскими» известиями этот памятник содержал тексты, непосредственно касающиеся монастыря, – рассказы о чудесах и др. Сравнение приводимых Р. Г. Игнатьевым отрывков с известиями НЗабЛ обнаруживает их текстуальное сходство, а местами и тождество. Приведем один пример (1579 г.):

Молотковская летопись

Апреля в 16-й день, на страстной недели, в Великии четверток, тогда убо во святой вечери Христовы привезена бысть во сию Михалицкую обитель честнаго и преславнаго Рожества пресвятыя Богородицы дева некая, именем Варвара, дщи единого от больших людей новоторацких, Игнатьева, осмь бо лет разслаблена сущи, токмо поползновением по земле влачашеся. Люто бо болеша и та убо моление теплое принесе во святем храме Рожества пречистыя и преблагословенныя Богородицы пред святым ея образом, и абие изцеление получи. И святаго тела и крове Христовы ту причастница бысть, стоящи сама о себе здравствующи, якоже николи болевша. И прибыстъ во обители до кончины своея и постригошася, а сродницы ея милостыню даваша.

От того бо лета уставися в среду Святыя недели хождение со кресты и молебная правити перед образом тем чудотворным Рождества пресятыя Богородицы монастырским попом неотложно[504].

НЗабЛ

Апреля в 16 день, в Великом Новеграде, в Михалицком монастыре, что на Молотковы улицы, [в] Великий четверток, в соборной церкви у Рождества пресвятые Богородицы, у образа местного, простил девицу именем Варвару, Игнатьеву дочь, разслаблену ногами, не могла на ноги ставитися, токмо ползала по земли. И в том недузе одержима во 8 лет, и того дни в церкви Божии востав на ноги своя, ником же держима, бе до окончания живота своего здрава бысть, и жила в том Михалицком монастыре до смерти своей.

Уставиша того ради праздник праздновати на Святой недели, в среду, Рождеству пречистые Богородицы и ходити со кресты со всего граду того чюдеси во всякую среду с того времени, и пеша молебны по средам в том монастыре и до сего дне[505].

Известие НЗабЛ оказывается несколько сокращенным и обработанным стилистически, местами оно распространено за счет риторических общих мест (не вносящих ничего нового с фактической стороны). Впрочем, эта обработка могла принадлежать и самому Михалицкому летописцу – тексты, опубликованные Р. Г. Игнатьевым, читались в списке, который по заключению издателя «бесспорно относится к концу XVII века»[506], между тем как НЗабЛ возникла, как мы видели, не позднее 1681 г., что заставляет предполагать использование ее составителем другого, более раннего, списка Молотковской летописи, быть может, содержавшего иной ее вариант. Несомненно, однако, что именно эта летопись явилась источником Забелинской, а не наоборот: во-первых, в последней находим далеко не все

известия Молотковской летописи (из числа опубликованных) в то время, как все тексты НЗабЛ о Михалицком монастыре, отсутствующие в других предшествующих ей новгородских летописях, есть в летописи этого монастыря; во-вторых, крайне трудно допустить, чтобы составитель общерусского новгородского свода мог уделить так много места внутренней жизни Михалицкого монастыря, не имея перед собой его летописи (во всех других известных летописях сведения об этом монастыре сравнительно с НЗабЛ незначительны).

История Пскова освещалась в новгородских летописях, в общем, спорадически. В этом отношении не составляет исключения и крупнейшая из компиляций XV в. – Новгородская четвертая летопись. Иную картину видим в наиболее полном новгородском своде XVII в. – Новгородской Забелинской летописи. Уже во вводной ее части находим статью «Списано о начале богоспасаемого града Пскова». С 1308 г. псковские известия идут систематически, вплоть до 1568 г. Среди многих десятков явно псковских по происхождению текстов – подробные иногда рассказы о столкновениях с Орденом и Литвой, устройстве городских укреплений, смене посадников и князей, сношениях с Новгородом и Москвой, пожарах, эпидемиях, строительстве церквей и других событиях внутренней и «внешнеполитической» жизни Пскова.

Всего этого нет в основном источнике НЗабЛ – пространной редакции НЗЛ. Использование составителем свода псковской летописи представляется несомненным. Принадлежность самой этой летописи также проступает довольно отчетливо. Под 1472 г. находим известие об основании псковского Печерского монастыря, после чего добрая половина всех псковских известий касается связанных с этим монастырем событий, описанных, как правило, с чрезвычайной подробностью – тут и постройка в монастыре церквей, и обнесение его каменной стеной, написание, установка и украшение икон в монастыре (с указанием даже на место погребения заказчика одной из икон), чудеса и т. п. Это позволяет полагать, что псковский источник НЗабЛ – летописец Псково-Печерского монастыря (использовавший, по-видимому, в своей начальной части одну из более ранних псковских летописей)[507].

В последнем летописном своде Новгорода – Погодинской летописи данные церковных летописцев привлекались если не при самом ее составлении, то, во всяком случае, при последующей эволюции летописного текста (которая в НПогЛ была особенно значительна) – в XVIII в. В один из списков сокращенной редакции этой летописи – БАН, 17.8.25 – на л. 257 об.

включено Сказание об основании церкви Дмитрия Солунского в Новгороде Дмитрием Донским, которое читается также в составе опубликованного в XV томе ТОДРЛ летописца этой церкви[508]. Поскольку последний был известен Макарию в списке начала XVII в.[509] (который содержал и это Сказание), а рукопись 17.8.25 относится к концу XVIII в., есть все основания полагать, что включенный в нее текст Сказания восходит к летописцу церкви Дмитрия Солунского.

Легенда о приплытии иконы св. Николая, включенная в списки распространенного вида той же редакции НПогЛ[510] (как и упоминавшиеся ранее реминисценции в НЗЛ), указывает на несомненную связь с летописцем Николо-Дворищенского собора[511], хотя в данном случае вопрос осложняется наличием в указанных списках дополнения в конце легенды, отсутствовавшего в этом летописце, – возможно, что оба вида легенды восходят к общему архетипу[512].

6

Одна из характерных черт новгородских летописных сводов, особенно ярко обозначившаяся в XVI и XVII столетиях, – систематическое привлечение составителями агиографических источников для занесения преимущественно кратких заметок о рождении, кончине, обретении или перенесении мощей того или иного святого под соответствующим годом: «Того же лета перенесены быша мощи преподобного отца нашего Ефрема Перекопьскаго новгородцкого чюдотворца, месяца маия в 16»[513]; «Того же лета преставися преподобный отец наш Никон, ученик преподобнаго Сергия Радонежского, иже в Маковице, месяца ноября в 17 день»[514] и т. п.

В НУвЛ помещены отсутствующие в предшествующих летописях известия: о рождении Василия Блаженного; о кончине Антония Печерского, Меркурия Смоленского, Стефана Пермского, Григория Пельмшенского, Евфимия Суздальского, Федора Ростовского, Саввы Звенигородского, Сергия Обнорского, Никона Маковицкого, Михаила Клопского, Саввы Вишерского, Савватия Соловецкого, Пафнутия Боровского, Зосимы Соловецкого, Ефросина Псковского, Никандра Пустынножителя, Александра Ошевенского, Кирилла Новоезерского, Александра Свирского, Корнилия Комельского, Антония Сийского, Василия Блаженного; об обретении и перенесении мощей Сергия и Германа Валаамских, об обретении мощей Леонтия и Исайи Ростовских; о перенесении мощей Иакова Боровицкого, новгородского епископа Никиты, Зосимы и Савватия Соловецких.

В пространной редакции НЗЛ все эти включения сохранены и добавлены новые: о кончине Исайи Ростовского, Сергия Радонежского (с указанием продолжительности его жизни), Иакова, епископа Ростовского, Дмитрия Прилуцкого, Игнатия Вологодского, Кирилла Новоезерского (второй раз под тем же годом); перенесении мощей Ефрема Перекомского.

В НЗабЛ встречаются и более обстоятельные известия, дающие иногда в сумме как бы конспективное изложение жития. Таковы, например, три последовательные заметки об Александре Свирском. Под 1449 г. читаем: «Родися преподобный отець наш Александр Свирский, при архиепископе Евфимии новгородском, который состроил монастырь на Вяжищах»[515]; далее, под 1485 г.: «О приходе в пустыню преподобнаго Александра. Преиде преподобный Александр со братией в пустыню, иже и ныне где пречестная обитель стоит. О сем пространнее пишет в житии его»[516]; наконец – под 1509 г.: «Того же лета бысть пришествие святая Троицы преподобному отцу Александру Свирскому; и о извещении церкве святыя Троицы по поставлении ея деревянныя, иже и доныне стоит на том месте каменная; и о назнаменовании рукою ангеловою о церкви, при великом князе Василии Иоанновиче всея Русии. И тогда бысть в Великом Новеграде архиепископ Серапион, бысть сведен в Сергиев монастырь в подначал, в государеве князя великого опале»[517].

Несколько большей подробностью отличается текст об Иакове Боровицком, разбитый на две части другими известиями того же (1544) года: «О явлении и о перенесении мощей Иакова Боровицкого, новгородского чюдотворца. В пределах области Великого Новаграда, в веси в Боровичах, на реке на Мсте, в пороге, на Светлыя недели во вторник, явися гроб огорелыи, а в нем тело нетленно суть мертваго. И ту живущии людие тот гроб в тринакон отвозиша вниз по реки Мсте, за поприще и больши. Он же против быстрин речных являшеся на том же месте в пороге[518]. <...> В лето 7052. О том же Иякове Боровицком. В то же время, яко взяша мощи святаго Иякова Боровицкого на брег, и в том месте поставиша часовню, сииречь мольбище. И потом поставиша тут новую церковь Сшествия Святаго духа и принесоша мощи его в новосозданную церковь. И бысть от мощей святаго многа и различна чюдеса приходящим, в недузех своих целбы многи получаху, дондеже бысть в том месте до лета 7161 году, како нача строити Иверский монастырь на Святем озере, а преж бысть Волдаи»[519].

Самый подбор имен показывает, что летописец, как этого, впрочем, и следовало ожидать, отдает явное предпочтение святым, почитаемым в Новгородской земле. Последние представлены настолько полно, что не вызывает сомнений факт сознательного насыщения летописного текста обдуманно отобранным материалом.

Источником подобного рода летописных записей могли быть, прежде всего, сами жития. Намек на это можно усмотреть в одной из фраз приведенного текста об Александре Свирском («о сем пространнее пишет в житии его»). Составители сводов могли обращаться и к Прологу. В пространной редакции НЗЛ известие о кончине Кирилла Новоезерского снабжено добавлением: «в Прологи пророчество его о Русской земли»[520].

Однако наиболее вероятно использование уже готовых подборок сильно сокращенных житий русских святых – преимущественно новгородских. Такие подборки довольно часто попадаются в рукописных сборниках новгородского происхождения[521]. При этом сами жития бывают настолько сокращены, что состоят всего из нескольких фраз, содержащих лишь основные сведения из биографии святого. Иногда эти сведения даются в виде хронологии главных событий его жизни[522]. Материал такого рода, всегда вероятно находившийся под руками в митрополичьей канцелярии, был наиболее удобен, так как давал в готовом виде нужные летописцу сведения и именно о тех святых, данные о которых оказались включенными в новгородские летописные своды.

7

Типы источников, систематически привлекавшихся составителями новгородских летописей, становились все более разнообразны по мере того, как приближалось общее завершение летописного периода русской историографии. В наиболее обширной Новгородской Забелинской летописи использованы не только собственно исторические сочинения, но и представители иных жанров (что было выяснено еще Л. В. Черепниным): не только Синопсис[523] или Сказание об Иверском монастыре патриарха Никона, но и Служебник 1677 г., тексты курантов и «летучих листков», некоторые приказные и другие материалы[524].

Начавшаяся еще задолго до XVII в. практика введения разного рода исторических сочинений целиком в летописи отразилась и в новгородских сводах, причем по объему самих включений она здесь получила, пожалуй, максимальное развитие. Так, например, в НЗабЛ полностью включены: Новый летописец[525], Сказание о Мамаевом побоище[526], Краткий летописец новгородских владык[527], «История еже о начале Русская земли», Повесть о начале Москвы, Повесть «О изгнании Улу-Ахмета царя от Златыя Орды» и другие памятники. Подобную же картину (хотя и в меньшей степени) наблюдаем в других новгородских сводах, особенно XVI и XVII столетий.

Характерной чертой этого времени является то, что составители свода систематически прибегают к ссылкам на использованные источники. Еще в пространной редакции НЗЛ на л. 14–14 об. читаем: «В святцах в четверть, печати московской, 7167-го году, напечатано: месяца февраля в 14 день...» (далее идет краткое изложение жития Кирилла-Константина с основными данными о его просветительной деятельности в славянских землях). В НЗабЛ подобные ссылки исчисляются десятками. Приведем некоторые из них. Извлечение из Повестей о Николе Заразском снабжено припиской: «Выписано ис подлинника Лустина Семена; и о сем – лист 146»[528]; перед известием о поставлении митрополита Петра стоит: «Выписано ис подлинника с печатной псалтири»[529]; под 1582 г. приведено начало Повести о хождении Трифона Коробейникова, после чего – пометка: «И о сем писано в книге Страннике подробну»[530]; сообщив об отправке в Китай посольства Ф. И. Байкова, составитель указывает «и о сем есть и гистория»[531] (имеется в виду, очевидно, статейный список)[532]. Ссылки на используемые составителем различные издания Синопсиса рассеяны по всему своду. Иногда составитель свода просто как бы отсылает читателя к соответствующему источнику, даже не излагая его содержание. Так, на л. 655 читаем: «О знамении на небеси, како видеша в немецкие земли. И о сем бысть истолкование с немецкого на русский язык, чего ради сие знамение бысть, и что ему толк» (имеется в виду, по-видимому, сочинение Варлаама Ясинского о небесных явлениях в Венгрии в 1671 г., использовавшее, как указывает сам автор, немецкие источники и написанное между 1671 и 1673 гг.)[533]. Подобного же рода отсылка к Прологу приводилась выше.

Встречаются и своего рода «перекрестные ссылки». Так, в НЗабЛ на лл. 180–190 об. помещена Повесть о Меркурии Смоленском[534], а на л. 201 об. той же летописи (под 1247 г.) читаем: «...и Меркурий Смоленский убиен бысть от безбожнаго царя Батыя – писано о том в ином месте на листе... – ноября в 24 день» (номер листа остался непроставленным).

Важным нововведением в летописной практике Новгорода явилась своеобразная критика источников составителем Новгородской Забелинской летописи. Известие об основании Щилом церкви Покрова читается в основном источнике этого свода – НЗЛ – дважды, под 1310 и под 1410 гг. (см. выше); составитель перенес из НЗЛ только текст 1310 г. Но затем, очевидно после дополнительной сверки с источником, склонился в пользу 1410 г. и возле известия 1310 г. сделал приписки: «Несправно летами: не в сия лета» и «Зри 178, 6918 (т. е. 1410. – *С.А.*) – тут написана»[535] (во второй

приписке перед годом указан, по-видимому, номер соответствующего листа рукописи, по которой производилась сверка).

Несравненно более интересна помещенная на лл. 221–223 об. того же свода целая полемика с автором Синопсиса[536]. Составитель НЗабЛ упрекает последнего в том, что «ложь обретеся в писании его», что у него «напечатано не против... старых древних летописцев, своим изволом» о том, будто Москва обязана своим основанием Мосоху и «буди то от его родов вся Словенъская и Руская распространиласе; несть сие полезно и неправедно о сем». В подтверждение своих упреков составитель приводит данные Повести временных лет о происхождении славян, указывая, что «о сем Мосохе ничтож бысть в писании». Составитель свода отмечает, что автор Синопсиса противоречит сам себе – у него «в другие статьи написано и положено о именовании по имени реки Москвы град Москва». Между тем «в словенских старых древних летописцев о здании града Москва до великаго князя Андрея Александровича никако ж быть до лет 6797-го и тогда той князь постави мал град древян Москву на тое реки, и от того времени нача той град распространятися славою и величеством...»

Составитель свода опровергает и утверждение о якобы имевшем место в 1283 г. перенесении русской митрополии из Киева в Москву. При этом он также ссылается на соответствующие тексты «в русских древних летописцех» и приводит обширную выдержку из жития митрополита Петра.

8

Тенденция, отмечавшаяся Д. С. Лихачевым в развитии позднего летописания, – «проникновение в летописание хронографического стиля, усиление чисто литературных сторон летописания»[537] – проявилась, как мы видели, и в новгородских летописях. Этому обязаны своим появлением литературные реминисценции, вводимые иногда в ущерб исторической достоверности, риторические распространения летописного текста, систематическое использование житий, включение в летопись памятников, основанных на литературной обработке устной традиции, и по содержанию полулегендарных (например, «Истории еже о начале Руския земли»). Сюда же следует отнести то обстоятельство, что ни в одном из новгородских сводов XVI и XVII вв. не выдержана до конца хронологическая последовательность известий – по-видимому, составители не уделяли ей большого внимания. Другая особенность позднего летописания – сближение летописи с официальной документацией государственных архивов (привлече-

ние актового материала, статейных списков и т. п.)[538] – также проявилась и в новгородских сводах. Впрочем, прямое отражение приказной документации здесь вряд ли имело место, поскольку своды эти создавались в Новгороде, а не в Москве. Однако несомненен интерес составителей к документальным источникам вообще (тексты надписей, синодичные записи), систематически используемым наряду с чисто-летописным материалом предшествующих сводов и местных летописцев.

Критика источников составляет важную особенность новгородского летописания XVII в.[539] Очевидно, в связи с этой особенностью находится и такая его черта (присущая и Синопсису, и некоторым другим памятникам XVII в.), как систематические ссылки на источники, предоставляющие читателю возможность проверки сообщаемых сведений[540]. Эти явления знаменуют собой начало нового отношения летописца к своему труду. В летописи появляются элементы исторического исследования, которые могут рассматриваться как своего рода «мост» между господствовавшей в течение семи веков летописной формой исторического повествования и собственно исследовательскими работами историков Нового времени.

Новгородская Забелинская летопись была составлена за полтора десятилетия до завершения Андреем Лызловым его знаменитой Скифской истории, которая была уже в библиотеке В. Н. Татищева. Точно не известно, пользовался ли Татищев и новгородскими летописями – кроме Иоакимовской. Но что касается М. В. Ломоносова, то, как выяснила Г. Н. Моисеева, он, вне сомнения, привлекал довольно широко бывший в его распоряжении список Новгородской Забелинской летописи – БАН, 34.2.26. На нижнем поле начальных листов этой рукописи есть даже скрепа, сделанная рукой Ломоносова[541]. Таким образом, именно этот летописный свод, с его приемами исторической критики, оказался востребован основоположником русской академической и университетской науки – послужив одним из важных посредствующих звеньев между примитивно-научной историографичностью летописания XVII столетия и собственно научной историографией XVIII века. Переход от летописания к исследованиям совершался в последней четверти XVII в. не только трудами деятелей скриптория Новгородской митрополии. Особенно результативно подобная работа велась тогда же в Москве[542]. Как справедливо писал А. Н. Насонов, «с новым периодом в истории России и, в частности, в истории общественной мысли возникали новые задачи в осмыслении и построении “истории” страны, и вместе с тем вырастала потребность в новых формах исторического изложения», которые «зарождались, как известно, еще в XVII в., но только в следующем столетии утвердились окончательно»[543].

Глава 7.

ЛЕТОПИСИ НОВГОРОДА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

1

В качестве источников по истории самого Великого Новгорода и Новгородской республики новгородские летописи использовались и используются достаточно широко и интенсивно. Гораздо менее известно значение их для изучения событий, выходящих «за пределы» названных областей исследования – географически или хронологически.

По археологическим данным, поселения на территории Новгорода появились в десятом веке. Ладога, куда, по сведениям Повести временных лет, прибыл в 60-е годы предшествующего столетия призванный князь Рюрик, и Городище, где, по преданию, он обосновался, существовали и раньше. Но почему именно он оказался призван предками новгородцев, Повесть временных лет не сообщает. Не сообщила этого и Новгородская первая летопись, которая называет первым посадником Гостомысла. Обращение славян Приильменья именно к Рюрику объясняется причинами династического характера: Рюрик по матери был внуком управлявшего ильменскими славянами Гостомысла.

Краткие упоминания о нем есть в ряде летописей XIV–XVI вв., где он обычно назван старейшиной или посадником. В этих летописях нет речи о предшествовавших Рюрику князьях иной династии, что естественно для памятников средневековой историографии, редактированных во времена правления Рюриковичей. Исключение составляет Новгородская Иоакимовская летопись, основной текст которой сохранился до того времени, когда правила уже династия Романовых и ослабли побудительные мотивы именно Рюрика считать первым князем Русской земли. Обязанные устной традиции сведения НИЛ при соотнесении их содержания с иноязычными материалами Средних веков и с записями фольклористов Нового времени помогают пролить свет на вопрос о происхождении Гостомысла. Эта летопись сообщает подробно, что инициатором приглашения князя Рюрика был княживший до него у будущих новгородцев Гостомысл[544].

Только в НИЛ говорится о долго правившей славянской династии, последним представителем которой как раз и был Гостомысл. Четыре сына его погибли бездетными при жизни отца, когда его возраст уже не давал надежд на продолжение рода по мужской линии. Но оставались дочери: они были замужем и имели сыновей. Сын старшей дочери, как здесь сказано, был «негож», поэтому Гостомысл, в соответствии с явившимся ему сновидением, решил завещать княжение сыну средней дочери, выданной за иноземного правителя. Старейшины, исполняя его волю, пригласили на княжение Рюрика.

Ни дань фольклорной традиции в устной основе этого текста, ни принципиально возможные и местами довольно ощутимые плоды «олитературивания» в его письменной передаче не заслоняют важности центрального содержания: Рюрик – внук Гостомысла, рожденный его дочерью в замужестве за одним из «князей» в землях «варягов», для Гостомысла – «соседних».

2

Существенно, что Гостомысл достаточно хорошо известен и западноевропейским хроникам IX в.: он фигурирует там как король государства бодричей (ободритов). Тождество уникального имени и хронологическое тождество не ускользнули от внимания историков. Уже А. Л. Шлёцер сопоставил летописные сведения о Гостомысле с наличием такого имени «в древнейшей Макленбургской истории», но не предал этому серьезного значения[545]. Позднее другой русский академик Ф. И. Круг допускал, что население Северной Руси могло «обратиться к упоминаемому в 844 году Гостомыслу, царю ободритов, который без сомнения мог подать совет ильменским славянам призвать себе князя из соседних областей». Но летописные известия о Гостомысле Круг расценивал как «ни на чем не основанные предания»[546].

С большим доверием отнесся к таким данным спустя несколько десятилетий И. Е. Забелин. Напомнив, что Гостомысл, согласно текстам «латинских сказаний», – это живший в IX в. «старейший князь» ободритов, Забелин заключал, что если «в какой-либо русской древней хартии поминалось о нем как о личности, действительно существовавшей во времена призвания варягов, то это обстоятельство может давать намек, что Новгородскою волостью в то время владели именно ободриты, с их старейшиною Гостомыслом» – тем более что «в Новгородской летописи первым посадником именуется тоже Гостомысл»[547]. Работу Ф. И. Круга автор не упоминает, но можно полагать, что у Забелина – косвенный ответ на ее скептицизм.

В то время речь шла только об упоминаниях Гостомысла в летописных текстах XIV–XVI веков. Новгородскую Иоакимовскую летопись И. Е. Забелин, видимо, не принимал здесь во внимание вследствие неясности тогда ее происхождения. Имея в виду теперь и ее, можно заключить, что нет препятствий для отождествления короля ободритов Гостомысла и относимого этой летописью к тому же времени князя Гостомысла, санкционировавшего приглашение Рюрика. В источниках нет сведений, с какого года его дед становится королем ободритов. Предшественник Гостомысла Чедраг в анналах упоминается последний раз под 826 г. Аргументировалось мнение, что после кончины Чедрага у ободритов произошла смена династии[548]. Но известий об их правителях, к сожалению, нет вплоть до 844 г., когда о короле ободритов Гостомысле говорится в связи с походом немецкого войска в земли славян.

Сведения русских летописей позволяют оспорить основанное на односторонней информации мнение, что Гостомысл был убит в 844 г. Если бы действительно во время интервенции Людовика Немецкого он находился на берегах Лабы и если бы, только убив славянского короля, Людовик сумел добиться подчинения местных князей, то весьма осведомленный труаский епископ Пруденций, писавший тогда хронику, дошедшую в составе Бертинских анналов, не умолчал бы о столь существенном факте, ибо он уделил специальное внимание этим событиям 844 г.

Дату кончины Гостомысла НИЛ не сообщает. Но под 862 г. в анналах упомянуто о главенстве у бодричей Добромысла, следовательно, Гостомысл скончался ранее. В Повести временных лет 862-м годом датировано приглашение Рюрика, которому предшествовало изгнание «варягов» и внутренние раздоры. Это заставляет отнести смерть Гостомысла к самому началу 860-х годов или концу 850-х. Если же принимать разделяемую многими историками поправку хронологии Повести на шесть лет, которую обосновал в свое время В. Г. Васильевский[549], то следует считать, что Гостомысл скончался около середины 850-х годов.

3

Так называемая «История еже о начале Русския земли», которая совместила использование письменной и фольклорной традиций, о Гостомысле говорит в основном то же, что и НИЛ, но значительно короче. Однако есть важное дополнение к ее известиям. После изложения завещания Гостомысла здесь сказано: «И егда сей умре, тогда всем градом проводиша до

гроба честно, до места нарицаемого Волотово и погребоша его»[550]. Аналогичное известие находится в летописце новгородского Николо-Дворищенского собора. Нынешнее местонахождение этой рукописи неизвестно, но ее цитировал, в частности, архимандрит Макарий в своем капитальном труде о древностях Новгорода. И сам Макарий, и ряд его предшественников пересказывали народное предание, относящееся к могиле Гостомысла: это одна из сопок вблизи церкви села Волотова – «холм, насыпанный над могилою князя славянского Гостомысла будто бы пригоршнями новгородцев, чтивших память своего любимого старейшины, по совету коего призван Рюрик на княжение»[551].

Волотово поле, на котором, согласно пересказывавшимся авторами XIX в. народным преданиям, «славяне-язычники погребали своих князей, старейшин и богатырей»[552], вероятно, заслуживает серьезного внимания современных археологов. Захоронение Гостомысла может выделяться среди других своим инвентарем. Найти его – задача, конечно, далеко не простая, но, думается, не безнадежная.

Общественный статус Гостомысла у прибалтийских славян был настолько значителен, что побуждал даже враждебного хрониста называть его королем (rex). Прибытие этого лица в пределы будущей Новгородской земли естественно связывать с усилением немецкого натиска на земли славян, в частности – на государство ободритов.

Переселялся оттуда на берега Ильменя, очевидно, далеко не один Гостомысл. Причины же такой миграции не уменьшались, а возрастали. Начавшись, вероятно, еще при Карле Великом, она подсказывала путь и Гостомыслу. Биография этого деятеля, хотя и доступная гипотетическому выяснению лишь фрагментарно, может служить иллюстрацией того, какова могла быть вообще этническая предыстория значительной части населения Новгородской земли.

О том, что она имела весьма давние связи с западными, прибалтийскими славянами, неопровержимо свидетельствуют данные археологии, языкознания и этнографии, обобщенные не так давно В.Л. Яниным. Он писал: «Комплекс археологических свидетельств (особенности керамики, домостроительства, оборонительных сооружений), топонимики и ономастики, ориентации денежно-весовой системы Северо-запада в сочетании с <...> лингвистическими наблюдениями указывают на то, что исходные импульсы передвижения славянских племен на наш угро-финский север находились на территории славянской южной Балтики. Отсюда предки будущих новгородцев и псковичей были потеснены немцами»[553].

4

Бертинские и Ксантенские анналы, говоря о войне 844 г., называют не ободритов, а вообще славян. То обстоятельство, что Гостомысл фигурирует в Фульдской хронике IX в. именно как король (rex), которому подчинены славянские «корольки» (reguli), давно обращало на себя внимание исследователей, отмечавших, что предшествующих и последующих правителей ободритов хронисты называли князьями, а не королями[554]. Естественнее всего объяснить эту особенность тем, что к середине IX в. сложился более широкий союз племен, возглавлявшийся Гостомыслом[555].

Отображенная в хрониках устная традиция связывала его сопротивление экспансии Каролингов и в качестве правителя славянского острова Руяна, расположенного по соседству с владениями бодричей. Центр этого союза мог находиться именно на Руяне.

В IX в. Руян еще успешно противостоял Каролингам, хотя война 844 г. своим результатом побуждала активизировать перемещение балтийских славян на восток. Можно полагать, что как раз в это время король руян и бодричей Гостомысл стал инициатором усиления упомянутого процесса. НИЛ позволяет именно в таком смысле истолковывать ее лапидарный текст.

Немецкие историки, склоняясь к тому, что в этот период у ободритов произошла смена династии, показателем этого считали резкие отличия имен Гостомысла, упомянутого под 844 г., и Добромысла – под 862 г. – от имен предшествовавших правителей. К середине IX в. относили и переход от племенного управления к политическому единству[556], причем «правление Гостомысла должно было иметь достаточную силу, чтобы вовлечь всех подвластных ему князей» в борьбу против подчинения Каролингам[557].

Можно полагать, что могущество Гостомысла в Прибалтике основывалось на объединении под его управлением руян и ободритов. Соотнесенность Гостомысла в латинских источниках не только с ободритами, но и с руянами требует обратить специальное внимание на историческую роль места обитания последних, именуемого в немецких текстах Insel Rügen, а в русском фольклоре – «остров Буян». Главенствующее положение Руяна и его правителей среди племен славянского Поморья – от Дании до земли пруссов, отмеченное средневековыми хронистами, заставляет именно там усматривать центр Руси прибалтийской.

К первой половине девятого века относятся рассмотренные выше данные, которые дают основание полагать, что Гостомысл возглавлял тогда

ободритов и руян, а как следует из показаний НИЛ, главенство распространилось и на племена, обитавшие в бассейне Ильменя. В свете этих данных несколько уточняется смысл суждения, высказанного не так давно ведущим современным археологом: «Новгород на заре своей истории возник не как центр только племенного союза новгородских словен, а как столица громадной разноэтничной федерации нашего Северо-Запада, состоявшей из племен западных и восточных славян и аборигенных племен финно-угорского происхождения»[558].

По-видимому, такая федерация возникла в связи с неудачей крупного восстания прибалтийских славян против Каролингской империи, происходившего в 838–839 гг. Тогда ободриты и велеты, потерпев поражение, принуждены были дать заложников. Именно после этого ободриты, велеты и руяне под главенством короля Гостомысла, вероятно, активизировали контакты с потомками велетов, переселившихся ранее в северо-западные земли Восточной Европы. Нараставшая после окончания распрей между сыновьями Людовика Благочестивого угроза интенсификации каролингского натиска на славян, усилила миграцию западнях славян на восток. Отпадение бодричей от подчинения Каролингской империи естественно объяснить вступлением их князей в федерацию под патронажем набиравшего силу государства руян, возглавленного Гостомыслом. В связи с вторжением войск Людовика Немецкого в 844 г., временный успех которого таил угрозу новых агрессий, происходит, очевидно, перемещение центра федерации на восток, и Гостомысл оказывается уже не на Руяне, а у берегов Ильменя[559].

Соотносимостью сведений о Гостомысле в Новгородской Иоакимовской летописи, в Новгородской 1-й летописи и в латинских анналах IX–XII вв. подтверждается его историчность[560].

5

Спасо-Преображенский монастырь на острове Валаам – один из самых почитаемых в России – не раз был опустошен в ходе военных столкновений Великого Новгорода с его западными соседями. В результате гибли рукописные богатства обители и не сохранились даже жития ее основателей – преподобных Сергия и Германа Валаамских. Это весьма затрудняет исследование ранней истории знаменитого монастыря и определение даты его основания.

Более двухсот лет назад митрополит Московский Платон (Лёвшин) писал в своей Истории русской церкви: «Валаамов монастырь на озере Нево

устроен еще при первом епископе Иоакиме, определенном при князе Владимире». Подробно перечислив многочисленные источники своего труда, митрополит Платон, к сожалению, не указал конкретно, откуда он почерпнул то или иное отдельное известие. Среди привлеченных им источников были летописи, в частности, его «собственный древний летописец», содержавший сведения, дополнявшие в ряде случаев материал Никоновской летописи. Не исключено, что «древний летописец», принадлежавший митрополиту Платону, может еще найтись среди его бумаг, которые сейчас рассредоточены в пяти архивохранилищах Москвы и Петербурга. Наибольший интерес представляет в данной связи Российский государственный архив древних актов, но там нет личного фонда митрополита Платона, а поиск принадлежавших ему материалов в составе многочисленных фондов этого архива потребует еще значительного времени. Однако другие архивные материалы позволяют убедиться в правомерности датировки, которую содержит труд митрополита Платона. Это, прежде всего, новгородские летописи, рассмотренные в главах 4 и 5. Новгородская Уваровская летопись, составление которой было связано с учреждением митрополии в Новгороде в 1588 году, использовала две несохранившиеся доныне новгородские летописи, состав которых отличался от дошедших памятников летописания большей степенью подробности в известиях, касавшихся церковной жизни Новгорода. Преимущественный интерес составителя к информации этого рода свидетельствует, что создание летописного свода происходило при дворе новгородских архиепископов. Этим обусловлена надежность данного источника в известиях о событиях, относившихся к истории церкви в Новгородской епархии. В наиболее ранней из трех рукописей НУвЛ читается следующий текст: «В лето 6671 [1163]. О архиепископе Иоанне. Поставиша Великому Новуграду архиепископа Иоанна перваго, а преж были епископы. Того же лета обретены быша мощи и пренесены преподобных отець наших Сергия и Германа Валаамских новгородских чюдотворцов при архиепископе новгородском Иоанне». Известие это было затем повторено в Новгородской третьей летописи и в Новгородской Забелинской, составитель которой придирчиво проверял и уточнял даты и факты, относившиеся к истории Церкви.

Обретение мощей самого архиепископа Иоанна I произошло через 250 лет после его преставления. Длительные промежутки времени между кончиной святого и обретением его мощей в истории Церкви засвидетельствованы многократно. Нет оснований считать исключением преподобных Сергия и Германа Валаамских. Они могли преставиться по меньшей мере за сто лет до обретения их мощей. А если так, то основание ими обители на Валааме произошло в первой половине XI века или даже раньше.

Следовательно, подтверждается истинность хронологического указания митрополита Платона. Первый новгородский епископ святой Иоаким Корсунянин, как известно, занимал эту кафедру с девяностых годов десятого века до своей кончины в 1030 году. По его благословению и был, очевидно, основан Спасо-Преображенский монастырь на острове Валаам – древнейший из существующих ныне монастырей России[561].

6

Исключительное значение победы на Куликовом поле в истории русского народа требует особенно внимательного изучения всех свидетельств источников. Однако, как отмечал еще В. В. Мавродин в рецензии на академическое издание повестей о Куликовской битве, остаются вопросы, которые нуждаются в уточнении[562]. Это замечание следует отнести, прежде всего, к существующим и доныне представлениям о самой совокупности источников по освободительной войне 1380 г.[563] Некоторые из них до сих пор вообще не использовались при освещении вопросов, связанных с Куликовской битвой, другие использовались в неоправданно малой степени. К обеим этим категориям относятся новгородские летописи. Их данные представляют интерес отнюдь не только в качестве свидетельств об отношении в Новгороде к событиям последней четверти XIV века спустя много десятилетий и позже (как можно было бы предположить a priori).

Эти летописи имеют в своем составе уникальные исторические известия, восходящие к гораздо более древним текстам. Среди них есть и относящиеся к событиям 1380 г. Они помогают, в частности, пролить свет на довольно запутанный вопрос об участии в войне самого Новгорода. Исчерпывающее решение этого вопроса требовало бы привлечения и нелетописных источников, общий объем которых намного превышает то, что может быть попутно рассмотрено в рамках разговора о новгородских летописях. Поэтому ограничимся обзором названного материала, уделяя преимущественное внимание текстам, наименее известным.

Новгородская Уваровская летопись в описании войны 1380 г., как и во многих других своих частях, содержит текст, близкий Софийской первой летописи (об их взаимоотношении см. в главе 4) и перешедший без существенных изменений в пространную редакцию Новгородской третьей летописи (краткая ее редакция сократила повествование до одной фразы). Эта группа летописей в данном случае не выходит за пределы того, что сообщалось летописанием Новгорода в специальной повести, которая

полностью сохранилась только во второй редакции Новгородской летописи Дубровского[564].

Иную картину представляет собой описание войны 1380 г. в Новгородской Забелинской летописи[565]. Этот текст рассматривался специально М. Н. Тихомировым и Л. А. Дмитриевым[566]. Оба автора пришли к одинаковому выводу, что, несмотря на позднее происхождение самой летописи, в этом описании были использованы и источники, отразившие первоначальные записи о Куликовской битве. Из особенностей данного текста сравнительно с другими разновидностями представленной им редакции повести о Мамаевом побоище отметим лишь одно обстоятельство: в НЗабЛ не только рассказывается о прибытии новгородского войска на помощь великому князю Дмитрию Ивановичу, но сообщено также (в отличие от других источников), что последний отправил перед этим гонцов в Новгород с призывом принять участие в отражении полчищ Мамая[567].

7

Совершенно не привлекалась пока исследователями повестей о Куликовской битве Новгородская Погодинская летопись. Остановимся поэтому на ней более подробно.

Первоначальная редакция этой летописи содержит особую редакцию Повести о Мамаевом побоище, которую можно назвать сводной редакцией[568]. Основу ее составило соединение той редакции, которую С. К. Шамбинаго именовал четвертой или распространенной, с так называемой основной редакцией[569]. В большей своей части сводная редакция повторяет, с довольно значительными порой сокращениями, распространенную редакцию. Влияние же основной редакции выразилось главным образом в следующем.

После эпизода с отправкой великим князем в разведку второй «стражи» и следующей за этим его молитвы добавлена из основной редакции беседа Дмитрия Ивановича с приближенными и распоряжение его о сборе войск в Коломне[570]. Под влиянием плана основной редакции вслед за этим помещено описание сбора князей и воевод с их войсками. Однако сам текст его взят по распространенной редакции, где он помещен позднее. Дата выступления из Москвы переделана по основной редакции (с 9 на 27 августа). После сообщения о прибытии русских войск в Коломну рассказывается, в соответствии с планом основной редакции, об «уряжении» полков и назначении воевод. Сам текст второго эпизода тоже взят по этой редакции, а не по распространенной (где он читается далее после рассказа о новгородцах).

Очень подробное повествование распространенной редакции о присылке Новгородом сорокатысячного отряда на помощь великому князю передано со значительными сокращениями в частностях, но без изменений в существе. Влияние основной редакции сказалось в том, что отсутствуют связанные с этим повествованием детали в предшествовавшем эпизоде «уряжения» полков. Отразилась основная редакция также в деталях рассказа о приходе на помощь князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей и некоторых других эпизодов первой части повести.

В описании начала боя говорится, что новгородский отряд был на левом крыле русского войска, очевидно, под влиянием опущенного выше аналогичного указания распространенной редакции об «уряжении» полков[571]. Концовка сводной редакции представляет собой дополнение, заменившее почти целиком окончание использованных ранее источников. Оно дословно восходит к тексту, завершающему так называемую «переделку» распространенной редакции[572].

По большей же части сводная редакция, как уже говорилось, дает систематическое сокращение редакции распространенной. Опущению подвергались многие подробности чисто риторического характера; сокращались также тексты молитв, речи персонажей и т. п. Но некоторые элементы риторики были в свою очередь внесены самим составителем сводной редакции. В целом она дает скорректированное по основной редакции содержание распространенной редакции, лишенное, однако, присущей ей громоздкости повествования.

Выше был охарактеризован один из трех изводов сводной редакции[573]. Он может быть назван основным, так как явился основой двух других. Один из них включен в третье издание Синопсиса[574]. Этот извод можно назвать сокращенным: кроме сравнительно мелких текстовых разночтений здесь опущены эпизоды о замыслах Мамая, о сговоре Ольгерда Литовского и Олега Рязанского и об их сношениях с Мамаем, т. е. вся вводная часть, а также рассказ о новгородской помощи.

Третий извод, напротив, является распространенным. Он-то и помещен в НПогЛ. Главным источником произведенных здесь дополнений и переделок явилась та разновидность текстов основной редакции Повести о Мамаевом побоище, которая читается в списке Михайловского и сходных с ним[575]. Наиболее важные изменения из внесенных на основании этого источника следующие.

В рассказе о новгородской помощи изменены количество и имена воевод новгородского отряда. Вместо шести человек, перечисляемых в основном изводе (согласно с распространенной редакцией), здесь только двое –

Яков Иванович Зензин и Тимофей Константинович Микулин[576]. После описания переправы русского войска через Дон добавлен эпизод, в котором каждый воевода сообщает о численности своего отряда.

В эпизоде, где великий князь объезжает поле битвы после победы, дополнены сведения об узнанных им убитых[577]. При этом в конце названы два упомянутых выше новгородских боярина и «около них 700 новгородских выборных дворян». Оплакивая их, Дмитрий Иванович восклицает, что новгородцы пришли ему на помощь «своею волею»[578]. По тому же источнику внесено несколько менее существенных дополнений и изменений[579].

Составитель рассматриваемого извода пользовался, как видно, и материалом иного рода. Сообщив о подвиге Пересвета, он добавляет: «Ослебя же старец возложи на ся схиму и скоро изскочи из полка своего с палицею железною, и ударися на всю силу татарскую и би их улицами; и тому не видяху, како и где умре, и колко татар поби, токмо видяху, яко улицами татарове лежат, и познаша, яко безчисленное множество поби татар»[580]. Скорее всего, это взято из фольклорного источника. В связи с данной вставкой добавлено упоминание Осляби и в перечне убитых, узнанных великим князем. Последнее добавление могло быть внесено на основании святцев[581].

Дошедший в новгородской летописи извод отличается ясно выраженной тенденцией к критической проверке и исправлению передаваемых сведений. Приведены в соответствие с исторической действительностью имена упоминаемых в тексте иерархов новгородского и коломенского. Переделаны и некоторые даты: отправление войск из Москвы – с 27 на 20 августа, прибытие их в Коломну – с 28 на 24 августа. Несколько изменена цифра оставшихся в живых русских воинов[582]. Устранено дублирование в тексте, явившееся следствием соединения двух источников в основном изводе. Вообще, рассматриваемая переработка повести характеризуется двумя основными чертами: стремлением к возможно большей точности и полноте в фактических сведениях и дальнейшим систематическим сокращением риторических украшений, молитв и т. п. частей текста, бедных конкретной информацией[583].

В подавляющем большинстве списков НПогЛ гораздо меньшее внимание уделялось повествованию о Куликовской битве. Чаще всего оно заменялось кратким известием из одной фразы[584]; в некоторых случаях было сохранено заглавие, первая фраза текста и последняя глава о гибели Мамая[585]. В отдельных случаях на место лакуны вставлялся полный текст повести из Синопсиса[586].

8

Текст Повести о Мамаевом побоище в НПогЛ представляет интерес в основном не столько для уточнения фактов, имевших место в 1380 г., сколько как показатель отношения к этим фактам составителя новгородской летописи, работавшего в 80–90-х годах XVII в. Зато безусловную ценность именно в первом из этих аспектов имеет известие той же летописи под 1381 г. – о событии, самым тесным образом связанном и с Куликовской битвой, и с вопросом об участии в ней новгородцев.

В первоначальной редакции НПогЛ читаем: «Того же лета заложиша в Великом Новеграде новгородцы по завету о победе на Мамая церковь каменну святаго великомученика Димитриа на Славкове улице, и совершиша на другое лето»[587]. С несущественными отличиями данное известие читается и в краткой редакции НПогЛ[588].

Сокращенная ее редакция это известие пропустила. Но в одном из списков, среди внесенных туда добавлений, читается гораздо более подробное сообщение: «Того же лета создан святый храм во имя[589] великомученика Димитрия[590] Солунскаго на Славкове улицы по обещанию великого князя Димитрия Донскаго. Внегда он брася с безбожным царем Мамаем и тогда явися ему святый на рати с благоверными князи Борисом и Глебом, повелевая дерзати противо безбожнаго царя Мамая и всего его поганаго воинства – “и мы тебе вборзе будем на помощь”. По сем явлении победи благоверный князь Димитрий Иоанновичь безбожнаго царя Мамая. И по благословению Пимина митрополита Московского и всея России построися сия церковь, и предел присовокупи князей благоверных Бориса и Глеба на полатех, понеже в победе явистася. А сей благоверный князь Димитрий Иоанновичь от корени и родства их. И к той же церкви предел присовокупи Усекновение честныя главы Иоанна Предтечи теплой, аггела отца своего, на поминовение родителей своих в вечныя роды»[591].

Известие, очевидно, представляет собой выписку из краткого летописца самой церкви св. Дмитрия Солунского. Один из списков этого летописца был известен Макарию[592], другой находится сейчас в Новгородском музее. Там читается аналогичное сообщение, почти во всем совпадающее текстуально с только что приведенным[593].

Подробности подобного рода, довольно часто добавляемые младшими летописями Новгорода в более лаконичные известия старших летописей, во многих случаях удалось проверить и отыскать их источники. Такими источниками являлись, как мы видели, синодичные записи, копии древ-

них надписей и т. п. Составители новгородских летописей XVII в. проводили серьезную по тому времени источниковедческую работу и были далеки от того, чтобы «примысливать» факты относительно постройки древних церквей.

В последнем из приведенных текстов была, по-видимому, использована сама Повесть о Куликовской битве с ее эпизодом о видении святых Бориса и Глеба (вероятно, в недошедшем до нас варианте). Но к повести может восходить лишь один из мотивов приведенного рассказа. Почти все остальное, судя по тексту, имело своим источником синодик. Он же послужил, очевидно, основой для уточнения известия о постройке этой церкви в первоначальной редакции НПогЛ.

Сам факт возведения в Новгороде в 1381–1382 гг. храма во имя небесного покровителя великого князя Дмитрия Ивановича Донского, подтверждаемый всеми летописями Новгорода, достаточно показателен. Интерпретация этого факта с учетом данных Новгородской Погодинской летописи и летописца церкви св. Дмитрия Солунского должна производиться в сопоставлении с показаниями большой группы источников, здесь не затронутых. Нельзя, однако, не заметить, что и приведенный материал невозможно согласовать с ошибочным мнением (разделявшемся некоторыми историками) об отказе Новгорода принять участие в освободительной войне 1380 года.

9

Сражение, происходившее восьмого сентября 1380 года на Куликовом поле, по своему историческому значению относится к событиям эпохальным – не в меньшей степени, чем сражение на Бородинском поле в августе 1812 года. Но Куликовская битва, в отличие от Бородинской, завершилась полным разгромом неприятельской армии. Остатки татарских войск бежали с поля боя, преследуемые русской конницей. Масштабы же обоих сражений по количеству участвовавших в них войск и по размерам поля боя различались мало, хотя сведения разных источников по поводу событий 1380 года и не лишены некоторых расхождений. Согласно русским летописям, численность армии московского великого князя Дмитрия Ивановича вместе с союзными войсками поддержавших его русских земель и отрядами отдельных князей могла несколько превышать двести тысяч воинов[594]. Летописцы единодушно восклицали, что «от начала миру не бывала сила такова руских князеи, яко же при сем князи великом Дмитрии Ивано-

вече»[595]. Видимо, аналогичной по численности была противостоявшая русским и ими разбитая армия Мамая. Немецкая хроника Детмара под 1380 годом сообщала о «великой битве» между русскими и татарами, где победили русские, причем с обеих сторон участвовало четыреста тысяч[596].

Однако последние десятилетия ознаменовались не только привычными конференциями, статьями и сборниками по случаю двух очередных юбилеев «Мамаева побоища» в 1980 и 2005 годах, но и распространением – особенно в околонаучной среде – нараставшего и, следует признать, небеспричинного скептицизма по поводу реальной исторической значимости этого события. Я имею здесь в виду не псевдонаучные фантазии А. Т. Фоменко, а кризис доверия к данным академической науки прошедших полутора веков.

Вопиющие парадоксы теперешнего интерпретирования Куликовской битвы проистекают из фактора якобы географического. В действительности же – из давно укоренившегося ошибочного истолкования смысла важных письменных источников. Согласно летописям XIV–XVI вв., русское войско приготовилось к сражению «пришедщю ***за*** Дон (т. е. на запад от Дона. – *С.А.*), в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы реки»[597]. Очень существенно, что летописцы совершенно единодушны в указании этих трех важнейших географических параметров: Софийская первая и Новгородская четвертая летописи – «Великии же князь Дмитрии Иванович перешед за Дон в поле чисто в ордынскыя земли, на усть Непрядвы рекы»[598]; Новгородская первая летопись – «вниде бо в землю их за Дон и бе ту поле чисто, на усть рекы Непрядвы»[599]; Симеоновская летопись и Рогожский летописец – «Князь же великии поиде за Дон, и бысть поле чисто и велико зело, и ту сретошася погани половци, татарьскыи полци, бе бо поле чисто на усть Непрядьвы рекы»[600].

Однако при впадении Непрядвы в Дон, как недавно обнаружилось, тогда было отнюдь не «чистое поле великое зело». Исследования палеогеографов и палеоботаников установили, что в то время здесь была лесостепь, имевшая лишь небольшие открытые участки шириной 2–3 км[601]. Ни на одной из таких полян никак не могло бы уместиться значительное количество участников сражения. Тульским археологам гораздо легче стало объяснять странную малочисленность найденных ими фрагментов оружия[602]. Руководители же археологических раскопок Куликова поля в своих интервью стали говорить, что речь должна идти не о крупном сражении, а о стычке относительно небольших конных отрядов.

Целесообразно здесь привести запечатленные по случаю юбилея битвы на страницах массового московского журнала примеры безапелляционности и научного уровня таких высказываний. Корреспондент журнала «Нескучный сад» встретился с тогдашними руководителями археологических работ, которые велись на Куликовом поле десять лет с 1995 года. Это кандидаты исторических наук М. И. Гоняный и О. В. Двуреченский. Как пишет не без иронии корреспондент, «по рассказам ученых, истинная картина великого сражения сильно отличается от хрестоматийной. <...> «Протяженность места боевых столкновений – два километра при максимальной ширине восемьсот метров» – считает начальник Верхне-Донской экспедиции Михаил Гоняный»[603] <...> По мнению археологов, – констатирует корреспондент, – число участников битвы в общественном сознании сильно преувеличено. «В советское время думали, что это было народное ополчение, – говорит Двуреченский. – Сейчас мы считаем, что сражались профессионалы – от пяти до десяти тысяч как с той, так и с другой стороны, конники»[604].

Что думали по данному поводу профессиональные историки досоветской России, этот кандидат исторических наук не говорит. Правда, он упоминает о некоторых летописях, конкретно называя никогда не существовавшую «Новгородскую четвертую летопись младшего извода» и приводя вымышленную цитату «близ устья Дона и Непрядвы», будто бы почерпнутую в несохранившемся на самом деле «Новгородском Софийском летописном своде»[605], а фактически представляющую собой тенденциозное искажение того, что реально читается в цитированных мною выше летописях.

Печально, что эти и подобные им сенсационные заявления давно успели размножиться и закрепиться в интернете. Как ни странно, они стали иногда влиять даже на высказывания профессиональных историков – не говоря уже о падких на дискредитацию русской истории журналистах и недобросовестных комментаторах. А в Туле музей-заповедник «Куликово поле» даже издал посвященную этому полю «Большую иллюстрированную энциклопедию». Объем ее – 744 страницы, из которых несколько страниц посвящены самой Куликовской битве. Здесь можно уже прочесть, что «по последним научным данным русские войска выстроились, имея за спиной Дон и Непрядву между балкой Рыбий Верх и Смолкой, занимая фронт не более полутора километров»[606].

Таким образом, за два года, прошедшие после приведенных выше высказываний археологов, мизерная протяженность поля боя была сокращена ими еще на полкилометра.

Однако летописи однозначно пишут о небывало многочисленных войсках, которые были развернуты на протяжении десяти верст открытой местности Куликова поля. «И покрыша полки поле, яко на десяти верст от множества вои»[607].

Некоторые нынешние историки Куликовской битвы, в особенности – археологи, изобрели, как мы видели, своеобразный «выход» из вопиющего несоответствия, объявляя, что русские и иноземные письменные источники многократно преувеличивали масштаб сражения и, соответственно, число войск каждой стороны.

10

Вне поля зрения как нынешних, так и прежних историков Куликовской битвы оставался немаловажный факт: словом «устье» в то время обозначали исток реки. Такое словоупотребление документировано во всех списках Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов, известной по рукописям XIV и XV веков. В этой летописи говорится о завершении войны Великого Новгорода со Швецией: «В лето 6831 [1323]. Ходиша новгородци с князем Юрьем и поставиша город на усть Невы, на Ореховом острове; ту же приехавше послы великы от свеиского короля и докончаша миръ вечныи с князем и с Новымгородом по старой пошлине»[608]. Здесь речь идет о построении за полвека до Куликовской битвы русской крепости Орешек (впоследствии – Шлиссельбург). «Ореховый остров» расположен в верховье реки Невы при вытечении ее из Ладожского озера. Словосочетание «на усть Невы» означает: у истока Невы.

Если бы историки Куликовской битвы, не ограничиваясь нынешним пониманием слов «усть Непрядвы», обращались в достаточной степени к истории русского языка или читали особенно внимательно не только те фрагменты хорошо известных летописей XIV–XV столетий, где описана сама битва, то проблема могла бы и не возникнуть. Наш выдающийся языковед академик Измаил Иванович Срезневский при жизни не успел опубликовать составленный им словарь древнерусского языка. Первое издание его последнего тома вышло в Петербурге в 1903 году, второе издание (репринт) – пятитысячным тиражом – в Москве в 1958 году. В этой книге уже в начале прошлого века можно было прочесть нужное пояснение: «Усть – устье реки <...> исток реки: на усть – при истоке – Поставиша город на усть Невы, на Ореховомъ острове» (дана отсылка к Новгородской первой летописи)[609].

Нева вытекает из Ладожского озера. Непрядва же некогда вытекала из существующего и ныне, но теперь уже очень небольшого Волова озера – до его обмеления, оставив около него следы русла прежнего своего верховья. Сведения о том, что еще в первой половине XVII столетия это озеро служило истоком некоторых рек Куликова поля, можно прочесть в важном источнике того времени – «Книге Большому Чертежу». Сама древнейшая карта России не сохранилась, но подробнейшее ее описание, составленное по «государеву указу» в 1627 году, публиковалось уже не раз. В издании, выпущенном Академией наук в 1950 году, с учетом всех известных к тому времени списков, можно прочесть достаточно ясный намек, касающийся истока Непрядвы: «Упа река вытекала из Волова озера от верху речки Непрядвы, <...> от Куликова поля с Муравского шляху»[610].

Существуют подробнейшие (крупномасштабные, вычерченные от руки) карты уездов Тульской губернии, составлявшиеся в конце XVIII столетия для нужд генерального межевания. На этих картах видно, что находящееся в центре Куликова поля и уже радикально сократившееся к тому времени в размерах Волово озеро отделено лишь сотней саженей от ручья, дающего начало реке Непрядве[611].

Показания источников ясно свидетельствуют, что сражение 1380 года произошло вблизи тогдашнего истока («устья») реки Непрядвы, в центральной части Куликова поля – на расстоянии приблизительно сорока километров от впадения этой реки в Дон.

Соответственно, тульским археологам, которые в недавние десятилетия особенно интенсивно, но безуспешно искали следы массовых захоронений десятков тысяч русских воинов, павших на Куликовом поле, целесообразно несколько переместить район своих полевых разведок. Тогда и удивительная малозначительность найденных доныне при раскопках на этом поле остатков оружия получила бы свое естественное объяснение. Следует упомянуть, что недостаточность прежнего ареала археологических работ уже сравнительно давно начинала осознаваться в среде самих сотрудников музея-заповедника «Куликово поле». В печати проскользнуло пожелание, «чтобы работники музея-заповедника не замыкались в своих исследованиях местности, традиционно определяемой ими как Куликово поле в узком смысле слова, а расширили бы район своих поисков»[612]. Но радикальному его расширению препятствовала приверженность этих ученых ошибочной, как оказалось, мысли, что битва произошла при впадении Непрядвы в Дон[613].

11

Это немаловажное обстоятельство побуждает переосмыслить и некоторые иные сведения привычных источников. Естественно полагать, что описанное в летописях форсирование русскими войсками Дона в ночь с 7 на 8 сентября осуществлялось не ниже впадения в него Непрядвы, как это ныне считается, исходя только из «традиционного» представления о месте самого сражения, а выше по течению Дона около Федосова городища, т.е. ближе к центру Куликова поля, где Дон еще менее полноводен, а дорога, по которой двигались с севера русские войска, подошла к нему вплотную при впадении в Дон речки Муравлянки и где, судя по географическим картам, существовала используемая в то время переправа.

Лишается опоры и «традиционное» представление, что битва произошла на правом берегу Непрядвы. Подробнейшим образом аргументированная не так давно «левобережная» гипотеза была впоследствии раскритикована и решительно отвергнута. Дело в том, что сторонники и этой гипотезы слова «на усть Непрядвы» трактовали «традиционно» – как место впадения этой реки в Дон, а несогласные такой гипотезой палеогеографы выяснили, что именно там – на левом берегу Непрядвы – прежде находился лес[614].

Но неосновательно было бы предполагать, что лес некогда покрывал всё левобережье Непрядвы вплоть до ее истока и на многие километры вглубь обширного Куликова поля. Сплошное изучение его почв для определения возможных в прошлом лесных участков проводилось только на небольшом пространстве в низовьях этой реки, так как все поиски места битвы были основаны лишь на теперешнем понимании слов «устье Непрядвы».

Анализ данных, извлеченных из совокупности официальных письменных источников XVI–XVII вв., привел к выводу, что тогдашнее Куликово поле – отнюдь не лес, а «северо-восточная оконечность степей, которая широким языком вклинивается вглубь широколиственных лесов Среднерусской возвышенности по водоразделу верхнего течения Дона и Оки». Как резюмировал нынешний исследователь исторической географии Куликова поля О. Ю. Кузнецов, «в противоположность традиционным представлениям отечественной историографии советского периода, следует признать значительность его линейных размеров, достигающих 120 км с запада на восток и 80 км севера на юг»[615].

Что же касается XIV столетия, то летописи единодушно и неоднократно упоминают именно открытую местность («поле чисто»), по которой

русское войско «поидоша за Дон в далняя части земля». Стремясь упредить действия противника, оно спешно направилось к истоку Непрядвы – «переидоша за Дон вскоре люто и сверепо и напрасно»[616] (т. е. ожесточенно и храбро и стремительно).

Дело в том, что великий князь Дмитрий Иванович, получив ободряющее послание от преподобного игумена Сергия Радонежского, сначала готовился встретить войско Мамая на левом берегу Дона и уже назначил по полкам воевод, которые тогда облеклись «во одежю их местную яко велицы ратницы» (т. е. в доспехи, предназначенные для различения их во время боя). Подойдя к Дону, русские воеводы «много ту думаша», следует ли переходить на его правый берег[617]. Однако высланная заранее разведка во главе с Семеном Меликом только что сообщила, что войско Мамая теперь сосредоточивается уже на правобережье Дона, ожидая соединения с войском Ягайла, которое должно было подойти с запада. Это известие и повлекло за собой решение великого князя Дмитрия Ивановича стремительно той же ночью переправиться через Дон[618].

Конному войску русских потребовалось очень немного времени, чтобы преодолеть расстояние около 20 километров по степному водоразделу между верховьями притоков Упы и притоков Непрядвы, от места переправы через Дон до центральной части Куликова поля. Пешие воины подошли, конечно, позднее. Но задолго до полудня 8 сентября сосредоточение русских войск должно было завершиться. «Князю же великому Дмитрию Ивановичю пришедшю за Дон в поле чисто, в Мамаеву землю на усть Непрядвы реки, и став ту князь велики по достянию (т. е. как следует) полки разрядив и воеводы учинив»[619].

Ордынская армия Мамая, ожидавшего прибытия союзников – литовской армии Ягайла, намеревалась, очевидно, первой выйти на открытую местность в центре Куликова поля между верховьями притоков Дона и Оки. Это был финальный участок давно освоенного степняками пути на Русь, который впоследствии получит обозначение «Муравский шлях». По нему крымские татары затем несколько столетий будут совершать свои опустошительные набеги на русские земли, иногда доходя даже до Москвы. Но 8 сентября 1380 года будущий Муравский шлях оказался перекрыт сводной армией великого князя Дмитрия Ивановича, загородившей ордынцам путь к Москве. Мамаю пришлось поэтому вступать в сражение с русскими, не дождавшись подхода войска Ягайла.

12

Из сказанного следует, что Куликовское сражение разыгралось отнюдь не на площадке «2–3 квадратных километров», как писал недавно в своем обзоре под влиянием упомянутых мною выше археологов историк А. Е. Петров[620]. Оно произошло на пространстве, в десятки раз превосходившем подобные размеры. Развернутые в «чистом поле» на десять верст по фронту русские войска должны были иметь и глубину построения, достаточную для их маневра и для своевременного введения в бой мощного резерва, который и решил исход битвы.

Отправив «вверх по Дону» от места общей переправы засадный полк (в летописных текстах он чаще назван «западный», что отвечает расположению западнее главных сил) под командованием своего двоюродного брата князя Владимира Андреевича Серпуховского и «мужа мудра и храбра» Дмитрия Михайловича Боброка Волынского, и еще трех известных князей, и «в дубравах утаив»[621] этот ударный резерв, великий князь Дмитрий Иванович обеспечил победу. Дубрава – не ельник и не кустарник, которые затрудняют передвижение войска. Под кронами дубов можно было скрытно расположить многочисленную конницу и затем в нужный момент направить ее в атаку неожиданно для противника. Местонахождение исчезнувшей небольшой дубравы разные историки Куликовской битвы предполагали в разных пунктах поблизости от впадения Непрядвы в Дон.

Но существует доныне дубовый лес невдалеке от края Куликова поля, в направлении на северо-восток от Волова озера. Этот лес обозначен не только на современных картах Тульской области, но на старых картах генерального межевания Тульской губернии. Нынешняя площадь этой дубравы – около двадцати квадратных километров[622]. Теперешнее расстояние ее южного края от верховья Непрядвы – двадцать пять километров. Но прежде расстояние должно было быть существенно меньше, так как южная часть леса, очевидно, подверглась вырубке в ходе постройки расположенного теперь вплотную к этому лесу с юга города Богородицка.

Конный полк князя Владимира Андреевича Серпуховского, направленный от места общей переправы, «вверх по Дону», мог достигнуть этого дубового леса, находящегося теперь в трех километрах к северу и в двадцати километрах к западу от места переправы, раньше, чем пешие русские полки приблизились к верховьям Непрядвы.

Основные силы развернутой на протяжении десяти верст русской армии должны были, очевидно, располагаться, перегораживая неприятелям

путь к Москве, в междуречье притоков Дона и Оки. Как следует полагать, – на северо-северо-восток от местности, непосредственно прилегавшей к Волову озеру, между верховьями рек Непрядвы и Упреты, значительно севернее верховьев реки Мечи (теперь Красивая Меча) и ее притока – речки Плотовая Меча (теперь Сухая Плота). Татары же подошли к истоку Непрядвы с юго-юго-запада, от северной излучины Мечи[623].

Сокрушительная атака засадного полка, кратко описанная в Летописной повести о Куликовской битве, привела, как известно, к тому, что «татарове с Мамаем побегоша». Князь Владимир Андреевич «и иные многие воеводы», возглавившие погоню, «гониша их и бьюще до Мечи реки и до станов их, и взяша все богатство их и стада и тамо бежащих безчисленное множество погибоша. Тогда же бе и руси избито множество»[624].

От верховья Непрядвы на юго-юго-запад до находящейся здесь излучины верхнего течения Мечи расстояние менее двадцати километров. Его преодолели, продолжая сражаться на своих уже уставших конях, русские преследователи бегущих ордынцев. Но нереально было бы думать, что это преследование началось от «традиционно» локализуемого места боя – при впадении Непрядвы в Дон. Отсюда до расположенной к югу ближайшей излучины Мечи (в среднем ее течении) расстояние больше шестидесяти километров.

Из сказанного следует, что само местоположение захваченного русскими неприятельского лагеря было не вблизи низовья Непрядвы, а вблизи ее верховья.

Но бегство остатков разгромленной армии Мамая вряд ли происходило лишь в южных направлениях. Часть ордынцев могла устремиться на запад и присоединиться к отрядам Ягайла. Другая же часть бежала на восток, отстреливаясь из луков на перелесках правобережья Непрядвы. Следами преследования этих беглецов, как можно полагать, и являются найденные здесь в небольшом количестве фрагменты оружия (в основном – наконечники стрел и копий), упомянутые мною выше.

Современным историкам Куликовской битвы (в особенности археологам) полезно было бы шире осмысливать конкретику своих результатов и задач, с должным вниманием обращаясь к летописям – в особенности, как обнаружилось, к новгородским летописям – и соотнося с их показаниями проблематику дальнейших работ.

О значении победы на Куликовом поле писал уже полтораста лет назад крупнейший русский историк Сергей Михайлович Соловьев: «Летописцы

говорят, что такой битвы, как Куликовская, еще не бывало прежде на Руси; от подобных битв давно уже отвыкла Европа. <...> Таково было побоище Каталонское, где полководец римский спас Западную Европу от гуннов; таково было побоище Турское, где вождь франкский спас Западную Европу от аравитян. <...> Куликовская победа <...> имеет в истории Восточной Европы точно такое же значение, какое победы Каталонская и Турская имеют в истории Европы Западной, и носит одинакий с ними характер, характер страшного, кровавого побоища, отчаянного столкновения Европы с Азиею, долженствовавшего решить великий в истории человечества вопрос – которой из этих частей света восторжествовать над другою.

Таково всемирно-историческое значение Куликовской битвы»[625].

В наше время давно отошел в прошлое вопрос о торжестве Европы или Азии. Но интересы истинного суверенитета нашей страны требуют более внимательного отношения к героическим страницам ее многовековой истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Согласно А. А. Шахматову, русские летописи зародились в первой четверти XI столетия, причем именно в Новгороде началась летописная работа, результаты которой легли в основу самых ранних летописных сводов, составлявшихся тогда в Киеве и в Новгороде. Первые летописные записи были произведены, очевидно, в 1017 г. Поводом послужили драматические события 1015–1016 годов. Они были описаны подробно, перед тем сообщено о некоторых фактах предшествовавшего времени: крещении Новгорода прибывшим сюда епископом Иоакимом Корсунянином, построении церквей, посажении Владимиром Святославичем на новгородский стол Вышеслава, а после его смерти Ярослава и о других событиях (включая сведения, почерпнутые из народных преданий). Текст завершался известием о получении новгородцами грамоты Ярослава и копией самой грамоты. Работа выполнялась, очевидно, при владычном дворе. В 1036 г., когда Ярослав Мудрый, посадив на новгородский стол своего сына Владимира и поставив нового епископа, определил размер дани в пользу Киева, летопись продолжили, завершив ее известиями об этих событиях.

Древнейший киевский свод, составленный по А. А. Шахматову в 1039 г., использовал новгородскую летопись епископа Иоакима, продолженную до 1036 года. Восстановлением ее текста А. А. Шахматов не занимался, но, давая гипотетический текст использовавшего Древнейший киевский свод 1039 г. Новгородского свода 1050 г., он включил в него слова «посадиша старейшину Гостомысла» – на основе летописных текстов XV в., – поясняя: «Находим неизбежным возвести это известие к своду XI века и предполагаем, что оно читалось в нем в рассказе о древнейшем моменте истории Новгорода». Этот летописный свод Новгорода включал устные предания о событиях, предшествовавших крещению новгородцев, а также припоминания самих составителей и результаты их расспросов о фактах, бывших после 1036 г. Впоследствии текст свода 1050 г. дополнялся новыми записями, но не ежегодно: более или менее систематично вносились известия за несколько лет или за один год, эпизодически. Владычная летопись Новгорода стала вестись погодно почти без перерывов приблизительно с 1110 г.

По своей политической концепции Новгородский свод 1050 г. явился идейным предшественником развивавших эту концепцию более поздних памятников новгородской историографии: за добровольным призванием Рюрика следует добровольное приглашение княжить в Новгороде Владимира Святославича. При довольно критической обрисовке княжения Ярослава Владимировича акцентируется внимание на текстах, которые Ярославу пришлось дать новгородцам, – поскольку именно благодаря им он добыл себе киевский стол, – знаменитых «Ярославовых грамотах», ставших позднее как бы юридическим обоснованием самостоятельности политического строя Новгорода в его взаимоотношениях с князьями. Согласно относительно недавним исследованиям, в данном случае, по-видимому, речь должна идти о Древнейшей Правде или так называемой Правде Ярослава, составившей затем первую часть Краткой Правды. По А. А. Шахматову, первая летопись Новгорода была составлена на два десятилетия раньше появления использовавшего ее первого летописного свода в Киеве. Древнейший киевский свод явился в сущности официальной летописью Киевской митрополии и в таком качестве был затем привлечен составителями Новгородского свода 1050 г.

Его текст пополнялся летописными известиями вплоть до 1116 или 1117 года, когда, согласно гипотезе Д. С. Лихачева, был составлен княжеский летописный свод Новгорода. Сам же свод 1050 г. создавался по инициативе князя Владимира Ярославича и новгородского епископа Луки, – согласно А. А. Шахматову, – в ознаменование завершения Софийского собора в Новгороде. А в княжеском своде Мстислава Владимировича (или его сына Всеволода Мстиславича) была опять привлечена киевская летопись – третья редакция Повести временных лет, составленная в Киеве при участии Мстислава Владимировича, княжившего до 1117 г. в Новгороде. Она отражала взгляды Владимира Мономаха, была летописью княжеского дома и потому положена в основу княжеского свода Новгорода. Текст Повести временных лет дополнялся известиями новгородской летописи.

С 1132 г. летопись перешла в ведение кафедры новгородских епископов вследствие конфликта Новгорода с князем Всеволодом Мстиславичем. С этого времени более шести с половиной столетий основная летопись Новгорода ведется при дворе новгородских иерархов – епископов, потом архиепископов, затем митрополитов. Но создаются параллельно и летописи новгородских монастырей и даже отдельных храмов, взаимодействовавшие с владычной летописью Новгорода. После политического переворота 1136 г., как полагал Д. С. Лихачев, была произведена идейная

переработка княжеского свода Всеволода Мстиславича – по инициативе епископа Нифонта.

Создается новый свод, в начале которого Повесть временных лет была заменена так называемым Начальным сводом – оппозиционной по отношению к княжеской власти летописью Киево-Печерского монастыря, в которой содержались и новгородские известия за XI век (до 1074 г.). Часть неновгородских известий Начального свода была при этом опущена. Новый свод получил заглавие «Софийский временник», как бы указывающее на новый политический центр, противостоящий княжеской власти. Было сохранено антикняжеское предисловие Начального свода – «Временника Русской земли», – куда добавлены слова «преже Новагородьская волость и по томь Кыевьская...». После 1074 года был использован в сокращении текст свода Всеволода, сочетавший известия третьей редакции Повести временных лет и новгородские материалы. Начиная приблизительно с 20-х годов XII в., т. е. со времени, когда составитель свода мог уже писать по памяти, всё большее внимание уделяется местным городским событиям – пожарам, стихийным бедствиям, внутренним волнениям и т. п. Этот повышенный интерес летописца к фактам, затрагивающим непосредственно нужды широких слоев населения Новгорода, становится традицией новгородского летописания. Другая долго сохранявшаяся его особенность, проявившаяся уже здесь, – черты местного говора в языке, его лаконизм, восходящий к лаконизму устной речи. То и другое – проявления демократизма летописи, обусловленного особенностями политической жизни Новгорода до подчинения его Москве.

Однако мнение о составлении этого свода при Нифонте текстологически не было подтверждено. Обоснованный А. А. Шахматовым вывод о создании важного новгородского свода несколько позднее – при архиепископе Иоанне, в 70-х годах XII века – дополнительно аргументировано А. А. Гиппиусом в 1990-х годах. Переработка свода Всеволода и переориентация новгородского летописания – превращение его в постоянно ведущуюся летопись, отражавшую позиции уже не князя, а избираемых новгородских владык, – ознаменовалась созданием свода, который А. А. Шахматов датировал 1167 годом. Предшествовавшее ему состояние владычной летописи, сохранявшей еще в своем составе свод Всеволода, отразилось в тексте Синодального списка Новгородской первой летописи. Составитель свода 1167 г. восстановил по тексту новгородского свода 1050 г. опущенное сводом Всеволода упоминание о «правде» и «уставе» князя Ярослава. Но вместо исключенной из этого свода «Правды Ярослава» сводчик 1167 г. включил текст «Краткой Правды», составив ее из существовавших отдель-

но частей, (среди которых была «Правда Ярослава»), причем объединение их, как доказывал Н. Н. Гринев, произошло именно в составе летописи.

Согласно построению А. А. Гиппиуса, священник церкви св. Иакова на Софийской стороне Герман Воята, роль которого в летописании Новгорода была в основном обрисована уже А. А. Шахматовым, являлся тем владычным летописцем, который составлял свод 1167 г. Он же изъятую им из владычной летописи часть свода Всеволода, продолженную по этой летописи с 1075 года, положил в основу летописи Юрьева монастыря. Созданный Воятой текст ее, который затем продолжался по владычной летописи, явился протографом Синодального списка Н1Л. Сам же свод 1167 года лег в основание последовавшего владычного летописания, пополняясь погодными записями до составления Новгородско-Софийского свода 30-х годов XV в. (НСС). Младший извод Н1Л, представленный рядом списков, два старших из которых относятся к середине XV века, так же как и НСС, использовал владычную летопись. Но составитель протографа Н1Л младшего извода привлек Синодальный список старшего извода, сверяясь в своей работе с владычной летописью, что было выяснено еще А. А. Шахматовым. Этот вопрос был не так давно рассмотрен подробно в специальной работе В. Л. Янина, где намечены границы частей текста, восходящих к тому или иному из двух источников.

Если летописные своды второй половины XII века были связаны с утверждением республиканского строя в Новгороде, то обострившаяся с конца XIV столетия борьба против стремления Москвы подчинить Новгород вновь активизирует работу новгородских летописцев при архиепископе Евфимии II. Создаются общерусские своды Новгорода – в противовес общерусским сводам Москвы. Составленный в 30-х годах XV века летописный свод, названный А. А. Шахматовым Новгородско-Софийским, благодаря своей исключительной для того времени полноте лег в основу последующего летописания не только Новгорода. М. Д. Приселков, а за ним и некоторые позднейшие исследователи летописания без достаточных оснований полагали, что этот свод, именовавшийся ими «свод 1448 г.», был не новгородским, а московским. Дата составления – 1448 год – первоначально была предложена А. А. Шахматовым, но впоследствии он признал ее основания ошибочными и утвердился в мнении, что составление этого новгородского свода относилось к 30-м годам XV века. В недавнюю пору была малоудачная попытка возродить по иному поводу датировку свода 1448-м годом, но ее неоправданность видна уже из самого состава известий этого свода, которые оканчивались текстом за 1418-й год.

Помимо официальной летописи архиепископского двора, продолжавшей свод Германа Вояты, составители НСС привлекли московский, общерусский по составу, свод митрополита Фотия, ростовский общерусский свод архиепископа Григория и некоторые другие материалы. Полное использование общерусских известий упомянутых сводов имело следствием то, что сам этот свод Новгорода сыграл затем весьма значительную роль и в летописании Москвы. Созданная там вскоре Софийская первая летопись включила этот новгородский свод лишь несколько его дополнив за XI и XII вв. и переработав идейно известия, в текстах которых присутствовала оппозиционность по отношению к Москве. Путем сличения С1Л с основанной на том же своде Новгородской четвертой летописью восстанавливается состав самого НСС.

Новгородская четвертая летопись сохранилась в двух редакциях, представленных десятью списками; она возникла также при Евфимии II. Согласно результатам исследований А. А. Шахматова, Н4Л явилась результатом дополнительной сверки НСС с текстом Н1Л младшего извода, продолженным в предшествовавшее время с использованием и неновгородских источников, а также привлечения нового ростовского свода архиепископа Ефрема. Старшая редакция Н4Л была доведена до 1437 года, младшая – в своих основных списках – до 1447 года. Некоторые списки затем продолжались и во второй половине XV века. Новгородская Карамзинская летопись, существующая в единственной рукописи конца XV – начала XVI в., представляет собой не единый текст, а две расположенные одна за другой выборки из единого летописного текста, причем содержание одной из них дополняется содержанием другой, охватывающей приблизительно тот же хронологический отрезок времени. По заключению А. А. Шахматова, эта летопись восходит к НСС через посредство текста, сходного с Н4Л, но не имевшего разделения на две выборки. Согласно уточнению, которое предложил Я. С. Лурье, общий протограф НКЛ и Н4Л, восходивший к НСС, привлекал и дополнительные источники, среди которых была Н1Л; они же повлияли и непосредственно на Н4Л.

Новгородская пятая летопись, возникшая во второй половине 40-х годов XV века, сохранилась в пятнадцати рукописях, старшие из которых относятся к XVI в. Как установил А. А. Шахматов, она имела в основе сокращенную обработку младшей редакции Н4Л с использованием Н1Л младшего извода. Составителем Н5Л были выпущены и читавшиеся в Н4Л обширные повести московского происхождения и общерусской направленности. Для истории новгородского летописания 40-х–60-х годов XV века

важна смоленская по происхождению Летопись Авраамки, основательно исследованная А. А. Шахматовым. Он выяснил, что помимо кратких извлечений из НСС в этом памятнике использована Н5Л, доведенная до 1446 г., а также Н4Л, из которой взяты известия 1446–1469 годов. Последние есть и в составе продолжений основного текста этой летописи, находящихся в некоторых ее списках. Но там читается текст, сокращенный по сравнению с изложением, которое дает ЛАвр. Весьма ценный для понимания финального этапа истории Новгородской республики в ее конфликте с Москвой этот текст содержит уникальные подробности. Краткие извлечения из НСС привлекал, как выяснено А. А. Шахматовым, и доведенный до 1461 года новгородский Летописец епископа Павла. По объему он невелик, но важен тем, что некоторые из новгородских известий ЛЕП, присутствующих и в Н4Л, содержат в ЛЕП чтения, первичные по отношению к Н4Л.

Ряд сравнительно недавних работ А. Г. Боброва, Г. М. Прохорова и отчасти Я. С. Лурье, связанных между собой многолетней дискуссией, был посвящен специально новгородским летописям XV столетия. Результат дискуссии – полный отказ разошедшихся и между собой двух основных ее участников от построения А. А. Шахматова, в котором НСС 30-х годов XV в. является центральным звеном новгородского, а отчасти и московского летописания XV столетия. Но в последнее время наметился обоснованный возврат к концепции А. А. Шахматова. В работах М. А. Шибаева были внимательно разобраны противостоявшие ей построения. Согласно оправданному выводу М. А. Шибаева, «аргументы Г. М. Прохорова и А. Г. Боброва не могут служить основанием для того, чтобы отбросить гипотезу о существовании у С1Л и Н4Л-НКЛ общего протографа (Новгородско-Софийского свода)». Генеалогия старшего летописания Новгорода, выясненная А. А. Шахматовым, в основных своих чертах остается непоколебленной. Продолжительная дискуссия способствовала лишь уточнению некоторых частностей.

Памятникам новгородского летописания XV столетия присущ широкий исторический кругозор. При этом значительна роль посвященных важным событиям обособленных исторических повествований, введенных в летописные тексты. Использование таких произведений, политическая направленность которых достаточно определенна, преследовало цель поддержать идею государственной и церковной самостоятельности Новгорода. Этому способствовало и привлечение документальных материалов, среди которых были тексты церковно-юридического характера, помогавшие отстаивать независимость новгородской церковной организации. Составитель НСС по своей внутриполитической позиции в основном яв-

лялся выразителем интересов архиепископского двора и связанных с ним политических кругов. Вследствие этого новгородская летопись в существенной мере утрачивает свой прежний демократизм – и по содержанию, и по стилю, и по языку. Во второй половине XV века широкие по материалу общерусские летописные своды в Новгороде уже не составляются: продолжения Н4Л, отражая растущий накал политической борьбы, сосредоточивают основное внимание на фактах, относящихся к взаимоотношениям с Москвой. Довольно подробно описаны здесь и решающие события присоединения Новгорода к единому русскому государству.

Младшее летописание Новгорода представлено рядом памятников, среди которых главное место принадлежит пяти летописным сводам. Два из них относятся к XVI столетию: это Новгородская летопись Дубровского, известная в двух полных списках (один из которых – копия основного списка) и нескольких фрагментарных, и Новгородская Уваровская летопись, сохранившаяся в трех рукописях, восходящих к несохранившемуся протографу. Первая из этих летописей полностью напечатана недавно, издание второй было начато в XVIII веке, но осталось незавершенным.

А. А. Шахматову была известна только НЛД. Изучение ее, продолженное после кончины А. А. Шахматова, позволило установить последовательность двух редакций НЛД и восхождение первой из них к Московскому летописному своду начала XVI столетия, причем во второй редакции его текст был заменен текстом Н4Л. НЛД передаёт Новгородский свод 1539 г., составлявшийся по инициативе архиепископа Макария, ставшего вскоре московским митрополитом. Этот свод, использовавший, очевидно, материалы московского государственного архива, включил несколько уникальных текстов, среди которых был полный первоначальный извод пространной Повести о Куликовской битве, основанный на рассказе ее участника.

С учреждением митрополии в Новгороде в 1588 году было, очевидно, связано составление следующего его крупного летописного свода, представленного списками НУвЛ. Хотя основывалась она на том же Московском своде, важной ее особенностью явилось использование составителями нескольких недошедших новгородских летописей, из которых извлекались приемущественно сведения, относившиеся к истории Церкви в Новгороде и в пределах Новгородской земли. Привлекались и жития новгородских святых. В известиях, почерпнутых из этих источников, присутствуют уникальные сведения, например, об обретении и перенесении мощей основателей Валаамского монастыря в 80-х годах XII в., опровер-

гающие мнение о позднем возникновении этого оплота православия в Карелии. Текст НУвЛ был продолжен до 1606 года, после чего наступает длительный перерыв в летописной работе, вызванный Смутой и последствиями шведской оккупации.

Новгородские летописи XVII века почти совсем не привлекались в исследованиях А. А. Шахматова, так как ими были охвачены лишь памятники летописания предшествовавших столетий. К XVII веку относится Новгородская третья летопись, дошедшая в 22 списках, которыми представлены ее пространная и краткая редакции. Напечатана была только краткая редакция. Девять списков представляют Новгородскую Забелинскую летопись, которая является крупнейшим летописным сводом Новгорода и остается неизданной за исключением незначительных по объему фрагментов. Новгородская Погодинская летопись известна в 28 списках, подразделяющихся на три редакции, ни одна из которых пока не опубликована. Большинство рукописей относятся к XVIII веку, но составлены были все эти памятники летописания еще в последней трети XVII столетия.

Активизация летописной работы в Новгороде связана была главным образом с деятельностью новгородского митрополита Иоакима, уже в 1674 г. ставшего патриархом в Москве и возглавлявшего русскую церковь до своей кончины в 1690 г. Поручив продолжение этой работы новгородским книжникам, Иоаким, как видно, озаботился тем, чтобы обеспечить ей максимальный размах и придать общерусский характер сводам, снова составлявшимся при кафедре новгородских владык. Первый из них – НЗЛ пространной редакции, основанная на тексте НУвЛ, дополняла его еще только из новгородских источников. Но последующий свод, дошедший в тексте НЗабЛ и составлявшийся в 1680-е годы, когда Иоаким уже в течение ряда лет являлся патриархом, привлек множество самых разнообразных по происхождению материалов, большинство которых, по всей вероятности, оказалось в руках новгородских составителей только благодаря Иоакиму и содержит немало данных, в других летописях отсутствующих. Но работа над огромным сводом не была завершена: дошедшая до нас архетипная рукопись его осталась неотредактированной – очевидно, вследствие смерти инициатора и вдохновителя этого труда. Тем не менее с основной рукописи XVII века были затем сняты сохранившиеся полные и неполные списки.

Уже после смерти Иоакима при кафедре новгородских митрополитов была предпринята попытка приспособить результаты проведенной при нем работы к местным читательским запросам. Появилась НПогЛ, в основе которой значительное сокращение текста НЗабЛ – за счет исключения

главным образом большинства ее сведений, не имевших отношения к Новгороду. Вторая и третья редакции НПогЛ продолжили сокращение и пополнение ее текста в том же направлении с использованием, в частности, кратких летописцев новгородских храмов. Эта летопись велась эпизодически и в XVIII столетии, а некоторые ее списки даже фиксировали события первой половины XIX века.

Для летописей Великого Новгорода характерны широта и разнообразие круга привлекавшихся ими источников. Помимо местных церковных и монастырских летописцев и других материалов, использование которых довольно обычно в русском летописании, составители новгородских сводов, например, обращались систематически к текстам разного рода надписей, черпая из них и данные первостепенной важности. Эпиграфические источники летописей Новгорода, частью ныне утраченные, были довольно разнообразны, представляя собой иной раз пространные повествования, уникальные по составу сообщаемых ими исторических сведений. Характерно и привлечение синодиков новгородских храмов. На основе их материалов не только дополнялись летописные тексты: по синодичным записям вносились и самостоятельные известия. Новгородские синодики в силу специфики своего состава, сближавшей их с летописями, давали богатый материал для такого использования. Исторические сведения извлекались и из житий новгородских святых.

Многочисленные дополнения в текстах известий, почерпнутых из более ранних летописей, содержат тщательные хронологические выкладки, точные топографические указания, имена князей и архиепископов, при которых происходили описываемые события. Особенностью новгородских сводов XVI и XVII вв. являются частые ссылки на использованные составителями источники, причем иногда летописец просто отсылает читателя к соответствующему памятнику, не пересказывая его содержания. В новгородских сводах XVII столетия часто практикуется и критика источников – в развитой форме, какой предшествующее летописание не знало. Эти явления могут расцениваться как «мост» между господствовавшей в течение семи столетий летописной формой исторического повествования и первыми исследовательскими работами историков XVIII века.

Приложение

Повесть о Куликовской битве в новгородском летописании

1

Участие новгородского контингента в сражении на Куликовом поле – бесспорный факт, доказываемый, в частности, средневековым синодиком, который содержит поминание новгородцев, погибших на Дону при великом князе Дмитрии Ивановиче[626]. Но об их участии в событиях 1380 г. не говорит Летописная повесть о Куликовской битве, разные редакции которой представлены в большинстве русских летописей. Рассказывает об этом другой памятник – Повесть (или «Сказание») о Мамаевом побоище. Тексты её отобразились в двух новгородских летописях XVII века – Забелинской и Погодинской (см. выше главу 7). Предшествующие летописи Новгорода включали в свой состав Летописную повесть. Ее молчание об участии новгородцев обусловлено фактами, имевшими место после Куликовской битвы. В моей работе это было подробно объяснено[627]. Несмотря на упомянутую свою особенность, Летописная повесть, несомненно, является важнейшим источником наших сведений, так как представляет собой не просто суммарную фиксацию информации, исходившей от участников Куликовской битвы, но – запись подробного рассказа хорошо осведомленного информатора, осуществленную всего через 5–6 лет и тогда же лишь в небольшой степени литературно обработанную.

Важнейшие редакции Летописной повести сохранены именно новгородским летописанием: они присутствуют в Новгородской 1-й летописи, Новгородской 4-й и Новгородской летописи Дубровского. По ним удается определить контур эволюции Летописной повести на протяжении полутора веков, объяснив исторический фон этой эволюции, и увязать ее с общей историей русского летописания.

Хорошо известно, что первоисточниками подавляющего большинства известий в летописях были личные воспоминания и устные рассказы

участников и очевидцев описываемых событий. Впервые фиксируя тот или иной факт, летописец опирался исключительно на устные сообщения, если не был сам его непосредственным свидетелем. Письменные источники любого летописного свода (предшествовавшие ему своды, локальные летописи, исторические повести и т. п.), дававшие фактический материал, восходили в конечном счете к такого же рода устным повествованиям, какие составитель свода воспринимал на слух, собирая данные для изложения новейших событий. Устные рассказы очевидцев – первооснова исторических преданий, легенд и героических сказаний, которые наряду с самими рассказами очевидцев использовались в качестве непосредственного источника при составлении летописей и тех исторических повестей, которые в летописи включались.

Точность передачи таких произведений по памяти оказывалась порой очень велика. Стабильность повествования в устных вариантах могла быть даже выше, чем сходство разных списков произведения в некоторых из известных нам жанров древнерусской литературы. Литературная обработка, которой обычно подвергался устный источник, попадая в рукопись, нередко производилась весьма интенсивно. Она выражалась преимущественно в распространении описаний с помощью привычных литературных клише. Это порой существенно отдаляло содержание текста от его фактической основы. Чем менее рассказ летописи, основанный на устном источнике, «литературен», тем более он, как правило, достоверен.

Произведения о битве на Куликовом поле представлены двумя основными версиями, каждая из которых имеет ряд редакций и видов. Две версии, по-видимому, возникли в рукописях независимо одна от другой, так как восходили к устным рассказам разных участников одних и тех же событий. Поэтому и можно считать их – согласно установившейся традиции – двумя различными повестями. Это Повесть о Куликовской битве и Повесть (или «Сказание») о Мамаевом побоище[628]. Вторая интенсивно пополнялась на протяжении своей литературной истории плодами эволюции устных сказаний об исходных фактах.

Оба источника представляют ценнейший материал для исторической науки, так как именно на их данных базируется изучение одного из важнейших событий русской и мировой истории. Но приходится с сожалением констатировать, что утвердившаяся не очень давно – еще в советском литературоведении – тенденция усиленно искать в повествованиях нарративных источников развитие беллетристики не пощадила ценнейшие памятники. Приходится заострять на этом внимание, так как названная тенденция в работах ее адептов продолжает о себе напоминать с агрессив-

ной настойчивостью. Заявленная ими точка зрения декларировала, что «автор летописной повести о Куликовской битве», находившийся «под несомненным влиянием агиографических сюжетных схем», «подверг первоначальный фабульный материал рассказа "О великом побоище" (из свода 1408 г.) некоторой обработке, создал сюжет повествования, но сюжет этот был достаточно традиционным»[629]. Поясним – под рассказом из свода 1408 г. имеется в виду чрезвычайно краткое описание Куликовской битвы в сгоревшей Троицкой летописи, Симеоновской летописи и Рогожском летописце. Это описание не сообщает подавляющего большинства тех конкретных фактов освободительной войны 1380 г., на которых основываются посвященные ей исторические исследования.

Приведенная только что характеристика подробной летописной Повести о Куликовской битве исходила из заявленного перед тем представления, будто повесть эта не является прямым отражением реальной исторической ситуации 80-х годов XIV в., а появилась почти на 70 лет позднее Куликовской битвы, – как отклик на шедшую в 40-х годах XV в. борьбу за великокняжеский престол. Соответственно этому трактовалось содержание повести. Его объясняли тем, что «в обстановке 40-х годов автор "Летописной повести" уже не мог ограничиться как составитель рассказа Троицкой летописи изложением исторических фактов», а «приспособил их изложение к обстановке и потребностям своего времени». Этим объясняется не только угол зрения, но и сообщаемые в подробной повести фактические детали – например, указание на то, что Дмитрий Донской храбро сражается с врагами, «став напреди всех»[630], – под Дмитрием Донским Повесть иносказательно подразумевает либо Василия Темного, либо Дмитрия Шемяку (исследовательница колебалась в вопросе о том, какая из враждовавших группировок создала в 40-х годах XV в. эту повесть)[631].

Не стоило бы спустя ровно полвека уделять внимание столь экстравагантному взгляду на один из важнейших источников по отечественной истории, если бы изложение этого взгляда не претендовало на текстологическую обоснованность, а соответствующая статья не аттестовалась настойчиво уже тогда – в работах, претендовавших на обобщения, – как бесспорный прорыв вперед в изучении русских летописей[632]. С завидным упорством и безапелляционностью эти аттестации продолжают варьироваться в статьях и многотиражных книгах на протяжении десятков лет[633].

Что касается второго памятника – Повести о Мамаевом побоище, то он уже давно трактуется литературоведами (после работы С. К. Шамбинаго)[634] как своего рода исторический роман, в котором какие-то предания о реальных фактах, вероятно, использованы, но обработаны в интересах

занимательности настолько, что практически почти не осталось места для исторической достоверности[635].

Противоположного взгляда придерживался, как известно, на оба эти памятника крупнейший исследователь летописей А. А. Шахматов. Он писал, что подробная Повесть о Куликовской битве была составлена в ближайшие годы после 1380 г.[636] и что большинство уникальных фактических данных Повести о Мамаевом побоище «самый скептический ум не решится признать выдуманными»[637]. Здравая точка зрения А. А. Шахматова была оставлена учеными, которые именно себя объявляли его последователями. Сделано это было без необходимого разбора аргументации А. А. Шахматова и даже удивительным образом сопровождалось обращенными в чужой адрес укорами по поводу того, что «при характеристике летописных повестей о борьбе с татарами в конце XIV в.» наблюдения А. А. Шахматова учитываются «совершенно недостаточно»[638].

А. А. Шахматов сделал больше, чем кто-нибудь другой, в разработке чрезвычайно сложной проблемы текстологических соотношений летописных и нелетописных текстов Куликовского цикла, сохранившихся, как известно, в сотнях рукописей. Но он почти не касался вопроса о соотношении письменных источников этого цикла и их устных оригиналов. Мною было предпринято рассмотрение исходного материала рукописей с учетом фольклористического аспекта[639]. Полученные результаты дополнительно подтвердили правоту А. А. Шахматова. Вполне обнаружилась и несостоятельность возражений, которые, по-видимому, диктовались не столько поиском научной истины, сколько заботой престижа. Попутный, но обстоятельный разговор о них содержится в более специальной моей статье[640]. Здесь я попытаюсь проследить историю возникновения и дальнейшую судьбу летописных повествований «О побоищи иже на Дону», как она рисуется при учете их устного происхождения (имея также в виду недавние работы предшественников и обращаясь к ним в необходимых случаях).

2

Сохранившийся в передавшей Свод 1539 г. Новгородской летописи Дубровского полный текст подробной редакции Летописной повести оказывается особенно важен для прояснения ключевых вопросов, относящихся к ее происхождению и эволюции[641]. Текст Повести в НЛД отличается от ее текста в летописях XV в., восходящих к Новгородско-Софийскому своду 1430-х годов (и в ряде позднейших летописей), главным образом наличи-

ем трех существенных эпизодов. Только в НЛД описано подробно «уряжение» полков и назначение воевод перед боем; два фрагмента ее текста рассказывают о вступлении в битву находившегося в засаде «потаенного» полка, который возглавлял князь Владимир Андреевич Серпуховский; подробно сообщено, как после победы по его распоряжению отыскали лежавшего без сознания великого князя Дмитрия Ивановича, и они вместе совершили объезд поля боя. Есть и гораздо менее существенные отличия.

Эпизод уряжения полков привлек недавно пристальное внимание А. А. Горского. Он склоняется к заключению, что этот текст «опирался на ранний источник», который «скорее» был устным; «вероятнее всего, – полагает А. А. Горский, – фрагмент об "уряжении полков" был составной частью предания о первых Квашниных»[642]. Опираясь на выявленную А. Н. Насоновым связь НЛД с интересами бояр Квашниных, А. А. Горский заключил, что «либо этот рассказ восходит к некоему письменному или устному источнику, связанному с родом Квашниных, либо он искусственно сконструирован при создании Свода 1539 г. на основе данных имевшихся у его составителей источников об эпохе Дмитрия Донского, с целью возвеличения заслуг Ивана Родионовича»[643]. Второе предположение автор справедливо считает менее вероятным, ибо «возвеличить Ивана Родионовича Квашню можно было не прибегая к столь изощренной вставке»[644].

Вопрос, однако, в том, когда был письменно зафиксирован ранний устный источник. Отсутствие в тексте имен Ярославского и Новосильского князей (сохранились только их отчества) А. А. Горский склонен объяснять тем, что «во время создания Свода 1539 г.» имена эти «либо не читались в имевшемся у его составителя источнике об уряжении полков (если он был письменным), либо были забыты (если источником было устное предание)»[645].

За полтора столетия устной передачи кое-что могло бы, конечно, забыться. Но историческая достоверность сохранившихся имен и отчеств, подтверждаемая исследованием А. А. Горского, побуждает отвести предположение о забвении двух имен при сохранности их отчеств (забылись бы скорее отчества – как информация менее существенная). Гораздо вернее объяснить этот дефект текста ветхостью использованной составителем Свода 1539 года рукописи, где к тому времени имена эти уже «не читались». А рукопись, естественно, могла быть ветхой, если содержавшаяся в ней обработка устного текста относилась еще к XIV веку. Следы ее ветхости можно усмотреть и в других местах. Вредящее пониманию смысла отсутствие в списке *Дубр* нескольких слов, сохранившихся в Новгородской

4-й летописи, С. К. Шамбинаго считал его случайным пропуском[646]. Однако эти слова осутствуют и в списке *Арх*, сдовательно, они не читались уже в рукописи, являвшейся их общим протографом. Несколькими строками выше в списке *Дубр*, как и в списке *Арх*, нет второй половины фразы, сохранившейся полностью в Новгородской 4-й летописи, причем в следующей фразе, которая есть и в этих списках, вместо слова «беседу» или «беду» читается «победу», меньше подходящее по смыслу[647]. То и другое можно объяснить ветхостью рукописи их общего протографа: край листа мог быть поврежден и частично утрачен.

Требует уточнения связь Повести о Куликовской битве с интересами бояр Квашниных. А. Н. Насонов выяснил, что некоторые из Квашниных «могли близко стоять к составителям свода 1539 года», могли даже «быть в числе составителей»; это подтверждают и сами тексты более ранних известий Свода, включивших ряд дополнений, «сделанных с определенной целью: возвеличения боярского рода Квашниных»[648]. Но можно ли отнести к таким дополнениям те части находящейся в Своде 1539 года Повести, которых нет в летописях, восходящих к НСС? Фрагменты, повествующие о действиях «потаенного» полка, возвеличивают князя Владимира Андреевича Серпуховского и Дмитрия Михайловича Волынца и не имеют отношения к Квашниным, причем из текста видно, что именно удар этого полка решил исход сражения. Такие фрагменты не было никакого смысла вставлять в Повесть тому, кто заботился о ее пополнении с целью возвеличения Квашниных. Описание уряжения полков первые по порядку места отводит князьям братьям Ольгердовичам – «по божественеи вере самобратным», а в конце называет «благороднаго и храбраго» князя Владимира Андреевича и «мужа мудра и храбра» Дмитрия Михаиловича Волынца. Без тенденции к возвеличению упомянут здесь пятым по порядку Квашнин: «А у себя же имеяше князь велики в полку некоего боярина своего и воеводу Ивана Родивоновича Квашню да боярина же своего и воеводу Михаила Брянка...». В рассказе о финале битвы центральная фигура – «благородныи и храбрыи князь Владимер Ондреевич». Тут, правда, сказано, что нашли великого князя «некто от благородных храбрых воин, костромичи родом, а быша в полку у воеводы Ивана Родивоновича: Федор Сабур да Григореи Холопищев». Можно предположить, что слова о принадлежности двух костромичей к полку Ивана Родионовича добавлены составителем Свода 1539 года (знавшем из Повести о Мамаевом побоище, что этот воевода возглавил Костромской полк перед переправой через Оку). Но роль такой ремарки в тексте незначительна, и она не возвеличивает самого Ивана Родионовича. А пребывание его на поле боя в полку ве-

ликого князя закономерно: «Иван Родионович действительно являлся одним из виднейших бояр Дмитрия Донского» – справедливо подчеркивает А. А. Горский, напоминая, что «в обеих духовных грамотах последнего он назван в числе свидетелей, причем одним из первых»[649]. Таким образом, выясняется, что нет причин подозревать тенденциозность в упоминании Повестью Ивана Родионовича среди предводителей русского войска на Куликовом поле[650].

Оправданно предположив раннее устное происхождение важных сведений, которые содержит только Повесть о Куликовской битве в НЛД, А. А. Горский, думается, напрасно попытался возвести их к преданию рода Квашниных. Причастность Квашниных к составлению НЛД вряд ли повлияла существенно на текст этой Повести, но само включение полного вида ее подробной редакции в летописный свод, конечно, отвечало их интересам.

3

Прежде чем говорить об устных источниках Повести о Куликовской битве, необходимо уточнить время и обстоятельства появления ее письменного текста. А. А. Шахматов был убежден, что Повесть, несомненно, существовала в конце XIV в., так как заимствования из нее есть в Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго, которое, по заключению А. А. Шахматова, было составлено в конце этого столетия. Появление Повести он считал возможным отнести к ближайшему времени после 1380 г., а именно – к 1381 или началу 1382 г., так как в ней нет намеков на взятие и сожжение Москвы Тохтамышем[651]. Не станем рассматривать здесь заново Слово о житии, которому позже было посвящено несколько специальных работ, причем авторы их в датировках между собой расходятся. Обратимся к другим данным.

Как справедливо отметил еще А. В. Марков, Повесть о Куликовской битве не могла появиться позже 1402 г., в котором умер рязанский великий князь Олег Иванович, поскольку о нем в Повести говорится с крайней степенью раздражения как о живущем, причем автор риторически обращается прямо к этому князю – «О, враже изменниче Олге!» (лл. 248об.–249) и грозит будущей расплатой: «придетъ ему день, великии день Господень в суд аду и ехидну!» (л. 248)[652]. Каскады бранных эпитетов, с исключительной страстностью обрушиваемые составителем Повести на Олега Рязанского,

помогают датировать ее и более точно. Такое произведение не могло появиться позже 1386 г., в котором Олег окончательно и «навечно» помирился с Дмитрием Донским, после чего действительно до конца жизни не имел серьезных недоразумений с Москвой и не вел двусмысленной политики в отношениях между Русью и Ордой. Повесть же, несомненно, составлена в обстановке самой крайней неприязни к Олегу. Обострения отношений с ним Дмитрия Донского и его сторонников имели место трижды: в 1380 г. – в связи с войной против Мамая, в 1382 г. – в связи с нашествием Тохтамыша и особенно – в 1385–1386 гг. Тогда Олег, нарушив договор с Москвой, захватил и разграбил Коломну, насильно увел оттуда московского наместника и бояр, а карательный поход против Олега московских войск под начальством героя Куликовской битвы князя Владимира Андреевича Серпуховского окончился поражением. Олег долго оставался глух к мирным предложениям со стороны Москвы. Скорее всего, именно это последнее обстоятельство имеет в виду автор Повести, когда характеризует Олега как «помраченному тмою греховною и не восхотевшю разумети» (л. 248 об.). Из контекста повести, говорящего о событиях 1380 г., не видно, что именно не восхотел разуметь Олег, – слова эти с ее содержанием прямой связи не имеют. Нарочитое подчеркивание Повестью военной доблести и боевых заслуг Владимира Серпуховского в 1380 г. было особенно естественно для сторонников Москвы в 1386 г., дабы сгладить впечатление от его неудачи в войне с Олегом.

Появление Повести вскоре после нашествия Тохтамыша маловероятно. Во-первых, горечь от самого события должна была отойти в прошлое, чтобы могло появиться сочинение, подобное Повести о Куликовской битве. Во-вторых, Олег Рязанский, показавший, как говорят летописи, путь войску Тохтамыша, получил тогда немедленное и двойное возмездие: земли его были разорены возвращавшимися татарами, а затем – московскими войсками, от которых «пущши ему бысть и тотарьскиа рати»[653]. Не было поэтому никаких причин возлагать надежды на грядущее возмездие Олегу. Довольно плачевным было, если верить летописям, и фактическое положение этого князя в 1381 г. – после Куликовской битвы. Сами же обвинения его в пособничестве тогда татарам (содержащиеся как раз в разбираемой нами Повести) уже давно представляются исследователям истории Рязанской земли сильно преувеличенными[654]. Думаем, что нет оснований совершенно отрицать двусмысленную позицию Олега в 1380 г., но, судя даже по самой Повести о Куликовской битве, реального участия его в войне против Москвы на стороне Мамая не было, и крайнее негодование в адрес Олега автора этой Повести представляется в ней недостаточно

обоснованным. Препятствует датировке ее составления 1381-м или 1382-м годом и тот факт, что литовский великий князь Ягайло называется в ней «поганым» (эпитет, прилагавшийся только к иноверцам). Так называть его могли лишь после того, как Ягайло перешел из православия в католичество, – в связи с Кревской унией 1386 г. Таким образом, составление Повести вероятнее всего отнести к 1386 г. В пользу этого говорит и то обстоятельство, что само изложение событий в Повести несет признаки некоторой хронологической от них отдаленности: устный рассказ, составивший основу Повести, уже прошел, как увидим, стадию первичной фольклоризации, а для перечисления павших в 1380 году использованы «книги животные» (т. е. синодики).

Есть и иные данные, помогающие уточнить обстоятельства появления Повести. Исследователи уже не раз обращали внимание на следующие ее фразы, сохраненные полностью в Новгородской 4-й летописи и некоторых других: узнав о поражении Мамая, «Литва съ Ягаилом побегошя назад съ многою скоростию, никим же гоними. Не видеша тогда князя великаго, ни ратии его, ни оружиа его, токмо имени его литва бояхутся и трепетаху, а не яко при нынешних временех, литва над нами издеваются и поругаются. Но мы сию беседу оставльше и на предлежащее възвратимся»[655]. С. К. Шамбинаго полагал, что это намек на какой-нибудь из набегов Витовта на русские княжества (в 1395 г. или позже)[656]. А. В. Марков думал, что речь идет о событиях в Смоленске в 1400–1401 гг.[657] Однако в это время уже не могла появиться отмеченная самим А. В. Марковым «в высшей степени резкая характеристика Олега»[658]. К тому же в смоленских событиях 1400–1401 гг. Олег Рязанский участвовал на стороне русского князя Юрия и успешно воевал против Литвы[659]. Этим отводится и предположение А. В. Маркова относительно Смоленска как места появления Повести.

Однако есть вполне достаточные основания думать, что Повесть о Куликовской битве (по крайней мере в своем первоначальном, не дошедшем до нас виде) появилась не в Москве или Московском великом княжестве, а именно в Западной Руси. Приведенный выше пассаж об издевательствах со стороны литвы следует сопоставить с предыдущим текстом. Весь этот отрывок Повести начинается так: «А отселе, от страны Литовския, Ягаило князь литовский приде со всею силою литовскою и ляцкою Мамаю пособляти» (л. 258)[660].

Это «отселе» указывает, что Повесть составлена на русской территории, входившей в состав Литовского великого княжества. Если учесть особое внимание, уделяемое в Повести полоцкому князю Андрею Ольгердовичу как герою Куликовской битвы, то естественно признать местом

ее составления Полоцк, – тем более что незадолго до 1380 г. Андрей был изгнан оттуда Ягайлом, а вскоре после Куликовской битвы вновь утвердился в Полоцке и вел упорную борьбу против Ягайла, поддерживая тесные отношения с Дмитрием Донским[661]. Последнее в достаточной мере доказывается тем обстоятельством, что на московской службе находился сын Андрея Полоцкого Михаил (русская летопись называет его в этой связи «крепким воеводою великого князя»), который погиб как раз во время неудачного похода Владимира Серпуховского против Олега Рязанского в 1385 г.[662]

Если связывать появление Повести с Полоцком, то особенно легко понять ее страстно-негодующий тон в отношении Олега. Так же легко объясняются и резкие характеристики Ягайла, и фраза о надругательствах со стороны литвы. Как раз в 1385 и начале 1386 г. особенно обострилась борьба Андрея Полоцкого против Ягайла; тогда последний послал против Андрея литовское и польское войско, которое постепенно заняло отвоеванные Андреем русские земли и осадило его самого в Полоцке. Когда город после отчаянной защиты был взят, Андрей попал в плен, из которого освободился в 1389 или 1390 г. Безуспешно пытавшись вернуть Полоцк, он княжил некоторое время в Пскове и погиб в 1399 г. на р. Ворскле, помогая Витовту против татар[663].

В 1386 г. для полочанина вполне естественно было горько сетовать на Литву и вспоминать Дмитрия Донского в связи с событиями 1380 г. Разумеется, составление здесь Повести требовало определенной атмосферы книжной образованности. Вряд ли есть основания сомневаться, что это условие наличествовало во второй половине XIV в.: спустя еще двести лет польско-литовского владычества, в 1579 г., Р. Гейденштейн, описывая взятие Полоцка Стефаном Баторием, отмечал, что «в глазах образованных людей почти не меньшую ценность, чем вся остальная добыча, имела найденная там библиотека. Кроме летописей в ней было много сочинений греческих отцов церкви ... все на славянском языке»[664]. Если Повесть появилась в среде, окружавшей Андрея Полоцкого, то автор, конечно, мог располагать подробными устными рассказами о войне 1380 г. самих ее участников. Все изложенные в Повести конкретные факты были, разумеется, известны самому князю и его ближайшим сподвижникам.

Составление Повести могло быть связано с вероятными тогда надеждами на получение помощи от Москвы. Может быть, не случайно автор ее не только называет Ягайло «поганым», но и подчеркивает, перечисляя воевод Дмитрия Донского, что «быша у него тогда в передовомъ полку по божественеи вере самообратныя князь Ондреи и Дмитреи Олгердовичи»

(л. 253). Переход Ягайла в католичество, принятие им титула польского короля и уния Литвы с Польшей естественно побуждали его православных противников в Литве искать покровительства православной Москвы. Примечательно, что в НЛД Повесть говорит о победе на Куликовом поле «нашего государя христианскаго благовернаго царя великого князя Дмитрия Ивановича всеа Руси» (лл. 255об.–256).

Не берусь утверждать, что это выражение, созвучное титулованию XVI в., полностью читалось в тексте Повести XIV в. Может быть, кое-что добавил составитель НЛД. Но, вероятно, царем Дмитрий Иванович был назван уже в самом ее источнике. В пользу этого говорит упоминавшееся Слово о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго, читающееся под таким заглавием уже в Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописях. Даже если принимать самую позднюю из предлагавшихся обоснованно датировок этого Слова, то все же очевидно, что у составителя НСС 30-х годов XV в. не больше было причин назвать Дмитрия Донского царем, чем у полочанина 80-х годов XIV в., надеявшегося на помощь Москвы против польского короля Ягайла. Отметим, что в рукописи, содержащей Троицкий список Новгородской 1-й летописи, перечень великих князей к имени Дмитрия Донского дает пояснение: «Тои бо Дмитрии съсвещася самодръжцемъ»[665]. Перечень составлен не позже 1434 г., так как оканчивается Юрием Дмитриевичем. Соотнося эти данные, еще А. А. Шахматов справедливо писал: «...есть основания думать, что Дмитрий Иванович именовал себя царем русским»[666].

Для автора Повести о Куликовской битве, если он составлял ее в Полоцке в 1386 г., особенно естественно было назвать хотя бы один раз Дмитрия Донского царем, поскольку своего князя и его брата он один раз называет «велици князи Олгердовичи» (л. 250). Как известно, Андрей Полоцкий, являвшийся старшим братом Ягайла, соперничал с ним за титул великого князя литовского. Поэтому в условиях, когда Ягайло становился польским королем, оба титулования Повести могли отражать и расчеты на совместную политическую программу[667].

В пользу данного предположения свидетельствуют и некоторые другие чтения Повести. Говоря о сборе войск в 1380 г., она сообщает, что прибыл «князь Андреи Полоцкии с полочаны» (л. 250). Это воспринимается на первый взгляд как порча текста: в 1380 г. Андрей Ольгердович княжил в Пскове, соответственно чему в Софийской 1-й, Новгородской 4-й и других летописях вместо «полочаны» читается «пьсковичи». Однако на самом деле именно это, скорее всего, позднейшая поправка, основанная на сведе-

ниях о месте тогдашнего княжения Андрея: следы первоначального чтения сохранила не только НЛД, но и Русский Хронограф[668], и так называемые «сокращенные летописные своды конца XV в.»[669]. Очевидно, что изгнанный из Полоцка Ягайлом в 1378 г. Андрей Ольгердович прибыл в Псков не один, а со своей полоцкой дружиной, которая была с ним и во время войны 1380 г. Указать на это было бы важно именно для автора, писавшего в Полоцке в 1386 г. Под впечатлением полоцких событий этого года могло появиться и дважды читающееся в НЛД ошибочное указание, что Ягайло отправился на помощь Мамаю «со всею силою литовскою и ляцкою» (лл. 248 и 258)[670]: именно против Андрея Полоцкого была тогда послана Ягайлом «сила литовская и ляцкая».

Не исключено, что последний этап оформления Повести о Куликовской битве связан уже с Москвой или каким-нибудь из близлежащих центров книгописной работы: здесь изложение могло быть уснащено вставками из литературных источников, хотя по крайней мере часть их была, скорее всего, использована по памяти при самом составлении Повести. Может быть, здесь вставлен перечень убитых князей и «нарочитых» воевод – по синодикам. Но состав этого перечня позволяет думать, что включение его произошло еще в Полоцке на основе попавшей после 1380 г. в тамошний синодик не очень тщательной выписки из синодиков московских: в перечень попали лица, убитые на самом деле не в 1380 г., а ранее, есть и имена, полного соответствия которым в реально сохранившемся синодике XIV–XV вв. не находится (подробнее об этом далее).

4

Повесть о Куликовской битве базировалась на фиксации устного повествования о событиях 1380 г., хронологически удаленного от них пятью или шестью годами. Это – достаточная гарантия достоверности фактической основы Повести. Но оформление ее, а весьма вероятно, и предшествовавшей ей записи происходили в условиях большого накала политических страстей, что обусловило крайнюю тенденциозность в интерпретации некоторых фактов. Это мешало включению всей Повести в летописные своды, которые составлялись в иного рода политических ситуациях. В полном, как можно думать, виде Повесть вошла во вторую редакцию НЛД – приблизительно через 150 лет. Более или менее сокращенные тексты, попавшие в дошедшие до нас летописи предшествовавшего времени, эволюционировали затем вместе с окружающим летописным текстом.

Краткая редакция Повести в Симеоновской летописи и Рогожском летописце А. А. Шахматову одно время казалась первоначальной[671]. Но в своем отзыве на труд С. К. Шамбинаго он решительно согласился с противоположным выводом, к которому пришел С. К. Шамбинаго: как писал А. А. Шахматов, «автор справедливо указал, что повесть по Симеоновской летописи, которую я одно время был склонен признать древнею записью о Куликовской битве, не больше как извлечение из обычной повести»[672]. – «Повторяю еще раз, – писал далее А. А. Шахматов, – что я признателен С. К. Шамбинаго за его возражения против высказанного мною в 1901 г. предположения о том, что в Симеоновской сохранился зародыш повести, первоначальный краткий ее вид. С. К. Шамбинаго ясно доказал, что повесть по Симеоновской летописи извлечена из обширного вида повести»[673]. В связи с тем, что в недавних текстологических комментариях к памятникам Куликовского цикла обозначился возврат к точке зрения, отвергнутой А. А. Шахматовым столь категорически (и аргументированно), сопоставим еще раз Повесть по НЛД с текстом Симеоновской летописи – при полном учете и Рогожского летописца, привлеченного обоснованно в ПКЦ (как передавшего, вероятно, в целом несколько точнее, чем Симеоновская, текст сгоревшей Троицкой летописи, где читался недошедший Свод 1408 г.).

Описание войны с Мамаем 1380 г. в текстах названных летописей приблизительно в 10 раз короче, чем текст Повести в НЛД. Свыше двух третей рассказа о Куликовской битве в Симеоновской летописи (более 300 слов из 450) – вся фактичная часть текста – это монтаж цитат из полного текста, дошедшего в НЛД. Остальная часть текста Симеоновской – это наполовину стилистические обороты, почти не несущие реальной информации и тождественные оборотам находящегося в Симеоновской летописи чуть ранее описания войны с татарами 1378 г. (битва на р. Воже). Остающееся относительно небольшое количество слов – это главным образом союзы, частицы, местоимения и т. п.

Если допустить, что подробная редакция Повести есть распространение текста, дошедшего в Симеоновской летописи, то следовало бы ожидать, что последний будет достаточно полно и, во всяком случае, равномерно читаться в составе подробной редакции. Однако этого нет. В ней отсутствуют как раз те обороты, какие на наибольшем протяжении текста совпадают в Симеоновской с предшествующим в ней же описанием битвы на р. Воже: «Се же слышавъ, князь великии Дмитреи Ивановичь, събравъ воя многы», «и поможе Богъ князю великому Дмитрию Ивановичю», погании «побегоша, а наши после» – все это в Симеоновской летописи под 1380 г. – точное

повторение соответствующих оборотов там же под 1378 г., но без текстуального соответствия в подробной редакции.

В ней встречаются только такие аналоги совпадающего в описаниях 1380 и 1378 годов Симеоновской летописи, которые представляют собой общераспространенные обороты и краткие стилистические клише, обычные для древнерусской письменности вообще: «поиде противу ихъ», «бьюще и секуще», «в реце истопоша», «гоними гневом Божиимъ», «възвратися оттуду», «с победою великою», «многа кориcть» и еще несколько случаев, когда совпадают только отдельные слова. Этот материал в сущности нейтрален и позволяет к тому же думать, что составитель Свода 1408 г. мог воспользоваться такими клише, между прочим, и из бывшей в его распоряжении подробной редакции Повести – применив их в своем труде при описании не только Куликовской битвы, но и битвы на р. Воже[674].

В изложении хода войны 1380 г. текст Симеоновской летописи, вследствие своей краткости, гораздо беднее фактами, чем текст НЛД. Но между этими текстами нет расхождений по существу – за исключением одного случая, который достаточно показателен. Приводим параллельные тексты, дав здесь же отрывок предшествовавшего описания в Симеоновской летописи войны 1378 г. Полужирным шрифтом выделено то, что совпадает в обоих текстах Симеоновской, курсивом – то, что в НЛД совпадает с Симеоновской летописью .

Текст Симеоновской летописи заметно отличается от НЛД важным уточнением: «другую весть» о том, что Мамай ждет за Доном Ягайла, Дмитрий Иванович получил, «переехавъ Оку». В НЛД нет этих слов, а сама переправа через Оку там описывается подробно, но гораздо позже (чему нет параллели в Симеоновской). Можно было бы с одинаковым правом предполагать ошибку или в Симеоновской летописи, или в НЛД, – если бы не параллель в той же Симеоновской под 1378 г. Ясно, что слова «и переехавъ Оку» были взяты составителем Свода 1408 г. из текста 1378 г. механически, так как оттуда же он только что выписал всю первую половину содержащей эти слова фразы. Монтируя обороты из своего описания битвы на р. Воже с краткими выборками из подробной Повести о Куликовской битве, составитель Свода 1408 г. не заметил, что произошло смещение фактов (так как весь последующий текст Повести, описывавший движение войск к месту боя, был им выпущен).

Симеоновская летопись		НЛД 1380 г.
1378 г.	1380 г.	
Се же слышавъ, князь великии Дмитреи Ивановичь, събравъ воя многы и ***поиде противу ихъ*** въ силе тяжце, **и переехавъ** за **Оку**, вниде въ землю Рязаньскую[675].	**Се же слышавъ, князь великии Дмитреи Ивановичь, събравъ воя многы,** ***поиде противу ихъ***, *хотя боронити своея отчины, и за святыя церкви, и за правоверную веру христианскую*, и за всю Русскую землю. **И переееха̀въ Оку**, прииде ему пакы *другая весть, поведаша ему Мамая за Доно̀мъ събравшася, в поле стояща и ждуща к собе Ягаила на помочь*, рати литовскыя[676].	Поидемъ противу окоянаго сего и безбожьнаго, и нечестиваго и темного сыроядца Мамая, *за православную веру христианскую и за святыя церкви*, и за вся младенца и старца, и за вся христианы сущая ... И *поиде противу их* вборзе с Москвы, *хотя бороните своея отчины... Приде* великому князю Дмитрею Ивановичю *другая весть*,и *поведаша ему Мамая за Доно̀мъ* и *собрашася в поле стояша, и ждуща к собе на помощь* князя литовскаго *Ягаила* с литвою, да егда соберутся вкупе и хотят победу сотворити со единого[677].

Если бы мы допустили, что подробная Повесть возникла путем распространения текста, дошедшего в Симеоновской летописи, то нельзя было бы объяснить, зачем слова «и переехавъ Оку» были опущены в этом ее известии, а само оно помещено много ранее описания переправы через Оку. Никаких оснований для такого изменения в текстах нет.

Среди использованных при оформлении Повести о Куликовской битве дополнительных источников существенное место принадлежало Житию Александра Невского. Подробно писавший об этом С. К. Шамбинаго, правда, слишком увлекся в литературном сближении двух памятников[678]. Очевидно, что Повесть о войне 1380 г. и близкие ей по теме описания военных действий, попавшие в Житие, были основаны на фактах, во многом аналогичных. Кроме того, существовала, конечно, определенная традиция устных повествований о такого рода событиях. То и другое, отразившись в Житии и в Повести, само по себе обусловливало некоторое их сходство. А это уже, в свою очередь, побуждало составителя Повести к текстуальным реминисценциям из известной ему редакции Жития.

Существенно, что сходство с ним есть как в тех частях подробной По-

вести, которые не отражены в тексте Симеоновской летописи, так и в тех, которые совпадают в Симеоновской полностью или частично с подробной Повестью[679]. Следы влияния Жития в тексте Симеоновской летописи как раз своей малочисленностью и своей фрагментарностью подтверждают восхождение этого текста к подробной редакции Повести. Трудно допустить, чтобы Житие привлек сначала в очень малой степени составитель Свода 1408 г., а позднее составитель подробной Повести использовал ту же разновидность этого Жития для дальнейшего распространения по нему тех же оборотов, какие почерпнул оттуда составитель Свода 1408 г.

5

Обратимся к перечню погибших в 1380 г.[680] Текст его в Симеоновской летописи гораздо короче, чем в НЛД[681]. Сокращая в 10 раз саму Повесть, составитель Свода 1408 года, естественно, сократил ее и в этой части. Он убрал указание на источник, пояснения писца и данные о соотношении числа убитых русских и татар[682]. Он исключил читавшиеся в перечне ошибочно имена Дмитрия Монастырева, погибшего на самом деле в 1379 г., и Дмитрия Минича, убитого еще в 1368 г.[683], – может быть, на основе соответствующих известий собственного летописного текста. Но возможно, что перечень убитых, читавшийся в подробной Повести, просто был сверен сводчиком 1408 г. с бывшим у него под руками синодиком. В пользу этого говорит тот факт, что сокращено еще несколько имен, а остались только те, которые есть в дошедшем до нас синодике того времени, где отсутствует, однако, имя Пересвета, оставленное, вероятно, вследствие широкой известности его подвига. Среди выпущенных в краткой редакции имен – «князь Федор Торускии и брат его князь Мстислав». Достоверность их подтверждается весьма относительно цитированным С. К. Шамбинаго поздним синодиком XVII века[684]: при составлении его могла уже быть использована летопись. Гораздо более веским подтверждением явилась архивная находка А. Н. Кирпичникова, недавно подкрепленная результатами разысканий А. В. Шекова: в документах 1686–1688 гг. находятся относящиеся к Тарусским князьям роспись и выписки из родословной князей Волконских, которые «удостоверяют подлинное существование погибших в 1380 г. князей Федора и Мстислава – сыновей князя Ивана Юрьевича, основателей особых княжеских родов»[685].

Достаточно очевидно, что в Симеоновской летописи – сокращение подробного перечня, сохранившегося в НЛД, а не в НЛД – распространение

краткого перечня, читающегося в Симеоновской. Невозможно допустить, чтобы составитель НСС (этот же перечень – в Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописях) стал вписывать в Повесть о Куликовской битве 1380 года имена лиц, о гибели которых в летописных источниках этого свода говорилось под 1368 и 1378 годами. В Своде 1408 г. опускались не только имена, но и пояснения к именам оставленным. В подробной Повести говорится: «Микула Васильевич *сынъ тысецкого*», «Тимофеи Васильевич *Окатьевич нарицаемыи* Волуи», «Александр Пересвет *бывыи преже боярин брянскии*»; в Симеоновской же летописи подчеркнутых слов нет. Гораздо естественнее объяснить и это сокращением, чем думать, что в НЛД перед нами добавления, внесенные составителем НСС через полвека после Куликовской битвы.

Существуют и другие данные, свидетельствующие, что описание Куликовской битвы в Симеоновской летописи отражает сокращение подробной редакции Повести.

Напомню важное соображение С. К. Шамбинаго: «При полном отсутствии упоминания об Олеге Рязанском, об его неприязненных действиях против великого князя неожиданно в конце Повести (краткой. – *С.А.*) находится рассказ о решении Дмитрия послать войско против Олега, о бегстве последнего и покорстве рязанских бояр – вполне соответствующий тексту Летописной повести (подробной. – *С.А.*). Следующий непосредственно за этим рассказ о судьбе Мамая также имеет с Летописной повестью буквальное сходство. Присутствие этих распространенных эпизодов, в сущности второстепенных, при главном сжатом содержании, может указывать на позднейшее сокращение текста»[686].

По данному поводу В. А. Кучкин пишет, что «отмеченную С. К. Шамбинаго особенность» надо объяснять, «скорее всего, сокращением в Симеоновской (ее протографе) более раннего и более обширного текста»[687]. Несколько ранее В. А. Кучкин назвал «бесспорным» вывод «о старшинстве среди сохранившихся летописных повествований о Донском побоище версии, читающейся в Симеоновской летописи»[688]. Поэтому он считает необходимым «отметить», что краткой версии «предшествовали не дошедшие до наших дней памятники», в которых «события излагались подробнее, чем в дошедших текстах Рогожского летописца и Симеоновской летописи»[689].

А. А. Шахматов был прав, когда писал, что «повесть по Симеоновской и Рогожской летописям составлена не по одному, а по двум источникам»[690]. Как мы убедились, одним из этих источников была подробная редакция

Летописной повести о Куликовской битве, вторым – находящийся ранее в тех же летописях рассказ о битве на Воже. Это ясно отобразилось не только в неоправданном перемещении упоминания о переправе через Оку. Есть текстологические «швы», о которых пишет В. А. Кучкин, согласившийся и с частью примеров, приведенных в данной связи А. А. Шахматовым. В. А. Кучкин обратил внимание на то, что в краткой редакции «дважды сообщается о бегстве полков Мамая: "...а Мамаевы плъци погании побегоша" и ниже: "побегоша, обратя плещи свои на язвы"»[691]. Но первый оборот – часть фрагмента, перефразировавшего взятое из рассказа о битве на Воже – там читалось: «Татарове... побегоша за реку за Вожю, а наши после за ними, бьючи их и секучи и колючи»[692], в кратком же рассказе о Куликовской битве читается: «...а Мамаевы плъци погании побегоша, а наши после, бьюще, секуще поганых без милости»[693]. Второй оборот взят в краткую редакцию из подробной редакции Повести о Куликовской битве – там читается: «Татарове с Мамаем побегоша... обратиша плещи своя на язвы»[694].

Однако близкие повторы сходных оборотов – не обязательно результат соединения двух источников: причиной может быть сокращение подробной редакции, где, например, на значительном расстоянии и в неодинаковой связи упоминалось чистое поле – традиционный образ устных произведений и даже живой речи. О бегстве Мамая «въ мале дружине» говорится при завершении рассказа о самой битве в краткой редакции, что действительно дублирует аналогичное упоминание в ее эпилоге, который взят почти дословно из подробной редакции. Этот повтор мог принадлежать самому автору краткой редакции, так же как и двойное упоминание о возвращении великого князя – в разной смысловой связи и разном текстовом выражении, при отсутствии каких-либо дополняющих фактических сведений. Двух последних случаев, думается, слишком недостаточно для предположения, что составитель краткой редакции использовал еще и какой-то третий источник – до нас не дошедший. Само предположение о недошедших памятниках, описывавших Куликовскую битву и повлиявших на краткую редакцию Повести о ней, представляется здесь излишним, ввиду отсутствия данных об их фактическом содержании, сверх того, что восходит к дошедшему тексту подробной Повести, читающейся в составе НЛД.

В. А. Кучкин пишет, что в подробной редакции «излагаются две версии о гибели Мамая. Одна заимствована из текста, представленного Рогожским летописцем и Симеоновской летописью. Она согласуется с восточными источниками и представляется достоверной». – Так комментирована

фраза Повести «...царь Тактамышь победи Мамая и прогна его», введенная, по мнению В. А. Кучкина, «для соединения двух версий». Вторая версия – о гибели Мамая в Кафе, «впервые появляется в «Летописной повести» (подробной. – *С.А.*)... Она противоречит первой и является, по-видимому, недостоверной. ... Вероятно, весь рассказ о Мамае в Кафе, – указывает В. А. Кучкин, – построен на слухах, которые доходили до Москвы и других русских городов благодаря купцам-сурожанам, торговавшими с итальянскими колониями в Крыму»[695].

На непроверенных слухах могли основать свой рассказ составители Повести в ближайшие годы после гибели Мамая. Но едва ли это могло случиться на несколько десятков лет позднее самого факта и много позже фиксации истины о нем в краткой Повести составителем Свода 1408 года (если считать, что к ней восходила распространенная Повесть, которую использовал в своем труде составитель НСС). В подробной редакции фактически нет двух версий: о гибели Мамая в ней говорится один раз, и все сказанное здесь по данному поводу не содержит внутренних противоречий, представляя собой рассказ, состоящий из трех последовательных эпизодов. В Своде 1408 г. второй эпизод был выпущен, а к тексту первого добавлены слова «и убиша Мамая»[696]. В Москве имели уже достоверную информацию о гибели его от рук воинов, посланных в погоню Тохтамышем, и ввели эти слова взамен основанного на слухах недостоверного эпизода первоначальной подробной редакции Повести (о предательском убиении Мамая кафинцами). Эта редакция была достоверна лишь в изложении фактов, имевших непосредственное отношение к Куликовской битве, так как основывалась на рассказе ее участника. Позднейшая краткая редакция, уточнившая факт периферийный, допустила существенную неточность в изложении основных фактов (движение войск к месту сражения), так как была уже плодом литературного компилирования.

При необходимости можно будет продолжить подробное рассмотрение соотношений первоначальной редакции и редакции, дошедшей в составе Симеоновской летописи и Рогожского летописца. Пока это представляется излишним, так как важный тезис А. А. Шахматова и С. К. Шамбинаго, выводы которых в данном случае совпали, представляется в достаточной мере подтвержденным: краткая редакция Летописной повести о Куликовской битве основана на извлечениях из пространной редакции. Сколько-нибудь веских аргументов в пользу обратного соотношения мне неизвестно.

6

Важное звено среди редакций этой повести представляет ее текст в составе младшего извода Новгородской 1-й летописи. О нем писал уже А. А. Шахматов, разбирая труд С. К. Шамбинаго, а после комментариев и примечаний В. А. Кучкина специальную работу посвятил этой редакции А. К. Зайцев, тоже рассматривавший ее в сопоставлении и с редакцией Свода 1408 года, а не только с редакцией, находившейся в НСС. Результаты их наблюдений позволяют теснее связать литературную историю Повести о Куликовской битве с общей историей летописания.

А. А. Шахматов предполагал, что для рассказа о битве в Новгородской 1-й летописи были использованы три источника: в основе – сокращенное извлечение из НСС, дополненное, как «кажется», некоторыми чтениями, вставленными из несохранившейся редакции Новгородской 1-й летописи 1433 года и испытавшее «влияние» Московской летописи, о котором можно судить «по вставкам, попавшим из нее в список Дубровского»[697]. Основаниями для А. А. Шахматова явились главным образом частые упоминания князя Владимира Андреевича рядом с Дмитрием Ивановичем, характерные именно для рассказа о битве в Новгородской 1-й летописи. Большинства этих упоминаний не было в НСС, а одно даже является в тексте Новгородской 1-й летописи очевидной вставкой. Но А. А. Шахматов привел и довольно обширный сопоставительный материал отдельных чтений, основанный на придирчивом сличении привлеченных им летописных текстов и использованный в недавних работах.

По наблюдениям В. А. Кучкина, которые были им подробно продемонстрированы на параллельных текстах, «существование ряда общих чтений Новгородской 1-й летописи младшего извода и Рогожского летописца свидетельствуют о том, что при составлении статей 1380 г. в протографах обоих памятников был использован общий источник, причем по-разному»[698]. Согласно выводам этого исследователя, «промосковская окраска рассказа о Донском побоище в Новгородской 1-й летописи младшего извода, а также в Рогожском летописце заставляет думать, что в них использована, вероятнее всего, статья московского летописного памятника, предшествовавшего своду 1409 г.»[699]. Оба тезиса представляются вполне обоснованными.

По достаточно аргументированному заключению А. К. Зайцева, «рассказ НІЛ на 12–13 лет старше», чем краткая редакция Повести о Куликовской битве в Своде 1408 года, причем «в середине 1390-х гг. существовало некое сравнительно пространное повествование о Донской битве», которое

«в то время находилось в распоряжении новгородского летописца»[700]. Как пишет А. К. Зайцев, это была «некая повесть о побоище на Дону, в основе которой лежал московский летописный рассказ», причем непосредственный протограф Новгородской 1-й летописи отличался «яркой "просерпуховской" окраской». Автор связывает этот протограф «с так называемым "семейным летописцем Владимира Андреевича Серпуховского"» (отсылая к суждениям об этом летописце М. Д. Приселкова и А. Н. Насонова). Согласно мнению А. К. Зайцева, «Повесть-протограф "О побоищи на Дону", вероятнее всего, была создана в Москве и, учитывая промежуточную "просерпуховскую" Повесть, может быть датирована 1380-ми гг.»[701].

В итоге своей работы А. К. Зайцев соглашается с моей датировкой пространной Повести и даже приводит дополнительные аргументы в пользу отнесения ее создания к 1385–1386 гг. Но думается, что он неоправданно усложнил процесс ее формирования, который, согласно построению А. К. Зайцева, схематически предстает следующим образом.

1. Старейшим из дошедших летописных повествований о Куликовской битве «является текст Краткой летописной повести середины 1390-х гг.» в Новгородской 1-й летописи.

2. Протографом этой повести «и основным историческим источником Летописной повести» Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописей «послужила "Просерпуховская повесть" о побоищи на Дону».

3. «"Просерпуховская повесть" восходила к московской "Повести-протографу" 1380-х гг., основанной на тексте недошедшего до нас раннего источника – московской летописной реляции о Куликовской битве, нашедшей также частичное отражение» в тексте Рогожского летописца и Симеоновской летописи[702].

Представление о реляции как основе «Повести-протографа» в статье А. К. Зайцева обоснования не получило, но много говорится о предполагаемой «Просерпуховской повести» и приводятся параллели между частями ее предполагаемого текста в составе Новгородской 1-й летописи, соответствующими частями текста Повести в Новгородской 4-й и соотносимыми фрагментами Рогожского летописца.

Весьма правдоподобная гипотеза М. Д. Приселкова о существовании частного летописца князя Владимира Андреевича была конкретизирована А. Н. Насоновым, который вычленил известия, связанные с этим князем, в составе сгоревшей Троицкой летописи[703]. Из содержания известий явствует, что это был именно семейный летописец, использованный в летописном своде по причине близости Владимира Андреевича к митрополиту Киприану, крестившему его сына вместе с троицким игуменом Сергием Радо-

нежским в 1381 г. Но никаких данных в пользу предположения А. К. Зайцева о связи семейного летописания этого князя с появлением особой «Просерпуховской повести» о Куликовской битве в упомянутых известиях нет.

Однако «просерпуховские» словосочетания, наличие которых в Новгородской 1-й летописи подробно отметил уже А. А. Шахматов, требуют, конечно, объяснения, и его естественнее всего искать как раз в близости князя Владимира Андреевича к митрополиту Киприану. Свод 1408 года был оформлен через два года после его смерти, и удивительная краткость находящейся в этом своде редакции Повести о Куликовской битве обязана, конечно, не Киприану. Она – следствие нашествия Едигея. Повествование об этом бедствии, завершившее Троицкую летопись, не сочеталось бы с пространным описанием победы над татарами, которые только что как бы взяли реванш и в течение трех недель разоряли Русскую землю, грабили и жгли русские города, истребляли их жителей и увели толпы русских пленников. Подробную повесть о событии 1380 г. сочли здесь несвоевременной и наскоро смонтировали вместо нее короткий рассказ.

Но такая повесть должна была, конечно, присутствовать в предшествовавшем летописном своде, к которому даже отослал своего читателя (правда, в иной связи) составитель Свода 1408 года: «...аще хощеши распытовати, разгни книгу Летописецъ Великии Русьскии»[704]. А. А. Шахматов писал, что это была «книга, содержавшая общерусский свод, ибо что другое можно разуметь под "Великим летописцем"? ... свод этот был доведен до 1390 г., то есть до окончательного утверждения в Москве митрополита Киприана. Вот откуда мы получаем основание говорить о Киприановской редакции общерусского свода»[705]. Позднейшие работы были не так давно рассмотрены Г. М. Прохоровым, который разделил мнение А. А. Шахматова[706], а появившаяся впоследствии книга Л. Л. Муравьевой специально обсуждала соотношение Летописца Великого Русьского (далее: ЛВР) с Троицкой летописью. По заключению Л. Л. Муравьевой, «в ЛВР, вполне вероятно, были уже Повесть о битве на Пьяне, Рассказ о битве на Воже, Повесть (или подробный Рассказ) о Донском побоище, Повесть (или подробный Рассказ) о Тохтамыше и Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче»[707].

Составленная в 1386 году Повесть о Куликовской битве, естественно, должна была попасть в ЛВР. Киприановский летописный свод, передавая текст столь актуального тогда повествования, вряд ли не отразил бы хоть в какой-то мере личные симпатии и антипатии митрополита, до того дважды изгонявшегося из Москвы великим князем, которого после первого своего изгнания, за два года до Куликовской битвы, митрополит даже предавал отлучению. Но тенденция проявилась только в осторожном смещении

акцентов, возвысившем значение князя Владимира Андреевича, что косвенно несколько принижало личные заслуги великого князя. Наиболее показательный пример такой редактуры отметил первым А. А. Шахматов. В Новгородской 1-й летописи читаем: «"Князь же великыи Дмитрии, *с братомъ своимъ с Володимеромъ*, изрядивъ полкы противу поганыхъ Половець и възревъ на небо умлныма очима, въздохнувъ из глубины сердца, *рекоста* слово псаломъское"; в Новг[ородской] 4-й и Соф[ийской] 1-й, вместо "с братомъ своимъ с Володимеромъ", читаем: "съ всеми князми Рускими", а вместо "рекоста" – "рече", что согласуется с предшествующими "възревъ" и "въздохнувъ"»[708]. Указанные А. А. Шахматовым текстуальные отличия от Новгородской 1-й летописи имеет и НЛД.

А. К. Зайцев, подсчитав, что из шести случаев упоминания в Новгородской 1-й летописи великого князя Дмитрия пять раз к нему добавлено упоминание его брата князя Владимира, по-видимому, не учел, что предпоследний из пяти отмеченных им случаев нельзя отнести к «просерпуховским» изменениям, так как он (и только он) соответствует тексту летописей, восходящих к НСС. Но именно в этом случае летописи, восходящие к Своду 1408 г., заменяют упоминание Владимира Андреевича «прочими князи русскими»[709]. Из четырех остающихся случаев три – в составе фрагментов, не имеющих параллелей в тексте Симеоновской летописи. Соотносится с ее текстом первый пример – самое начало Повести в Новгородской 1-й летописи: «В то же лето, месяца августа, приидоша вести из Орды к великому князю Дмитрею и брату его князю Владимеру, яко же въздвизается на крестианы измаилтеискии род поганыи»[710]. В Симеоновской, как и в других летописях, эта фраза не содержит упоминания князя Владимира. Но нет его и в предыдущей фразе Симеоновской летописи (начинающей в ней текст Повести), где сообщается, что Мамай «поиде на великаго князя Дмитриа Ивановичя», хотя аналог этой фразы в НЛД и в Новгородской 4-й летописи дает чтение «и на брата его князя Володимера Андреевича»[711]. Таким образом, выясняется, что составитель Свода 1408 г., везде опустивший упоминания князя Владимира, исключал его и из текста, восходившего к первоначальной Повести, и из добавлений, читавшихся в тексте ЛВР. Новгородский же летописец, напротив, заботливо сохранял пассажи, косвенно умалявшие роль великого князя (сохранял даже при явных редакционных сокращениях окружающего текста ЛВР), что было естественно на фоне тогдашних отношений между Москвой и Новгородом.

В. А. Кучкин, обоснованно возражая против мнения Я. С. Лурье о зависимости рассказа о Куликовской битве в Новгородской 1-й летописи

от НСС, справедливо указал, что списки Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописей «не содержат целого ряда чтений, которые в Новгородской 1-й летописи совпадают с Симеоновской»[712]. Он внимательно процитировал случаи совпадений текста Повести в Новгородской 1-й с текстом ее в Рогожском летописце и Симеоновской летописи[713]. Если сопоставить эти примеры с соответствующими им местами в текстах Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописей, то легко убедиться в наличии упомянутых им разночтений (иногда достаточно существенных).

Все это подтверждает тезис исследователя о восхождении текстов в Новгородской 1-й и Симеоновской к общему протографу, использованному в них по-разному, но не подтверждает мнения, что «рассказ Новгородской 1-й летописи был использован составителями Новгородско-Софийского свода». Упоминаемая автором в данной связи фраза о москвичах-небывальцах, которые «видевше множество рати татарскои, устрашишяся и живота отчаявшися, а инии на бегы обратишася», помещена в Новгородской 1-й летописи не там, где ее приводят НЛД и летописи, восходящие к НСС. Новгородский летописец, редактируя (а не только сокращая) текст ЛВР, поместил этот пассаж не за описанием драматичного эпизода битвы, а перед устроением русских полков до начала сражения. Изменению подвергся и самый текст фразы: вместо «то видевше» – «видевше множество рати татарскои»[714]. В результате усугубился обидный для этих москвичей смысл: они обращаются в бегство, испугавшись одного только вида вражеского войска. Впоследствии такую «антимосковскую» тенденцию попытался не без успеха нейтрализовать составитель Новгородской Большаковской летописи (где текст Повести, в общем сходный с Новгородской 1-й, содержит и другие редакционные отличия). В ней читаем: «Наши же мнози небывалцы, видевше множество поганыхъ тотар, устрашишася, но помянуша слово, реченное пророком ... аще не Богъ предастъ их»[715].

В тексте Повести НЛД и летописей, восходящих к НСС, на самом деле отсутствует «нелогичный переход от описания ощущения Мамаем своего поражения к описанию бегства москвичей-небывальцев»[716]. Оно следует в Повести не за сетованиями Мамая (в которых еще нет ощущения своего поражения – об этом идет речь значительно позже), а за помещенной после них сентенцией самого автора Повести: «Что намъ рещи или глаголати, видяще злострасную сию смерть? Инии же мечемъ пресекаеми бываху, а инии сулицами прободаеми бываху, инии же на копия взимаеми бываху»[717]. Непосредственно предшествует в Повести НЛД и этой сентенции, и горестным восклицаниям Мамая описание наиболее драматичного этапа

битвы, когда в результате удара «потаенного» полка князя Владимира Андреевича «бысть сеча велика, яко и земли двизатися, а Дон река кровью протече, а главы аки камение валяхуся в дуброве»[718]. – Как раз тогда и было от чего «устрашиться и живота отчаяться» московским «небывальцам». Согласно тексту Повести НЛД и летописей, восходящих к НСС, в тот момент не меньше испугались татары: «А иные сыны агаряны на бег устремишася от клича велика, зрящее злаго убииства»[719]. В Новгородской 1-й летописи нет фразы об испуге и бегстве татар. Сопоставление одинокого пассажа этой летописи о «небывальцах» с рассмотренным только что комплексом взаимосвязанных фрагментов НЛД, Новгородской 4-й и Софийской 1-й свидетельствует о невозможности возводить тексты Повести в этих летописях к тексту ее, находящемуся в Новгородской 1-й[720].

Этот текст восходит, очевидно, к Киприановской обработке подробной редакции Повести. Киприановская обработка читалась в составе ЛВР. Он и был использован новгородским редактором, из рук которого вышла краткая Новгородская редакция Повести, попавшая в текст Новгородской 1-й летописи младшего извода. Эта редакция явилась результатом препарирования извлечений из Киприановской обработки подробной Повести. Тот же источник послужил материалом для составителя Свода 1408 г., который, по-видимому, спешно сформировал краткую Московскую редакцию Повести, оснастив свои выборки из подробной Повести, находившейся в составе ЛВР, использованием близкого по теме рассказа о битве на Воже в той же Троицкой летописи (см. выше).

7

Согласно А. А. Шахматову, к 1423 году относилось составление Свода митрополита Фотия, который по охвату материала и разнообразию источников значительно превосходил ЛВР митрополита Киприана. М. Д. Приселков (датировавший этот свод 1418 годом) отмечал, что составитель «привлек для своей работы немало новых материалов, в большинстве случаев внелетописного характера (сказания, повести, послания, грамоты), которые должны были придать новому своду характер не только исторического обзора прошлых судеб Русской земли, но и назидательного чтения»[721]. Мы не знаем, целиком ли входила в ЛВР Повесть о Куликовской битве, дошедшая до нас в составе НЛД, но Свод митрополита Фотия включил ее всю. Во всяком случае, таково было мнение А. А. Шахматова уже в 1901 году – еще до появления труда С. К. Шамбинаго и за десять лет до публикации

отзыва на него, принадлежавшего А. А. Шахматову. Характеризуя состав Свода митрополита Фотия, он писал, что «в летописный свод впервые в 1423 году» было внесено «сказание "О побоище иже на Дону, и о том как князь великий бился с ордою"», которое, очевидно, было «составлено еще в XIV столетии». А. А. Шахматов уже в то время считал, что «наиболее близко к первоначальной редакции», попавшей в свод, «сказание это сохранилось в Новгородской 4-й, Софийских 1-й и 2-й, а также Ростовской Архивской летописях»[722]. В Новгородской 4-й летописи Повесть о Куликовской битве читается именно под тем заглавием, какое привел А. А. Шахматов, а текст в Архивской летописи – это единственный в то время известный текст Повести по НЛД. Следующим этапом был НСС 1430-х гг.

По текстам Новгородской 4-й, Софийской 1-й и других летописей видно, что НСС в наименьшей степени сократил Повесть. Остались в ней даже выпады против Олега Рязанского. В 1430-х годах были для этого основания, так как тогдашний рязанский князь Иван Федорович заключил союзный договор с Витовтом, а несколько позже – с врагом Василия Темного Юрием Дмитриевичем Галицким, и только в 1447 г. признал зависимость от Василия Темного, обязавшись, как и предшествовавшие князья Рязани, не помогать Литве и татарам. Но в НСС было опущено все, что могло хоть в какой-то мере быть истолковано в ущерб престижу Дмитрия Донского, – даже реальные сведения о выдающейся роли в 1380 г. его двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского. Это естественно обусловлено происходившей в то время ожесточенной борьбой прямых наследников Дмитрия Донского за единовластие и за введенный им порядок престолонаследия. В связи, очевидно, с событиями того времени был выпущен и подробный перечень воевод перед описанием боя: потомки их не могли находиться в одном политическом лагере в 30-х годах XV в.

Главная ценность текста Повести о Куликовской битве по НЛД в том, что он представляет собой извод памятника не только наиболее ранний, но и наиболее полный в отношении фактической его основы. Исключив из текста все, что является результатом литературной обработки, можно было бы представить с достаточной степенью приближения повествование участника событий.

8

В основе это была, по-видимому, запись устного рассказа, а не письменное сочинение, созданное опытным книжником, – хотя бы и по личным

воспоминаниям. Очевидцу, а тем более – непосредственному участнику драматических событий, определявших и его личную судьбу, не удается, как правило, везде выдерживать строгую последовательность в рассказе о них – даже спустя несколько лет. В таком рассказе неизбежны повторы, в частности, неоднократное использование образов, по своему содержанию малосущественных, но эмоционально насыщенных.

Характерный пример этого в тексте Повести, сохранившемся в НЛД, – двукратное использование оборота, который даже перешел затем из Повести в Слово о житии и преставлении... Дмитрия Ивановича: «главы аки камение валяхуся в дуброве», «по дубровам главы аки камение валяшеся». Вид множества отрубленных вражеских голов, валяющихся подобно камням – после конной атаки «потаенного» полка, – был, очевидно, настолько впечатляющим, что рассказчик упомянул об этом дважды, в разных местах своего повествования. В Слове о житии и преставлении... рассказ о Куликовской битве содержит всего несколько фраз, основанных на тексте Повести, но включает ее оборот «главы татарьскы аки камение валяшеся»[723]. Существенно, что этот образ есть только в тех частях Летописной повести, которые составляют принадлежность НЛД, но его нет в сокращенном тексте летописей, восходящих к НСС. Следовательно, Епифаний Премудрый (наиболее вероятный автор Слова) имел уже в своем распоряжении тот полный текст Повести, который читается в НЛД.

Внимательно отмечая случаи смысловых шероховатостей в Летописной повести, А. А. Шахматов склонен был почти всюду объяснять их предполагаемым соединением нескольких источников[724]. Аналогично объясняют это и современные исследователи, хотя необходимо в подобных случаях учитывать особенности устной традиции: рассказ участника сражения – неизбежно эмоциональный – не мог всегда выдерживать строгую последовательность, допускал иногда повторы и недоговоренности. Запись устного рассказа составителем Повести, конечно, редактировалась, но естественно, что не все такие особенности исходного текста могли быть при этом сглажены.

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе 1

[1] См.: *Прозоровский Д.* Кто был первым писателем первой Новгородской летописи // ЖМНП, СПб., 1852. Ч. 75. № 7. Отд. 2. С. 1–28.

[2] См.: ИОРЯС. СПб.. 1853. Т. 2. Л. 1, 2. Стб. 18–27; л. 31. Стб. 70–78.

[3] См.: *Лавровский П.А.* О языке северных русских летописей. СПб., 1852.

[4] См.: *Лавровский П.А.* Исследование о летописи Якимовской. СПб., 1855.

[5] См.: *Погодин М.П.* Новгородские летописи // ИпоОРЯС. Т. 6. Вып. 3. СПб., 1857. Л. 13–16. Отд. Исторические чтения о языке и словесности. С. 209–233.

[6] См.: *Яниш Н.Н.* Новгородская летопись и ее московские переделки. М., 1874; *Сенигов И.* Историко-критические исследования о новгородских летописях и о Российской истории В.Н.Татищева. М., 1887.

[7] См.: Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. 1860. Ч. 1, апрель. С. 385–440; ч. 2, май. С. 46–74; июнь. С. 177–201.

[8] См.: Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 10. СПб., 1895. Отд. 1. С. 1–84.

[9] См.: *Шахматов А.А.* Разбор сочинения И.А.Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» // Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899. С. 103–236.

[10] См.: *Шахматов А.А.* Отзыв о сочинении С.Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 // Отчет о двенадцатом присуждении Имп. Академиею наук премий митрополита Макария в 1907 г. СПб., 1910. С. 79–204.

[11] Недавно эти работы переизданы в составе сборника: *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1, кн. 2.

[12] См.: ЖМНП, 1900, № 9. С. 90–176; № 11. С. 135–200; 1901. № 11. С. 52–80.

[13] Последнее переиздание этой работы – в кн.: *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1, кн. 1.

[14] См.: *Перфецкий Е.Ю.* Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922.

[15] См.: *Помяловский М.И.* Из области новгородского летописания // Записки Имп. Русского археологического общества. Т. 12, вып. 1 и 2. СПб., 1901. С. 55–94; *Пресняков А.Е.* Записка о Новгородской 4-й летописи // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1902. С. 16–21; *Троцкий И.М.* Опыт анализа Первой новгородской летописи // Известия АН СССР. Отделение общественных наук, Л., 1933, № 5. С. 338–362.

[16] Переиздано на основе репринта: ПСРЛ. М., 2000. Т. 3.

[17] См.: *Насонов А.Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // Проблемы источниковедения. М., 1955. Т. 4. С. 243–285.

[18] См.: *Фомина Т.Ю.* Новгородское летописание XI–XVII вв.: Отечественная историография. М., 2008.

[19] См.: *Конявская Е.Л.* Новгородская летопись XVI в. из собрания Т.Ф.Большакова // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 322–383.

К главе 2

[20] См.: *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1 (далее: *Татищев*). С. 108–113. При цитировании этого небольшого по объему текста страницы не указываются.

[21] Подстрочное примечание А.А.Шахматова: «Летопись Акима епископа новгородскаго. Откуду пошла Роусская земля и кто въ неи преже нача княжити и откоуду Роузкая земля пошла есть именемъ о семь начнемъ повесть сию вькратце изъ великаго летописания» (Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888. С. VII).

[22] *Шахматов А.А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП, СПб., 1900, ноябрь. С. 183, 184, 185.

[23] *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 508.

[24] Там же. С. 611.

[25] Там же. С. 213.

[26] А.А.Шахматов датировал этот свод 1039 г., связывая его создание с учреждением митрополии в Киеве. По заключению Герхарда Подскальски, «эта датировка, которой придерживались Шахматов, Истрин, Приселков и др., в свете последних исследований выглядит окончательно устаревшей, поскольку учреждение митрополии хронологически находилось в непосредственной связи с крещением Владимира в 988 г. (*Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). Изд. второе, исправленное и дополненное для русского перевода. СПб., 1996. С. 331). Основания, относящиеся ко времени учреждения митрополии, Г.Подскальски приводит на с. 42–51. Но они могут повлечь за собой передвижку датировки свода не более чем на два года, так как она диктуется содержанием заключительных известий. Согласно выводу А.А.Шахматова, свод «оканчивался прославлением Ярослава, строителя храмов и распространителя духовного просвещения»; это ставший хрестоматийным текст 1037 г. (см.: *Шахматов А.А.* Разыскания... С. 530 и 582–584).

[27] *Гиппиус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Т. 6 (16). С. 68–69.

[28] *Шахматов А.А.* Разыскания... С. 530–531.

[29] См.: там же. С. 620 и 660–661.

[30] Там же. С. 616. По-видимому, А.А.Шахматов был неточен, когда писал, что уже сама составленная в 1017 г. летопись «сообщала кратко о крещении Новгорода прибывшим туда Иоакимом» (с. 508), и не упоминал подробный рассказ о событиях этого крещения, хотя возможную принадлежность частей этого рассказа самому Иоакиму А.А.Шахматов оговорил ранее. Короткое известие «Приде Новугороду <...> и кумиры посече», где об Иоакиме говорится в третьем лице, могло быть написано после его

смерти – в замену повествования, излагавшего события от первого лица. Это тем более вероятно, что, по словам А.А.Шахматова, «Появившаяся в 1017 году при владычнем дворе епископа Иоакима летопись нескоро нашла себе продолжение» (с. 509).

[31] См.: *Сенигов И.* Историко-критические исследования о новгородских летописях и о Российской истории В.Н.Татищева. М., 1887. С. 150–169; *Никольский Н.К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.). Корректурное издание. СПб., 1906. С. 71–74; *Дмитриева Р.П.* Библиография русского летописания. М.; Л., 1962; *Творогов О.В.* Иоаким // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 204–206.

[32] *Соловьев С.М.* Писатели русской истории XVIII века // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемых Николаем Калачевым. М., 1855. Кн. 2, первая половина. Отд. 3. С. 25.

[33] Там же. С. 24.

[34] См.: *Лавровский П.А.* Исследования о летописи Якимовской // Учен. зап. II отд. Имп. Академии наук. СПб., 1856. Кн. 2, вып. 1. Отд. 2. С. 77–160. Далее страницы указываются в тексте.

[35] См.: *Голубинский Е.Е.* О так называемой Иоакимовской летописи Татищева // Творения святых отцов в русском переводе. М., 1881. Кн. 4. Прибавления. С. 602–640. Чуть ранее эмоционально, но не доказательно привел коротко несколько субъективных возражений против подлинности НИЛ А.И.Никитский – в приложении к своему труду «Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде» (СПб., 1879. С. 199–202).

[36] *Линниченко И.* Краледворская рукопись и Иоакимовская летопись // ЖМНП. СПб., 1883. Ч. 229. № 10. Отд. 2. С. 254, 255.

[37] См.: *Gorlin M.* La chronique de Joachim // Revue des e'tudes Slaves. Paris, 1939. T. 19. Fasc. 1–2. P. 40–51. Далее страницы указываются в тексте.

[38] Весьма критичный разбор статьи Горлина осуществил в свое время С.Н.Валк, вывод которого состоял в следующем: «Навряд ли эта теория, краеугольным камнем которой является неизвестное письмо Татищева, может послужить к выяснению его работы над "Историей" и еще менее к разъяснению характера самого Татищева как человека и как автора» (*Валк С.Н.* «История Российская» В.Н.Татищева в советской историографии // *Татищев В.Н.* История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 28).

[39] См.: *Шамбинаго С.К.* Иоакимовская летопись // Исторические записки. М., 1947. Т. 21. С. 254–270. Ср.: *Азбелев С.Н.* Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 47–55.

[40] Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. Киев, 1878. Т. 1. С. LXV.

[41] Аттестация в его служебном формуляре сообщает: «В сибирских монастырях, местах своего служения, он жил непорядочно, пьянствовал беспросыпно, пребывал в срамословии, а равно и в Бизюкове монастыре вел непорядочное житие...» (*Строганов П.* Ставропигиальный Бизюков монастырь и Смоленские епископы // ЧОИДР. Кн. 1. Отд. 5. М., 1905. С. 45).

[42] См.: *Черепнин Л.В.* «Смута» и историо-

графия XVII века. (Из истории древнерусского летописания) // Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. 127.

[43] Они напечатаны на с. 71–76 моей книги «Новгородские летописи XVII века».

[44] *Вернадский Г.В.* История России: Древняя Русь. Тверь; М., 1997. С. 339 (английское издание вышло в 1943 г.).

[45] См.: там же. С. 343–344 – о посажении вассальных князей Рюриком, с. 368 – о племенной принадлежности Олега.

[46] См.: *Костомаров Н.И.* Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. СПб., 1886. Т. 1. С. 30–31, 36–39.

[47] См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Соч. М., 1993. Т. 1 – на с. 135, 142, 154, 155, 173, трижды на с. 174.

[48] См.: *Kleiber B.* Nordiske spor i en gammel russisk kronike // Maal og Minne. Oslo, 1960. Heft 1–2. S. 56–70. Далее страницы указываются в тексте.

[49] Как пишет в другом месте Клейбер, автор НИЛ последовательно проводит «различие между славянами, "русами" и варягами. Однако под варягами, – продолжает Клейбер, – мы можем понимать скандинавов, которые в XI веке прибыли в Новгород как завоеватели; но "русы" – это скандинавские, прежде всего, шведские колонисты, которые поселились там в незапамятные времена. В этой связи особенно интересно сообщение об Адвинде» (70). Здесь автор статьи, как бы походя, излагает свое понимание проблемы, дискутируемой долго и интенсивно, – не касаясь, как и в других подобных случаях, литературы вопроса.

[50] *Татищев.* С. 52.

[51] *Валк С.Н.* Татищевские списки Русской Правды // Материалы по истории СССР. М., 1957. Т. 5. С. 618.

[52] *Моргайло В.М.* Работа В. Н. Татищева над текстом Иоакимовской летописи // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 265.

[53] Она дважды публиковалась в XIX в. См.: *Попов А.Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 442–447; *Гиляров Ф.* Предания русской начальной летописи. Приложения. М., 1878. С. 15–22. К этим изданиям было привлечено более двадцати списков.

[54] *Татищев.* С. 311.

[55] *Гольдберг А.Л.* Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 13. Л., 1982. С. 62.

[56] См.: *Янин В.Л.* Летописные рассказы о крещении новгородцев. (О возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город. (Исследования и материалы). Вып. 7. М., 1984. С. 40–56. Далее страницы указываются в тексте.

[57] См.: *Вышегородцев В.И.* Иоакимовская летопись как историко-культурное явление: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1986. Указанные в автореферате публикации диссертанта по объему очень невелики и касаются только периферийных тезисов его работы. Ссылки на номера страниц реферата даются мной далее в тексте, а при ссылках на страницы диссертации цифра снабжается буквой «д».

[58] В.И.Вышегородцев в дополнение приводит из берестяных грамот и других источников XII–XVI вв. примеры употребления имен, содержащихся в рассказе НИЛ о крещении, Богомил, Воробей, Путята, Стоян, Соловей (188д). Имя Угоняй оказалось в одном из вариантов «Сказания о холопьей вой-

не», которое Вышегородцев считает связанным с этим рассказом.

[59] Ср.: *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 112, 163, 165, 166 и др. (второе изд.: М., 1991).

[60] Ср.: *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 19–20.

[61] Но как представляется, диссертант напрасно усматривает противоречие между цитированной выше фразой НИЛ и следующей, где речь идет об обращенной в Царьград просьбе прислать на Русь митрополита. Древности предыдущего текста противоречит имя присланного в ответ на эту просьбу митрополита Михаила. Знакомый с цитированной выше работой В.Л.Янина В.И.Вышегородцев связывает вставку о Михаиле с предполагаемым воздействием Свода 1650 г., несмотря на то что в тексте этого свода Михаил – «сирин», а в НИЛ – «болгарин». Думается, что идущее далее повествование о крещении Новгорода логично следует за общей фразой НИЛ о том, что присланные епископы стали крестить «всюду»; и в такой последовательности тоже нет противоречия, усмотренного автором (181д).

[62] См.: *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 27–29, 57–66; *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 346–348.

[63] *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 162.

[64] Столь же неосновательной представляется мысль Вышегородцева о соотнесенности Гостомысла с Петром I, а Умилы с Елизаветой Петровной, поскольку та и другая – средняя дочь умершего правителя. «Сходство» слишком отдаленное: Умила не получала престол, как Елизавета, а Петр его никому не завещал. Повествование НИЛ о Гостомысле имеет в виду передачу власти сыну замужней дочери правителя, тогда как дочь Петра сама взошла на престол, будучи незамужней, и ее власть не нуждалась в обосновании столь сомнительной исторической параллелью, так как обеспечивалась вполне реальной поддержкой со стороны гвардии и широких кругов дворянства.

[65] *Гумилев Л., Панченко А.* Чтобы свеча не погасла: Диалог. Л., 1990. С. 47.

[66] *Колчин Б.А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 156.

[67] *Толочко Алексей.* К старым спорам о Татищеве // А се его сребро: Збірник праць на пошану М.Ф.Котляра. Київ. 2002. С. 245–248. Далее страницы указываются в тексте.

[68] В сноске 3 неверно указан год издания 1-го тома Татищева. Вторая цитата сноски 12 взята не из 2-го тома Татищева, а из 3-го. Годы издания этих томов не указаны, как и тома 4 в сноске 6. Ссылаясь в сноске 4 на тома ПСРЛ, издававшиеся не по одному разу, А. П. Толочко годы издания не сообщал, хотя номера страниц разных публикаций, естественно, не совпадают. В сноске 5 при ссылке на «Словарь русского языка XI–XVII вв.» неверно указан номер выпуска и не указан год.

[69] Мишель Горлин, на которого сослался А. П. Толочко, полагал, что НИЛ составил живший далеко от Петербурга архимандрит Мелхиседек Борщов (см. выше), а не «кто-то из окружения историка, бывший в курсе текущей работы Татищева». Утверждая, будто

«точное значение» слова «проторчь» «неизвестно», А. П. Толочко хочет удостоверить это усеченными цитатами из словарей, тогда как при более полном цитировании значение слова оказалось бы вполне проясненным.

[70] *Татищев.* С. 111.

[71] Например: Там же. С. 112: «с Месчем (Мешком)», «при реце Висе (мню Висле)».

[72] ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 277.

[73] Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 20. М., 1995. С. 266.

[74] См. мои рецензии на эти работы: «Вестник Санкт-Петербургского университета», 2007. Серия 2: «История». Вып. 3. С. 255–261; Сборник Русского исторического общества. Т. 11 (159). М., 2011. С. 316–324.

[75] См., например: *Журавель А.В.* Новый Герострат, или У истоков «модерной истории» // Сборник Русского исторического общества. Т. 10 (158). М., 2006. С. 522–544; *Гагин И.А.* Очередное покушение на В. Н. Татищева // «Вестник Липецкого государственного педагогического университета», 2008. Серия: «Гуманитарные науки». Вып. 2. С. 119–130; *Конча С.В.* Исследования о летописи Иоакима // Труды Первой международной конференции «Начала Русского мира». СПб., 2011. С. 146–164.

[76] Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 66.

[77] См., например: [*Барсуков А.П.*] Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стлб. 241.

[78] См.: Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 379.

[79] См. об этом: *Янин В.Л.* Некрополь Новгородского Софийского Собора. М., 1988. С. 58–59.

[80] См.: *Творогов О.В.* Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // «Славяноведение», М., 1992, № 2. С. 54–59.

[81] По словам И.П.Елагина, «некто охотник из дворян новоградских, прозвищем Крекшин, предприяв во время императора Петра I собирать русское повествование, открыл древнюю рукопись Иоакима, первого новоградского епископа, из которой потом рачительный господин Татищев, не могший целыя достать, оставил нам перечень в I части своей летописи. Невозможно не сожалеть о утрате сего глубочайшей древности кладезя, о котором Крекшин в Хронографе своем уверяет, что он имел его между прочим собранием летописей весь сполна...» (*Елагин И.* Опыт повествования о России. М., 1803. Кн. I. С. 101). В материалах П.Н.Крекшина такого уверения, насколько я знаю, пока не обнаружено.

К главе 3

[82] См. *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1, кн. 1. С. 328–350, 431–449, 467–472.

[83] См.: там же. С. 331–348.

[84] Там же. С. 155.

[85] См.: *Гринёв Н.Н.* Краткая редакция Русской Правды как источник по истории Новгорода XI в. // Новгородский исторический сборник. Вып. 3 (13). Л., 1989. С. 20–42.

[86] См.: *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, С. 202–212; *его же.* «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года //

Исторические записки. Т. 25. М., 1948. С. 240–265.

[87] См.: *Гиппиус А.А.* Указ. соч. С. 45–48.

[88] *Шахматов А.А.* История русского летописания. Т. 1, кн. 1. С. 259.

[89] Там же.

[90] См.: *Шахматов А.А.* Киевский начальный свод 1095 г. // *Шахматов А.А.* История русского летописания. Т. 1, кн. 2. С. 432–439. Впервые работа была напечатана посмертно в 1947 г.; переиздание исправлено по рукописи. См. также: *Шахматов А.А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 161–162.

[91] См.: *Янин В.Л.* К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // *Янин В.Л.* Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 306–329. Впервые работа напечатана в 1981 году.

[92] *Гимон Т.В., Гиппиус А.А.* Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // НИС. Т. 7 (17). СПб., 1999. С. 46. См. также: *Гимон Т.В.* Новгородское летописание первой четверти XIII в.: Хронология и процесс пополнения летописи // Средневековая Русь. Вып. 6. М., 2006. С. 80, прим. 1.

[93] *Гиппиус А.А.* Указ. соч. С. 69.

[94] Преимущественно это относится к упоминаемой Гиппиусом работе И.М.Троцкого, достаточно последовательно попытавшегося обосновать несколько иную гипотезу о создании Синодального списка в Юрьеве монастыре и отрицавшего летописание церкви св. Иакова. См.: *Троцкий И.М.* Опыт анализа Первой новгородской летописи // «Известия АН СССР. Отделение общественных наук», Л., 1933, № 5. С. 337–362.

[95] См.: ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 99–100.

[96] *Гиппиус А.А.* Указ. соч. С. 19, 17.

[97] Там же. С. 45.

[98] Рукопись БАН, № 34.4.1. Л. 199–199 об. Цитирован текст Новгородской Уваровской летописи. Аналогично в Новгородской 3 летописи пространной редакции (рукопись РГБ, собрание ОИДР.127, Л. 144) и в дважды опубликованной краткой редакции этой летописи (ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841. С. 215; Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 192). Такое же известие содержит дважды напечатанный Краткий летописец новгородских владык (ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841. С. 180; Новгородские летописи. С. 131–132).

[99] *Гиппиус А.А.* Указ. соч. С. 28.

[100] См.: *Макарий.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 12, 18, 19, 115, 192, 250–251, 311–313, 390–391, 551. (Переиздание на основе репринта: СПб., 2003.)

[101] См.: Новгородские летописи. СПб., 1879. С. XXI, 449–488.

[102] См.: *Азбелев С.Н.* Новгородские местные летописцы // ТОДРЛ. Т. 15. М.; Л., 1958. С. 364.

[103] См.: *Timberlake A.* Older and Younger Recensions of the First Novgorod Chronicle // Oxford Slavonic Papers. New Series. Oxford, 2000. Vol. 33. P. 1–35.

[104] Ibidem. P. 2.

[105] Ibidem. P. 35.

[106] *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 187 (в переиздании: *Шахматов А.А.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. С. 139).

[107] *Timberlake A.* Op. cit. P. 5.

[108] См.: *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 213–215 и др.

[109] См.: *Шахматов А.А.* Обозрение рус-

ских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 366.

[110] См.: *Шахматов А.А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. СПб., 1900, № 9. С. 90–113; *его же.* Разыскания... С. 145–175; *его же.* Обозрение... С. 151–160.

[111] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915; т. 4, ч. 1, вып. 2. Л., 1925; т. 4, ч. 1, вып. 3. Л., 1929.

[112] См. библиографические сведения об этих списках в кн.: *Бобров А.Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 166–167.

[113] См.: *Шахматов А.А.* Обозрение... С. 182–188 и др.

[114] См.: там же. С. 189–195.

[115] См.: *Лурье Я.С.* Предисловие // Новгородская Карамзинская летопись (ПСРЛ. Т. 42). СПб., 2002. С. 3–13.

[116] ПСРЛ. Т. 4, ч. 2, вып. 1. Пг., 1917.

[117] См.: *Шахматов А.А.* Обозрение... С. 196–207.

[118] См.: там же. С. 231–255.

[119] См.: там же. С. 302–310.

[120] См.: *Бобров А.Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 233–237.

[121] См.: *Лурье Я.С.* К проблеме свода 1448 г. // ТОДРЛ. Т. 24. Л., 1969. С. 142–146; *его же.* Новгородская Карамзинская летопись // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974. С. 207–213; *его же.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 67–121; *Клосс Б.М., Лурье Я.С.* Русские летописи XI–XV вв. (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 2, ч. 1. М., 1976. С. 78–139; *Лурье Я.С.* Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 199–218.

[122] См.: *Прохоров Г.М.* Летописные подборки ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Т. 32. С. 165–198; *его же.* Материалы для постатейного анализа общерусских летописных сводов (подборки Карамзинской рукописи, Софийская 1, Новгородская 4 и Новг. 5 летописи) // ТОДРЛ. Т. 51. СПб., 1999. С. 137–205.

[123] См.: *Бобров А.Г.* Редакции Новгородской четвертой летописи // ТОДРЛ. Т. 51. С. 107–136; *его же.* Летописный свод митрополита Фотия // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2000. С. 90–129; *его же.* Новгородские летописи XV века. С. 93–194, 215–216, 248.

[124] См.: *Шахматов А.А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП, СПб., 1900, № 9. С. 159–176; № 11. С. 135–200; 1901, № 11. С. 52–80.

[125] См., в особенности: *Шибаев М.А.* Редакторские приемы составителя Софийской I летописи // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Редактор и текст. Вып. 3. СПб., 2000. С. 368–394.

[126] Там же. С. 382.

К главе 4

[127] Название «летопись по списку Дубровского» предложено А.А.Шахматовым – по фамилии прежнего владельца рукописи, содержащей основной список этой летописи (*Шахматов А.А.* О так называемой Ростовской летописи. М., 1904. С. 165).

[128] Первоначально издавалась как варианты и дополнения к тексту списков Н4Л. См.: ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915. С. 1–320; вып. 2. Л., 1925. С. 321–444, 471–536; вып. 3. Л., 1929. С. 537–

579 (до 1447 г. это сама Новгородская четвертая летопись; варианты к ней летописи Дубровского – во втором выпуске на с. 471–489). Список Дубровского издан полностью: ПСРЛ. Т. 43. М., 2004.

[129] *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1949. С. 319.

[130] О характере этих легенд см.: *Лихачев Д.С.* Национальное самосознание древней Руси. М., 1945. С. 85–89.

[131] *Шахматов А.А.* О так называемой Ростовской летописи. С. 163–171.

[132] Подробное описание этой рукописи содержалось в ПСРЛ: Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 1–2. Здесь список Дубровского был издан в виде вариантов и дополнений к Новгородской четвертой летописи.

[133] Издано А.А.Шахматовым в его книге «О так называемой Ростовской летописи». С. 67–162; подробное описание рукописи – там же. С. 1–7. Варианты по этому списку подведены в ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2–3 при издании списка Дубровского (с. 516–579).

[134] ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901. С. 264–266; краткое описание рукописи см.: ПСРЛ. Т. IX. СПб., 1862. С. 9.

[135] ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 276–303 (с отсылками к тождественным текстам: ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 148–159 и т. 5. СПб , 1851. С. 73–74, 267–275).

[136] Главные из этих различий – опущение известий 1493, 1495 и 1497 годов в списке Дубровского.

[137] *Шахматов А.А.* О так называемой Ростовской летописи. С. 163–171.

[138] Далее сокращенно – Отрывок.

[139] См.: ПСРЛ. Т. 5. СПб., 1851. С. 81–275; Т. 6. СПб., 1853. С. 1–311; 2-е изд.: Т. 5. Вып. 1. Л., 1925 (не закончено). Далее сокращенно: С1Л.

[140] Издан в виде вариантов и дополнений к тексту Новгородской четвертой летописи: ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 1–91, 109–126, 138–165. Отдельное издание не закончено: ПСРЛ. Т. 4, ч. 2, вып. 1. Пг., 1917.

[141] Издан в виде вариантов и дополнений к тексту С1Л: ПСРЛ. Т. 5. СПб , 1851. С. 81–275; Т. 6. СПб., 1853. С. 31–54.

[142] *Шахматов А.А.* К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899. С. 91–100.

[143] См.: *Шахматов А.А.* О так называемой Ростовской летописи. С. 50–65.

[144] Краткое описание этого списка опубликовано: *Насонов А.Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы // Проблемы источниковедения. Т. IV. М., 1955. С. 264.

[145] Рукопись БАН (находившаяся среди еще неописанных рукописей этой библиотеки) была любезно указана мне М.В.Кукушкиной.

[146] В XVIII в. было начато издание летописного текста этой рукописи, оставшееся незавершенным: публикация основного текста была доведена только до его середины, причем приписки к нему опускались и заменялись отсылками к несостоявшимся примечаниям (см.: Российская летопись по списку софейскому Великого Новаграда в продолжение издаваемых манускриптов Библиотеки Академии наук по ее повелению. Ч. 1. СПб., 1795).

[147] ГИМ. Увар.568. Л. 148об.

[148] ПСРЛ. Т. 5. СПб., 1851. С. 260.

[149] ГИМ. Увар. 568. Л. 329–330.

[150] Там же. Л. 377.

[151] В Бальзеровском списке имеется еще дополнительная тетрадь, где текст продолжается далее, но она писана другим почерком и содержит Псковскую летопись (см.: ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 171).

[152] ГИМ. Увар. 568. Л. 404.

[153] В большинстве работ А.А.Шахматова этот свод именуется «сводом 1448 г.». См.: *Шахматов А.А.* 1) Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП, 1900, № 9, 11; 1901, № 11; 2) Предисловие к Начальному киевскому своду и Нестерова летопись // ИОРЯС. Т. 13. 1908. Кн. 1; 3) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. Гл. IX; 4) Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. Гл. X и на с. 366, и другие работы. *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 447–450.

[154] См. две первые из перечисленных работ А. А. Шахматова и в особенности в «Обозрении...» главы XVII, XVIII, а также на с. 366–367.

[155] *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 153.

[156] *Лихачев Д.С.* Русские летописи... С. 452.

[157] ГИМ. Увар. 568. Л. 209.

[158] Там же. Л. 211 об.

[159] Там же.

[160] Там же. Л. 215.

[161] Там же. Л. 216 об.

[162] Там же.

[163] См.: ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 217. Есть в тексте НУвЛ за 1238 г. и одно добавление, весьма характерное. После известия С1Л о том, что татары не дошли до Новгорода, «заступи бо его Бог и святая Богородица и святый архиепископ Кирил Александрейский святых благоверных архиепископов молитвами и благоверных князей, и преподобных черноризцев иерейского собора», читаем небольшую вставку, принадлежащую, по-видимому, новгородскому сводчику: «воспятишася от Игната креста погании агаряне» (ГИМ. Увар. 568.Л. 217). Не останавливаемся здесь подробно на других фразеологических изменениях и дополнениях в НУвЛ.

[164] ГИМ. Увар.568. Л. 217 об.

[165] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 219.

[166] ГИМ. Увар.568. Л. 217 об.

[167] ПСРЛ. Т. 4. С. 150–151.

[168] ПСРЛ. Т. 4. С. 151.

[169] ПСРЛ. Т. 6. С. 31.

[170] ПСРЛ. Т. 6. С. 32.

[171] ГИМ. Увар.568. Л. 379 об.

[172] ГИМ. Увар.568. Л. 380 об.

[173] См. об этом своде и связанных с ним вопросах в работах: *Шахматов А.А.* 1) Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП, 1900, № 9. С. 137–140; 2) К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899. С. 91–100; 3) Разбор сочинения И.А.Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северовосточной» // Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899. С. 130–131, 187; 4) Симеоновская летопись XVI века и Троицкая начала XV века // ИОРЯС. Т. 5. СПб., 1900. С. 511–513; 5) Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод // ИОРЯС. Т. 8. СПб., 1903. Кн. 1. С. 417–419; т. 9. СПб., 1904. Кн. 4. С. 83–92; 6) О так называемой Ростовской летописи. М., 1904. С. 52–54. Я.С.Лурье попытался оспорить заключения А.А.Шахматова о «своде 1491 г.», сославшись на работу Б.М.Клосса, однако последний в этой работе, напротив, подтвердил вывод о существовании упомянутого свода. См.: *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 190; *Клосс Б.М.* Новгородская V летопись и вопрос об источниках Никоновского свода // Летописи и хроники. Сб. статей 1973 г.

М., 1974. С. 257–259.

[174] Наблюдения Я.С.Лурье, касавшиеся политических тенденций в летописании конца XV в. (*Лурье Я.С.* Из истории русского летописания конца XV в. // ТОДРЛ. Т. XI. М.; Л., 1955. С. 156–186), приводили автора к выводу, что в Хронографическом списке отразился текст официального великокняжеского свода 1500 г., а в списке Царского, в части 1479–1492 гг., отразился великокняжеский свод начала 90-х годов XV в. Однако сказанное не дает еще оснований для того, чтобы отрицать общий источник этого списка с Хронографическим, так как в предшествующих частях (1448–1478 гг.) полное тождество обоих списков по объему весьма значительно, а в части 1479–1492 гг. в списке Царского есть отступления от текста предполагаемого свода начала 90-х годов (представленного, по заключению Я.С.Лурье, летописью, изданной в т. 25 ПСРЛ), сближающие список Царского и в этой его части с Хронографическим (см., например, важное упоминание крестного целования под 1481 г., отсутствующее в списке Царского, как и в Хронографическом, но наличествующее в Московском своде конца XV в.; ср.: ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 328; т. 4. С. 154; т. 5. СПб., 1853. С. 35).

[175] *Шахматов А.А.* К вопросу о происхождении Хронографа. С. 91–99.

[176] Там же. С. 92.

[177] В НУвЛ отсутствует лишь текст послания Вассиана Ростовского на Угру, которое может быть поздней вставкой; есть также мелкие сокращения и дополнения к летописи Дубровского.

[178] ГИМ. Увар. 568. Л. 401–401 об.

[179] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. Л., 1925. С. 531. Ср. т. 12. СПб., 1901. С. 264.

[180] *Шахматов А.А.* О так называемой Ростовской летописи. С. 56, 84 (примечания).

[181] В Архивском списке и в списке Дубровского годы 1498, 1499 и 1500 помещены ошибочно под 1492, 1493 и 1494 (об ошибке свидетельствуют данные других летописей). А.А.Шахматов выяснил причину этой ошибки. Переписчик оригинала этих списков принял начало 1498 г. – «В лето 7006, декабря...» за «В лето 7000, 6 декабря». Поэтому он поместил известия 1498 г. под 1492 г. и соответственно изменил цифры последующих годов. В НУвЛ (как и в Отрывке) эти даты указаны правильно (очевидно, в результате позднейшей сверки, так как годы 1492–1497 опущены и здесь).

[182] Летописный текст части, идущей после 1491 г., позволял уточнить время возникновения этого источника: под 1498 г. сообщается об опале на Василия Ивановича, а под 1499 г. – о прощении его вины, но не о полной реабилитации, произошедшей, по данным других источников, в 1500 г., в связи с чем Я.С.Лурье приурочил появление этих известий к 1500 г. (см.: *Лурье Я.С.* Из истории русского летописания конца XV в. С. 181). Но упомянутый автор полагал, что это лишь окончание великокняжеского свода 1500 года, который, по мнению Я.С.Лурье, не был тождествен тому памятнику, который я обозначил как Московский свод 1500–1505 гг. (см.: *Лурье Я.С.* Общерусские летописи. С. 254).

[183] ПСРЛ. Т. 43. М., 2004. С. 212.

[184] *Шахматов А.А.* О так называемой Ростовской летописи. С. 53, 168–171.

[185] С некоторыми сокращениями и дополнениями (по крайней мере в списках Архивском и Дубровского).

[186] См.: *Шахматов А.А.* О так называемой Ростовской летописи. С. 13–17, 170.

[187] Интересные, но во многом спорные соображения относительно НЛД высказывала О.Л.Новикова. Они требуют отдельного рассмотрения. См.: *Новикова О.Л.* Из истории новгородского летописания XVI в.: Новгородская летопись по списку П.П.Дубровского и родственные ей памятники // Очерки феодальной России. Вып. 9. М.; СПб., 2005. С. 3–40. Подробнее см. далее, примеч. 198.

[188] *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969. С. 354.

[189] ПСРЛ. Т. 6. С. 299.

[190] На это обратил внимание уже А.А.Шахматов (См.: О так называемой Ростовской летописи. С. 154).

[191] Во второй редакции стоит «КЛГВФГВ ГАГБД» («КЛ»=50=«Н», «ГВ»=5 =«Е», «ГА»=4=«Д», но «ГБД» – явное искажение, так как литера «Б» не имела числового значения) – см.: ПСРЛ. Т. 43. С. 238.

[192] См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 39, 70.

[193] См.: ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 300; вып. 2. С. 326, 339, 411.

[194] См., напр.: *Прозоровский Д.* Кто был первым писателем первой новгородской летописи // ЖМНП, 1852, июль. С. 1–28; *Срезневский И.И.* Славяно-русская палеография XI–XIV вв. СПб., 1885. С. 191; *Шахматов А.А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 130, 156.

[195] Недостаточная изученность новгородских источников НЛД не позволяет пока со всей определенностью полагать, что Мефодий был составителем самой этой летописи: строго говоря, он мог быть и автором одного из ее источников. Однако последнее представляется менее вероятным, поскольку известие о Мефодии читается в конце свода, т.е. в той его части, где новгородские известия, по всей вероятности, принадлежат самому его составителю.

[196] *Насонов А.Н.* История русского летописания... С. 354.

[197] Там же. С. 357.

[198] О.Л.Новикова полагает, что Отрывок, хотя и первичен по отношению к тексту списка Дубровского, но не может быть признан отображением первичной редакции свода 1539 г. Она думает, что в Отрывке присутствует только соединение «летописных материалов разного происхождения», которые еще «не составляли одной летописи, проникнутой общей идеей»: пропуски известий за целые годы в Отрывке она назвала сначала «загадочными», а затем расценила как «зияния» между частями разного происхождения (*Новикова О.Л.* Из истории новгородского летописания XVI в. ... С. 22, 25). Между тем еще А.А.Шахматов пояснял, что переписчик Отрывка поместил его «в виде приложения к тексту Софийской 2-й летописи»; соответственно, текст свода в Отрывке «значительно сокращен ввиду того, что многие части его соответствовали списанной в той же рукописи летописи» (*Шахматов А.А.* О так называемой Ростовской летописи. С. 64). Оговоренные О.Л.Новиковой лакуны Отрывка за годы 6964–6968, 6973–6976, 6979 и 6980 невозможно приписать различию источников, так как весь текст Отрывка за 6955–7006 годы восходит к одному источнику: как пишет сама Новикова, ссылаясь на мою работу, всё это «извлечение из летописи, которая лежит в основе НУвЛ» (*Новикова О.Л.*

Из истории... С. 21, 22). Присутствие в Отрывке известий московского и новгородского происхождения свидетельствует не об отсутствии в летописи «общей идеи», а об отражении уже в первой редакции свода идеи, отмеченной мною выше.

[199] Лишь окончание списка Н4Л было, вероятно, утрачено (см. выше).

[200] Кроме 1312–1323 гг., так как список Н4Л, по-видимому, обрывался на 1311 г.

[201] ГИМ. Увар. 568, л. 415.

[202] Там же. Л. 430 об.

[203] ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841; Новгородские летописи. СПб., 1879; ПСРЛ. Т. 30. 1965. Второй список является поздней копией единственного древнего списка Н2Л.

[204] См.: *Зиборов В.К.* Летопись Новгородская II // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2, ч. 2. Л., 1989. С. 51.

[205] См.: *Конявская Е.Л.* Новгородская летопись XVI в. из собрания Ф.Т.Большакова // Новгородский исторический сборник. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 322–343.

[206] См.: *Насонов А.Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // Проблемы источниковедения. Вып. 4. М., 1955. С. 254–255.

[207] Памятник трижды публиковался вместе с новгородскими летописями. См.: ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841; Новгородские летописи. СПб., 1879; ПСРЛ. Т. 30. М., 1965.

[208] См.: *Новикова О.Л.* Об этапах редактирования «Краткого летописца новгородских владык» в конце XVI – первой трети XVII в. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции. Великий Новгород, 1999. Ч. 1. С. 69–74.

К главе 5

[209] См.: ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841; Новгородские летописи. СПб., 1879.

[210] Специально занимался Новгородской третьей летописью А.А.Дмитриев. Однако работа его («Биографический разбор третьей новгородской летописи и отношение ее к прочим новгородским и Лаврентьевской летописям»), написанная автором еще в студенческие годы, к сожалению, осталась неопубликованной (См.: *Скрынченко Д.В.* Памяти пермского историка А.А.Дмитриева // «Исторический вестник», 1903, август. С. 575) и содержание ее мне неизвестно.

[211] См.: *Беляев И.Д.* О разных видах русских летописей // ВОИДР. Кн. 5. М., 1850. С. 18–19.

[212] Автором, очевидно, не учтено то обстоятельство, что это известие читается в таком же тексте и в Н4Л и не может поэтому рассматриваться в ряду отличительных признаков Н3Л.

[213] См.: *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2. Кн. 1. С. 712–719.

[214] См. Новгородские летописи. СПб., 1879. С. XIII (в предисловии ко второму изданию летописи).

[215] См.: *Некрасов И.* Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса, 1870. С. 114–115.

[216] См.: *Помяловский М.И.* Из области новгородского летописания. Записки археологического общества // Труды отделения славянской и русской археологии. СПб., 1901. Кн. 5. С. 87.

[217] См.: *Яниш Н.Н.* Новгородская летопись и ее московские переделки. М., 1874. С. 84.

[218] См.: Новгородские летописи. С. XIII.

[219] См.: *Филарет (Гумилевский Д.Г.).* Обзор русской духовной литературы. 862–1863. СПб., 1884. С. 268.

[220] См.: *Сенигов И.П.* Историко-критическое исследование о новгородских летописях. М., 1887. С. 27.

[221] См.: *Шамбинаго С.К.* Иоакимовская летопись // ИЗ. Т. 21. М., 1947 (далее: *Шамбинаго С.К.* ИЛ). С. 254–270.

[222] См.: *Татищев В.Н.* История российская с древнейших времен... М., 1768. Т. IV. Кн. I. Ч. 1.

[223] Привожу современные шифры этих рукописей, несколько отличные от тех, которые приведены С.К.Шамбинаго.

[224] *Шамбинаго С.К.* ИЛ. С. 265.

[225] В дальнейшем сокращенно: ОИДР.127.

[226] В дальнейшем сокращенно: Щук.710.

[227] В дальнейшем сокращенно: Син.794.

[228] В дальнейшем сокращенно: Барс.1790.

[229] В дальнейшем сокращенно: Тит.3250.

[230] В дальнейшем сокращенно: Погод.1416.

[231] В дальнейшем сокращенно: ПДА.А I/260.

[232] В дальнейшем сокращенно: КДА.215.

[233] В дальнейшем сокращенно: Ком.27.

[234] В дальнейшем сокращенно: Ком.28.

[235] В дальнейшем сокращенно: Ком.29.

[236] В дальнейшем сокращенно: ф. 115, № 133.

[237] В дальнейшем сокращенно: МИД.1161.

[238] В дальнейшем сокращенно: Маз.595.

[239] Оно сохранилось лишь в списке ПДА.А I/260; присутствие в нем этого известия указывает на связь с четырьмя первыми списками второй группы. Об этом же говорит то обстоятельство, что целиком опущенное в них известие 1434 г. о поставлении Евфимия II в списке ПДА.А I/260 сохранялось лишь в начальной части.

[240] «Книга глаголемая летописец Новгородской вкратце церквам Божиим, в которое лето которая церковь во имя строена, и при котором епископе или архиепископе, или митрополите; и в котором годе кой епископ или архиепископ, или митрополит поставлен бысть, и какие времена и лета быша; и прилучаи в котором годе какие были в Великом Новеграде и в пригородех. И то в сем летописце чтыи и обрящет по главам и но листам» – Щук.710, л. 23.

[241] Оглавление состоит из четырех частей: оглавления известий о поставлении церквей, оглавления других известий, оглавления известий о пожарах в Новгороде и оглавления известий о поставлении новгородских иерархов.

[242] Один из владельцев рукописи, стремясь, по-видимому, скрыть ее неисправность, обрезал низ последнего листа и выскоблил последние строки в оглавлении.

[243] «Историей еже о начале Русския земли», Повестью о Данииле Александровиче московском и Повестью о начале Москвы, сопутствующими НЗЛ во всех списках полного вида краткой редакции.

[244] Оно заменено кратким заглавием «Книга глаголемая летописец Великаго Новаграда» (М.1511. Л. 1).

[245] Особенностями этого вида являются опущение Послания новгородского архиепископа Василия о рае, Легенды о видении пономаря Тарасия и Повести о присоединении Новгорода к Москве, а также отличия в составе окружения летописи (см. об этом ниже).

[246] Оба списка написаны одним почерком и имеют ряд особенностей, позволяющих возводить их к общему протографу.

[247] Из постоянного окружения летописи в этом списке сохранилась только Повесть о Данииле Александровиче.

[248] *Шамбинаго С.К.* ИЛ. С. 265.

[249] ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841.

[250] Новгородские летописи. СПб., 1879.

[251] Первое издание было подвергнуто резкой критике еще М.П.Погодиным (см.: *Погодин М.П.* Новгородские летописи // Известия II отделения Академии наук. 1857–58. Т. 6. С. 209–219).

[252] Например, М.А.Ильин в статье «Мастер Петр» (Архитектура СССР. Сб. 2. М., 1943), цитируя (на с. 37) известие НЗЛ, помещенное в ней под 1119 годом, приводит «исправленный» текст издания, где говорится, что Георгиевский собор заложил князь Всеволод Мстиславич, тогда как в списках читается «Всеволод Олгович» или «Всеволод Мстислав Олгович Владимирович». Подробно об этом известии см. далее.

[253] Данные этого оглавления позволили установить взаимоотношение списков краткой редакции и помогли в определении соотношения ее видов.

[254] Полные описания рукописей, содержащих списки НУвЛ, НЗЛ, НЗабЛ и НПогЛ, приведены в книге: *Азбелев С.Н.* Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 137–274. В ней же – графические схемы их взаимоотношений.

[255] О смерти кн. Ивана Андреевича – под 1356 г., о «знамении» да небе – под 1360 г., о прибытии из Орды кн. Михаила Александровича и поездке туда Дмитрия Ивановича – под 1371 г., о казни группы дворян и смерти великого князя – под 1462 г. В силу этого можно было бы допустить, что НУвЛ является извлечением из НЗЛ и что сама НЗЛ восходит к С1Л и другим древним летописям, а не к НУвЛ. Однако такое допущение повлекло бы за собой тот вывод, что в извлечении оказалось опущенным огромное количество чисто-новгородских известий, прежде всего – касающихся церковной истории Новгорода, в частности – подобные известия о новгородских митрополитах за XVII в., что невероятно в силу уже отмечавшегося повышенного интереса НУвЛ к такого рода событиям.

[256] См.: Новгородские летописи. С. 130–171.

[257] Имею в виду окончание полного вида этой редакции.

[258] Новгородские летописи. С. 179.

[259] РГБ. ОИДР.127. Л. 93–83об.

[260] Не на своих местах в ней оказываются некоторые известия 1418, 1419, 1507, 1509, 1523, 1533, 1551, 1579 годов, т.е. как раз тех частей летописи, где хронологическая непоследовательность в пространной редакции была особенно велика (в издании эти известия расставлены по своим местам).

[261] РГБ. ОИДР.127. Л. 98.

[262] Новгородские летописи. С. 181.

[263] РГБ. ОИДР.127. Л. 127об.

[264] В тексте 1097 года (Новгородские летописи. С. 186–187).

[265] Заглавие, читающееся перед летописным текстом в пространной редакции: «Летописец Русской и Киевской».

[266] Новгородские летописи. С. 197.

[267] РГБ. ОИДР.127. Л. 159.

[268] Судя по работе С.К.Шамбинаго, он использовал списки Румянцевский, Толстовский, Археографической комиссии и Киевской духовной академии не по рукописям, а только по изданию, которое не содержит «легендарной части».

[269] См.: *Попов А.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 442–447.

[270] См.: *Гиляров Ф.* Предания русской начальной летописи. Приложения. М., 1878. С. 15–22.

[271] С.К.Шамбинаго ошибочно указывает, что текст этот напечатан Гиляровым «по 23 рукописям» (см.: *Шамбинаго С.К.* ИЛ. С. 261. Примеч. 1).

[272] Списки этого памятника уже много позднее работы С.К.Шамбинаго изучал А.Л.Гольдберг в упомянутой выше статье.

[273] В рукописях, содержащих НЗЛ, в конце добавлена, за счет сокращения последней фразы остальных списков, фраза о Владимире Святославиче и введении христианства.

[274] Не может быть сомнения в том, что это два различных памятника. Об этом говорит их содержание и то обстоятельство, что они в других случаях встречаются отдельно.

[275] См.: *Шамбинаго С.К.* ИЛ. С. 263.

[276] Там же. С. 262.

[277] Там же. С. 258–261; *Татищев В.Н.* История... С. 31–40. По изданию «Истории» В.Н.Татищева в 1962 г. (см. примечание 20) это с. 108–113.

[278] *Шамбинаго С.К.* ИЛ. С. 258–259.

[279] Там же. С. 365.

[280] Там же. С. 262.

[281] См.: *Татищев В.Н.* История... С. 31 (по изданию 1962 г. с. 108).

[282] Там же. С. 35.

[283] См.: *Татищев В.Н.* История... С. 38–40 (по изданию 1962 г. с. 112); НЗЛ под 989 годом.

[284] РГБ. ОИДР.127. Л. 1.

[285] *Гиляров Ф.* Предания... С. 15.

[286] РГБ. ОИДР.127. Л. 325об.

[287] Ошибка; должно быть, очевидно, «Людине».

[288] РГБ. ОИДР.127. Л. 340.

[289] РГБ. ОИДР.127. Л. 424об.

[290] РГБ. ОИДР.127. Л. 71.

[291] Опущение этого известия краткой редакцией (если оно содержалось в пространной), возникшей, как увидим, до перенесения останков Иоакима, может быть объяснено тем, что решение об их перенесении уже было принято, но еще не было осуществлено.

[292] РГБ. ОИДР.127. Л. 96–96об.

[293] РГБ. ОИДР.127. Л. 98об. В списке Р.252 стоит дата 7105, которая явилась результатом ошибки переписчика, принявшего ЗРЕ за ЗРЧ.

[294] См.: Н1Л, Н2Л, НЗЛ, Н4Л и Н5Л.

[295] См. Н1Л.

[296] См.: НЗЛ, Н4Л и Н5Л.

[297] См.: Н1Л, Н4Л и Н5Л.

[298] См.: Запись о ружных церквах и монастырях в Новгороде и новгородских пятинах, составленная в XVI веке при новгородском архиепископе Александре (1577–1589) // ЧОИДР. Кн. 24. М., 1856. Смесь. С. 26.

[299] См.: «Роспись, сколько в Великом Новегороде на Софийской и на Торговой стороне градских и околоградских монастырей, местных храмов и приделов, учиненная в 1615 году, после опустошений, произведенных в Новегороде шведскими войсками под предводительством генерала Якова Понтуса Делагарди» в кн.: *Болховитинов Е.* Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1806 (Прибавление II. С. 84). Этим опровергается приводимое И.И.Красовым (См.: *Красов И.* О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1851. С. 15) известие Николо-Дворищенского летописца (конца XVIII в.) о том, что церковь Бориса и Глеба «раззорена от немец до основания».

[300] См.: *Мацулевич Л.А.* Храмы Детинца на неизданном плане Новгорода XVII века // Сборник Новгородского общества любителей древности. 1910. Вып. 3. С. 1–3. Этим опровергается мнение П.Л.Гусева (см.: *Гусев П.* Нов-

городский детинец по изображению на иконе Михайловской церкви. СПб., 1913. С. 9–10), будто церковь Бориса и Глеба была разорена в первой половине XVII в.

[301] См.: Челобитная государям Иоанну и Петру Алексеевичам священников Борисоглебской на Торговой стороне церкви о передаче им денежной и хлебной руги, жалуемой на упразднившуюся церковь Бориса и Глеба, что в Детинце // «Москвитянин», 1853, № 15. Исторические материалы. С. 53.

[302] О постройке самой церкви Бориса и Глеба сообщается особо под 1167 г.

[303] С1Л под 1049 г. (ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. Л., 1925. С. 130).

[304] По этому вопросу высказывались разные точки зрения. Так, А.П.Барсуков считал, что Иоаким был поставлен новгородским митрополитом в декабре 1672 г. (см.: *Барсуков А.П.* Всероссийский патриарх Иоаким Савелов. СПб., 1891. С. 9); по мнению Е. Болховитинова, Иоаким был митрополитом с декабря 1673 г. по июль того же года (см.: *Болховитинов Е.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. СПб., 1827. Т. 1. С. 225–226). Мы считаем, вслед за П. С. Смирновым (см.: *Смирнов П.* Иоаким патриарх московский. М., 1881. С. 15. Примеч. 2), совершенно бесспорным, что Иоаким занимал новгородскую кафедру с декабря 1673 по июль 1674 г. Об этом свидетельствует многочисленный актовый и другой материал. 22 декабря 1673 г. Иоаким был поставлен митрополитом из архимандритов Чудова монастыря (см.: Акты исторические. Т. 4. СПб., 1842. С. 501, № 231). 25 января он был отпущен из Москвы и 4 февраля прибыл в Новгород (см.: Акты исторические. Т. 4. С. 501, № 231). В тот же день он издает указ о порядке «заседания» новгородских священнослужителей в дни торжественных богослужений в Софийском соборе (см.: Акты исторические. Т. 4. С. 502, № 232). В грамоте Патриаршего разряда от 21 марта 1674 г. он назначен новгородским митрополитом (см.: Дополнения к актам историческим. Т. 4. СПб., 1857. С. 335, № 102). 6 мая того же года Иоаким в качестве новгородского митрополита посылает грамоту в Тихвинский монастырь (см.: Акты, собранные Археографической экспедицией. Т. 4. СПб., 1836. С. 244, № 190). В приводимой Е.А.Болховитиновым (на с. 179) записке Коллегии иностранных дел говорится, что «лета 7182 [т.е. 1673]; в месяце септемврии, праздну сущу всероссийскому... престолу, после кормничества... святейшего Питирима», значит, Иоаким тогда еще не был патриархом. Он стал им только 26.VII.1674 (см.: Древняя российская вивлиофика. Ч. 11. М., 1789. С. 244). В предисловии к торжественнику, писанному 12.V.1675, говорится: «Совершися книга сия... престол же апостольский содержащу... Иоакиму патриарху... в 1 лето патриаршества его» (см.: *Горский А.* и *Невоструев К.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. 2. М., 1859. Ч. 2. С. 673). Наконец, сам Иоаким в своей духовной грамоте, датированной 1690 годом, пишет о себе, что «управления церкви христове уже шестоенадесять лето имам», т.е. с 1674 г. (см.: Житие и завещание святейшего патриарха Иоакима. СПб., 1879. С. 106). Поэтому дата поставления Иоакима патриархом по НЗЛ – 26 июля 1674 года – не может

вызывать сомнений. Указание этой летописи на то, что Иоаким «бысть на владычестве 6 месяцев и девять дней», свидетельствует, по-видимому, о том, что вскоре после смерти Питирима (он умер еще в 1673 г.) Иоаким, как кандидат на патриарший престол, был вызван в Москву и более уже не возвращался в Новгород. Отнесение же большинством списков НЗЛ (в том числе и пространной редакции) к 1674 г. даты поставления Иоакима новгородским митрополитом – безусловно, следствие описки.

[305] На основании еще одного признака – того обстоятельства, что летопись, заканчиваясь известием о доставлении Иоакима патриархом (26.VII.1674), не содержит известия о поставлении в Новгород на его место Корнилия (6.VIII.1674) – можно было бы датировать окончание составления пространной редакции периодом между 26.VII.1674 и 6.VIII. того же года. Несмотря на всю соблазнительность столь точной датировки, считаем необходимым от нее воздержаться, так как, исходя из изложенных ниже соображений, отсутствие известия о Корнилии еще не свидетельствует о том, что летопись не могла быть закончена уже при нем.

[306] Второй аргумент С.К.Шамбинаго – наличие в НИЛ упоминания «святителя Иоакима» в качестве ее автора – должен быть отброшен, ввиду невозможности отождествлять эту летопись с НЗЛ.

[307] См.: *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2. Кн. 1. С. 722.

[308] *Сахаров И.П.* Записки русских людей. СПб., 1841. [Записки Крекшина]. С. 32.

[309] Кн. 1. СПб., 1884. С. 254.

[310] В пользу этого говорит то обстоятельство, что основной почерк Строевского списка сходен с одним из почерков, которыми написаны письма Иова (ср. третий том писем Иова: РНБ. Софийское собр. № 1427).

[311] В частности, Иову было поручено освящение первой в Петербурге церкви Петра и Павла в Петропавловской крепости.

[312] РНБ. Соф. 1425–1427. Часть из них издана (см.: *Чистович И.* Новгородский митрополит Иов и его переписка с разными лицами // Странник. 1861. Т. 1. Отд. 1. С. 75–145).

[313] Письма к Иову см. в публикации Макария: Письма русских государей, великих князей и других особ к новгородским архиереям, хранящиеся в новгородском Софийском соборе // ЧОИДР. 1860. Кн. 3. Смесь. С. 123–148.

[314] Правда, произведенный мною сплошной просмотр писем Иова по рукописям не позволил обнаружить прямых на это указаний (хотя в письмах, составляющих в обшей сложности около тысячи листов в 1°, его деятельность отражена довольно полно). По-видимому, это объясняется тем, что при Иове летопись только дополнялась, что не требовало большой работы по сбору материала, и поэтому вряд ли должно было непременно отразиться в его переписке.

[315] См.: *Тихомиров М.Н.* Новгородский хронограф XVII века // Новгородский исторический сборник. Вып. 7. Новгород, 1940. С. 66–114.

[316] См.: *Черепнин Л.В.* «Смута» и историография XVII века» (из истории древнерусскою летописания) // ИЗ. Т. 14. М., 1945. С. 119–127.

[317] В дальнейшем сокращенно: Забел.261.

[318] В дальнейшем сокращенно: ТП.1342.

Список обнаружен В.В.Яковлевым.

[319] В дальнейшем сокращенно: Эрм.417.

[320] В дальнейшем сокращенно: Эрм.418.

[321] В дальнейшем сокращенно: Вяз.241.

[322] В дальнейшем сокращенно: Муз.2159.

[323] В дальнейшем сокращенно: МИД.22.

[324] Наличие вставок в этой рукописи было отмечено М.Н.Тихомировым (Новгородский хронограф XVII века. С. 68).

[325] Исследована Л. В. Черепниным в указанной работе.

[326] Л. В. Черепнин в указанной статье (где он рассматривает преимущественно заключительную часть свода) отмечает только использование издания 1680 г. В начальной же части НЗабЛ несколько раз прямо говорится, что та или иная статья выписана из Синопсиса издания 1674 г.

[327] О тексте этого Сказания в рукописи Забел.261 см.: *Тихомиров М.Н.* Древняя Москва. М., 1947. С. 204–206.

[328] На использование его указывает сам составитель на л. 169 об. Начало отрывка, почерпнутого из харатейного летописца, приведено М. Н. Тихомировым (Новгородский хронограф XVII века. С. 67).

[329] См.: *Черепнин Л.В.* «Смута»... С. 121.

[330] Л.В.Черепнин относит составление летописи к 1680 г. (см. там же, с. 121 и 127).

[331] Оригинала этой рукописи в архиве Воронцовых в СПбИИ обнаружить не удалось.

[332] Л.В.Черепнин, касаясь взаимоотношения списков Муз.2159 и МИД.22 с Забел.261, высказал предположение о «большей близости к протографу Забелинского списка» («Смута»... С. 123), ввиду того, что новгородский характер данной редакции Нового летописца соответствует новгородскому происхождению всего текста Забел. 261, а время составления этой редакции совпадает со временем составления всего свода, и что в связи с этим вероятнее возводит указанную редакцию Нового летописца к этому своду, а не наоборот (там же, с. 121–123). Правильность такого предположения доказывается с полной очевидностью сличением списков Муз.2459 и МИД.22 с Забел. 261. Текст содержащихся в последнем вставок, написанных на другой бумаге, есть и в той части свода, которая читается в этих (и других) его списках. Одна из этих вставок (на л. 232–235) разрывает в списке Забел. 261 ранее составленный текст на полуслове («...что словет Корсунская...»), причем на л. 231 об., перед началом вставки, приписано «А конец сей статьи – перекинув 4 листа и тут конец». Весь текст, включая вставку, есть в списках Муз.2159 и МИД.22 (как и в других списках свода). Любопытно, что переписчик, обратив внимание на приписку, устранил разрыв и дописал сначала конец разорванного известия, а затем уже – текст вставки (см.: Муз.2159. Л. 280; МИД.22. Л. 273).

[333] В дальнейшем сокращенно: Погод.1411.

[334] В дальнейшем сокращенно: Эрм.414.

[335] В дальнейшем сокращенно: Эрм.445.

[336] В дальнейшем сокращенно; Чертк.331.

[337] В дальнейшем сокращенно: МИД.9.

[338] Напомним, что Казанская история следует после текста летописного свода в самой рукописи Забел. 261. Можно предположить, что существовала обработанная редакция текста этой рукописи (носящей, как мы видели, характер черновика и лишь условно названной мною окончательной редакцией), включавшая, в частности, Казанскую историю в летописный текст, и что сокращение именно этой

обработанной редакции (а не самого текста рукописи Забел. 261) легло в основу НПогЛ. Однако каких-либо конкретных данных, подтверждающих существование такой редакции, пока нет.

[339] В дальнейшем сокращенно: Увар.2.

[340] В дальнейшем сокращенно: Забел.270.

[341] В дальнейшем сокращено: Барс.1791.

[342] В дальнейшем сокращенно: Барс.1793.

[343] Список обнаружен В.В.Яковлевым.

[344] В дальнейшем сокращенно: Погод.1474.

[345] В дальнейшем сокращенно: Эрм.444.

[346] Список обнаружен В.В.Яковлевым.

[347] В дальнейшем сокращенно: ПДА, AI/260.

[348] Список обнаружен В.В.Яковлевым.

[349] В дальнейшем сокращенно: 188/6. Список обнаружен В.В.Яковлевым.

[350] В дальнейшем сокращенно: 188/7. Список обнаружен В.В.Яковлевым.

[351] В дальнейшем сокращенно: ОИДР.129.

[352] В дальнейшем сокращенно: Унд.1141.

[353] В дальнейшем сокращенно: Тит.3217.

[354] В дальнейшем сокращенно: Муз.2513.

[355] В дальнейшем сокращенно: ИИ.61. Список обнаружен В.В.Яковлевым.

[356] В дальнейшем сокращенно: НМ.11250.

[357] Несомненно, что краткая редакция восходит именно к сокращенной, а не к первоначальной редакции НПогЛ, так как в ней есть тексты, полностью и дословно совпадающие с соответствующими текстами сокращенной редакции, которые, в свою очередь, являются сокращением текстов, читающихся в первоначальной редакция – невозможно допустить, чтобы краткая и сокращенная редакции независимо одна от другой одинаково сократили эти тексты.

[358] В списке Увар. 2 после этого идет приписанное другим почерком известие 1785 г. о «знамении в солнце», в Забел. 270 тем же почерком – известия 1803 и 1807 гг. об обратном течении Волхова, после которых – краткое описание царствований Петра I, Екатерины I, Анны Иоанновны, Екатерины II и Павла I и известие о вступлении на престол Александра I.

[359] Дата смерти указана точно, как и в других списках, но вместо «Федор Иванович» по ошибке стоит «Иван Иванович» (БАН. 21.6.13. Л. 108об.).

[360] Хотя в известных списках первоначальной редакции НПогЛ текст заходит в XVIII век, вторая редакция содержит сокращение первоначальной только до 80-х гг. XVII в., после чего их тексты расходятся и имеют лишь отдельные совпадения, причем в совпадающих известиях, текст сокращенной редакции часто оказывается более полным (чего ранее не встречается) – по-видимому, эти совпадения объясняются использованием в дополнительных частях обеих летописей общего источника.

[361] В самой рукописи имеется ряд пометок, приписок и рисунков А.И.Сулакадзева, рекламирующих и фальсифицирующих ее текст.

[362] Л. 153–160 вплетены не на свое место.

[363] Заглавие это повторено перед началом летописного текста.

[364] Это представление отобразилось в известной книге Д.С.Лихачева, особенно в ее Заключении (см.: *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 423–424).

[365] Обнаруженные А.Н.Насоновым памятники московского летописания XVII в., в частности – официальная летопись Петра I, свидетельствуют о том, что летописная работа продолжалась и в Москве в течение всего

XVII в., причем она носила здесь также официальный характер (см.: *Насонов А.Н.* История русского летописания... С. 478–499). Возникновение и развитие новых исторических жанров, начавшееся еще в XV в. (появление Русского хронографа) и продолжавшееся в течение XVI и XVII вв., привело к тому, что летописи перестали быть единственной формой крупного исторического произведения. Однако само по себе это смещение летописания в общей системе жанров древнерусской литературы, вызванное ее поступательным развитием, не сопровождалось затуханием роли летописи как исторического документа.

К главе 6

[366] См.: *Лихачев Д.С.* Русские летописи... С. 347–354. Отдельные случаи уснащения документального в своей основе летописного рассказа литературным вымыслом имели место и ранее (см., напр.: *Еремин И.П.* Киевская летопись, как памятник литературы // ТОДРЛ. Т. 7. М.; Л., 1949. С. 67–97).

[367] Краткий новгородский летописец РГБ, собр. Троице-Сергиевой Лавры № 805 включил пересказ сказания о подвигах Александра Поповича. См.: *Клосс Б.М.* Новый памятник русского эпоса в записи XVI в. // «История СССР», М., 1968, № 3. С. 151–157. Новым на самом деле является не памятник, а лишь зафиксированный факт его отображения в новгородской летописи. Ранее оно отмечалось в других летописях. См.: *Лихачев Д.С.* Летописные известия об Александре Поповиче // ТОДРЛ. Т. 7. С. 17–51.

[368] См.: *Марков А.В.* Один из случаев литературного вымысла в московском летописании // ИОРЯС. Т. 18. СПб., 1914. С. 43–44.

[369] Там же. С. 42–48.

[370] См.: *Калайдович К.* Повести древних лет, яже содеяшася в Великом Новгороде. О посаднике Добрыне (из древней рукописи) // Северный архив. Ч. 26. СПб., 1827. С. 196–200; Легенда о построении варяжской божницы в Новгороде // Памятники старинной русской литературы. Вып. 1. СПб., 1860. С. 251–252.

[371] РГБ. ОИДР.127. Л. 156.

[372] Новгородские летописи. С. 194.

[373] Об употреблении этого термина см. в работе: *Гусев П.Л.* Откуда произошло название «ропата»? // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 2. Новгород, 1909. С. 12–14.

[374] См. Н1Л обоих изводов, Н4Л, Н5Л, НЛД.

[375] Указанная в краткой редакции Н3Л дата переноса церкви – 6700 [1192] г. – в изданных вариантах повести отсутствует. Очевидно, составителем был использован другой вариант, содержавший или саму эту цифру, или указание на то, что церковь была перенесена через семь лет после ее постройки, на основании которого уже нетрудно было выставить год.

[376] Пространная редакция: «Поставиша церков камену на Дубне, Покрова Богородицы, и стяжанием раба божия Олония мнеха, при архиепископе Иоанне» (РГБ. ОИДР.127. Л. 316об.). Краткая редакция: «Поставиша церковь каменну на Дубенке, во имя пресвятыя Богородицы Покрова, стяжанием раба божия Олония мниха, нарицаемого Шила, при архиепископе

Иоанне» (Новгородские летописи. С. 253).

[377] См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 93, 333; ПСРЛ. Т. IV, ч. I, вып. I. Пг., 1915. С. 254; ч. II, вып. I. Пг., 1917. С. 340; Новгородские летописи. С. 26, 314; ГИМ. Увар.268. Л. 246об.

[378] См.: *Еремин И.П.* Из истории старинной русской повести. Повесть о посаднике Щиле (исследование и тексты) // Труды Комиссии по древнерусской литературе Академии наук. 1. Л., 1932. С. 96. Разбор литературы вопроса см. там же, на с. 60–64, 98–102.

[379] Щилов монастырь фигурирует в перечне 24 монастырей, сожженных новгородцами в окрестностях города для удобства обороны в связи с готовившимся походом на Новгород Дмитрия Донского (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. Л., 1925. С. 346; т. 5. СПб., 1851. С. 241).

[380] «...Поставиша церков каменну на Дубенке во имя святыя Богородица Покров, стяжанием раба божиа Олониа мнеха, нарицаемого Сшкила; и бысть монастырь крестияном прибежище» (ПСРЛ. Т. 3. С. 333).

[381] «...Постави церков камену, во имя святыа Богородица Покрове, стяжанием раба божиа Олония мниха, нарицаемого Шкила: и бысть монастырь, а христианом прибежище» (Новгородские летописи. С. 26).

[382] Имеется в виду, вероятно, архиепископ Иоанн-Илья (1165–1186), имя которого было особенно популярно в Новгороде во время возникновения Повести (см.: *Еремин И.П.* Из истории старинной русской повести. С. 114).

[383] См.: *Еремин И.П.* Из истории старинной русской повести. С. 96–97.

[384] Указание на архиепископа Давида добавлено только в краткой редакции самой НЗЛ.

[385] См.: *Азбелев С.Н.* Новгородские местные летописцы // ТОДРЛ. Т. 15. М.; Л. 1958. С. 368–369.

[386] ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 142.

[387] ГИМ. Увар.568. Л. 175об.–176.

[388] РГБ. ОИДР.127. Л. 130.

[389] Без существенных изменений приведенный текст пространной редакции НЗЛ перешел и в краткую ее редакцию. См.: Новгородские летописи. С. 187–188. Дополнительные подробности относительно эволюции этого известия в списках новгородских летописей сообщил В.В.Яковлев, высказавший и ряд соображений по поводу его исторической и литературной основы. См.: *Яковлев В.В.* Сказание об иконе Николая Чудотворца «круглая доска» и поздняя летописная традиция // Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность. СПб., 1997. С. 136–144.

[390] См.: ГИМ. Увар. 568. Л. 241об. Это указание есть и в краткой редакции НЗЛ (См.: Новгородские летописи. С. 209); очевидно, оно попало в нее через посредство пространной редакции; однако в списке ОИДР.127 этого текста нет, что, по-видимому, является следствием пропуска переписчика.

[391] РГБ. ОИДР.127. Л. 155об.

[392] ГИМ. Забел. 261. Л. 156.

[393] Ср.: Памятники старинной русской литературы. Вып. 1. С. 255–256.

[394] Новгородские летописи. С. 252.

[395] См.: *Васенко П.Г.* Житие св. Михаила Клопского в редакции 1537 года и печатное его издание // ИОРЯС. Т. 7. Кн. 3. СПб., 1903. С. 44–58.

[396] См. текст Тучковской редакции в издании: Повести о житии Михаила Клопского // Подготовка текстов и статья Л.А.Дмитриева. М.; Л., 1958. С. 141–167.

[397] См.: ВМЧ, ноябрь, дни 1–12, СПб.,

1897. Стлб. 163.

[398] Весьма возможно, что у летописца были и более веские соображения для выставления именно этой даты. Специальное выяснение этого вопроса не входит в задачу настоящей работы.

[399] Новгородские летописи. С. 218.

[400] Ср.: *Розов Н.Н.* Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики // ТОДРЛ. Т. 9. М.; Л., 1953. С. 178–219.

[401] См.: *Янин В.Л.* Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 323–324.

[402] ГИМ. Увар.568. Л. 348об.

[403] РГБ. ОИДР.127, Л. 339об.

[404] ГИМ. Увар.568, Л. 275.

[405] РГБ. ОИДР.127. Л. 263.

[406] Новгородские летописи. С. 240.

[407] См.: РГБ. ОИДР.127. Л. 147об.–148.

[408] Возможно, что эта цифра была проставлена и самим составителем пространной редакции, но затем пропущена переписчиком, из рук которого вышел список ОИДР.127.

[409] См.: *Петухов Е.В.* Очерки по литературной истории синодика. СПб., 1895. С. 288.

[410] См.: *Дергачева И.В.* Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М., 2004. С. 162; *ее же.* Древнерусский синодик. Исследования и тексты. М., 2011.

[411] См.: *Игнатьев Р.* Несколько слов о вкладных записях и синодиках // «Новгородские губернские ведомости», 1852, № 51, 27 декабря; *Макарий.* 1) В одном софийском (в Новгороде): синодике XVI века написано // ЧОИДР. М., 1856. Кн. 24. Отд. 3. С. 40; 2) Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1–2. М., 1860; *Осиновский П.* Историческое описание Спасо-Преображенской церкви в Новгороде // Памятная книжка новгородской губернии за 1893 г. Приложения. С. 11–26; *Муравьев М.В.* Синодик Черменецкого монастыря // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 2. Новгород, 1909. С. 25–27; *Шляпкин И.А.* Синодик 1552–1560 гг. новгородской Борисоглебской церкви // Сборник новгородского общества любителей древности. Вып 5. Новгород, 1911. См. также рукописные синодики Новгорода в Новгородском историко-архитектурном музее-заповеднике и других хранилищах.

[412] См.: *Макарий.* Археологическое описание... Ч. 1. С. 145, 439, 405, 460, 588.

[413] Кроме него записаны имена еще 13 строителей (там же. С. 558–559).

[414] Этот текст, представляющий несомненный интерес и для историков новгородской архитектуры и живописи, мы приводим по рукописи Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника № 11035 (л. 4–6): «В лето 6693 года, месяца маиа в 1 день, на память святаго пророка Еремиа, в четверток шестыя недели по пасце, в самой праздник Вознесения Господня, на вечерне против пятка, бысть знамение в солнце и во звездах. И того ради страшливо видения заложиша тысецкие Великаго Новаграда и создаша церковь каменную во имя Вознесения Господа нашего Иисуса Христа, по образу святыя Троицы, троеглавны, близ стены грацкой. И в той святыя церкви устроиша два предела на полатях; от южныя убо страны предел во имя пресвятыя Богородицы честнаго ея Покрова, от северныя страны предел архиерея Христова Николая чудотворца; и освятиша и подписаша настенным подписанием гре-

ческими изуграфы пречюдно велми, елико очи зрящих удивлятися могут, и божественными иконами и всякою церковною утварию украсиша, якоже лепо бе, и села со многими имением даша на подтверждение той святей церкви, иже бы непоколебимо пребывати на веки, тако же и на пропитание служителям той святыя церкви. Создатели святыя церкви суть вси: Михаил, Терентий, Михаил, Симеон, Иоанн иже призванием Морозовых, такожде иныя: Михаил, Феодор, Василий, Игнатий и иные мнози:. еще же и жене: Улиания, Ксения, Агрипина; иже преставишася койждо в свое время и погребены быша при той созданной церкви на южной и северной странах в настенных гробех. И образы подобие их одежды, яковы носяху, написаны суть и внутрь на церковной стране, по стране южных церковных дверей, в написании том 17 лиц. Бяху бо сии создателие града владители быша по древнему грацкому обычаю убо тысецкие, во инных летописцех посадники именовахуся. Пришествие же их в Великий Новъград бяше от Пруския земли во время княжения великаго Александра Ярославича, нарицаемого Невскаго». Неточную публикацию см. у Макария (Археологическое описание... Ч. 1. С. 187).

[415] См.: *Осиновский П.* Историческое описание Спасо-Преображенской церкви в Новгороде. С. 18. Текст летописного рассказа 1562 г. опубликован на с. 20–21.

[416] См.: *Макарий.* Археологическое описание... Ч. 1. С. 377–381.

[417] РГБ. ОИДР.127. Л. 157об.

[418] ПСРЛ. Т. 3. С. 234.

[419] Новгородские летописи. С. 196.

[420] ПСРЛ. Т. 3. С. 359.

[421] *Макарий.* Археологическое описание... Ч. 1. С. 377–378.

[422] Новгородские летописи. С. 221.

[423] РГБ. ОИДР.127. Л. 288.

[424] ПСРЛ. Т. 3. С. 379.

[425] *Макарий.* Археологическое описание... Ч. 1. С. 378.

[426] Новгородские летописи. С. 244.

[427] Так, в непосредственной близости от церкви Филиппа находились церкви Павлова и Воскресенского монастырей, а также Знамения, Успения и Спаса на Ильине (см. план Новгорода до перепланировки в XVIII в., приложенный к работе: *Муравьев Н.Н.* Исторические исследования о древностях Новгорода, СПб., 1828, а также работу: *Передольский В.С.* Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, 1898. С. 117–121). По летописным данным к 1347 году все эти церкви уже существовали (см.: *Прозоровский Д.* Новгород и Псков по летописям, с дополнениями по другим источникам. СПб., 1887. С. 105, 112, 132, 147, 151).

[428] См.: *Макарий.* Археологическое описание... Ч. 1. С. 381.

[429] Ср. перечень строителей церкви Вознесения в приведенном выше отрывке из ее синодика, где все 12 строителей церкви подразумеваются тысяцкими (или даже посадниками). В летописях тысяцким назван основатель церкви Миронег (вероятно, христианское имя его было Михаил, под каковым он, очевидно, и открывает перечень строителей церкви в ее синодике).

[430] Макарием в его заметке «В одном софийском (в Новгороде) синодике XVI века написано» (с. 40) опубликованы три таких записи (1541, 1543, 1548 гг.). Приводим первую из них: «Лета 7049 [1541], при Макарии

архиепископе великаго Новгорода и Пскова, шила пелену Анна княжна Никитина Васильевича Оболенского, в дом святыя Софии неизреченныя Премудрости Божия, к ней же пелена и приложена бысть; а за то архиепископу Макарию или кто по нем иный архиепископ будет в Новеграде, велети поминати протопопу с братиею в сенанике и в литейном поминании в повседневном, докуда и храм святыя Софии неизреченныя Премудрости Божия стоит, а из сенаника и литейнего из повседневнаго поминания не выгладити княгини Анны».

[431] См.: *Шляпкин И.А.* Синодик 1552–1560 гг. новгородской Борисоглебской церкви, с. 8–9; рукописные синодики Новгородского музея – № 11033 (XVII в.), л. 74, 75, 76, 120, 157, № 11036 (XVII в.), л. 107–108 и др.

[432] Это известие первоначальной редакции (оставшееся в данном случае и в окончательной) оказалось рядом со вторым известием о построении той же церкви, взятым из другого источника, вклеенным на отдельном листе, и относящемся уже к окончательной редакции свода.

[433] ГИМ. Забел. 261. Л. 333об.

[434] Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник, № 11036. Л. 107–108.

[435] ГИМ. Забел. 261. Л. 334.

[436] В этой связи интересно отметить, что использование синодика имело место и в сибирском летописании XVII в., возникшем тогда под руководством прибывшего из Новгорода архиепископа Киприана, ставшего впоследствии новгородским митрополитом. См.: *Лихачев Д.С.* Русские летописи... С. 394.

[437] См.: *Макарий.* Археологическое описание... Ч. 2. С. 78. Примеч. 151.

[438] Точное местоположение самой надписи Карамзин не указывает. В последнее время обнаружить ее не удалось.

[439] См.: *Каргер М.К.* К вопросу об источниках летописных записей о деятельности зодчего Петра и Феофана Грека в Новгороде // ТОДРЛ. Т. 14. М.; Л., 1958. С. 563–566. Сами надписи Ковалевской церкви погибли при разрушении ее огнем фашистской артиллерии в 1941 г. Одна из этих надписей была опубликована ранее, вторая (фрагмент) приводится автором в указанной статье.

[440] РГБ. ОИДР.127. Л. 424об.–425.

[441] ГИМ. Увар.568. Л. 417.

[442] РГБ. ОИДР.127. Л. 392.

[443] «Чудным» этот крест стал называться, по-видимому, после того, как он был установлен на месте прежнего «Чудного» (он же «Черный») креста, текст надписи с которого приводился выше. Об этой замене сообщается в НЗЛ (РГБ. ОИДР.127. Л. 424об.) вслед за приводимой ниже надписью.

[444] См., например: *Глаголев А.* Извлечение из краткого обозрения древних русских зданий и других отечественных памятников // Журнал министерства внутренних дел. Кн. 6. 1839. С. 282; *Макарий.* 1) Древние кресты в Новгороде // Известия Имп. Археологического общества. СПб., 1859. Т. 2. Вып. 2. Стлб. 86; 2) Археологическое описание... Т. 2. С. 126; *Толстой М.* Святыни и древности Великого Новгорода. М., 1862. С. 79; *Тихомиров П.* Сказание о новгородской чудотворной иконе Знамения Божией матери. Новгород, 1872. С. 129; *Богословский Н.* Чудный крест в Новгороде // Древняя и новая Россия. 1875. Т. III. С. 389; *Краснянский Г.* Сказания о Чудном

кресте. Новгород, 1876. С. 3.

[445] *Макарий.* Археологическое описание... Ч. 2. С. 126.

[446] Число не указано.

[447] РГБ. ОИДР.127. Л. 424об.

[448] О малоквалифицированном обновлении этой надписи уже во второй половике XIX в. свидетельствует то обстоятельство, что текст ее, опубликованный Н.Н.Богословским спустя 15 лет после публикации Макария, содержал после цифры года слова «а рождества Христова 1576» (ошибка, должно быть 1547), которых ранее, по-видимому, не было (во всех других публикациях они отсутствуют). Не должно нас смущать и то, что надпись была вырезана, а не написана красками на подножии креста, составляющем одно целое с верхним резным слоем дерева самого креста. Макарий указывает, что надпись обновлялась, по-видимому, одновременно со всей резной частью креста (наложенной сверху на более толстый крест из другого дерева). В подтверждение он сообщает, что подобного же рода крест в монастыре Саввы Вишерского неоднократно возобновлялся, причем в 1791 г. «обложен весь другим крестом с резными изображениями и надписями» (см.: *Макарий.* Древние кресты в Новгороде. С. 86–87).

[449] Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник, инв. № 7578. Неточная публикация дана Макарием (Археологическое описание... Ч. 2. С. 78).

[450] Новгородские летописи. С. 209.

[451] РГБ. ОИДР.127. Л. 131–131об.

[452] *Карамзин Н.М.* История государства российского. СПб., 1892. Т. 2. С. 89. Примеч. 225.

[453] Новгородские летописи. С. 188–189.

[454] См.: Новгородские летописи. С. 188.

[455] См.: *Ратшин А.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852. С. 369–370.

[456] См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 214; Новгородские летописи. С. 188.

[457] См.: *Каргер М.К.* К вопросу... С. 564.

[458] Только в одном списке – Щук.710 – имя основателя церкви верно исправлено на «Мстислав Владимирович» – см. л. 54 (15)об.

[459] См.: *Амвросий.* История российской иерархии. М., 1815. Ч. 4. С. 736.

[460] См.: *Каргер М.К.* К вопросу... С. 566.

[461] Недавно к этому вопросу обратился В.В.Яковлев в статье, содержащей фактические ошибки (см.: *Яковлев В.В.* О строительстве Георгиевского собора Юрьева монастыря по письменным источникам // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Редактор и текст. СПб.. 2000. Вып. 3. С. 395–406). Так, например, приведенную им цитату из рукописи БАН 34.4.1 В.В.Яковлев ошибочно называет «копией с памятной монастырской надписи» (с. 396), тогда как в действительности между надписью и летописным текстом есть смысловые различия – помимо различий в изложении; В.В.Яковлев приписал Я.С.Лурье отсутствующее у него ошибочное утверждение, будто в Рогожском летописце использованы, помимо Н4Л, «по меньшей мере еще две новгородские летописи» (с. 397 с отсылкой к страницам 22–23 статьи Лурье о Рогожском летописце в «Словаре книжников»). Саму же рукопись БАН 34.4.1 В.В.Яковлев именует Новгородской Корнильевской летописью, тогда как это один из трех списков Новго-

родской Уваровской летописи. Характеризуя списки ее, я писал: «следует оговориться, что рукопись БАН 34.4.1 лишь условно может быть отнесена к спискам НУвЛ, так как к ее основному тексту почерком последней четверти XVII в. сделаны многочисленные добавления (на полях и после окончания текста), которые отсутствуют в двух остальных списках и, собственно, уже не относятся к самой этой летописи, а представляют в совокупности с ее текстом как бы черновик другого летописного свода. С этой точки зрения рукопись будет рассматриваться в специальной статье» (ТОДРЛ. Т. 16. М., Л., 1960. С. 271). Не дожидаясь обещанной моей статьи, В.В.Яковлев поспешил объявить упомянутую рукопись особой летописью, тогда как на самом деле она содержит в черновом виде первоначальный вид пространной редакции НЗЛ.

[462] Цитирую по статье М.К.Каргера, поскольку остальные публикации данной надписи, как сообщал этот исследователь, не вполне точны (см.: *Каргер М.К.* Ук. соч. С. 564–565). При передаче текста мною произведены некоторые упрощения орфографии.

[463] РГБ. ОИДР.127. Л. 268.

[464] Новгородские летописи. С. 243; см. также примечание (*) на той же странице.

[465] См.: *Макарий.* Археологическое описание... Ч. 1. С. 380–381.

[466] Там же. С. 380. Примечание 318.

[467] См. Н2Л под 1572 г. (Новгородские летописи. С. 110). См. также рукопись РНБ, Софийское собр. № 1468, л. 182 об.–183 (текст любезно указан мне Э.С.Смирновой).

[468] Имеющиеся публикации этой надписи содержат значительные неточности. Я пользуюсь текстом, любезно предоставленным мне Н.Г.Порфиридовым, специально изучавшим надписи на новгородских колоколах.

[469] ГИМ. Забел. 261. Л. 637.

[470] РГБ. ОИДР.127. Л. 427.

[471] О деятельности этого мастера см. в работе: *Семенов А.И.* Новгородские и псковские литейщики XVI–XVII вв. Новгород, 1928. С. 3.

[472] ГИМ. Забел. 261. Л. 412; РГБ. ОИДР.127. Л. 430 об. Для сравнения приводим текст надписи на хутынском колоколе: «Лета 7107, месяца июня в 1 день, слет бысть колокол ко всемилостивому Спасу и преподобному Варлааму чудотворцу на Футыню, при благоверном государе царе и великом князе Борисе Федоровиче всея Русии самодержце и при святейшем патриархе Иеве Московском всея Русин и при преосвященном митрополите Варламе Великого Новаграда и Великих Лук. Дал ко всемилостивому Спасу и к преподобному Варлааму чудотворцу на Футыню Тимофей Андреевич Хлопов, во иноцех Тихон, по себе, да по своей семьи Варсанофьи и по своих родителех денег двесте рублев; да его дети, Павел да Мирон, дали денег двести рублей; и на ту их всю дачю, на четыреста рублев слит колокол в двести пудов при игумене Аркади и при келари старце Варламе, и при казначеи священники Варлааме, и при всеия же о Христе и братии Футына монастыря. Дела колокол псковичВасилеи Иванов, да Офонас Панкратьев, да Иаким Иванов. Богу свершителю аминь» (этот текст также предоставлен мне Н.Г.Порфиридовым; неточную публикацию см. в работе: *Макарий.* Археологическое описание... Ч. 2. С. 283–284).

[473] Копии этих надписей см. также в

сборнике СПбИИ, собр. Воронцовых, № 649 (XVIII в.) на л. 450–452.

[474] Об обновлении настенной надписи см. также: *Макарий.* Археологическое описание... Ч. 1. С. 441. Примеч. 100.

[475] См.: *Макарий.* Обозрение древних рукописей и книг церковных в Новгороде и его окрестностях // ЧОИДР. 1861. Кн. 2. Отдел 3. С. 23.

[476] Попутно отметим, что синодичные вкладные записи по своему типу очень близки к надписям – это видно при сопоставлении последних с приведенными записями Софийского и Борисоглебского новгородских синодиков. Поэтому практически при определении происхождения отдельных летописных известий часто трудно бывает решить, что лежит в основе данного текста – надпись или синодичная запись (так, приведенное выше известие НЗабЛ о построении церкви Воскресения в Павлове монастыре может быть возводимо не только к синодичной записи, но частично и к надписи). Не исключено, что сами вкладные синодичные записи возникали параллельно с тождественными по своему содержанию надписями или даже повторяли текст этих последних.

[477] Вязь в этом месте неразборчива: «въ» прочтено предположительно.

[478] Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник, инв. № 1620.

[479] РНБ. Q.IV.78. Л. 166об. См. также: Новгородские летописи... С. 390.

[480] См.: *Азбелев С.Н.* Новгородские местные летописцы. С. 367–368.

[481] Там же. С. 370.

[482] Гос. Русский музей. ДР/Ж 951.

[483] «В лето 6706-е [ошибка; должно быть, очевидно, 6806] князь Ширинской Мещерской Бахмет Усеиновичь пришел из Болшие Орды на Мещеру со своими многими силами и воевал и засел ее. И родися ему сын Беклемиш и познал истинную святую христианскую веру и крестился со многими своими силами, а во крещении нарек князь Михаил. И во Андрееве городе поставил храм Преображения Господня и праздновал. На последок роду своему повеле праздновати. Во 195-м году, будучи в Крымском походе, столник князь Евфим Мещерской преждереченному последовал, обещался сеи образ украсить, моления ради впредь на память роду своему» (указанием этой надписи я обязан Э. С. Смирновой).

[484] Часть текста надписи приведена Макарием (см.: Археологическое описание... Ч. 2. С. 91–92).

[485] Текст опубликован Макарием (там же. С. 92–93).

[486] См.: *Амвросий.* История российской иерархии. М., 1812. Ч. 4. С. 151–153. Что это была за доска, Амвросий не объясняет. Позднейшая публикация сообщает, что эта надпись находилась «на летописной доске» (см.: Ведомость, сколько находилось в Великом Новеграде и уезде его монастырей, ныне существующих и упраздненных, и сколько в оных святых мощей угодников Божиих // Новгородский сборник. Новгород, 1865. Вып. 4. С. 7 отдельной пагинации).

[487] *Амвросий.* История... С. 151–153.

[488] РНБ. Собр. Погодина, № 1411. Л. 171об.–172об.

[489] Текст этой же надписи, изданный в Новгороде спустя полстолетия после публикации Амвросия, содержит уже значительные пропуски и искажения (см.: Ведомость, сколько находилось в Великом Новеграде и уезде его монастырей, ныне существующих

и упраздненных, и сколько в оных святых мощей угодников Божиих. С. 7–8).

[490] Город Новая Руса находился на р. Шелони, что засвидетельствовано источниками XVI–XVIII вв. (см.: *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 119. Примеч. 6). Приведенная нами надпись показывает, что он существовал, очевидно, уже в XV столетии.

[491] ГИМ. Увар. 568. Л. 375об.

[492] РГБ. ОИДР.127. Л. 366–366об. Составитель НЗЛ, дополняя свой летописный источник на основании надписи, вероятно, или не заметил противоречия, заключающегося в том, что в НУвЛ речь идет о постройке каменной церкви, а в надписи – деревянной, или просто не счел необходимым изменять летописный текст, зная, может быть, из другого источника, что каменная церковь была построена на месте деревянной уже в следующем году (об этом сообщают Строевский и Синодальный списки Н4Л под тем же годом: ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. Л., 1925. С. 446). Отсутствие прямых текстуальных совпадений данного известия НЗЛ с надписью не дает достаточных оснований утверждать, что именно эта последняя явилась основой для дополнений – возможно, что легенда о видении архиепископу Ионе была использована и по другому источнику, до сих пор не известному (в Повести об Ионе новгородском этот эпизод отсутствует – см.: Памятники старинной русской литературы. Вып. 4. СПб., 1862. С. 34; Великие Минеи Четии, ноябрь, дни 1–12. СПб., 1897. Стлб. 175–176).

[493] Самая подробная из них – в Строевском и Синодальном списках Н4Л: «Бысть мор во Пьскови и в Новигороде и по волостем Новгородцким; и поставиша церковь древяну святаго Симеона Богоприемца в Зверинцах, на новом месте, единого дни, бревна из леса принесоша своими рамены людие, октября в 1, на Покров святыя Богородица, и свеща ю архиепископ Иона, того дня и литургию свершиша, а на другое лето поставиша церковь каменну на том же месте Симеона Богоприимца» (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 446). В остальных случаях текст гораздо более краток (ср.: ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 456, 464, 498; вып. 3. Л., 1929. С. 609; Новгородские летописи. С. 53).

[494] Можно, например, предполагать, что точные даты освящения той или иной церкви, особенно многочисленные в НЗЛ краткой редакции и отсутствующие, как правило, в предшествующих этой летописи памятниках, взяты с антиминсов, всегда содержавших подобные указания. Доказать использование этого вида источников сопоставлением параллельных текстов пока не удается.

[495] См.: *Лихачев Д.С.* 1) Новгородские летописные своды XII в. // ИОЛЯ. 1944. Т. 3. Вып. 2–3. С. 103–105; 2) Русские летописи... С. 212–215.

[496] См., например, указание на использование летописца Лисьегорского монастыря, имеющееся в Н2Л (Новгородские летописи. С. 53).

[497] *Азбелев С.Н.* Новгородские местные летописцы. С. 370.

[498] Это слово, очевидно, пропущенное переписчиком списка РГБ. ОИДР.127, восстанавливается на основании краткой редакции НЗЛ (см.: Новгородские летописи. С. 203).

[499] РГБ. ОИДР.127. Л. 176об.–177.

[500] Добавлен лишь год смерти архиепископа Спиридона. Самостоятельное известие об этом событии под соответствующим годом имеется во всех новгородских летописях, в том числе и в самой НЗЛ.

[501] См.: *Беляев И.Д.* О разных видах русских летописей. С. 19.

[502] Менее вероятно возможное предположение о заимствовании приведенных известий НЗЛ не из летописца церкви Двенадцати апостолов, а из летописи Авраамки (см.: ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889. Стлб. 50), где они читаются в таком же тексте (но без сокращений, которые есть в НЗЛ), или из ее источника – кратких извлечений из Новгородско-Софийского свода 30-х гг. XV в. (см.: *Шахматов А.А.* Обозрение русских летописных сводов XI–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 242–248). Первый из этих памятников – смоленского происхождения, а не новгородского, второй (реально не дошедший) – относится, как и сама летопись Авраамки – еще к XV в. Думаем, что вернее видеть источник НЗЛ в новгородском летописце церкви Двенадцати апостолов, сохранившемся в списках первой и второй половины XVIII в.

[503] См.: *Игнатьев Р.* Церковь Рождества богородицы, что на Молоткове в Новгороде // «Новгородские губернские ведомости», 1849, № 33, 13 августа, часть неофициальная. С. 149–153. Другие отрывки напечатаны Игнатьевым в ряде номеров за 1849 и 1850 гг. См.: *Зиборов В.К.* Летопись Новгородская Молотковская (Михалицкая) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3, ч. 2. СПб., 1993. С. 290–291.

[504] *Игнатьев Р.* Церковь Рождества... С. 151.

[505] ГИМ. Забел. 361. Л. 436.

[506] *Игнатьев Р.* Церковь Рождества... С. 149.

[507] Состав этого летописца (как он может быть восстановлен по данным НЗабЛ) нуждается в специальном исследовании. Очевидно, этот источник не был однороден, так как в псковских известиях НЗабЛ имеются дублировки: о постройке церкви Георгия сообщается под 1370 и 1371 гг., о постройке церквей Власия и Петра и Павла – под 1372 и 1373 гг. Этот летописец не тождествен ни одной из псковских летописей, изданных А.Н.Насоновым (см.: Псковские летописи. М.; Л, 1941–1955. Вып. 1–2). В последнее время к изучению псковских известий НЗабЛ обратился Ф.Ш.Гарифулин, опубликовавший уже две заметки, в которых даны сопоставления фрагментов одной из псковских летописей и Повести о Псково-Печерском монастыре. См.: *Гарифулин Ф.Ш.* Псковский летописный источник Новгородской Забелинской летописи // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб., 1997. С. 6–13; *его же.* «Повесть о Псково-Печерском монастыре» – источник Новгородской Забелинской летописи // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб., 2001. Вып. 4. С. 47–51. Из того, что успел опубликовать Гарифулин, можно заключить, что использованный в НЗабЛ летописец Псково-Печерского монастыря пользовался, в свою очередь (фрагментарно), одной из напечатанных летописей Пскова и упомянутой Повестью.

[508] См.: *Азбелев С.Н.* Новгородские местные летописцы. С. 367–368.

[509] См.: *Макарий.* Археологическое описание... Ч. 1. С. 311.

[510] См.: РНБ. F. IV.888 (вторая половина XVIII в.). Л. 38–40; Эрмитажное собр. № 444 (последняя четверть XVIII в.). Л. 38об.–41.

[511] Публикацию его см. в моей статье «Новгородские местные летописцы». С. 368–369.

[512] Упоминавшийся выше летописец церкви Дмитрия Солунского был, по сообщению Макария, в начале XVIII в. переписан и наклеен на доску, помещенную в этой церкви (см.: *Макарий.* Археологическое описание... Ч. 1. С. 311. Примеч. 181). В Новгородском историко-архитектурном музее-заповеднике хранится летописец Черносырской пустыни, относящийся к XVIII в., также наклеенный на доску (инв. № 394). Если подобная практика имела место и в предыдущем столетии, то не исключено, что в новгородских сводах XVII в. некоторые из известий, тождественных надписям, восходят не к самим этим надписям, а к тем летописцам, известия которых могли быть их оригиналами (ср. также данные о летописце церкви Никиты, переписанном на стене церковной паперти, по-видимому, уже в XIX в. – *Макарий.* Археологическое описание... Ч. 1. С. 390–392).

[513] РГБ. ОИДР.127. Л. 362об.

[514] ГИМ. Увар.568. Л. 336.

[515] ГИМ. Забел.261. Л. 361.

[516] Там же. Л. 398.

[517] Там же. Л. 411об.

[518] Там же. Л. 422об.

[519] Там же. Л. 424.

[520] РГБ. ОИДР.127. Л. 411об.

[521] См., например: БАН. 4.7.16. Л. 44об.; РНБ. Соловецкое собр., № 989/879. Л. 82об.–87об.; собр. Русского археологического общества, № 31. 26 л.

[522] См., например: БАН. 32.3.16. Л. 274–274об.; 4.7.16. Л. 54–55.

[523] Включен почти целиком – по первому и третьему изданиям. Частичные включения из этого памятника есть еще в НЗЛ.

[524] См.: *Черепнин Л.В.* «Смута» и историография XVII века. С. 119–127.

[525] Там же. С. 123.

[526] См.: *Тихомиров М.Н.* Древняя Москва. М., 1947. С. 204–206.

[527] См.: *Черепнин Л.В.* «Смута»... С. 124.

[528] ГИМ. Забел. 261. Л. 172об.

[529] Там же. Л. 219об.

[530] Там же. Л. 430об.

[531] Там же. Л. 637.

[532] Ср.: *Сахаров И.* Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. Кн. 8. С. 125–134; см. также: *Черепнин Л.В.* Смута... С. 125.

[533] См.: *Черепнин Л.В.* Смута... С. 126.

[534] Вторая редакция второй повести по классификации Л. Т. Белецкого (см.: *Белецкий Л.Т.* Литературная история Повести о Меркурии Смоленском. Исследование и тексты // СОРЯС. СПб., 1922. Т. 99. № 8. С. 75–78). В НЗабЛ включена первая половина повести.

[535] ГИМ. Забел. 261. Л. 228. Почерк приписок тот же, что и основного текста.

[536] Этот текст опубликован мною в 13-м томе ТОДРЛ (М.; Л., 1957) на с. 296–297.

[537] *Лихачев Д.С.* Русские летописи... С. 354.

[538] Там же. С. 354–374.

[539] «Первые элементарные предпосылки исторической критики» отмечены Д. С. Лихачевым уже в «Повести временных лет» (см.: Повесть временных лет. Изд. 2-е. СПб., 1996. С. 350), где составитель «вступает в обсуждение различных версий», используемых им устных показаний, исходящих от разных лиц (см.: *Лихачев Д.С.* О летопис-

ном периоде русской историографии // «Вопросы истории», М., 1948, № 9. С. 29). Однако критики письменных источников в такой развитой форме, какую мы находим в НЗабЛ, предшествующее летописание, по-видимому, не знало.

[540] В этой связи следует отметить один неновгородский летописец последней четверти XVII в., в начале которого помещен список использованных составителем источников (см.: РГБ. Ф. 247, № 295. Л. 7–7 об.). Отдельные ссылки на источники (преимущественно – устные) имели место в летописях и ранее (см.: *Лихачев Д.С.* О летописном периоде русской историографии. С. 30–31), однако они не носили сколько-нибудь систематического характера и были иногда очень глухими («глаголют бо» и т.п.).

[541] См.: *Моисеева Г.Н.* Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971. С. 101–103, 134–136 и др.

[542] См.: *Богданов А.П.* От летописания к исследованию. М., 1995.

[543] *Насонов А.Н.* История русского летописания. С. 499.

К главе 7

[544] А. А. Шахматов, не раз обращавшийся к преданию о Гостомысле, отмечал: «...память о Гостомысле держалась в Новгороде долго. Ср. новгородских бояр Гостомысловых (из их рода святая Иулиания Тверская)» (*Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 517).

[545] *Шлецер А.Л.* Нестор. СПб., 1809. Ч. 1. С. 303.

[546] *Krug Ph.* Forschungen der alteren Geschichte Russlands. St. Petersburg, 11848. Th. 1. S. 127. См. также газетную прижизненную публикацию: «О новгородском Гостомысле» («Санкт-Петербургские ведомости», 1836, № 97. С. 422).

[547] *Забелин И.* История русской жизни с древнейших времен. М., 1879. Ч. 2. С. 86.

[548] См.: *Friedmann B.* Untersuchungen zur Geschichte des abodritischen Furstentums bis zum Ende des 10. Jahrhunderts. Berlin, 1986. S. 71–72.

[549] *Васильевский В.Г.* Год первого нашествия русских на Константинополь // Византийский временник. Т. 1. СПб., 1894. С. 258–259.

[550] *Попов А.Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 447.

[551] *Макарий.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 568.

[552] *Толстой М.* Святыни и древности Великого Новгорода. М., 1862. С. 258.

[553] *Янин В.Л.* Археология и исследования русского Средневековья // «Вестник Российской Академии наук», М., 2000, № 10. С. 923.

[554] См., например: *Bulin H.* Pocatky statu obodrickeho // Pravnehistoricke studie. Praha, 1958. T. 4. S. 38–39; *Fritze W.H.* Probleme der abodritische Stammes – und Reichsverfassung und ihren Entwiklung vom Stammesstaat zum Herrschaftsstaat // Siedlung und Verfassung der Slaven zwischen Elbe, Saale und Oder / Herausgegeben von H. Ludat. Giessen, 1860. S. 157.

[555] Ср.: *Friedmann B.* Untersuchungen zur Geschichte... S. 74.

[556] *Fritze W.H.* Probleme der abodritische

Stammes – und Reichsverfassung... S. 201–202.

[557] *Friedmann B.* Untersuchungen zur Geschichte... S. 74.

[558] *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 220. Судя по контексту, автор имел тогда конкретно в виду под западными славянами кривичей как вероятных пришельцев из Прибалтики, поскольку с ними соотносится Людин конец, главная улица которого называлась Прусской.

[559] Князь Добромысл, возглавлявший ободритов при вторжении к ним Людовика Немецкого в 862 г., мог быть не сыном Гостомысла, как предполагали некоторые исследователи, а его младшим братом, который оказался послан в наиболее угрожаемую из земель федерации. Сыновья Гостомысла, как мы знаем из текста НИЛ, «ово на войнах избиени, ово в дому измороша». Очень возможно, что один из этих сыновей погиб как раз в 844 г., что помогло Фульдскому анналисту, преувеличившему успех своего повелителя, даже объявить об убиении самого короля Гостомысла.

[560] Подробно см. в статье: *Азбелев С.Н.* Гостомысл // Варяго-русский вопрос в историографии. М., 2010. С. 598–618.

[561] Подробно см. в статьях: *Азбелев С.Н.* К вопросу о дате основания монастря на Валааме // Валаамский монастырь: Духовные традиции. История. Культура. СПб., 2004. С. 54–80; *его же.* Версии основания монастыря на острове Валаам // «Древняя Русь: Вопросы медиевистики», М., 2010, № 1 (39). С. 5–15.

[562] *Мавродин В.В.* Повести о Куликовской битве. Изд. АН СССР. М., 1959 // «Вопросы истории», М., 1960, № 8. С. 147.

[563] Круг этих источников ограничивается в основном тем, что подверглось наиболее полному изучению в двух работах: *Шамбинаго С.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906; *Шахматов А.А.* Отзыв о сочинении С.К.Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище» // Отчет о двенадцатом присуждении имп. Академиею наук премий митрополита Макария в 1907 году. СПб., 1910. Несколько новых текстов привлечены в издании: Памятники Куликовского цикла / Составители: А.А.Зимин, Б.М.Клосс, Л.Ф.Кузьмина, В.А.Кучкин. СПб., 1998.

[564] См.: ПСРЛ. Т. 43. М., 2004. С. 131–137.

[565] Оно опубликовано (за вычетом вставки из Синопсиса) в кн.: Повести о Куликовской битве / Издание подготовили М.Н.Тихомиров, В.Ф.Ржига, Л.А.Дмитриев. М., 1959. С. 165–206. Полный текст содержится в рукописях (ГИМ. Собр. Забелина, № 261; БАН. 16.4.1 и 34.2.26).

[566] *Тихомиров М.Н.* 1) Древняя Москва. М., 1947. С. 204–206; 2) Средневековая Москва в XIV–XV веках. М., 1957. С. 261–264; 3) Повести о Куликовской битве. С. 464–470.

[567] См.: Повести о Куликовской битве. С. 174, 181.

[568] Она читается в двух идентичных по тексту, по почерку и даже по расположению текста на листах рукописей НУвЛ: ГИМ. Собр. Черткова, № 331. Л. 109–134 об. и РНБ. Собр. Погодина, № 1411. Л. 109–134 об.

[569] Тексты главных разновидностей этих редакций опубликованы дважды (*Шамбинаго С.* Повести о Мамаевом побоище. С. 38–128; Повести о Куликовской битве. С. 41–75 и 109–157).

[570] Последнее известие оказалось вслед-

ствие этого повторенным. Ранее оно уже было помещено по тексту распространенной редакции.

[571] Это сделано в отмену текста о начале боя в той же распространенной редакции, где говорилось, что новгородцы бились на правом крыле. Кроме того, в перечне погибших добавлены из основной редакции костромские и ростовские бояре. «Паны литовские» именуются в сводной редакции не панами, а «начальниками» и отодвинуты в самый конец перечня. Это свидетельствует, по-видимому, о том, что редакция возникла в то время, когда свежа еще была память о «смуте», сделавшей столь непопулярными на Руси «панов литовских». Здесь же из основной редакции добавлено указание, что после боя осталось в живых из русского войска пятьдесят тысяч.

[572] Публикацию этого текста см.: *Шамбинаго С.* Повести о Мамаевом побоище. С. 166–167. Отсюда взяты эпизоды: посещение великим князем Троицкого монастыря, отъезд Ольгердовичей, бесславное возвращение Ольгерда и смерть Олега, гибель Мамая, победы Ольгерда над татарами (добавлено, что воевал он с ними «за вину свою служа великому князю Димитрию»), похвала Дмитрию Ивановичу (где добавлен и Владимир Андреевич). Окончание основной редакции отразилось здесь в том, что сказано о бегстве рязанских бояр и о посылке в Рязань наместников великого князя.

[573] РНБ. Собр. Титова, охр. № 2711. Л. 145об.–222; ГИМ. Музейское собр., № 2807. Л. 2–60. Не знаю, на чем основаны предположения Л. А. Дмитриева, что текст создан на базе основной редакции либо сконтаминирован из нее и текста, читающегося в Синопсисе (см.: Повести о Куликовской битве. С. 479).

[574] См.: Синопсис или краткое собрание от разных летописцев... Киев, 1680. С. 125–179. Как видно из вышеизложенного, тезис С. К. Шамбинаго о том, что «Повесть о Мамаевом побоище», помещенная в Синопсисе, представляет «сокращение 4-й редакции Сказания (т. е. распространенной редакции. – *С.А.*) безо всяких посторонних влияний», нуждается в поправке (см.: *Шамбинаго С.* Повести о Мамаевом побоище. С. 368).

[575] Публикацию этого текста см. в кн.: Русские повести XV–XVI веков / Составитель М. О. Скрипиль. Редактор текстов, статей и примечаний Б. А. Ларин. М.; Л., 1958. С. 16–38.

[576] Однако общая численность новгородского войска указывается без изменений – 40 тысяч (в списке Михайловского – 30 тысяч).

[577] Добавлены не только все имена, находящиеся в списке Михайловского, сверх того, что было в основном изводе, но и сопутствующие этим именам сведения в таком же тексте. Исключение составляет добавление имени «Данило Константинович», что явилось результатом порчи читающегося в списке Михайловского упоминания «Данила Белоусова да Костянтина Конановича».

[578] ГИМ. Собр. Черткова, № 331. Л. 132об. Очевидно, вследствие непонимания источника новгородские воеводы названы здесь не «посадниками», а «посадскими». Далее добавлено число убитых и оставшихся в живых воинов отряда Ольгердовичей и сведения о размерах потерь у татар.

[579] Так, сообщается, что Олег Рязанский велел казнить своих бояр, не сообщив-

ших ему о помощи Троицкого монастыря Дмитрию Ивановичу. Есть мелкие добавления в эпизодах об остановке Ольгерда у Одоева, о прибытии сыновей его к Дмитрию Ивановичу, об утренних приготовлениях к битве 8 сентября и др.

[580] ГИМ. Собр. Черткова, № 331. Л. 128. В несколько ином тексте данный эпизод попал и в некоторые другие списки повести (см., например: *Шамбинаго С.* Повести о Мамаевом побоище. С. 341).

[581] Для мелких дополнений в НПогЛ была, возможно, использована и повесть о Куликовской битве в НЗабЛ. Оттуда могло быть взято, например, перечисление в начале народов-союзников Мамая. Однако составитель НПогЛ не доверял этому тексту в тех случаях, когда он противоречил иным источникам.

[582] Источники изменений в датах и цифрах нуждаются в установлении. Даты НПогЛ правдоподобнее в том отношении, что лучше согласуются между собой и с другими датами в повести.

[583] Охарактеризованные выше генетические отношения трех изводов сводной редакции не тождественны соотношению самих привлеченных списков. В рукописях ГИМ, Музейск. собр., № 2807 и РНБ, собр. Титова, охр. № 2711 есть ряд индивидуальных особенностей, здесь не рассматриваемых. Почти все они сводятся либо к дальнейшим сокращениям (особенно в первой рукописи), либо к фразеологическим переделкам. Есть и несколько небольших риторических распространений. Особенности эти, как правило, довольно легко выявляются параллельным сопоставлением текстов НПогЛ и Синопсиса с источниками основного извода.

[584] См., например: РНБ, Эрмитажное собр., № 414. Л. 154; № 445. Л. 58.

[585] См., например: ГИМ. собр. Уварова, № 2. Л. 88об.–89; РНБ. F.IV. 370. Л. 46; F.XVII.22. Л. 110–110об.; собр. Погодина, № 1474. Л. 59об.–60; БАН. 21.6.13. Л. 56–56об. В трех последних рукописях на поле помета: «Писана история 29 листов».

[586] См., например: РНБ. Эрмитажное собр., № 444. Л. 114–139об.

[587] ГИМ. Собр. Черткова, № 331. Л. 135.

[588] «Того ж году заложиша церковь каменну на Торговой стороне святаго мученика Димитрия на Славкове улицы, обещанная, чтоб Бог пособил победити Мамая безбожнаго князю Димитрию» (ГБЛ. Собр. ОИДР, № 129. Л. 45об.).

[589] В рукописи «во имя» написано дважды.

[590] В рукописи между строк к этому месту вставка той же рукой: «в Великом Новеграде».

[591] БАН. 17.8.25. Л. 257об.

[592] См.: *Макарий.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 311–313.

[593] Публикацию этого списка см. в статье: *Азбелев С.Н.* Новгородские местные летописцы. ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 367–368.

[594] См., например: ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. 314: «беаше всеа силы и всихъ ратеи числом с полтораста тысящь или с двесте. Еще же к тому приспеша в тои чинъ рагозны издалеча велицыи князи Олгердовичи, поклонитися и послужити: князь Ондреи Полоцкои съ Плесковици, брат его князь Дмитрии Бряньскии съ всеми своими мужи». Аналогично: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. С. 458. Аналогично: М., 2004.

Т. 43. С. 132.

[595] См., например: ПСРЛ. Т. 6. Вып 1. С. 458.

[596] Detmar-Chronik von 1101–1395 mit der Fortzetzung von 1395–1400 // Die Chroniken der Deutschen Städte vom 14. bis 16. Jahrhundert. Leipzig, 1884. Bd. 19. S. 568. См. также: *Kranz A.* Vandaliae. Hanoviae, 1619. P. 207.

[597] См., например: ПСРЛ. Т. 43. М., 2004. С. 134.

[598] ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. М., 2000. Стб. 463; ср: т. 4, ч. 1. М., 2000. С. 318.

[599] ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 376.

[600] ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 129; ср.: ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 139.

[601] См.: *Александровский А.Л.* Палеопочвенные исследования на Куликовом поле // Куликово поле: Материалы и исследовании / Отв. ред. А.К.Зайцев. М., 1990. С. 70.

[602] Опубликованный к юбилею битвы комментированный сводный их перечень содержит всего 27 предметов, из которых только первые 15 могут быть отнесены к остаткам оружия и военного снаряжения. См.: Каталог реликвий Донского побоища, найденных на Куликовом поле. К 625-летию Куликовской битвы / Составитель О. В. Двуреченский. М., 2005.

[603] *Чеботарев А.* В поисках Куликова поля [датированная 15 августа 2005 г. беседа с руководителями Верхне-Донской археологической экспедиции Государственного исторического музея] // «Нескучный сад», М., 2005, № 4 (15). С. 95–96.

[604] Там же. С. 96.

[605] Там же. С. 94–95.

[606] Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия / Под общей редакцией В. П. Гриценко. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». 2007. С. 316–317.

[607] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 319; ср.: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. С. 463; ПСРЛ. Т. 43. М., 2004. С. 135.

[608] ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 97, 339, 457.

[609] *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Типогр. Имп. Академии наук, 1903. Т. 3. Стб. 1292.

[610] Книга Большому Чертежу / Подготовка к печати и редакция К.Н.Сербиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 59. Цитированный список № 1330 «безусловно самый полный из всех сохранившихся списков Книги Большому Чертежу». Он «часто восполняет явные пробелы всех списков» (там же. С. 33).

[611] Ныне карты хранятся в Отделе рукописей Библиотеки Российской академии наук (БАН). Я использовал цветные фотокопии этих карт, полученные мною в файлах, присланных по моей просьбе А. Ю. Морозовым.

[612] *Фомин Н.К.* Топоним «Куликово поле» по документам XVI–XVII вв. // Изучение историко-культурного наследия Куликова поля / Государственный музей-заповедник «Куликово поле». Научные труды. М.; Тула, 1999. С. 38.

[613] Необходимо упомянуть, что, в отличие от профессиональных историков и археологов, связанных ошибочной интерпретацией летописных указаний на «усть Непрядвы», некоторые краеведы и историки-любители просто игнорировали эти указания и уже высказывали предположение, что место битвы стоило бы поискать вблизи озера Волова. См., например: *Шавырин В.Н.* Муравский шлях: Краеведческие очерки. Тула, 1987. С. 98–104. Подроб-

нее эти вопросы рассматриваются в статьях: *Азбелев С.Н.* 1) О географии Куликовской битвы // Русское Поле. Красноярск–Stocholm, 2012. С. 43–52; 2) География сражения на Куликовом поле // «Древняя Русь: Вопросы медиевистики», М., 2013, № 4 (54). С. 11–19. 3) К вопросу о месте и дате Куликовской битвы (историографические заметки) // «Древняя Русь: Вопросы медиевистики», М., 2014, № 3 (57). Статьям предшествовали доклады автора по этой теме на ряде международных и всероссийских конференций.

[614] «Левобережная» гипотеза – см.: *Кучкин В.А.* Победа на Куликовом поле // «Вопросы истории», 1980, № 8. С. 16–19; *Флоренский К.П.* Где произошло Мамаево побоище? // «Природа», 1984, № 8 (828). С. 41–47; *Кучкин В.А.* О месте Куликовской битвы // Там же. С. 47–53. «Правобережная» гипотеза – см.: *Скрынников Р.Г.* Куликовская битва. Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей родины. Материалы юбилейной научной конференции. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 54–57; *Хотинский Н.А., Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Гуман М.А.* Куликово поле: природа и история последних 6 тысяч лет // «Природа», 1985, № 12 (844). С. 35–37; *Зайцев А.К., Фоломеев Б.А., Хотинский Н.А.* Проблемы междисциплинарного изучения Куликова поля // Куликово поле: Материалы и исследования. С. 4–9. См. также: *Петров А.Е.* Куликово поле в исторической памяти: Формирование и эволюция представлений о месте Куликовской битвы // «Древняя Русь: Вопросы медиевистики», 2003, № 3 (13). С. 26–30.

[615] *Кузнецов О.Ю.* Локализация Куликова поля по русским средневековым письменным источникам // Изучение историко-культурного и природного наследия Куликова поля... С. 30.

[616] ПСРЛ. Т. 43. С. 134.

[617] Там же. С. 133.

[618] См.: *Амелькин А.О., Селезнев Ю.В.* К вопросу о форсировании князем Дмитрием Ивановичем Дона 7 сентября 1380 г. // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2009. С. 170–174.

[619] ПСРЛ. Т. 43. С. 134 (исправлена опечатка в словах «по достоянию»).

[620] *Петров А.Е.* Куликово поле в исторической памяти. С. 29.

[621] ПСРЛ. Т. 43. С. 134.

[622] См.: Атлас Тульской области. Масштаб в 1 см – 1 км / Отв. ред. А.Г.Косиков. М.: «Ультра Экстеит», 2006. Карта № 56.

[623] Красный Холм, на котором, согласно устной традиции, находилась в день сражения ставка Мамая, – это название поселения, расположенного на холме в семи километрах к востоку от Волова озера и в двух километрах к северу от Непрядвы. Памятная колонна в ознаменование победы над Мамаем была воздвигнута в 1850 г. в 40 километрах западнее места Куликовской битвы.

[624] ПСРЛ. Т. 43. С. 135.

[625] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 2. История России с древнейших времен. Тома 3–4. М.: «Голос», 1993. С. 325.

К Приложению

[626] Подробно см. в статье: *Азбелев С.Н.* Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому // Русский фольклор.

Т. 13. Л., 1972. С. 77–102.

[627] См. там же. С. 92–95.

[628] Последнюю обычно называют «сказанием». Я избегаю прилагать этот термин к письменным произведениям, поскольку сказания – жанр фольклора (отличный от преданий или сказок), тогда как в применении к древнерусской литературе термин «сказание» практически равнозначен термину «повесть».

[629] Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / Отв. ред. Я.С.Лурье. Л., 1970. С. 270 (автор данного раздела – Я. С. Лурье).

[630] *Салмина М.А.* «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 374.

[631] Там же. С. 376.

[632] Кроме упомянутых выше «Истоков русской беллетристики», см.: *Лурье Я.С.* К изучению летописного жанра // ТОДРЛ. Т. 27. Л., 1972. С. 81; *его же.* Проблема реконструкции недошедших сводов при исследовании летописей // Текстология славянских литератур. Л., 1973. С. 141.

[633] См., например: *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 65; *Салмина М.А.* Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977; *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века. СПб., 1994. С. 25.

[634] См.: *Шамбинаго С.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 (далее – *Шамбинаго*).

[635] Интерпретацию этого представления см. в «Истоках русской беллетристики» на с. 292–309.

[636] *Шахматов А.А.* Отзыв о сочинении С.К.Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище» // Отчет о двенадцатом присуждении Имп. Академиею наук премий митрополита Макария в 1907 году. СПб., 1910 (далее – *Шахматов.* Отзыв). С. 121.

[637] Там же. С. 175.

[638] *Лурье Я.С.* К изучению летописного жанра. С. 80. Аргументы А.А.Шахматова, подкрепляющие его датировку подробной летописной Повести о Куликовской битве 80-ми годами XIV в., не были разобраны ни самим Я.С.Лурье, ни М.А.Салминой, вывод которой он повторил здесь же на с. 81 и 91.

[639] См.: *Азбелев С.Н.* Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского // Летописи и хроники. М., 1974. С. 164–172; *его же.* Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла). Начало // Летописи и хроники. М., 1976. С. 78–101; Окончание // Летописи и хроники. М., 1981. С. 129–146.

[640] См.: *Азбелев С.Н.* К вопросу об устном оригинале Летописной повести о Куликовской битве // «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», М., 2005, № 4 (22). С. 50–79.

[641] Текст недавно опубликован: ПСРЛ. Т. 43. М., 2004. Неточности этого издания побудили меня использовать не его, а исходную рукопись Российской национальной библиотеки: ОСРК, F.IV. № 238. Повесть читается в ней на листах 247 об.–259. Обозначаю этот список сокращенно: *Дубр.* Учитываю также второй список Повести в рукописи Российского гос. архива древних актов: ф. 181, ед. хр. 20 (л. 361 об.–373). Обозначаю его сокращенно: *Арх.*

[642] *Горский А.А.* Русь: От славянского Расселения до Московского царства.

М., 2004 (далее – *Горский*). С. 262–263.

[643] Там же. С. 261.

[644] Там же. С. 262.

[645] Там же. С. 261.

[646] См.: *Шамбинаго.* С. 160. Ср. в Новгородской 4-й летописи: «...таковую победу давшему на поганыа, избавляющему» (Памятники Куликовского цикла / Редактор В.А.Кучкин. СПб., 1998 (далее – ПКЦ). С. 80); аналогично – в Софийской 1-й летописи (ПКЦ. С. 40).

[647] В Новгородской 4-й летописи: «...токмо имени его... възвратимся» (ПКЦ. С. 80). В Софийской 1-й весь этот фрагмент текста опущен (ПКЦ. С. 40). Подробнее см. далее – в связи с мнением А.А.Шахматова.

[648] *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969. С. 357.

[649] *Горский.* С. 263.

[650] Иван Родионович фигурирует как один из главных воевод во всех редакциях и изводах Повести о Мамаевом побоище (см., например: ПКЦ. С. 159, 235, 272, 323, 354; Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 34, 58, 89, 113, 159, 183, 214, 238).

[651] *Шахматов.* Отзыв. С. 119–121.

[652] Ср.: *Марков А.* [Рецензия на кн.:] С.Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище // ЖМНП. СПб., 1908. Ч. 14. № 4. С. 435.

[653] ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 339.

[654] См., например: *Иловайский Д.* История Рязанского княжества. М., 1858. С. 171–177; *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965. С. 220–225. См. также: ПКЦ. С. 19.

[655] ПКЦ. С. 80; ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889. Стб. 117. А.А.Шахматов считал, что это место, опущенное в Софийской 1-й летописи, было еще в источниках НСС и в самом этом своде (*Шахматов.* Отзыв. С. 116–118). В НЛД фраза об издевательствах отсутствует, но следы авторского отступления остались: «...токмо имени его Литва бояхуся и трепетаху. Но мы сию победу оставльше и на предлежащее возвратимся» (л. 258–258об.). Слово «победу» в данном контексте явно вторично, что свидетельствует о наличии в протографе НЛД текста, аналогичного тому, который сохранен в Новгородской 4-й летописи. Это обстоятельство ускользнуло от внимания А.А.Шахматова, который, по-видимому, считал, что в НЛД нет и последней фразы (см.: *Шахматов.* Отзыв. С. 116–117). В.А.Кучкин, не согласившийся с аргументами А.А.Шахматова, отнес появление этого текста к 30-м годам XV в. (См.: ПКЦ. С. 86–87).

[656] *Шамбинаго.* С. 75–78.

[657] *Марков А.* [Рецензия]. С. 436.

[658] Там же. С. 435.

[659] См., например: ПСРЛ. Т. 11. М., 1965. С. 184–186; ПСРЛ. Т. 25. С. 231.

[660] Такой же текст в Новгородской 4-й, Софийской 1-й и других летописях (опущены лишь слова «и ляцкою»).

[661] Подробно по источникам см. в кн.: *Данилевич В.Е.* Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896. С. 163–168.

[662] ПСРЛ. Т. 11. С. 86; ПСРЛ. Т. 25. С. 212.

[663] *Данилевич В.Е.* Очерк истории Полоцкой земли... С. 167–170.

[664] *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне. СПб., 1889. С. 71.

[665] ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 561.

[666] *Шахматов.* Отзыв. С. 110.

[667] В НСС, как это видно по Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописям,

титулование Дмитрия Донского царем было опущено, но выражение «великие князи Олгердовичи» осталось.

[668] «Услышав же то князь Андрей Олгирдовичь Полотьскый со всеми полочаны прииде на помощь великому князю... и пъсковичи к нему же придоша» (ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. СПб., 1911. С. 414).

[669] «Услышав же то князь Андреи Олгордович Полотскии и прииде... с всеми полочяны и пьсковичи на помощь» (ПСРЛ. Т. 27. М.; Л., 1962. С. 252; ср. с. 332).

[670] В первом случае это чтение перешло и в другие летописи. Во втором случае было исправлено, очевидно, составителем НСС, так как слово «ляцкою» отсутствует в Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописях (но сохранилось, например, в Ермолинской летописи, лучше передающей и некоторые другие чтения Повести). Видимо, упомянутыми выше обстоятельствами, при которых происходило составление Повести, объясняется и описка, давшая чтение НЛД «вся сила татарская и вся сила литовская и побегоша» (л. 256), исправленная в летописях XV в.

[671] См.: *Шахматов А.А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП, СПб., 1901, № 11. С. 65.

[672] *Шахматов.* Отзыв. С. 104; ср.: *Шамбинаго.* С. 81–83.

[673] *Шахматов.* Отзыв. С. 124.

[674] Не касаюсь пока помещенных в этих и других летописях вслед за описанием Куликовской битвы известий о последующих событиях – столкновении Мамая и Тохтамыша, гибели Мамая и отправке русских даров Тохтамышу. Весь этот текст в Симеоновской летописи, кроме нескольких слов, соответствует тексту НЛД (а также Новгородской 4-й, Софийской 1-й и других летописей). Замечу, однако, что отсутствие в этом тексте резких выпадов против Олега не следует объяснять предположением, что текст Симеоновской летописи первичен. Все это повествование как в ней, так и в других летописях восходит, очевидно, к записям, появившимся в иной политической ситуации, чем сама Повесть о Куликовской битве. См. далее, в связи с мнениями С.К.Шамбинаго и В.А.Кучкина.

[675] ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 127.

[676] ПСРЛ. Т. 18. С. 129.

[677] Дубр. Л. 249 об., 250.

[678] Натянутость части его сопоставлений заметил еще А.А.Шахматов (Отзыв. С. 122).

[679] Ср. у С.К.Шамбинаго на с. 66–71 его книги примеры 1-й, 10-й, 13-й, 14-й и 15-й.

[680] Полный текст этого отрывка по Дубр: «Тогда же на том побоищи убьен бысть на сступе князь Федор Романович Белозерскии и сынъ его князь Иван, князь Федор Торускии и брат его князь Мстислав, и князь Дмитреи Манастырев, Семен Михаилович, Микула Васильевич, сын тысецкого, Михаило Иванов сынъ Окинфович, Иван Александрович, Андреи Серкиза, Тимофеи Васильевич Окатьевич нарицаемыи Волуи, Михаило Бренков, Лев Морозов, Семен Мелик, Дмитрии Мининич, Александр Пересвет бывыи преже боярин брянскии, и инии мнози, их же имена писана суть в книгах животных. Зде же не всех писах избьеных имена, токмо написах князеи, бояр и воевод стареиших и нарочитых. А прочих бояр и слуг оставих имена и не писах множества ради имен, яко

число превосходить ми. Мнози бо на той брани побъены быша. А поганных агарян избитых не бе числа, по дубровам главы аки камение валяшеся» (л. 257; аналогичный текст в Арх на л. 370–370об.).

[681] Полный ее текст: «И ту убьени быша въ суиме князь Феодоръ Романовичь Белозерский, сынъ его князь Иванъ Федоровичь, Семенъ Михайловичь, Микула Васильевичь, Михаило Ивановичь Акинфовичь, Андреи Серкизов, Тимофеи Волуи, Михаило Бренковъ, Левъ Морозовъ, Семенъ Меликъ, Александръ Пересветъ и инии мнози» (ПСРЛ. Т. 18. С. 130).

[682] Судя по контексту НЛД, можно думать, что в странном выражении «число превосходить ми» последнее слово – результат искажения цифры ≠МИ (48000), полустертой в дефектном оригинале. Из других летописных данных следует, что общее число погибших в 1380 г. со стороны русских было 100–160 тысяч. В московских поминаниях, составленных сразу после Куликовской битвы, 48000 имен могло поэтому присутствовать.

[683] См.: Сказания и повести о Куликовской битве. С. 391; ПКЦ. С. 59.

[684] См.: *Шамбинаго.* С. 73.

[685] *Кирпичников А.Н.* Куликовская битва. Л., 1980. С. 8. См.: РНБ. Эрмитажное собрание. № 470. Л. 40об.: «После князя Ивана Торусскими князьями были два брата князь Федоръ да князь Мстиславъ, которые въ 1380-м году, будучи с великимъ княземъ Дмитриемъ Ивановичемъ на Дону, убиты на Мамаевомъ побоище». А.В.Шеков, внимательно исследовав этот вопрос, пришел к заключению «о реальности участия князей Тарусских в побоище на Дону 1380 г.» (*Шеков А.В.* Об участии князей Тарусского дома в побоище на Дону 1380 г. // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 190–191). Отпадает, таким образом, повод для странного предположения, будто летописец 30-х или 40-х годов XV в. включил своего современника, убитого в 1437 г., в перечень павших на Куликовом поле в 1380 г. Лишается основы и «подкреплявшаяся» в сущности только этим предположением поздняя датировка подробной Повести о Куликовской битве.

[686] *Шамбинаго.* С. 82–83.

[687] ПКЦ. С. 15.

[688] ПКЦ. С. 12.

[689] ПКЦ. С. 15.

[690] *Шахматов.* Отзыв. С. 125.

[691] ПКЦ. С. 14.

[692] ПСРЛ. Т. 18. С. 127.

[693] ПКЦ. С. 9.

[694] Дубр. Л. 256. Ср.: Арх. Л. 369.

[695] ПКЦ. С. 62.

[696] ПКЦ. С. 11.

[697] *Шахматов.* Отзыв. С. 127, 129.

[698] ПКЦ. С. 26.

[699] ПКЦ. С. 27.

[700] *Зайцев А.К.* О протографе летописной «Повести о Донском побоище» и рассказа 1380 г. Новгородской I леописи // И.И.Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия центральной России. Тула, 2002 (далее – *Зайцев*). С. 32.

[701] Там же. С. 36–37.

[702] Там же. С. 44.

[703] См.: *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 191; *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII в. С. 365–368.

[704] *Приселков М.Д.* Троицкая летопись / Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

С. 439. Цитированная фраза – часть фрагмента реконструкции, документированного выпиской Н.М.Карамзина из сгоревшей рукописи.

[705] *Шахматов А.А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП, 1900, № 9. С. 151.

[706] См.: *Прохоров Г.М.* «Летописец Великий Русьский»: Анализ его упоминания в Троицкой летописи // Летописи и хроники. М., 1976. С. 67–71.

[707] *Муравьева Л.Л.* Московское летописание второй половины XIV – начала XV века. М., 1991. С. 181.

[708] *Шахматов.* Отзыв. С. 129. Ср.: *Зайцев.* С. 36.

[709] Сопоставление текстов: *Зайцев.* С. 35.

[710] Здесь и далее см. тексты: ПКЦ. С. 9–10 и 22–23.

[711] Дубр. Л. 248. Аналогично – Арх. Л. 361об. и ПКЦ. С. 65.

[712] ПКЦ. С. 24.

[713] См.: ПКЦ. С. 25–26.

[714] Ср.: Дубр. Л. 255об.; Арх. Л. 368; ПКЦ. С. 22, 37, 76.

[715] *Конявская Е.Л.* Новгородская летопись XVI в. из собрания Т.Ф.Большакова // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 358.

[716] ПКЦ. С. 25.

[717] Дубр. Л. 255–255об. Ср.: Арх. Л. 368об.; ПКЦ. С. 37, 76.

[718] Дубр. Л. 255. Ср.: Арх. Л. 368–368об.

[719] Дубр. Л. 255об. Ср.: Арх. Л. 368об.; ПКЦ. С. 38. 76.

[720] С этой достаточно спорной, на мой взгляд, гипотезой связаны несколько периферийных тезисов В.А.Кучкина, в частности, не подкрепленное примерами утверждение, что «характерная черта "Летописной повести" в Софийской I летописи – постоянное упоминание при имени Дмитрия Ивановича его двоюродного брата князя Владимира Андреевича» (ПКЦ. С. 47).На самом деле эта черта характерна для Повести в Новгородской 1-й летописи, но не в Софийской. В последней таких упоминаний меньше даже, чем в Новгородской 4-й летописи. В обеих последних летописях, как правило, бывает назван один Дмитрий Иванович.

[721] *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV веков. С. 207.

[722] *Шахматов А.А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП, 1901, № 11. С. 65.

[723] ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002. С. 152.

[724] *Шахматов.* Отзыв. С. 141–143 и др.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БАН – Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ВМЧ – Великие Минеи Четии
ВОИДР – Временник Общества истории и древностей при Московском университете
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ИЗ – Исторические записки. М.
ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб.
ИпоРЯС – Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. Пг.
ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург)
КЛНВ – Краткий летописец новгородских владык
ЛАвр – Летопись Авраамки
ЛВР – Летописец Великий Русский
ЛЕП – Летописец епископа Павла
Н1Л – Новгородская 1-я летопись
Н2Л – Новгородская 2-я летопись
Н3Л – Новгородская 3-я летопись
Н4Л – Новгородская 4-я летопись
Н5Л – Новгородская 5-я летопись
НБЛ – Новгородская Большаковская летопись
НЗабЛ – Новгородская Забелинская летопись
НИЛ – Новгородская Иоакимовская летопись
НКЛ – Новгородская Карамзинская летопись
НЛД – Новгородская летопись Дубровского
НМ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НПогЛ – Новгородская Погодинская летопись
НСС – Новгородско-Софийский летописный свод

НУвЛ – Новгородская Уваровская летопись
ОИДР – Общество истории и древностей российских
ПДА – Санкт-Петербургская духовная академия
ПКЦ – Памятники Куликовского цикла / Ред. В.А.Кучкин. СПб., 1998
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РГБ – Российская государственная библиотека (б. «Ленинка», Москва)
РНБ – Российская Национальная библиотека (Санкт-Петербург)
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)
СОРЯС – Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб.
СПбИИ – Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук
С1Л – Софийская 1-я летопись
С2Л – Софийская 2-я летопись
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук
ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

Сокращения в указателе имен:

авт. – древнерусский автор,
архиеп. – архиепископ,
архим. – архимандрит,
библ. – библейский персонаж,
вел. – великий,
виз. – византийский,
вкл. – вкладчик,
влад. – владелец рукописи,
еп. – епископ,
имп. – император, императрица,
кн. – князь,
коллекц. – коллекционер,
кор. – король,
ктит. – ктитор,
лит. – литературный персонаж,
м. – монастырь,
митр. – митрополит,
моск. – московский,
новг. – новгородский,
(ош.) – (ошибочно),
патр. – патриарх,
польск. – польский,
пос. – посадник,
прип. – лицо, упомянутое в приписке к рукописи,
рос. – российский,
св. – святой,
тыс. – тысяцкий,
ц. – церковь,
эп. – эпический персонаж.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Аарон, пономарь 60
Август, римский имп. 35, 42
Авраамка, летописец 8, 10, 53, 193, 253, 266, 277
Агриппина, ктит. 247
Адвинда, эп. 24, 25, 227
Азбелев С.Н. 11, 12, 226, 230, 238, 245, 251–253, 256, 258, 260, 261
Александр I, имп. 243
Александр, вел. кн. литовский 74
Александр, ктит. 141, 142
Александр Македонский, царь 100
Александр, новг. еп. 239
Александровский А.Л. 259, 260
Александр Ошевенский, св. 160
Александр Пересвет, витязь 176, 212, 213, 263, 264
Александр Петров, иконописец 147
Александр Попович, витязь 244
Александр Свирский, св. 160–162
Александр Чоглоков, писец 108
Александр Ярославич Невский, св. вел. кн. 211, 247
Алексей Алексеевич, царевич 150
Алексей, ктит. 139
Алексей Михайлович, царь 84, 111, 115, 139, 149
Алексей, новг. архиеп. 149
Алексей Человек Божий, св. 49
Амвросий (А.А. Орнатский) 153, 155, 249, 251
Амелькин А.О. 260
Андреев В.Ф. 12
Андрей Александрович, кн. 146, 164
Андрей Гаврилов 144
Андрей, игумен Антониева м. 139
Андрей Квашнин, боярин 79
Андрей Климович, новг. пос. 147
Андрей Ольгердович, кн. полоцкий 175, 205–208, 258, 263
Андрей Первозванный, св. апостол 65
Андрей Серкизов 263, 264
Андрей Стратилат, св. 49, 108
Анна 146, 156
Анна Иоанновна, имп. 243
Анна, ктит. 139
Анна Оболенская, кн. 248
Ансифор, ктит. 139
Антоний Великий, св. 65
Антоний, еп. Тверской 65
Антоний, игумен Липенского м. 147
Антоний Печерский, св. 160
Антоний Римлянин, св. 139
Антоний Сийский, св. 160
Апраксин Ф.М., граф 117
Аристов Н.Я. 8
Аркадий, игумен Хутынского м. 250
Арциховский А.В. 12
Аскольд, кн. 32, 34, 39, 40, 42, 229
Афанасий (Офонас) Панкратьев, литейщик 250
Афанасий Степанович, ктит. 149
Афет. *См* Иафет (Афет), библ.
Ахмат, хан 71, 126

Б

Байер Г.С. 21
Байков Ф.И., посол 163
Бальзер 66, 232
Барсов Е.В. 89–93, 99, 123, 126, 127, 237, 243
Барсуков А.П. 229, 240
Батый, хан 68, 69
Бахмет Усеинович Мещерский, кн. 251
Беклемиш, сын Бахмета Мещерского 251
Белецкий Л.Т. 254

Беляев И.Д. 87, 88, 100, 157, 236, 253
Бередников Я.И. 94
Бережков Н.Г. 12
Бобров А.Г. 12, 53–56, 193, 231
Богданов А.П. 255
Богомил, жрец 27, 29, 227
Богословский Н.Н. 248, 249
Болховитинов Е.А. 239, 240
Большаков Т.Ф., коллекц. 86, 220, 225, 236, 265, 266
Борис Владимирович, св. кн. 50, 143, 239, 240
Борис Годунов, царь 111, 114, 250
Брячислав Изяславич, кн. 64
Буганов В.И. 12
Бугославский С.А. 10
Булин Х. (Bulin H.) 255
Буривой, кн. эп. 21
Бычков А.Ф. 88, 89, 94

В

Валк С.Н. 226, 227
Вандал, кн. эп. 24, 25
Варвара Игнатьева, новгородка 158
Варлаам, казначей Хутынского м. 250
Варлаам, келарь Хутынского м. 118, 250
Варлаам, новг. митр. 145, 250
Варлаам Хутынский, св. 94, 126, 139, 152, 250
Варлаам Ясинский, авт. 163
Варсонофья (Хлопова?), вкл. 250
Варфоломей, ктит. 139
Васенко П.Г. 245
Василий I Дмитриевич, вел. кн. моск. 65, 144
Василий II Васильевич Темный, вел. кн. моск. 78, 199, 222
Василий III Иванович, вел. кн. моск. 74–76, 84, 98, 146, 152, 161, 234
Василий Блаженный, св. 160
Василий Данилович, боярин 149
Василий Есипович, новг. пос. 144
Василий Иванов, литейщик 250
Василий Калика, новг. архиеп. 136, 141, 237
Василий, ктит. 247
Василий Шуйский, царь 111
Васильевский В.Г. 168, 255
Вассиан, ростовский еп. 61, 234
Вернадский Г.В. 23, 37, 227
Вильгельм Завоеватель, король 26
Витовт, вел. кн. литовский 205, 206, 222
Владимир Андреевич, кн. Серпуховский 185, 186, 201, 202, 204, 206, 216–219, 221, 222, 257, 265
Владимир Всеволодич Мономах, вел. кн. киевский 45, 189
Владимир Святославич, св. вел. кн. киевский 15, 21, 23, 26–28, 30–34, 44, 45, 105, 172, 188, 189, 225, 239
Владимир Ярославич, новг. кн. 17, 44, 45, 188, 189
Власий, св. 49, 253
Волконские, князья 212
Воробей, эп. 227
Воронцов М.Л. 122
Воронцов М.С. 86
Воронцовы, кн. 242, 251
Всеволод Мстиславич, новг. кн. 45–47, 139, 147, 148, 189–191, 238
Всеволод Ольгович, новг. кн. (ош.) 148
Вышегородцев В.И. 11, 31–36, 104, 227, 228
Вышеслав Владимирович, новг. кн. 44, 188
Вяземский П.П., кн. 119, 242

Г

Гавриил, ктит. 139
Гагин И.А. 229
Гардорик, кн. эп. 24
Гарифулин Ф.Ш. 11, 253
Гейденштейн Р., авт. 206, 262
Геласий, ктит. 139
Георгий, ктит. 97, 135, 139
Георгий, св. 253
Герман Валаамский, св. 160, 171, 172
Герман Воята, новг. летописец 7, 46–48, 51, 79, 191, 192, 278
Геродот, историк 25
Герострат 229
Гизель И., авт. 120
Гиляров Ф.Н. 99, 227, 238, 239
Гимон Т.В. 11, 47, 230
Гиппиус А.А. 11, 17, 46–50, 190, 191, 225, 230
Глаголев А.Г. 248
Глеб Борисович 69
Глеб Владимирович, св. кн. 50, 143, 239, 240
Голицын Д.М., кн., коллекц. 52

Голубинский Е.Е. 11, 19, 20, 226
Гольдберг А.Л. 11, 29, 30, 34, 227, 239
Гоняный М.И. 180
Гордиенко Э.А. 12
Горлин М. (Gorlin M.) 11, 20–23, 35, 226, 228
Горский А.А. 12, 201, 203, 240, 261, 262
Гостомысл, кн. 17, 19, 23, 25, 26, 28, 29, 35, 40, 44, 100, 166–171, 188, 228, 255, 256
Григорий, архиеп. Ростовский 51, 65, 192, 278
Григорий, ктит. Колмова м. 139
Григорий, ктит. Хутынского м. 139
Григорий Пельмшенский, св. 160
Григорий Холопищев 202
Григорович В.И. 22
Гринев Н.Н. 11, 191, 229
Гриценко В.П. 259
Гуман М.А. 260
Гумилев Л.Н. 36, 228
Гунигар(д), эп. 24
Гусев П.Л. 239, 244
Гуттorм, эп. 26

Д

Давид, новг. архиеп. 134, 139, 245
Даниил Александрович, кн. 100, 101, 131, 237
Данила Белоусов 257
Данилевич В.Е. 262
Данило Константинович (ош.) 257
Двуреченский О.В. 180, 259
Делагарди Я.П., шв. военачальник 239
Дергачева И.В. 138, 246
Детмар (Detmar), хронист из Любека 179, 259
Димитрий Солунский, св. 49, 152, 160, 177, 178, 254, 258, 277
Дионисий, игумен 47, 48
Дир, кн. 229
Длугош Я., авт. 32
Дмитриев А.А. 236
Дмитриева Р.П. 12, 18, 226, 228
Дмитриев Л.А. 12, 174, 245, 256, 257
Дмитрий, внук Ивана III 67, 75
Дмитрий Иванович Донской, св. вел. кн. Московский 139, 149, 174, 176–179, 184, 185, 197, 199, 201, 203, 204, 206, 207, 209, 211, 213, 216, 218, 219, 222, 223, 238, 245, 257, 258, 260, 263–265
Дмитрий Иванович Сырков, купец 98
Дмитрий Кроваңкович, ктит. 98
Дмитрий Минич 212, 263
Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский, воевода 185, 202
Дмитрий Монастырев 212, 263
Дмитрий Ольгердович, кн. Брянский 175, 206, 258
Дмитрий Прилуцкий, св. 161
Дмитрий Шемяка, кн. 199
Добромысл, кн. 168, 170, 256
Доброхотов. См. Павел, еп.
Добрыня, воевода 26, 27, 30, 36, 39, 102
Добрыня, новг. пос. 133, 244
Дубровский П.П., коллекц. 8, 10, 11, 59–63, 72–80, 82, 174, 194, 197, 200, 201, 216, 231, 232, 234, 235, 261, 265, 266, 278

Е

Евфимий II, новг. архиеп. 40, 51, 52, 93, 106, 108, 137, 152, 191, 192, 237
Евфимий, новг. митр. 113, 116
Евфимий Суздальский, св. 160
Едигей, темник Золотой Орды 218
Екатерина I, рос. имп. 243
Екатерина II, рос. имп. 243
Екатерина, ктит. 144
Елагин И.П. 229
Елена, дочь Ивана III 74
Елизавета Петровна, рос. имп. 228
Епифаний Премудрый, авт. 223
Еремин И.П. 134, 244, 245
Ермолай Васильев, литейщик 149, 150
Ермолин В.Д. 233, 263, 277
Ефанда, эп. 26
Ефим, кн. Мещерский 251
Ефрем, архиеп. Ростовский 52, 192, 278
Ефрем, ктит. 139
Ефрем Перекопский, св. 160
Ефросин Псковский, св. 160

Ж

Журавель А.В. 229

З

Забелин И.Е. 87, 99, 110–112, 116, 118–123, 126,

129–131, 135, 143, 150, 163, 165, 167, 168, 174, 195, 197, 241–243, 245, 248, 250, 253–256, 266, 277
Зайцев А.К. 216–219, 259, 260, 264, 265
Зиборов В.К. 11, 236, 253
Зимин А.А. 256
Зосима Соловецкий, св. 160

И

Иаков Боровицкий, св. 160, 161
Иаков Ростовский, еп. 161
Иаков, св. 46, 49, 191, 230, 277
Иафет (Афет), библ. 63, 66, 68, 104, 105
Иван III, вел. кн. Московский 67, 71, 74, 75, 78, 92, 146, 147, 150
Иван IV Васильевич Грозный, царь 83, 84, 111, 114, 124, 152
Иван Александрович 263
Иван Андреевич, кн. Боровский 238
Иван Афанасьев, литейщик 150
Иван Васильевич, кн. 65
Иван Иванович (ош.) 243
Иван Иванович, сын Ивана IV 152
Иван Иевлевич, ктит. 144
Иван Квашнин, боярин 79
Иван Репня-Оболенский, воевода 72
Иван Родионович Квашня, воевода 201–203, 262
Иван Федорович, вел. кн. Рязанский 222
Иван Федорович, кн. 264
Иван Федорович, сын. кн. Белозерского 263
Иван Юрьевич, кн. Тарусский 212, 264
Ивашко, посадник новоторжский 69
Игнатий Вологодский, св. 161
Игнатий, ктит. 233, 247
Игнатьев Р.Г. 158, 246, 253
Игорь Рюрикович, вел. кн. киевский 26, 28, 102
Игорь Святославич, кн. 14, 21, 261
Иеремия, библ. пророк 246
Изяслав Ярославич, кн. 66, 96
Иконников В.С. 10, 88, 112, 236, 241
Иловайский Д.И. 262
Ильин М.А. 238
Илья, брат архиеп. Иоанна 136
Иоаким 146
Иоаким, архим. 15, 22
Иоаким Иванов, литейщик 250
Иоаким Корсунянин, св. новг. еп. 7, 11, 14–19, 21, 22, 27, 39–42, 44, 46, 49, 107, 115, 116, 172, 173, 188, 225–227, 229, 237, 239, 241, 266, 277
Иоаким, митроп. новг., патр. моск. 15, 22, 89, 90, 92, 95, 96, 111–116, 195, 240, 241
Иоанн I (Илья), св. новг. архиеп. 41, 49, 57, 133, 136, 190
Иоанн II, новг. архиеп. 65, 134, 244, 245
Иоанн Алексеевич, царь 108, 109, 114, 115, 240
Иоанн, ктит. Хутынского м. 139
Иоанн Морозов, ктит. 247
Иоанн Попьян, новг. еп. 135
Иоанн Предтеча, св. 133, 150, 177
Иов, моск. патр. 250
Иов, новг. митр. 89, 112, 113, 116–118, 241
Иона, новг. архиеп. 88, 136, 154, 156, 252
Ирина, жена царя Федора Ивановича 152
Ирина, ктит. 139
Исаакий Пермский, св. 65
Исаия, игумен Юрьева м. 139, 147
Исаия, ктит. Антониева м. 139
Исаия Ростовский, св. 160, 161
Истрин В.М. 10, 225
Иулиания Тверская, св. 255

К

Калайдович К.Ф. 7, 244
Калачев Н.В. 226
Карамзин Н.М. 6, 7, 10, 18, 67, 145, 147, 148, 192, 231, 248, 249, 265, 266, 278
Каргер М.К. 12, 145, 147, 148, 248–250
Карл Великий, имп. 169
Каролинги, династия 170, 171
Квашнины, бояре 79, 80, 201–203
Кенугардр. *См. также* Гунигар(д), эп.
Киприан, ктит. 139
Киприан, новг. архиеп. 217, 218, 221, 248

Кириак, в синодике Антониева м. 139
Кириак, игумен Юрьева м. 139, 147
Кирилл Александрийский, св. 233
Кирилл-Константин, св. 163
Кирилл Новоезерский, св. 160–162
Кирпичников А.Н. 212, 264
Клейбер Б. (Kleiber B.) 11, 23–28, 31, 35, 227
Климент, новг. архиеп. 139, 146
Клосс Б.М. 12, 231, 233, 244, 256
Коваленко Г.М. 12
Козьма Терентьевич, тысяцкий 144
Колчин Б.А. 228
Кондаков Н.П. 153
Константин XI Палеолог, виз. имп. 137
Константин Дмитриевич, кн. Угличский 65
Константин Кононович 257
Константин, новг. пос. 98
Конча С.В. 229
Конявская Е.Л. 12, 86, 225, 236, 265
Корнилий Комельский, св. 160
Корнилий, новг. митр. 112–114, 116, 117, 120, 144, 241
Косиков А.Г. 260
Костомаров Н.И. 23, 37, 227
Котляр М.Ф. 228
Кранц А. (Kranz A.) 259
Краснянский Г.Д. 248
Красов И.И. 239
Крекшин П.Н. 114, 229, 241
Круг Ф. (Krug Ph.) 167, 255
Ксения, ктит. 247
Ксенофонт, ктит. 139
Кузнецов О.Ю. 183, 260
Кузьмин А.Г. 11, 33, 228, 262
Кузьмина Л.Ф. 256
Кукушкина М.В. 232
Кучкин В.А. 12, 213–216, 219, 256, 260, 262, 263, 265

Л

Лаврентий, авт. 63, 66–70, 73, 74, 80, 81, 88, 236, 277
Лаврентьев А.В. 11
Лавровский П.А. 7, 19, 20, 23, 36, 39, 224, 226
Ларин Б.А. 257
Лахерна, кн. 100
Лев Морозов 263, 264
Леонтий Ростовский, св. 160
Лжедмитрий I, царь 111
Линд Дж. 11
Линниченко И.А. 11, 19, 20, 226
Литавр, маршалок 76
Лихачев Д.С. 12, 45, 46, 59, 164, 189, 229, 232, 233, 243, 244, 248, 252, 254, 255
Лихуды, авт. 117, 118
Ломоносов М.В. 165, 255
Лука, ктит. 139
Лука, новг. еп. 17, 62, 189
Лурье Я.С. 12, 52, 54, 192, 193, 219, 231, 233, 234, 249, 261
Лустин Семен, авт. 163
Лызлов А., авт. 165
Людат Х. (Ludat H.) 255
Людовик Благочестивый, имп. франков 171
Людовик Немецкий, кор. 168, 171, 256

М

Мавродин В.В. 173, 256
Мазон А. 21
Мазурин Ф.Ф., коллекц. 92, 93, 237
Макарий (Булгаков), митр. 256
Макарий (Н.К.Миролюбов) 49, 50, 78, 139, 140, 145, 146, 149–151, 169, 177, 194, 224, 230, 241, 246–251, 253–255, 258
Макарий, новг. архиеп., моск. митр. 78, 146, 247, 248, 261
Макина М.А. 11
Максим, ктит. 120, 139
Мал, кн. 26
Малуша, дочь кн. Мала 26
Мальфрид, жена кн. Владимира 23, 26
Мамай, ордынский темник 8, 120, 126, 162, 174–177, 179, 184, 186, 197–199, 202, 204, 205, 208–211, 213–215, 219, 220, 224, 256–258, 260–264
Мануил Комнин, виз. имп. 81
Мария Ильинична, жена царя Алексея Михайловича 149
Мария, ктит. 106, 149
Марков А.В. 203, 205, 244, 262
Мартирий, новг. архиеп. 98, 140
Матвей Михайлов, авт. 79
Мацулевич Л.А. 239
Мелхиседек, архим. 15, 21, 22, 34, 35, 228

Меншиков А.Д. 117
Меркурий Смоленский св. 160, 163, 254
Мефодий, летописец 78, 79, 80, 235
Мешко, польск. кн. 229
Мещерский Н.А. 12
Микула Васильевич, сын тысяцкого 213, 263, 264
Милютенко Н.И. 12
Мина, св. 65
Миронег (Михаил), новг. тыс. 247
Мирон Тимофеевич Хлопов, вкл. 150, 250
Митрофан, еп. Суздальский 65
Михаил Александрович, вел. кн. Тверской 238
Михаил Бренков 202, 263, 264
Михаил Иванович Окинфович 263, 264
Михаил Клопский, св. 88, 136, 160, 245
Михаил, ктит Хутынского м. 139
Михаил, ктит. ц. Вознесения 247
Михаил, митр. Киевский 31, 40, 228
Михаил Моисеевич 69
Михайловский Н.М., коллекц. 257
Михаил, св. архангел 65, 137
Михаил, сын Андрея Ольгердовича 206
Михаил Федорович, царь 84, 111, 152
Моисеева Г.Н. 165, 255
Моргайло В.М. 29, 227
Морозов А.Ю. 259
Мосох, библ. 120
Мстислав Владимирович, новг. кн. 45, 135, 147, 148, 189, 249
Мстислав Владимирович Храбрый, кн. тмутараканский 96
Мстислав Иванович, кн. Тарусский 212, 263, 264
Мстислав, кн. 69
Муравьева Л.Л. 218, 265
Муравьев М.В. 246
Муравьев Н.Н. 7, 247

Н

Назаренко А.В. 37
Насонов А.Н. 6, 10, 11, 78, 79, 86, 165, 201, 202, 217, 224, 232, 235, 236, 243, 244, 252, 253, 255, 262, 264
Невоструев К.И. 240
Некрасов И.С. 88, 236
Нектан, лит. 105
Нестор, летописец 15, 24, 25, 233, 255
Никандр Пустынножитель, св. 160
Никита Васильевич Оболенский, кн. 248
Никита [Готский], св. 49, 254, 277
Никита, новг. еп. 97, 98, 160
Никитин В.А. 12
Никитский А.И. 226
Никифор, ктит. 139
Никола Васильевич, вкл. 147
Никола Заразский, св. 163
Николай Чудотворец, св. 49, 65, 135, 139, 141, 149, 245, 246
Никольский Н.К. 10, 18
Никон Маковицкий, св. 160
Никон, патр. моск. 160, 162, 277
Нифонт, новг. еп. 46, 190
Новикова О.Л. 11, 86, 235, 236
Ной, библ. 102, 104, 105

О

Оболенский А.П. 67
Олег, вел. кн. киевский 26, 28, 40
Олег Иванович, вел. кн. Рязанский 175, 203–206, 213, 222, 257
Олоний Щил, ктит. 134, 244, 245
Ольга, св. княгиня 32–34, 126
Ольгерд, вел. кн. литовский 175, 257, 258
Ольгердовичи, князья 202, 257, 258, 263
Осиновский П.Н. 139, 246, 247
Ослябя, витязь 176
Охотникова В.И. 12

П

Павел I, рос. имп. 243
Павел (Доброхотов П.Н.), еп. Олонецкий 10, 53, 193, 266, 277
Павел, св. апостол 49, 241, 253
Павел Тимофеевич Хлопов, вкл. 150, 250
Панченко А.М. 36, 37, 228
Пафнутий Боровский, св. 160
Перевощиков В.М. 7
Передольский В.С. 247
Перфецкий Е.Ю. 10, 224
Петр I, рос. имп. 108, 109, 114, 115, 117, 228, 229,

240, 243
Петр, зодчий 147, 248
Петр, митр. моск. 164
Петр Невежин, вкл. 146
Петров А.Е. 12, 185, 260
Петр Репня-Оболенский, воевода 72
Петр, св. апостол 49, 241, 253
Петухов Е.В. 138, 246
Пимен, ктит. 139
Пимен, митроп. моск. 177
Пимен, новг. архиеп. 147, 150
Питирим, патр. моск. 240, 241
Платон (Лёвшин), патр. моск. 171–173
Погодин М.П. 7, 52, 53, 62, 71, 72, 84, 87, 90, 91, 93, 99, 101, 123–126, 128, 129, 155, 197, 224, 237, 238, 242, 243, 251, 256, 258, 266, 278
Подскальски Г. 225
Помяловский М.И. 10, 88, 224, 236
Попов А.Н. 99, 227, 238, 255
Порфиридов Н.Г. 12, 250
Порфирий, ктит. 139
Пресняков А.Е. 10, 224
Приселков М.Д. 10, 33, 51, 67, 191, 217, 221, 225, 228, 230, 233, 264, 265
Прозоровский Д.И. 7, 224, 235, 247
Прокопий Кесарийский, виз. историк 33
Прохоров Г.М. 12, 54, 55, 56, 193, 218, 231, 265
Пруденций, хронист 168
Путята, воевода 30, 36, 39, 227

Р

Рагнхильда, эп. 26
Ратшин А.А. 148, 249
Ржига В.Ф. 256
Родислав Данилович, ктит. 141, 142, 143
Розов Н.Н. 246
Роман, болгарский царь 33
Романова О.В. 11
Романовы, династия 166
Румянцев Н.П. 91
Рюрик, новг. кн. 19, 21, 26, 28, 34, 35, 42, 45, 67, 100, 102, 166–169, 189, 227
Рюриковичи, династия 35, 166

С

Сабуровы, бояре 67, 75, 76
Савва Вишерский, св. 160, 249
Савва Звенигородский, св. 160
Савватий, игумен м. Николы Белого 139
Савватий Соловецкий, св. 65, 160
Салмина М.А. 261
Сахаров А.Н. 32, 33, 228
Сахаров И.П. 241, 254
Свердлов М.Б. 38
Святополк Владимирович, вел. кн. киевский 15, 32–34, 39, 40, 62
Святослав Игоревич, вел. кн. киевский 20, 32–34, 38–40, 62, 228
Севериан, св. 146
Селезнев Ю.В. 260
Семен Васильевич Беклемишев, воевода 71
Семен Мелик, боярин 184, 263, 264
Семен Михайлович 263, 264
Семенов А.И. 12, 250
Сенигов И.П. 8, 18, 89, 224, 226, 237
Серапион, новг. архиеп. 161
Сербина К.Н. 259
Сергий, архиеп. 82
Сергий Валаамский, св. 160, 171, 172
Сергий Обнорский, св. 160
Сергий Радонежский, св. 161, 184, 217
Сильвестр I, папа 137
Сим, библ. 105
Симеон Богоприимец, св. 154–156, 252
Симеон, болгарский царь 33
Симеон Борисович, новгородец 157
Симеон Иванович, вел. кн. моск. 140, 141
Симеон, ктит. 247
Симеонов Никифор, справщик Печатного двора 179, 199, 209–214, 219, 220, 263
Симеон (Сампсон), новг. архиеп. 65
Скрипиль М.О. 257
Скрынников Р.Г. 260
Скрынченко Д.В. 236
Смирнова Э.С. 250, 251
Смирнов П.С. 240
Соловей, эп. 29, 227
Соловьев С.М. 7, 19, 23, 37, 187, 226, 227, 260
Соломония Юрьевна, жена вел. кн. Василия III Ивановича 75
София, дочь царя Алексея Михайловича 114, 115
София Палеолог, жена вел.

кн. Ивана III Васильевича 71
Спиридон, новг. архиеп. 157, 253
Спиридон-Савва, авт. 35
Срезневский И.И. 7, 181, 235, 259
Стефан Баторий, польск. кор. 206
Стефан Пермский, св. 160
Стоян, эп. 227
Строганов П. 226
Строев П.М. 52, 90, 94 95, 113, 116–118, 241, 252
Стрыйковский М., польск. историк 33
Сулакадзев А.И. 129, 243

Т

Тарасий, ктит. 139
Тарасий, лит. 237
Татищев В.Н. 7, 14–25, 27–31, 33, 34, 37, 38, 42, 89, 99, 102–104, 165, 224–229, 237, 239
Творогов О.В. 18, 226, 229
Терентий, ктит. 247
Тиандер К. 23
Тимберлейк А. (Timberlake A.) 11, 50, 51, 230
Тимофей Андреевич Хлопов, вкл. 250
Тимофей Васильевич Волуй, боярин 213, 263, 264
Тимофей, еп. Сарский 65
Тимофей Константинович Микулин 176
Тимофей, летописец 7, 79
Тимофей Тяполков, дьяк 144
Титов А.А., археолог, палеограф 91, 92, 124, 127, 128, 131, 237, 243, 257, 258
Тихомиров И.А. 8, 224, 233
Тихомиров М.Н. 11, 12, 28, 30, 33, 118, 174, 228, 241, 242, 254, 256
Тихомиров П.И. 248
Толочко А.П. 37, 38, 228, 229
Толстой М.В., граф 248, 255
Толстой Ф.А., граф 52, 90, 94, 116–118
Тохтамыш, хан 203, 204, 215, 218, 263
Трифон Коробейников, путешественник 163
Троицкий И.И. 264
Троцкий И.М. 10, 224, 230

У

Уваров С.С., граф 61–63, 78, 84, 121, 123, 126, 129, 131, 134, 146, 156, 172, 173, 194, 224, 230, 233, 234, 236, 243, 245, 246, 248, 250, 252, 254, 258, 267, 278
Угоняй, эп. 227
Улиания, ктит. 247
Улу-Ахмет, царь 162
Умила, эп. 35, 228
Ундольский В.М. 124, 127, 128, 243
Устин, ктит. 141–143

Ф

Фалек, библ. 105
Федор Алексеевич, царь 114, 122
Федор Иванович, кн. Тарусский 212, 263, 264
Федор Иванович, царевич 111, 126, 145, 152, 243
Федор Романович, кн. Белозерский 263, 264
Федор Ростовский, св. 160
Федор Сабур, воин 202
Федор Стратилат, св. 88
Федот Никифоров, подъячий 144
Феогност, моск. митр. 141
Феодор, ктитор 247
Феодор Стратилат, св. 49
Феодор Тирон, св. 49
Феодосий, новг. архиеп. 78, 80, 146
Феодосий, новг. митр. 113, 144
Феодосий Яновский, новг. архиеп. 113
Феодосия, жена царевича Ивана Ивановича 152
Феофан Грек, живописец 145, 148, 149, 248
Феофил, св., архиеп. новг. 82
Филарет (Гумилевский Д.Г.), св., архиеп. Черниговский 7, 89, 116, 237
Филипп, ктит. 141, 142
Филипп, св. апостол 139–141, 143, 146, 149, 247
Флоренский К.П. 260
Фоломеев Б.А. 260
Фоменко А.Т. 179
Фомина Т.Ю. 11, 225
Фомин Н.К. 259
Фотий, моск. митр. 51, 54, 55, 57, 64, 144, 192, 221, 222, 231, 277
Фролов П.К., коллекц. 52
Фридманн Б. (Friedmann B.) 255, 256
Фрице В.Х. (Fritze W.H.) 255
Фульдский анналист 256

Х

Халоха, кн. 100
Хам, библ. 105

Харальд Хорфагр, эп. 26
Хотинский Н.А. 260

Ц
Царский И.Н., коллекц. 60, 61, 63, 65–67, 70–73, 78, 80, 234, 278

Ч
Чеботарев А. 259
Чедраг, кн. 168
Черепнин Л.В. 11, 22, 118, 162, 226, 241, 242, 254
Чертков А.Д. 123, 125, 242, 256–258
Чистович И.А. 241

Ш
Шавырин В.Н. 259
Шамбинаго С.К. 8, 11, 22, 30, 89, 90, 93, 94, 98–105, 111, 112, 116, 174, 199, 202, 205, 209, 211–213, 215, 216, 221, 224, 226, 237–239, 241, 256–258, 261–264
Шахматов А.А. 4–6, 8–13, 15–18, 20, 26, 33, 37, 39, 40, 43–56, 58–61, 67, 71–78, 188–195, 200, 203, 207, 209, 213–216, 218, 219, 221–226, 229–235, 253, 255, 256, 261–265, 279
Шеков А.В. 212, 264
Шереметев Б.П., граф 117
Шибаев М.А. 12, 55, 56, 193, 231
Шилов А.А. 11
Шлёцер А.-Л. 167, 255
Шляпкин И.А. 246, 248

Щ
Щапов Я.Н. 12
Щербатов М.М., кн. 7
Щукин П.И., коллекц. 91, 92, 237, 249

Ю
Юрий Анцифорович, ктит. 65
Юрий Всеволодович, кн. 68
Юрий Дмитриевич, кн. 65, 207, 222

Я
Ягайло, вел. кн. литовский 184, 186, 205–208, 210, 211
Яким Влункович 69
Яков Иванович Зензин 176
Яковлев В.В. 11, 12, 242, 243, 245, 249, 250
Янин В.Л. 11, 12, 30–32, 36, 37, 47, 48, 50, 51, 137, 169, 191, 227–230, 246, 255, 256
Яниш Н.Н. 8, 89, 224, 236
Ярополк Владимирович, вел. кн. киевский 15, 32–34, 62
Ярополк Святославич, вел. кн. киевский 39, 40
Ярослав Владимирович Мудрый, вел. кн. киевский 17, 39, 40, 44, 45, 96, 97, 107, 188–191, 225

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ЛЕТОПИСЕЙ

Владычная летопись Новгорода
Воскресенская летопись
Древнейший Киевский свод 1039 г.
Ермолинская летопись
Краткий летописец новгородских владык
Лаврентьевская летопись
Летописец Великий Русский
Летописец епископа Павла
Летописец Новгородского Софийского собора
Летописец Новгородского Лисицкого монастыря
Летописец Псково-Печерского монастыря
Летописец церкви Двенадцати Апостолов
Летописец Черносырской пустыни
Летописный свод 1408 г.
Летописный свод 1650 г.
Летописный свод 1652 г.
Летописный свод, доведенный до 1491 г.
Летописный свод (Полихрон) митрополита Фотия
Летопись Авраамки
Летопись Михалицкого (Молотковского) монастыря
Летопись Николо-Дворищенского собора
Летопись церкви св. Дмитрия Солунского
Летопись церкви св. Иакова
Летопись церкви св. Никиты
Львовская летопись
Московский свод 1500–1505 гг.
Начальный свод 1093 г.
Никоновская летопись
Новгородская Большаковская летопись
Новгородская вторая летопись

Новгородская Забелинская летопись
Новгородская Иоакимовская летопись
Новгородская Карамзинская летопись
Новгородская летопись Дубровского (свод 1539 г.): список Дубровского, архивский список
Новгородская первая летопись: старший извод (Синодальный список); младший извод
Новгородская Погодинская летопись: первоначальная редакция, сокращенная редакция, краткая редакция
Новгородская пятая летопись
ее Хронографический список
Новгородская третья летопись: пространная редакция, ее краткая редакция
Новгородская Уваровская летопись
Новгородская четвертая летопись
Новгородско-Псковская летопись
Новгородский княжеский свод 1110-х годов
Новгородский летописный свод 1050 г.
Новгородский летописный свод 1033 г.
Новгородский летописный свод 1167 г.
Новгородский свод Германа Вояты
Новгородско-Софийский свод 1430-х гг. («свод 1448 г.»)
Отрывок летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку
Повесть временных лет
Повесть летописная о Куликовской битве, ее сокращенная редакция: краткая Московская редакция; краткая Новгородская редакция
Радзивиловский список
Рогожский летописец
Ростовский свод архиепископа Григория
Ростовский свод архиепископа Ефрема
Русский Хронограф
Симеоновская летопись
Софийская вторая летопись
Софийская первая летопись; список Царского
Софийский временник
Троицкая летопись
Юрьевский летописный свод

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Алексей Александрович Шахматов. 5(17).VII.1864–16.VIII.1920 5

Древнейшее новгородское летописание согласно А.А.Шахматову 41

Летописные своды Новгорода XII–XV веков и связанные с ними летописи 57

Летописные своды Новгорода XVI века и их главные источники 85

Летописные своды Новгорода XVII века, их редакции, виды и группы списков 130

Азбелев Сергей Николаевич

ЛЕТОПИСАНИЕ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

Летописи XI–XVII веков как памятники культуры и как исторические источники

Научное издание

Утверждено к печати:
президент НП ИД «Русская панорама»
Ю.В.Яшнев

Выпускающий редактор *И.А.Настенко*
Технический редактор *О.Е.Пугачева*

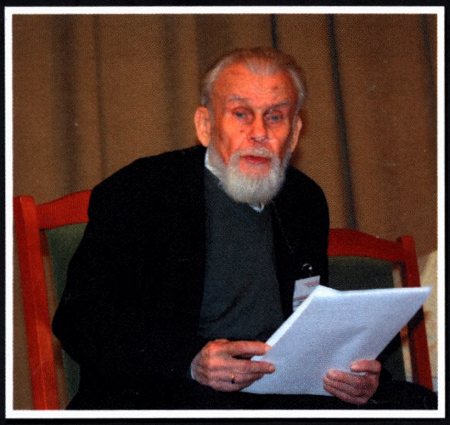
Художественное оформление,
макет ООО «СПСЛ»

НП ИД «Русская панорама», ООО «СПСЛ»: 127254, Москва, ул. Руставели, д. 14, стр. 9, оф. 26, 27. Тел.: +7 985 928 2755, +7 919 999 7715.
E-mail: in@rus-pan.ru, op.rus-pan@yandex.ru; www.rus-pan.ru

ЗАО «Русско-Балтийский Информационный Центр «БЛИЦ»:
191024, Санкт-Петербург, ул. Полтавская, д. 14, лит. А, пом. 1Н.
Тел.: +7 921 413 06 55 и +7 950 015 53 92.
E-mail: kiak5@mail.ru и info@blitz-store.ru
www.blitz-store.ru

Подписано к печати 26.12.2016. Формат 70 x100/16. Гарн. Petersburg.
Ролевая струйная печать. Печ. л. 17,5. Усл. печ. л. 22,69. Бумага офсетная № 1. Тираж 500 экз. Зак. 3626

Отпечатано с предоставленных pdf-файлов в АО «Первая Образцовая типография» филиал «Чеховский печатный двор».
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сергей Николаевич Азбелев род. в 1926 г. в Ленинграде. Пережив ленинградскую блокаду, с 17 лет воевал на Ленинградском фронте. Был награждён орденом Отечественной войны, а также медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и др. В 1955 г. с отличием окончил исторический факультет Ленинградского университета. В течение полувека проработал в Институте русской литературы Академии наук, где и поныне является членом Диссертационного совета как доктор филологических наук и профессор. До недавнего времени он преподавал на кафедре отечественной истории в Новгородском университете им. Ярослава Мудрого. С. Н. Азбелеву принадлежат более 450 опубликованных научных работ, среди которых 16 книг. Специалистам хорошо известны его монографии «Новгородские летописи XVII века» (1960), «Историзм былин и специфика фольклора» (1982), «Устная история Великого Новгорода» (2006), «Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли» (2007), «Куликовская победа в народной памяти» (2011). Для массового читателя С. Н. Азбелев осуществил комментированные издания былин, народных исторических песен и преданий. Как историк и как фольклорист он постоянно выступает с докладами на всероссийских конференциях и на международных конгрессах. Был участником ряда научных экспедиций по сбору фольклора на Русском Севере и в Сибири, трудился на археологических раскопках в Великом Новгороде. Им подготовлены и опубликованы с комментариями ранее неизданные записи былин, а также труды крупнейших русских эпосоведов Ф. И. Буслаева, В. Ф. Миллера, А. В. Маркова и др. Сквозными темами основныхтрудов самого С. Н. Азбелева начиная с 1960-х гг. являются исследования русских летописей и былин, изучение культуры Древнего Новгорода и Куликовской битвы.

ISBN 978-93165-367-9